

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Гавриленко Н.С. Преобразование традиционной системы исламского права в период Османского халифата..... 4

Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Организационный этап приватизации в Смоленской области (конец 1991 – начало 1992 года) 9

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абдиримов А.Ф., Озмаян Ю.З. Нормативное определение категории субсидиарной ответственности как института гражданского права 17

Бауэр Д.В. Основания уступки права требования по обязательству..... 20

Еременко Д.Е. Развитие правового регулирования возмещения убытков в случае признания сделки недействительной 24

Зацепин М.Н., Зацепин А.М., Глушкова Е.М. Кризисный тип экономической преступности 28

Кибакин М.В., Чернов В.В., Мельничук Г.Б. Нормативное определение показателей мониторинга оценки устойчивости регионального развития..... 36

Кирсанов А.Н., Попович А.А. Обеспечение баланса интересов сторон в области применения технических средств защиты авторских прав 40

Еременко Д.Е. Формирование института взыскания в доход государства имущества, полученного по недействительной сделке, нарушающей правопорядок 47

Князева Н.А., Третьякова Н.А. Особенности правового регулирования искусственного интеллекта в Индонезии и Малайзии..... 53

Куприянов А.С. Правовые инструменты осуществления контроля трансфертного ценообразования в сфере налогового, таможенного и антимонопольного регулирования..... 58

Матанцев Д.А. Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью 63

Кибакин М.В., Прохорова И.Г., Чернов В.В. Правовое регулирование проведения рискологического анализа как компонента системы оценки устойчивости регионального развития 67

Матвеева Е.Ю. Исторический генезис конструкции публичного договора 72

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2022

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Разов П.В., Штанова К.А., Прохорова И.Г.</i> Внедрение научных разработок в положения регламентов, определяющих оценку уровня регионального развития: институциональные аспекты.....	81
<i>Ратникова В.И., Стрельникова Н.В., Стрельников И.А., Стрельникова М.И.</i> Правовое регулирование ввоза лекарственных средств в Россию в условиях интеграционных процессов в ЕАЭС.....	85
<i>Лоторев Е.Н., Тимошенко М.П., Полищук С.В., Сурай Н.М.</i> Конституционно-правовые механизмы защиты права частной собственности.....	90
<i>Разов П.В., Вольф К.В., Дроконова К.Е.</i> Нормативно-правовые основы обоснования перечня показателей системы оценки устойчивого регионального развития в Российской Федерации.....	95

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

<i>Богомолов А.Н., Асташов М.А.</i> Некоторые правоприменительные проблемы при определении предмета неправомерного оборота средств платежей.....	98
<i>Бархо В.Ю.</i> К вопросу об уголовной ответственности в исполнительном производстве (на примере ст. 157 УК РФ).....	101
<i>Жуйкова А.А.</i> Институт судебной экспертизы по интеллектуальным спорам: основные проблемы функционирования.....	105
<i>Козырев С.И.</i> Информационные технологии в деятельности ФСИН в эпоху цифровизации.....	110
<i>Крюков А.В.</i> К вопросу об обоснованности квалификации преступлений по ст. 126 УК РФ.....	113
<i>Марков А.Д.</i> Уголовно-процессуальное регулирование принудительного проникновения в жилое помещение при производстве обыска.....	117
<i>Мартынова С.В.</i> Практические предпосылки необходимости совершенствования нормативной основы деятельности кассационных судов общей юрисдикции.....	120
<i>Третьяков Р.В.</i> Необходимость доказывания ущерба при рассмотрении корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной.....	124
<i>Чичерин Ю.С., Федюкина А.А.</i> Оперативно-розыскная и процессуальная деятельность органов внутренних дел как правовое средство воздействия на преступность.....	128

<i>Хаджиев Б.Х.</i> Нормативное определение понятия и критериев злостности неисполнения судебных актов.....	132
<i>Оксамытный В.В., Цветикова Т.В.</i> Роль прокуратуры РФ в формировании актуальной правовой культуры государства.....	138
<i>Шананин В.А.</i> Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике.....	143

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Муру Р.Н., Поваляев А.А.</i> Актуальные правовые аспекты обеспечения экологической безопасности российской Арктики.....	148
<i>Жудро Н.Г.</i> Представительство и защита государственных интересов прокуратурами зарубежных стран в международных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах.....	153
<i>Табуева М.Ю.</i> Становление и развитие международно-правовых двусторонних отношений между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией.....	159

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Матвеева Е.Ю.</i> Государственный контракт в оценке отечественной дореволюционной цивилистики.....	163
<i>Орехова Н.Л.</i> Оценка регулирующего и фактического воздействия нормативных правовых актов: международный опыт и перспективы в России.....	169
<i>Сташина Ю.С., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н., Смагин А.А., Чинарян Е.О.</i> Актуальные вопросы методики преподавания уголовно-правовых дисциплин на юридическом факультете.....	176
<i>Черных Н.А., Краснослободцева Е.А., Кулешов Г.Н., Чинарян Е.О., Чижикова В.В.</i> Механизм обязательного страхования работника на случай банкротства работодателя.....	182
<i>Голованова Е.И., Ермаков Е.Г., Шингарева Н.В.</i> Организационно-правовые основы деятельности сельской полиции в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.....	186

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Gavrilenko N.S.</i> The transformation of the traditional system of Islamic law during the period of the Ottoman Caliphate	4
<i>Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.</i> Organizational stage of privatization in the Smolensk region (late 1991- early 1992)	9

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Abdirimov A.F., Ozmanyany Yu.Z.</i> Normative definition of the category of subsidiary liability as an institution of civil law	17
<i>Bauer D.V.</i> Grounds for assignment of a claim to an obligation	20
<i>Eremenko D.E.</i> Development of legal regulation of damages in case of recognition of the transaction as invalid.....	24
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.</i> The crisis type of economic Crime.....	28
<i>Kibakin M.V., Chernov V.V., Melnichuk G.B.</i> Normative definition of monitoring indicators for assessing the sustainability of regional development	36
<i>Kirsanov A.N., Popovich A.A.</i> Ensuring a balance of the parties' interests in the field of technological measures of copyright protection application	40
<i>Eremenko D.E.</i> Formation of the institution of collection of property received under an invalid transaction that violates the rule of law to the state's income	47
<i>Knyazeva N.A., Tretyakova N.A.</i> Features of the legal regulation of artificial intelligence in Indonesia and Malaysia.....	53
<i>Kupriyanov A.S.</i> Legal instruments for public control of transfer pricing in the field of tax, customs and antimonopoly regulation.....	58
<i>Matantsev D.A.</i> Dynamics of a tort obligation from causing harm to life and health	63
<i>Kibakin M.V., Prokhorova I.G., Chernov V.V.</i> Legal regulation of risk analysis as a component of the regional development sustainability assessment system.....	67
<i>Matveeva E.Yu.</i> The Historical Genesis of the Construction of the Public Contract	72
<i>Razov P.V., Shtanova K.A., Prokhorova I.G.</i> Introduction of scientific developments into the provisions of the regulations that determine the assessment of the level of regional development: institutional aspects.....	81
<i>Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Strelnikov I.A., Strelnikova M.I.</i> Legal regulation of the import of medicines into Russia in the context of integration processes in the EAEU....	85
<i>Lotorev E.N., Timoshenko M.P., Polishchuk S.V., Suray N.M.</i> Constitutional and legal mechanisms for protection of the rights of private property	90
<i>Razov P.V., Wolf K.V., Drokonova K.E.</i> Regulatory and legal bases for substantiating the list of indicators of the system for assessing sustainable regional development in the Russian Federation	95

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Bogomolov A.N., Astashov M.A.</i> Some law enforcement problems in determining the subject of illegal turnover of payment funds	98
--	----

<i>Barkho V. Yu.</i> On the issue of criminal liability in enforcement proceedings (on the example of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation)	101
<i>Zhuikova A.A.</i> Institute of Forensic Examination on Intellectual Disputes: the main problems of functioning	105
<i>Kozyrev S.I.</i> Information technologies in the activities of the Federal Penitentiary Service in the era of digitalization	110
<i>Kryukov A.W.</i> To the question of the validity of the qualification of crimes under article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation	113
<i>Markov A.D.</i> Criminal procedural regulation of forced entry into a dwelling during a search	117
<i>Martynova S.V.</i> Practical prerequisites for the need to improve the regulatory foundation for the activity of the courts of cassation of general jurisdiction	120
<i>Tretyakov R.V.</i> The necessity to prove damage when considering a corporate dispute on the recognition of a major transaction as invalid	124
<i>Chicherin Yu.S., Fedyukina A. Yu.</i> Operational-investigative and procedural activities of internal affairs bodies as a legal means of influencing crime.....	128
<i>Khadjiev B.K.</i> Normative definition of the concept and criteria of maliciousness of non-execution of judicial acts	132
<i>Oxamytny V.V., Tsvetikova T.V.</i> The role of the prosecutor's office of the Russian federation in the formation of the current legal culture of the state.....	138
<i>Shananin V.A.</i> Application of artificial intelligence systems in judicial practice.....	143

OVERSEAS EXPERIENCE. INTERNATIONAL LAW

<i>Muru R.N., Povaliaev A.A.</i> Current legal aspects of ensuring the environmental safety of the Russian Arctic.....	148
<i>Zhudro N.G.</i> Representation and protection of state interests by the prosecutor's offices of foreign countries in international bodies, foreign and international (interstate) courts.....	153
<i>Tabueva M. Yu.</i> Formation and development of international legal bilateral relations between the Republic of South Ossetia and Russian Federation.....	159

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Matveeva E. Yu.</i> State contract in the assessment of domestic pre-revolutionary civil law.....	163
<i>Orekhova N.L.</i> Assessment of the regulatory and actual impact of regulatory legal acts: international experience and prospects in Russia	169
<i>Stashina Ju.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Smagin A.A., Chinaryan E.O.</i> Topical issues of teaching methods of criminal law disciplines at the Faculty of Law	176
<i>Chernykh N.A., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.O., Chizhikova V.V.</i> Protection of labor rights of employees in case of insolvency (bankruptcy) of their employer.....	182
<i>Golovanova E.I., Ermakov E.G., Shingareva N.V.</i> Organizational and legal bases of rural police activity in the Russian Empire in the XVIII – first half of the XIX c.	186

Преобразование традиционной системы исламского права в период Османского халифата

Гавриленко Никита Сергеевич,

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий
управления и экономики
E-mail: gavrkita@gmail.com

Статья посвящена анализу истории развития исламского права в период Османского халифата. Рассмотрены ключевые периоды становления и преобразования исламской традиционно-религиозной правовой системы. Приведены основные факторы и предпосылки, послужившие основами развития правовой системы Османского халифата. Подчеркнуто, что исламская правовая мысль формировалась под влиянием высоких темпов территориального роста, присоединения провинций, экономико-политических и социальных вызовов, религиозных учений и трактатов. Выявлено, что в основу исламской правовой системы в период Османского халифата положены правовые нормы из таких источников, как Коран, Сунна, мнения и взгляды сподвижников пророка Мухаммеда, частные случаи, местные традиции и практики разрешения правовых споров по аналогии. Определено, что закон во всей правовой системе гармонично дополнял имеющиеся религиозные нормы, согласованно действовал в интересах сохранения религиозных догм и одновременного развития государства. Хотя некоторые проявления издаваемых султанских законов (Канун-наме) и могут рассматриваться как умаление норм шариата, в большинстве своем они нацелены на устранение разрыва между объективной необходимостью в наличии закона и института права, а также обеспечение целостности существующего государства. Установлено, что последним этапом развития исламского права в период Османского халифата выступила кодификация действующих Канун-наме в Маджаллу. Это позволило структурировать и объединить существующую правовую систему, упорядочить законы в соответствии с религиозными традициями.

Ключевые слова: исламское право, Османский халифат, Канун-наме, законы шариата, Маджалла, паша.

Генезис исламского права берет истоки своего развития, начиная с VII в.н.э., продолжаясь преобразовываться и на сегодняшний день. Одним из самых длительных периодов развития исламской правовой системы является эпоха Османского халифата, длящаяся на протяжении практически пятисот лет (начиная с конца XIII в. по первую половину XX в.), заложившая основу современной исламской правовой системы. Актуальность рассмотрения процессов становления и развития исламской правовой системы в период Османского халифата диктуется малой изученностью представленной области с точки зрения соотношения процессов развития арабской государственности и эволюции правовой системы, становления четырех самостоятельных направлений – правовых школ, диктующих собственные особенности толкования норм шариата в законодательной практике и преобразившихся в единую систему исламского права. По мнению Л. Сюкияйен, период активного становления исламской правовой системы совпадает с временем становления общей концепции государственной власти, большая часть которой сложилась именно в период, относимый к истории Османского халифата [8].

Р.К. Адыгамов в своем исследовании верно замечает, что становление султаната стало следствием произошедшего в начале XIII в. распада Византийского государства, приобрело успешный характер во многом благодаря возможностям быстрого расширения территориальных границ, в которых был сформирован Османский халифат [1]. К концу XIII века под государственностью Османа, саны правителя Эртогула, Сельджукский султанат (позднее одноименно названный Османским под предводительством объединенных территорий, присвоенных в результате многовекового расширения, побед и присоединения провинций) приобрел собственную независимость и самостоятельность. В последующем, до XIV века расширял территориальные границы, подчинял себе морские побережья, провинции (бейлики) некогда величественного Сельджукского султаната [8]. На протяжении всего этого периода не происходило активного развития исламских правовых школ, не наблюдалось кардинальных новшеств или нововведений.

Начиная с середины XIV века, Османскому халифату удалось подчинить себе государства Бал-

канского полуострова, окончательно выдворить монголов с территории Ирана, а также установить новую правовую модель, основанную на формировании крупнейших административных единиц и входящих в них округов, в которых назначали собственных верховных правителей (пашей), осуществлявших единоличное издание местного законодательства, в общей системе вписывающегося в установленные законы шариата [10]. В результате последующих государственных преобразований, к середине XV века Османский халифат стал одним из наиболее могущественных государств мира, присвоивших территории Византии, Константинополя, а также установивших религиозные исламские нормы и ценности на достаточно обширных территориях, оказавших особое влияние на страны Восточной Европы, Азии. Однако важно также уточнить, что несмотря на все могущество и военно-политические силы, законодательство на территории Османского халифата не имело принудительного исламского религиозного характера, рассматривалось как три независимые судебные системы, каждая из которых была направлена на представителей различных религий. По мнению Э. Ихсаноглу, это является одной из ключевых особенностей всей исламской правовой системы, сформированной в период Османского халифата [3]. Производимое деление граждан на категорию мусульман и не мусульман предполагало соответствующее применение правовых норм, установление особого правового статуса каждой из категорий. Кроме того, граждане, не являющиеся мусульманами, подразделялись на постоянно проживающих на территории Османского халифата и на временно посещающих – для них также устанавливались собственные нормы и принципы права.

Значительное расширение территорий, а также увеличение внешнего оказываемого давления, влияние факторов интенсивного экономического роста, возникновения споров и разночтений в области трактовки и применения норм шариата на уровне пашей стали одними из ключевых предпосылок, обосновавших необходимость трансформации исламской правовой системы, формирования государственного законодательства, действующего на протяжении XV–XVIII веков.

Активное становление единого государственного законодательства, как подчеркивает А.С. Федина, пришлось на период XV века, когда в основу правовой системы Османского халифата был положен ханифитский толк, ранее относимый к одному из направлений действующих самостоятельно правовых школ [10]. Специфические особенности исламского права через призму взглядов ханифитов можно рассматривать как сочетание правовых норм из таких источников, как Коран, Сунна, мнения и взгляды сподвижников пророка Мухаммеда, частные случаи, местные традиции и практики разрешения правовых споров по аналогии (когда решение в правовом процессе принимается с учетом других решений).

Немаловажно также подчеркнуть и факт того, что несмотря на принятие одного из толкований, общая система политико-правовой мысли Османского халифата имела четко обусловленный и неизменный традиционно-религиозный характер, строящийся на объединении законов Корана, Хадиса, уже имеющихся практик разрешения правовых вопросов (Кияса), мнения авторитетных лиц (Иджима), а также их специфического сочетания с территориальными особенностями, закладываемыми и учитываемыми в законотворчестве под правлением со стороны пашей.

Важно отметить, что исламское право, как и религиозное мировоззрение, пронизывало весь быт жизни людей того времени, неразрывно переплетаясь с законами шариата, образуя систему институтов, норм и отраслей, прямо диктующих нормативные основы жизнедеятельности человека. Всеобъемлющий характер является одним из ключевых отражений исламской правовой системы, влияющей на всех без исключения людей; при этом, например, содержащиеся в религиозных догмах нормы уголовного права рассматривались через призму нарушения религиозных ценностей, порядка, за что судьи привлекали преступника к юридической ответственности. Иначе говоря, с точки зрения религии, незаконнослушный человек подвергался Божественному наказанию; с позиции права, выступал как преступник перед судом, отвечающий на собственные деяния с учетом действующих как религиозных, так и мирских законов.

Возвращаясь к началу XV века, в период которого главенствующую роль в развитии исламского права Османского халифата приняла школа ханифитов, важно отметить, что на протяжении последующего столетия произойдет формирование первых законодательных положений, трактуемых на уровне ранее упомянутых пашей и действующих на территории бейлики. Вопросы правосудия и законодательности в этот период строились на подчинении пашейям, формировались из системы издаваемых ими законов. Более того, с точки зрения рассмотрения норм шариата, по мнению Л.Р. Сюкияйена, подобная система власти достаточно эффективно сочеталась с религиозными традициями, в том числе предполагая подчинение даже безрассудному и несправедливому правителю. И хотя автор верно замечает, что шариатом больше приветствуется единоличное и централизованное истолкование норм, подобная практика не шла в разрез с законами шариата, и, следовательно, могла легитимно существовать на территории Османского халифата [7].

Особую схожесть формирующаяся правовая система приобрела с феодальным правом, которое было соотнесено с законами шариата и сформировано в виде собственной системы норм «Канун-наме», раскрывающих административные, финансовые и уголовные аспекты преступлений, рассматривающих налогообложение в виде податей, актуализирующих вопросы земельных споров. Тем не менее, сохранялась система местного

законоведения, строящаяся по принципу единого разъяснительного Кануна, направленного на разрешение тех вопросов, которые не были затронуты в законах шариата и общепринятых нормах (частные случаи). По мнению Л.Р. Сюкияйнена, подобная система в какой-то мере умаляла роль шариата, что рассматривается автором как свободное толкование обобщенной религиозной мысли, поиск новых смыслов в уже существующих традиционных устоях [9].

Однако, по мнению А.С. Феединой, подобные преобразования были значимой необходимостью, определяющейся с позиции развития огромного и многонационального государства, централизации власти, а также дополнения религиозных ценностей правовыми, формирования неразрывной связи между законом и религией, при которой создавалась новая система, соответствующая вызовам современного времени [10]. Содержание первой Канун-наме строилось на основании трех глав, каждая из которых раскрывала статус должностных лиц внутри законодательной системы, ранги и круг полномочий; специфические особенности производимых церемониальных процедур; вопросы правоприменения норм и принципов уголовного права. Важно заметить, что каждый из действующих султанов вносил собственный вклад в состояние утвержденных Канун-наме, изменяя отдельные элементы содержания, уточняя или раскрывая новые особенности в области исламского права.

Так, например, при правлении султана Селима I (в период с 1512 по 1520 гг.), была изменена структура глав Канун-наме, строящаяся на переводе фокуса с рассмотрения должностных лиц, статусов и специфических особенностей церемониальных процедур на более правовой характер: раскрытие уголовного, административного и налогового права, вопросов применения телесных наказаний, действия казней, а также многих других элементов исламской правовой системы того периода [4]. Так, каждый из законодателей по-своему расширял исламское право, углублял его. При этом все еще сохранялись территориальные особенности использования существующих практик, что создавало достаточно сложную систему норм права, действующих в период жизни утвердившего их султана. Смерть султана и, соответственно, смена правителя каждый раз ознаменовала грядущие изменения в законодательстве, пересмотр тех или иных норм исламского права. В результате, если рассматривать Канун-наме различных периодов, можно проследить четкое усложнение и расширение их содержательных аспектов согласно принципам преемственности.

Спустя еще сто лет, в XVI веке произойдет издание наиболее значимого свода законов из области земельного, налогового и финансового права, объединенных султаном Сулейманом Великолепным в виде «Турецкого Титульного Кануна», раскрывающего более сложные основы исламской правовой системы. Несмотря на это, действующий свод законов (вне зависимости от периода) не всегда

согласовывался с принципами и нормами шариата, что актуализировало необходимость сбора издаваемых законов в общую систему, приведения их к единым трактовкам в целях исключения разночтений при одновременном сохранении согласованности с религиозной традицией. В связи с этим в период Танзимата будут приняты важнейшие реформы, полностью изменившие внутренний уклад правовой системы Османского халифата, централизуя власть пашей на основании принятия и обобщения уже существующих норм шариата в единый фундаментальный свод законов, Маджаллу.

В исследовании Л.Т. Гайсина и А.Д. Нуриева Маджалла рассматривается как аналогия гражданского кодекса, построенного с учетом законов шариата. Причем переход на новые кодифицированные нормы и принципы исламского права стал результатом объединения и согласования множества действующих, в том числе и противоречивых законов [2].

Реформирование законодательной системы было осуществлено под влиянием целой системы факторов, как внешних, так и внутренних. Ключевую роль в них приобрели именно внутренние факторы, строящиеся на главенстве традиций и обычаев, авторитете определенных лиц в рамках региона (люди, обладающие мудростью). Однако состав данных аспектов был достаточно изменчив и неустойчив. Потому трактовать традиции и обычаи было сложно, и в большинстве своем невозможно ввиду постепенной утраты их актуальности и перехода в новые формы и проявления. Ко всему прочему, принятый и действующий до момента ввода Маджаллы свод пашейских Канунов в большинстве своем строился на принципах ханафизма, также отстававшего по своим специфическим особенностям от современной государственной потребности [2].

В результате эти и многие другие факторы актуализировали необходимость принятия Маджаллы в качестве единой системы законодательных актов, впервые приобретшей системный и комплексный характер, раскрывающей свыше 1800 статей, заключенных в шестнадцати книгах. Сформированный свод законов – гражданский кодекс – стал основой, обосновывающей такие вопросы, как торговля, предпринимательство, аренда, устные договорные отношения, труд, создание организаций. Причем рассматривались все эти процессы в неразрывной связи с традиционными ценностями Османского халифата, с учетом норм и законов шариата.

Особое внимание в рамках рассмотрения Маджаллы стоит уделить вопросам уголовного права, поскольку они в значительной степени имели ряд концептуальных сходств и отличий. Во-первых, видовая классификация преступлений имела единый характер, совпадала между институтом права и институтом религии [5]. Во-вторых, наказания за эти преступления в значительной степени рознились, согласно исламскому праву, были намного мягче, нежели в религиозных трактатах. В-третьих,

преступность рассматривалась через призму как религиозных ценностей, так и нормативно правовых. Если в случае религиозных, преступлением считалось полное совпадение деяний с запретами, установленными Кораном или Сунной, то для законодательных формировалось исключительно из установленных султанских приказов, а также Канун-наме. При этом сами преступления классифицировались также и по степени тяжести; причем в каждом из делений формировались собственные границы наименьшего и наибольшего преступления. На первом месте стояло насилие, на втором – нарушение предписаний священных текстов, на третьем – все оставшиеся виды преступлений, регулируемые на уровне законов и не затрагивающиеся в религиозных текстах. Последнее основание формировало альтернативы выдвигаемых судебных решений, позволяло применять иные формы наказаний, не прописанные в религиозных законах [6].

Важно также заметить, что в рамках единого свода законов (Маджаллы) незатронутыми остались вопросы регулирования внутрисемейных отношений, вопросы расторжения брака, а также механизмы наследования – это объясняется высокой фундаментальностью данных понятий и традиций для исламского права, как истоков развития всего исламского общества. Подобный подход к детализации исламских правовых норм в очередной раз показывает трепетное отношение к традициям и чтимостью имеющихся исторически обусловленных практик. Традиции в Османском халифате оставались неизменной основой исламской правовой системы, мусульманского пространства в целом, являлись сакральными и неприкосновенными.

Таким образом, по результатам проведенного анализа истории развития исламского права в период Османского халифата удалось установить, что:

1. Исламское право прошло сложный путь развития и преобразования, усложнения, расширения правоприменительных практик. Основные скачки его развития неразрывно связаны с происходящими государственными изменениями, политико-экономическими и социальными процессами. Например, смена правящего султана предполагала принятие новой системы законов (Канун-наме), что зачастую приводило к расширению правовых основ взаимодействия, рассмотрению более широкого числа частных случаев применения законов. Под влиянием исторических факторов развития государства постепенно происходил уход от частных правовых практик пашей, приводящих к разночтениям норм шариата, к единому своду уравненных между собой и кодифицированных законов (Маджалла). Тем не менее, неизменными оставались вопросы института семьи, наследства, расторжения брака, что отражало высокую значимость существующих религиозных традиций, их влияния на правовую систему.
2. Правовая система Османского халифата существовала неразрывно от религиозных тради-

ций, целиком основываясь на фундаментальных основах мусульманских вероучений. Ключевыми источниками права являлись: Коран, Сунны, а также прочие элементы исламской правовой системы, подчерпнутые из ханифитской правовой школы: частные случаи применения права, местные традиции и обычаи, мнения авторитетных граждан, согласно которым выдвигались решения в области правовых вопросов, наказаний за преступления и др. Несмотря на это, закон и вера были условно разграничены, что проявлялось в использовании более мягких форм наказания в ряде случаев; наличии отдельных правовых институтов для разрешения споров, действующих для мусульман, а также проживающих или временно находящихся на территории Османского халифата христиан. В отношении каждой группы действовали собственные законы и правила; отсутствовало навязывание религиозных норм и ценностей представителям другой культуры. Закон во всей правовой системе гармонично дополнял имеющиеся религиозные нормы, согласованно действовал в интересах сохранения религиозных догм и одновременного развития государства. Хотя некоторые проявления издаваемых законов и могут рассматриваться как умаление норм шариата, в большинстве своем они нацелены на устранение разрыва между объективной необходимостью в наличии закона и института права, а также обеспечении целостности существующего государства.

3. В связи с необходимостью учета многоуровневой системы интересов, правовая система строилась в виде трехнаправленной иерархии, рассматривающей преступления и нарушения через посягание на личность, нарушение предписаний священных текстов, а также прочих правовых основ, регулируемых на уровне законов и не затрагивающихся в религиозных текстах (от налогов в виде системы податей, до вопросов создания коммерческих или некоммерческих организаций). Причем последнее основание формировало альтернативы выдвигаемых судебных решений, позволяло применять иные формы наказаний, не прописанные в религиозных законах, могло послужить основой разночтений норм шариата. Тем не менее, принятие единой Маджалла позволило структурировать и объединить существующую правовую систему Канун-наме, упорядочить их в соответствии с религиозными традициями.

Все это показывает, что исламское право в период Османского халифата претерпело множественные изменения, подстраиваясь под текущие социально-политические и экономические реалии существования государства.

Литература

1. Адыгамов Р.К. Исламское право в Османской империи // Политематический сетевой элек-

тронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 132. С. 1–23.

2. Гайсина Л.Т., Нуриев А.Д. «Маджалла» в истории мусульманского права // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 12. С. 121–126.
3. История Османского государства, общества и цивилизации: в 2-т. /под ред. Э. Ихсаноглу; Исслед. центр исламской истории, искусства и культуры (IRCICA) пер. В.Б. Феоновой, под ред. М.С. Мейера. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1. 602 с.
4. Книга законов султана Селима I / Публ. текста, пер., коммент. А.С. Тверитиновой. М., 1969.
5. Насыров И.Р. «Ибн-халдунизм» в Османской интеллектуальной традиции (XVI–XX вв.) // Философский журнал. 2016. № 3. С. 106–120.
6. Сюкияйнен Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 50–80.
7. Сюкияйнен Л.Р. Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Россия и мусульманский мир. 2017. № 9 (303). С. 87–104.
8. Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль об исламском государстве и халифате // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 185–205.
9. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 97–109.
10. Федина А.С., Егоров К.Б. История становления мусульманской правовой системы // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studis Historica Juvenum. 2011. № 1 (7). С. 117–121.

THE TRANSFORMATION OF THE TRADITIONAL SYSTEM OF ISLAMIC LAW DURING THE PERIOD OF THE OTTOMAN CALIPHATE

Gavrilenko N.S.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article is devoted to the analysis of the history of the development of Islamic law during the Ottoman Caliphate. The key periods

of formation and transformation of the Islamic traditional religious legal system are considered. The main factors and prerequisites that served as the basis for the development of the legal system of the Ottoman Caliphate are given. It is emphasized that Islamic legal thought was formed under the influence of high rates of territorial growth, the annexation of provinces, economic, political and social challenges, religious teachings and treatises. It is revealed that the Islamic legal system during the Ottoman Caliphate was based on legal norms from sources such as the Koran, the Sunnah, the opinions and views of the companions of the Prophet Muhammad, special cases, local traditions and practices of resolving legal disputes by analogy. It is determined that the law in the entire legal system harmoniously complemented the existing religious norms, acted in concert in the interests of preserving religious dogmas and the simultaneous development of the state. Although some manifestations of the Sultan's laws issued (Kanun-nameh) can be considered as belittling the norms of sharia, for the most part they are aimed at eliminating the gap between the objective need for the existence of law and the institution of law, as well as ensuring the integrity of the existing state. It is established that the last stage of the development of Islamic law during the Ottoman Caliphate was the codification of the existing Kanun-nama in Majalla. This made it possible to structure and unify the existing legal system, to streamline laws in accordance with religious traditions.

Keywords: Islamic law, Ottoman Caliphate, Kanun-nameh, Sharia law, Majalla, Pasha.

References

1. Adygamov R.K. Islamic law in the Ottoman Empire // Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2017. No. 132. pp. 1–23.
2. Gaisina L.T., Nuriev A.D. "Majalla" in the history of Muslim law // Bulletin of Vyatka State University. 2014. No. 12. pp. 121–126.
3. History of the Ottoman state, society and civilization: in 2 volumes /ed. by E. Ihsanoglu; Research. The Center of Islamic History, Art and Culture (IRCICA) per. V.B. Feonova, edited by M.S. Meyer. M.: East lit., 2006. Vol.1. 602 p.
4. The book of laws of Sultan Selim I / Text Publ., trans., comment. A.S. Tveritinova. M., 1969.
5. Nasyrov I.R. "Ibn-khaldunism" in the Ottoman intellectual tradition (XVI–XX centuries.) // Philosophical Journal. 2016. No. 3. pp. 106–120.
6. Syukiyainen L.R. General principles of Fiqh as a reflection of the legal features of Islamic law // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 3. pp. 50–80.
7. Syukiyainen L.R. The Islamic concept of the Caliphate: initial principles and modern interpretation // Russia and the Muslim World. 2017. No. 9 (303). pp. 87–104.
8. Syukiyainen L.R. Islamic legal thought about the Islamic state and the caliphate // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2016. No. 3. pp. 185–205.
9. Syukiyainen L.R. Islamic law in the legal systems of Muslim countries: from doctrine to legislation // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2008. No. 2. pp. 97–109.
10. Fedina A.S., Egorov K.B. The history of the formation of the Muslim legal system // Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduates of the Faculty of History of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series: Studis Historica Juvenum. 2011. No. 1 (7). pp. 117–121.

Организационный этап приватизации в Смоленской области (конец 1991 – начало 1992 года)

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Купченко Константин Владимирович,

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии.
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич,

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации,
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

Ягнешко Михаил Владимирович,

к.э.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: yagneshkom@gmail.com

В статье анализируются архивные документы и статистические данные, правовые документы начала приватизации на примере Смоленской области. В 1991 г. Российская Федерация становится самостоятельным государством с демократическим правительством во главе. Необходимостью на тот момент стало незамедлительное принятие принципиальных направлений экономических реформ. Российское правительство выбрало модель радикальных экономических преобразований, позволяющих, как тогда предполагалось, создать в течение 1,5–2 лет основы рыночной экономики. Избранная модель предусматривала реализацию целого ряда мероприятий, но центральным звеном реформ стала приватизация. На материалах Смоленской области, авторы исследуют динамику, результаты и противоречия начального или как его называют «организационного» этапа приватизации. Опыт полученный в ходе приватизации на данном этапе позволил выявить правовые, организационные управленческие ошибки, допущенные авторами реформ. В последующих этапах приватизации учтут опыт начального этапа, что приведёт к значительным изменениям и в правовом регулировании данного вопроса.

Ключевые слова: коммерциализация, приватизация, программа приватизации, организационный этап приватизации, итоги приватизации, Смоленская область.

К началу 1992 года в Российской Федерации были созданы основы законодательства и организационные предпосылки, позволяющие приступить к преобразованию отношений собственности. Смоленская область вошла в число регионов, активно включившихся в процесс приватизации с самого его начала. Уже в конце 1991 года в регионе приступили к коммерциализации ряда отраслей. Основной задачей коммерциализации, как следовало из Указа Президента РФ от 25 ноября 1991 г. N232 «О коммерциализации деятельности предприятий торговли в РСФСР», Указа Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. N240 «О коммерциализации деятельности предприятий бытового обслуживания населения в РСФСР» и соответствующего Постановления Главы администрации Смоленской области от 18.12.1991 № 46, было создание условий для развития конкуренции в сфере торговли, общественного питания и улучшения обеспечения населения товарами народного потребления и услугами. Фактически задачей коммерциализации являлось изменение организационной и управленческой структуры сферы услуг, позволяющее ускорить последующую приватизацию. В Смоленской области в ходе коммерциализации, в частности предполагалось:

- реорганизовать государственные (муниципальные) предприятия и организации розничной торговли и общественного питания независимо от ведомственной принадлежности путем выделения из их состава в установленном порядке структурных единиц (магазинов, мелкорозничной сети, общедоступных столовых, кафе, ресторанов и других) и предоставления указанным структурным единицам прав юридического лица;
- в сфере общественного питания выделить из состава объединений структурные составляющие – парикмахерские, ателье, химчистки, фотографии и наделить их статусом юридического лица;
- несмотря на реорганизацию, сохранить перечень оказываемых населению услуг, а в случае нарушений, принимать к нарушителям меры вплоть до ликвидации;
- особое внимание уделить поставке продукции и услуг в сельской местности;
- в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 18.07.1991 г. № 406 «О мерах по поддержке и развитию малых предприятий в РСФСР» сохранить на 1992 год для возникших малых и других предприятий бытового обслуживания населения установленное

в 1991 году льготное налогообложение прибыли в размере 5%.

Коммерциализация существенно изменила организационную и управленческую структуру отраслей. До ноября 1991 г. государственная торговля была представлена управлением торговли, включавшим: 11 торгов, 15 торговых объединений, в структуру которых входило 490 структурных единиц без права юридического лица, торгово-закупочную базу, ремонтно-строительное управление, комбинат торговой рекламы, проектно-сметное бюро, бюро торговых экспертиз. Общественное питание возглавляло областное управление, которому подчинялись 31 комбинат общественного питания с правом юридического лица, объединявшим 222 подразделения (столовые, кафе, рестораны и т.п.), торгово-закупочная база, ремонтно-строительное управление. Из двух управлений в ноябре 1991 г. создали департамент торговли, объединивший все структурные подразделения двух управлений, торги и торговые объединения упраздняются. Цели создания департамента определялись особенностями переходного этапа от государственной торговли к частной. В его функции входило распределение фондовых товаров, стимулирование рыночных преобразований, подготовка кадров и т.п. Процесс коммерциализации протекал достаточно быстро, к концу июня 1992 г. в торговле было образовано 385 юридических лиц, в общественном питании – 86. В этом же месяце Глава администрации Смоленской области Постановлением от 08.06.1992 г. № 122 ликвидировал департамент торговли, а его функции перешли к областному торговому дому. Выделившиеся структурные подразделения осуществляли свою деятельность самостоятельно посредством заключения прямых договоров с оптовыми базами.

Управленческая структура сферы услуг выглядела аналогично. На верхнем уровне располагалось территориально-производственное управление бытового обслуживания, которому подчинялись 26 районных управлений бытового обслуживания и 14 областных объединений с правом юридического лица, в состав последних входило 520 структурных подразделений. Территориально-производственное объединение в результате коммерциализации преобразовалось в акционерное общество «Гамаюн» [5] с функциями снабжения и обеспечения спецоборудованием, инвентарем, сырьем предприятий бытового обслуживания ставших самостоятельными в ходе коммерциализации.

Оптовая торговля в регионе к моменту начала реформ была представлена 11 оптовыми специализированными базами, подчинявшимися республиканским объединениям и Министерству торговли Российской Федерации. Две снабженческие базы Главснаба и Облснаба включали в себя семь юридических лиц. Эти базы преобразовались в торгово-коммерческое предприятие «Смоленск» и Областной торговый дом.

Проведенная компания коммерциализации позволила разрушить существовавший механизм

управления, выделить из состава областных объединений структурные подразделения и наделить их статусом юридического лица с правом самостоятельного осуществления предпринимательской деятельности. Сектор сферы услуг к апрелю-маю 1992 г. был подготовлен к приватизации – по состоянию на 1 апреля в целом по области зарегистрировали 599 новых юридических лиц (на начало года их насчитывалось 97). Однако процесс коммерциализации продолжался с началом приватизации, к концу 1992 г. коммерциализации подверглись 705 предприятий. В том числе в торговле 441, общественном питании 102, бытовом обслуживании 162.

Нужно отметить, что подходы к приватизации, разработанные правительством РФ в условиях радикальной трансформации экономической системы от плановой к рыночной, вследствие отсутствия в России опыта приватизации, разработанного и апробированного механизма передачи государственной собственности в частные руки, учитывающего специфику сложившихся социально-экономических связей, навыков формирования нормативно-правовой базы регулирующей приватизацию, неоднозначности предлагаемых подходов, на местах вызвали довольно резкую критику. Например, 26 февраля 1992 года состоялось пленарное заседание 10 сессии Смоленского областного Совета народных депутатов, на которой в числе прочих вопросов обсуждались принципиальные положения программы приватизации. На заседании развернулась дискуссия по поводу целей и методов приватизации. Представители депутатского корпуса считали, что в процессе приватизации должны соблюдаться региональные и местные интересы, сохраняться социальная инфраструктура. Так, много споров возникло по поводу проведения конкурсов. Подписанный президентом РФ Указ № 66 от 29.01.1992 г. фактически исключил проведение некоммерческих конкурсов, т.е. конкурсов, в которых главным определяющим фактором при приватизации социально значимых объектов была бы не только цена объекта [1, ст. 2.9], но и при необходимости другие условия. Как отмечалось «по нынешнему действующему указу конкурс практически превращается в аукцион» [6, с. 103].

Возникли претензии к порядку приватизации предприятий, арендованных трудовыми коллективами. Государственной программой приватизации выкуп арендованного имущества разрешался только для тех коллективов, которые имели договора аренды с правом выкупа до ввода в действие закона о приватизации, тем самым ограничивались права работников на участие в приватизации и соответственно нарушался принцип социальной справедливости.

Председатель Смоленского областного Совета народных депутатов Мамонтов Л.В. отмечал сложный и многоаспектный характер приватизации: «проблема это весьма сложная и вопросы приватизации нужно не оптом решать, а решать нужно с каждым отдельным коллективом. Смотреть, что за здание, что за сооружение, что за лю-

ди, даже какие взаимоотношения в этом коллективе. Это очень сложно. И равнять, предположим, предположим, больницу со школой, с предприятием, со строительной организацией... В одни рамки они не войдут. И так быстро это не сделается. Поэтому сейчас я бы просил вас, здесь принципиальный подход: дать приоритетное право трудовым коллективам. Вот смысл всего подхода и выхода в этом» [6, с. 109]. Принципиально иной подход продемонстрировали представители исполнительных органов власти. Так, руководитель Фонда государственного имущества Смоленской области буквально заявил следующее «я считаю, у нас ненормальное состояние общества, когда все желают быть собственниками, все хотят участвовать в приватизации» [6, с. 103]. Своей главной задачей они видели выполнение программы приватизации и реализацию действующего законодательства.

По итогам обсуждения программы приватизации областной Совет народных депутатов принял решение «О предложениях по изменению государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» [3, с. 38–39], в котором содержались предложения по изменению целей, способов приватизации принципов распределения, поступающих от продажи государственного имущества средств. Данный документ включал ряд взвешенных предложений по совершенствованию процесса приватизации, придания ему экономически и социально обоснованного характера. Как отмечалось в решении, целью приватизации не может быть увеличение доходов бюджетов всех уровней. В первую очередь приватизация должна быть направлена на формирование рыночной, конкурентной среды. Государственная программа не должна вводить целевые показатели и обязательные задания по приватизации. Это влечет за собой формализацию процесса приватизации, придание ей административного характера. Каждое предприятие отличается определенными особенностями, связанными с отраслевыми особенностями, состоянием производственной базы, производственно-финансовой эффективности, сложившимися традициями управления, взаимоотношениями в коллективе. Поэтому преобразование отношений собственности необходимо проводить с учетом этих индивидуальных особенностей на каждом предприятии. Весьма рациональным представляется предложение Смоленского областного Совета народных депутатов о приватизации в первую очередь убыточных объектов государственной собственности в виде объектов незавершенного строительства, неиспользуемых и бесхозных объектов, убыточных предприятий. Распределение и использование средств которые будут поступать от приватизации предлагалось осуществлять под контролем представительных органов власти. Деньги, вырученные от продажи государственного имущества, следовало, по мнению депутатов «направлять на специальные счета соответствующих Советов народных депутатов». Использование средств должно иметь

строгий целевой характер и расходоваться на целевые программы развития экономики социальную защиту населения, осуществление природоохранных мероприятий.

Особое внимание к процессу проведения очередных экономических реформ объяснялось тем, что Смоленская область располагала существенным производственным потенциалом. К моменту начала приватизации на территории области располагалось 6955 предприятий со стоимостью основных фондов 12,2 млрд руб. (таблица 1), в том числе производственного назначения 8,0 млрд руб., непроизводственного 4,2 млрд руб. Количество занятых в экономике региона на конец 1991 года составляло 581,8 тыс. человек [9]. К началу 90-х годов в Смоленской области сформировалась экономика, основу которой составляла промышленность, производящая почти половину национального дохода, доля второй по значению отрасли – сельского хозяйства была ниже в три раза, сферы услуг – более чем в два [8, с. 48].

Таблица 1. Количество предприятий и организаций по отраслям народного хозяйства Смоленской области (на 01.01 1991 г.)

Отрасли	Количество предприятий, ед.	Основные фонды, млн руб.	Число занятых в среднем за год, тыс. чел.
Промышленность	333	5517,7	187,0
Строительство	227	494,4	68,5
Сельское хозяйство	480	2502,1	97,2
Транспорт и дорожное хозяйство	55	729,9	33,7
Связь	41	165,0	8,7
Торговля, общественное питание, мат. тех. снабжение и сбыт заготовки,	5285	443,0	42,7
Прочие отрасли материального производства	5	74,1	10,6
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	98	2588,8	22,4
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	186	169,8	31,4
Наука и научное обслуживание	40	40,7	6,9
Образование, культура и искусство	181	410,0	56,8
Прочие непроизводственные отрасли	25	91,8	13,8
ВСЕГО	6955	13227,3	581,8

Формально в Смоленской области началом процесса приватизации можно считать Постановление Главы администрации Смоленской области от 17.02.1992 года № 46 «О преобразовании Департамента экономики при Главе администрации Смоленской области в Комитет по управлению государственным имуществом Смоленской области». Данное преобразование нельзя расценить равнозначно. С одной стороны, область сразу же получила аппарат, состоящий из квалифицированных, дисциплинированных работников, хорошо знающих экономику отраслей, состояние отдельных предприятий и их руководство, что в перспективе позволило бы осуществить приватизацию с учетом региональной и отраслевой специфики. В то же время, упразднение планово-экономического управления лишило руководство области органа, способного систематически отслеживать и анализировать состояние экономики в регионе и на этой основе определять действенную экономическую политику.

Комитеты по управлению имуществом создавались во всех районах и городах области. Их численность составила от 2 до 16 человек. В ряде районов, таких как Кардымовский, Краснинский, Ельнинский, Ершичский, Холм-Жирковский, Шумячский возникли проблемы с комплектованием квалифицированными кадрами. Более 50% комитетов не имели в штате юристов. Во всех районах созданы отраслевые комиссии по приватизации муниципальных предприятий (от 1 до 9).

Эффективное осуществление приватизации предусматривает раздел собственности в соответствии с компетенцией органов власти. Постановлением Правительства РФ № 110 от 20 февраля 1992 года «О передаче государственных предприятий, организаций и учреждений, а также иного государственного имущества в государственную собственность Смоленской области» [2] региону были переданы 622 предприятия со статусом юридического лица, с входящими в них структурными подразделениями, и стоимостью имущества в 2,6 млрд руб.

На основании нормативных документов, регулирующих приватизацию, в Смоленской области приступили к формированию региональной программы приватизации. В разработке программы принимали участие комитет по управлению государственным имуществом Смоленской области, отраслевые комитеты и ведомства, региональные органы власти, учитывалось мнение местных органов власти. Задания по приватизации устанавливались постановлениями главы администрации Смоленской области. Так, порядок приватизации в сфере лесного комплекса устанавливался Постановлением Главы Администрации Смоленской области от 09.03.1992 № 64, в сфере агропромышленного комплекса Постановлением Главы Администрации Смоленской области от 09.03.1992 № 57, в сфере жилищно-коммунального хозяйства Постановлением Главы Администрации Смоленской области от 09.03.1992 № 68, в строительном

комплексе Постановлением Главы Администрации Смоленской области от 09.03.1992 № 69 и т.д.

Таблица 2. Обязательные задания целевые показатели для городов и районов Смоленской области приватизации по приватизации различных отраслей на 1992 год

Наименование	Обязательное задание по приватизации	
	% от общего числа предприятий	млн руб.
I этап (I–III кварталы 1992 г.)		
Предприятия оптовой и розничной торговли, общественного питания в том числе		
магазины	60	85
оптовые базы	50	20
предприятия общепита	50	45
Предприятия бытового обслуживания	60	35
Государственные сельскохозяйственные предприятия	60	5
Законсервированные объекты и объекты незавершенного строительства	30% от общей стоимости незавершенного строительства	
II Этап (начиная со второго полугодия 1992 г.)		
Автотранспортные и авторемонтные предприятия	60	30
Строительные предприятия	50	91
Предприятия промышленности строительных материалов	40	70
Мелкие (численностью до 200 работающих) предприятия пищевой промышленности	50	160
Мелкие (численностью до 200 работающих) предприятия легкой промышленности	60	200
Всего		780

Решением XI сессии Смоленского областного Совета народных депутатов XXI созыва от 4 апреля 1992 г. «Об утверждении перечня юридических лиц, государственное имущество которых включено в программу приватизации в 1992 году» и «О передаче государственных предприятий, организаций и учреждений, а также государственного имущества, находящегося в пользовании негосударственных юридических лиц в муниципальную собственность районов, городов Смоленска и Десногорска» в собственность городов Смоленска, Десногорска и районов области передано 224 юридических лица со стоимостью имущества 1,2 млрд рублей. На этой основе была сформирована и утверждена областная программа прива-

тизации [7, с. 5–19]. Программой устанавливалось задание по приватизации в разрезе отдельных отраслей. Таким образом, программа приватизации на 1992 год получила законодательное закрепление на региональном уровне.

Количественные показатели по приватизации выглядели следующим образом (таблица 2) [7, с. 20–21]. Программа приватизации неоднократно подвергалась изменениям. Так уже 28 апреля 1992 года вышло постановление Главы администрации Смоленской области №98 «О внесении изменений в постановления Главы администрации NN57, 58, 64, 65, 66, 67 от 9 марта 1992 года» [4], которым из перечня государственных предприятий, относящихся к областной собственности, подлежащих первоочередной приватизации в 1992 году, было исключено 18 объектов имеющих большое социально-экономическое значение, в том числе Горمولзавод, Маслосырбаза, Руднянский молочно-консервный комбинат и др.

Приватизацию намечалось осуществлять с учетом отраслевых особенностей. Например, в агропромышленном комплексе экономически обоснованным было сохранение тесной взаимосвязи сельскохозяйственных предприятий с организациями, осуществляющими материально-техническое снабжение, сервисное обслуживание, сельское строительство. Так предприятия, входящие в объединение «Смоленскагросервис» (ремонтно-технические, транспортные, предприятия по производству монтажных заготовок) предусматривалось преобразовать в акционерные общества и на их основе создать холдинг. В программу первоочередной приватизации включены 9 льнозаводов, убыточных на 1.01.1992 г. Предполагалось создать коммерческо-производственную фирму «Лен» для материально-технического снабжения и технологического руководства приватизированных и государственных льнозаводов. Основная часть предприятий молочной промышленности к моменту начала приватизации имели договора аренды с правом выкупа. Все предприятия объединений «Смоленскагропромснаб» и «Плодородие» перешли в муниципальную собственность, 50% из них подлежали приватизации в 1992 году.

Программа приватизации предприятий строительного комплекса разрабатывалась с учетом следующих особенностей:

- неравномерной концентрации основных фондов между организациями и предприятиями, участниками единого производственного процесса;
- сосредоточением основных фондов, созданных совместными усилиями строителей в специализированных организациях, и трестах, и на предприятиях строительной индустрии;
- тесной взаимосвязи и взаимозависимости предприятий и организаций различных строительных структур, функционирующих как единый производственно-технологический комплекс;

- высокой степени универсальности и мобильности строительной техники, создающей потенциальную возможность ее ухода со строительного рынка.

Учитывая вышеприведенные особенности, необходимость сохранения производственно-технологических, экономических и организационных связей между участниками строительного процесса предприятия и организации данного сектора экономики подлежали преобразованию в акционерные общества. Вследствие необходимости контроля за выполнением плана работ технологически связанными специализированными предприятиями, входящими в состав территориальных строительных объединений согласно программе приватизации, часть акций приватизируемого предприятия должна приобретаться взаимозависимыми организациями. При этом намечалось распределять именные привилегированные акции, подлежащие безвозмездной передаче трудовому коллективу приватизируемой организации (в пределах 25% ее уставного капитала) на тех же условиях между работниками технологически связанных с ней организаций, а также предоставить возможность коллективом общестроительных организаций приобретать на льготных условиях акции, не выкупленные трудовым коллективом приватизируемой специализированной организации.

Приватизация объектов розничной торговли, общественного питания, бытового обслуживания, передавалась на районный уровень. Кроме указанных отраслей постановлением Главы Администрации № 68 от 9.03.92 г. в муниципальную собственность переданы 78 районных предприятий жилищно-коммунального хозяйства в состав которых входили бани, канализация, водопровод, гостиницы, саночистка, прачечные и т.п.

Созданные организационно-правовые условия позволили приступить непосредственно к приватизации. Первые результаты выглядели достаточно скромно. За первые три месяца 1992 года в Смоленской области в частную собственность перешли всего 2 объекта, а первые систематические продажи государственного имущества начались только во втором квартале. Длительный период подготовки имущества к реализации был вызван отсутствием навыков практической работы у сотрудников органов приватизации, пробелами в правовом регулировании.

Отличительной чертой начального периода приватизации можно считать неожиданно высокие цены на объекты общественного питания и розничной торговли. Первый аукцион по продаже государственной собственности в г. Смоленске, на котором выставлялось три объекта состоялся 30 мая. За кафе «Зеркальное», имевшее стартовую цену 89,5 тыс. рублей боролись 13 участников аукциона, в ходе торгов цена повысилась в 169 раз и достигла 15,1 млн руб. Магазин «Сделай сам» привлек 23 участника, при стартовой цене 22,1 тыс. руб. продан за 6,25 млн руб. (соотношение конечной и стартовой цен 282,8:1), магазин «Комфорт» rea-

лизован за 8,1 млн руб., что превысило стартовую цену в 566 раз (стартовая цена определялась исходя из остаточной стоимости основных фондов).

Собственность в районах продавалась по более низким ценам, но тем не менее, соотношение конечных и стартовых цен в данном периоде достигло 10–50:1. Десятки миллионов рублей, уплаченные за кафе и магазины, свидетельствовали не только о высоком отложенном спросе, но и о накоплении значительных средств в руках отдельных граждан. Поляризация общества по доходам достигла к моменту приватизации достаточно высокого уровня, например, если сравнить среднюю заработную плату в 1992 году (4516 рублей) с ценой реализации государственного имущества, то окажется, что за наиболее привлекательные для инвесторов объекты уплачивались тысячи заработных плат. Тем самым, приватизация положила начало реализации индивидуальных капиталов, накопленных в предшествующий реформам период.

Таблица 3. Результаты приватизации в Смоленской области в первой половине 1992 года

Отрасль	Количество предприятий на самостоятельном балансе подлежащих приватизации	Приватизировано предприятий по состоянию на 01.07.1992 г.	
		Всего, ед.	в т.ч. преобразовано в акционерные общества
Транспорт	43	-	-
Промышленность	287	-	-
Лесное хозяйство	44	2	-
Агропромышленный комплекс	525	1	-
Строительство	291	1	-
Бытовое обслуживание	162	27	-
Торговля и общественное питание	533	37	2
Коммунальное хозяйство	85	9	-
Прочие	141	3	-
Итого	2111	80	2

Успехи в реализации объектов розничной торговли и общественного питания не сопровождались аналогичными достижениями в других отраслях. Всего по области в первой половине 1992 г. приватизировано 80 предприятий и объектов, что составило 3% от общего числа государственных предприятий, подлежащих приватизации. В разрезе отраслей итоги приватизации по состоянию на 1 июля 1992 года как видно из таблицы 3, выглядели следующим образом: промышленность – 0

объектов; транспорт – 0 объектов; лесное хозяйство – 2 объекта; агропромышленный комплекс – 1 объект.

Их них в промышленности, транспорте, не приватизировано ни одного предприятия, в агропромышленном комплексе одно, лесном хозяйстве два. Почти половина (46%) реализованных объектов относится к сфере торговли, 34% к бытовому обслуживанию, 11% к коммунальному хозяйству.

Несмотря на незначительный опыт приватизации к середине 1992 года можно было сделать некоторые выводы относительно динамики и эффективности изменения отношений собственности.

Приватизация оказалась эффективной в первую очередь в сфере розничной торговли. Магазины, рестораны, кафе сразу же включились в процесс производства и реализации товаров и услуг и в дальнейшем их доходность определялась расторопностью владельцев и конъюнктурой рынка.

Изменение отношений собственности в бытовом обслуживании дало скорее отрицательный результат. Первый же опыт самостоятельной деятельности теперь уже частных предприятий показал их неподготовленность к работе в новых условиях. Ликвидация центральных объединений и передача предприятий частным лицам, как правило трудовым коллективам, немедленно поставили последних перед проблемой закупки необходимого сырья, вызванной разрывом хозяйственных связей и быстрым ростом процентных ставок по кредитам.

Частные предприниматели столкнулись с новой для страны проблемой – проблемой быта (в СССР остро проблема производства потребительских товаров), обусловленной быстрым насыщением рынка импортными товарами, создавшими конкуренцию отечественным товаропроизводителям. Сокращение быта также обострилось снижением платежеспособного спроса населения, поскольку в Смоленской области росту доходов населения в 1992 г. по отношению к 1991 в 7,4 раза противостояло увеличение потребительских цен на товары и услуги в 24, 9 раза [10, с. 10, 51].

На результатах деятельности сказались и конфликты в трудовых коллективах, нередко возникающие по поводу распределения получаемой прибыли, недоверия работников к руководству.

К середине 1992 года бытовое обслуживание в виде услуг парикмахерских, фотографий, починки обуви, ремонта теле-, радиоаппаратуры и др. частично сохранились лишь в относительно крупных городах. В сельской местности и городах районного подчинения большинство видов услуг прекратили свое функционирование в связи с нерентабельностью.

В результате недостаточно четкого определения условий конкурсов по продаже предприятий службы быта, перестала осуществляться выездная форма обслуживания, сбор заказов в сельских населенных пунктах. Основные средства, прочее оборудование были распроданы, бывшие сотрудники занялись другими видами деятельности.

Необходимость восстановления службы быта, особенно на селе, обусловили выход в свет Постановления совета министров – Правительства РФ от 2 августа 1993 г. № 746 “О мерах по стабилизации деятельности предприятий бытового обслуживания”. В соответствии с данным постановлением в области была создана комиссия по анализу состояния и разработке мер по восстановлению службы. Деятельность комиссии не воплотилась в конкретные результаты из-за отсутствия средств в областном и местном бюджетах, которых требовало восстановление системы бытового обслуживания.

Крайне медленно осуществлялся процесс приватизации в жилищно-коммунальном хозяйстве, что объяснялось низкой рентабельностью отрасли. Более того, как выяснялось не спасают положения даже свободные тарифы, объекты ЖКХ (бани, гостиницы) не могут существовать на местах без бюджетных дотаций. В отдельных городах районного подчинения местным органам власти пришлось “национализировать” прошедшие коммерциализации бани (в пос. Екимовичи Рославльского района, в пос. Понизовье Руднянского района). На местах, из-за отсутствия клиентов, стали закрываться или использоваться по-другому назначению гостиницы. В г.г. Демидове, Ельне, Рудне часть площадей гостиниц использовалась под жилье или сдавалась в аренду другим организациям.

Срывалось выполнение установленного задания по приватизации в сфере культуры. Согласно плану приватизации, следовало реализовать порядка 20 процентов от общего числа государственных киноустановок. По состоянию на 15.05.92 г. в муниципальную собственность передали 482 киноустановки, по заданию департамента культуры приватизации подлежало 90 киноустановок или 18.7 процента. Однако из-за убыточности и нерентабельности, к приватизации киноустановок практически не приступил ни один район.

Низкие количественные показатели приватизации в первой половине 1992 года объяснялись следующими причинами:

- трудовые коллективы и отдельные граждане еще недостаточно понимали значение и необходимость самой приватизации;
- в регионе практически не велась работа по донесению до населения идеологии реформ в целом, не разъяснялись положения, смысл и требования закона “О приватизации” и других законных и подзаконных актов;
- приватизационный блок реформ рассматривался в отрыве от других направлений экономической политики, задач демонополизации экономики и ее структурной перестройки;
- медленно происходила регистрация государственных и муниципальных предприятий, на местах затягивалось рассмотрение утверждаемых коллективами трудящихся Уставов их предприятий;

- доходы населения в основной своей массе оказались слишком низкими для участия в процессе приватизации.

Таким образом, низкие темпы реформ и полученный на начальном этапе опыт должны были послужить поводом для изменения региональной политики в отношении приватизации, которые и последовали во второй половине 1992 года.

Литература

1. Указ Президента РФ от 29.01.1992 № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» // СПС «Консультант Плюс»
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.02.1992 г. № 110 «О передаче государственных предприятий, организаций и учреждений, а также иного государственного имущества в государственную собственность Смоленской области» // СПС «Консультант Плюс»
3. Решение Смоленского областного Совета народных депутатов от 26 февраля 1999 г. № «О предложениях по изменению государственной программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» // Решения Смоленского областного Совета народных депутатов XI сессии XXI созыва 4 апреля 1992 года. – Смоленская городская типография. Смоленск. 1992 г. – 90с.
4. Постановление Главы Администрации Смоленской области от 28.04.1992 № 98 «О внесении изменений в постановления Главы администрации NN57, 58, 64, 65, 66, 67» от 9 марта 1992 года // СПС «Консультант Плюс»
5. Постановление Главы Администрации Смоленской области от 15.04.1992 № 86 «О создании государственного предприятия инженерно-коммерческого центра Гамаюн» // <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/583518>
6. Государственный архив Смоленской области (ГАСО) Ф.2361. Оп. 15. Д.1820. Протокол и стенограмма 10 сессии областного Совета народных депутатов XXI созыва от 26.02.1992 г.
7. Государственный архив Смоленской области (ГАСО) Ф.2361. Оп. 15. Д.1823. Решения 11 сессии областного Совета народных депутатов XXI созыва от 4 апреля 1992 г.
8. Иванов А.М., Купченко К.В., Федоскин Н.Н., Ягнешко М.В. Социально-экономическое развитие Смоленской области к началу радикальных экономических преобразований 1990-х годов // Исторический бюллетень. – 2022. – № 1. – Том: 5. – С. 48–55
9. 60 лет Смоленской области. Статистический сборник. – Смоленск.: Смоленский облкомстат, 1997. – 272 с.
10. Статистический сборник № 16 Смоленская область в цифрах в 1992 году. – г. Смоленск, сентябрь 1993 г. – 125с.

ORGANIZATIONAL STAGE OF PRIVATIZATION IN THE SMOLENSK REGION (LATE 1991- EARLY 1992)

Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V.

Smolensk Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The article analyzes archival documents and statistical data, legal documents of the beginning of privatization on the example of the Smolensk region. In 1991 The Russian Federation becomes an independent state with a democratic government at the head. The need at that time was the immediate adoption of the principal directions of economic reforms. The Russian government chose a model of radical economic reforms, which, as it was then supposed, would create the foundations of a market economy within 1.5–2 years. The chosen model provided for the implementation of a number of measures, but privatization became the central element of the reforms. On the materials of the Smolensk region, the authors explore the dynamics, results and contradictions of the initial or as it is called the “organizational” stage of privatization. The experience gained in the course of privatization at this stage made it possible to identify legal, organizational and managerial mistakes made by the authors of the reforms. In the subsequent stages of privatization, the experience of the initial stage will be taken into account, which will lead to significant changes in the legal regulation of this issue.

Keywords: commercialization, privatization, privatization program, organizational stage of privatization, results of privatization, Smolensk region.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 29.01.1992 N66 “On accelerating the privatization of state and municipal enterprises” // SPS “Consultant Plus”
2. Decree of the Government of the Russian Federation No. 110 dated 02/20/1992 “On the transfer of state enterprises, organ-

izations and institutions, as well as other state property to the state ownership of the Smolensk region” // SPS “Consultant Plus”

3. Decision of the Smolensk Regional Council of People’s Deputies of February 26, 1999 No. “On proposals to change the state program of privatization of state and municipal enterprises in the Russian Federation for 1992” // Decisions of the Smolensk Regional Council of People’s Deputies of the XI session of the XXI convocation on April 4, 1992. – Smolensk city printing house. Smolensk. 1992–90s.
4. Resolution of the Head of the Administration of the Smolensk region dated 28.04.1992 No. 98 “On amendments to the resolutions of the Head of the Administration NN57, 58, 64, 65, 66, 67” from March 9, 1992 // SPS “Consultant Plus”
5. Resolution of the Head of the Administration of the Smolensk region dated 15.04.1992 No. 86 “On the establishment of the state enterprise of the engineering and commercial center Gamayun” // <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/583518>
6. The State Archive of the Smolensk region (GASO) F.2361. Op. 15. d.1820. Minutes and transcript of the 10th session of the Regional Council of People’s Deputies of the XXI convocation of 26.02.1992
7. The State Archive of the Smolensk region (GASO) F.2361. Op. 15. d.1823. Decisions of the 11th session of the Regional Council of People’s Deputies of the XXI convocation of April 4, 1992
8. Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Fedoskin N.N., Yagneshko M.V. Socio-economic development of the Smolensk region to the beginning of radical economic transformations of the 1990s // Historical Bulletin. – 2022. – No. 1. – Volume: 5. – pp. 48–55
9. 60 years of the Smolensk region. Statistical collection. – Smolensk.: Smolensk Regional Committee, 1997. – 272 p.
10. Statistical collection No. 16 Smolensk region in figures in 1992. – Smolensk, September 1993–125c.

Нормативное определение категории субсидиарной ответственности как института гражданского права

Абдиримов Александр Фахраддинович,

студент, кафедра предпринимательского права
и арбитражного процесса, Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет
E-mail: sashka.chelovek@mail.ru

Озмания Юсуб Зограбович,

студент, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: ozmanyany.y@mail.ru

Субсидиарная ответственность обеспечивает интересы кредиторов, в виде исполнения основного обязательства или возмещения вреда. Сущность такой ответственности проявляется в том, что при неудовлетворении требований кредитора, наряду с основным должником к ответственности привлекаются дополнительные. Отсутствие легального определения субсидиарной ответственности является недостатком правового регулирования. На основании анализа имеющихся в доктрине определений рассматриваемого понятия, предлагается такое понятие: субсидиарная ответственность – это вид гражданско-правовой ответственности, мера имущественного характера, которая применяется к дополнительному должнику в случае ненадлежащего исполнения обязательства основным должником.

Ключевые слова: понятие субсидиарной ответственности, условия ее применения, субсидиарная ответственность при банкротстве.

Статья 399 ГК РФ закрепляет положения о субсидиарной ответственности, в соответствии с которой требования кредитора должны быть предъявлены сперва к основному должнику и в случае его отказа от исполнения, к дополнительному должнику. Действующее законодательство не содержит легального понятия субсидиарной ответственности.

По мнению Гонгало Б.М., суть субсидиарной ответственности заключается в том, что лицо, являющееся субсидиарным должником, несет ответственность дополнительно к ответственности другого лица, являющегося основным должником. [1, с. 560].

Как пишет Суханов Е.А., субсидиарная ответственность – это дополнительная ответственность по отношению к ответственности основного должника. Такая ответственность обеспечивает защиту интересов потерпевшего лица. Отсюда следует, что дополнительный должник может и не совершать какого-либо правонарушения [2, с. 958].

Малеина М.Н. отметила, что при субсидиарной ответственности определены правила поведения кредитора, дополнительного и основного должников. Возникновение субсидиарной ответственности имеет условия, такие как: период ответственности субсидиарного должника; имущественное положение основного должника; обстоятельства, послужившие наступлению таких отношений [3, с. 460].

Таким образом, в доктрине понятие субсидиарной ответственности определяется через его признаки, точнее сказать, через условия привлечения к ответственности. При этом авторы делают акцент на существование субсидиарной ответственности как в договорных и внедоговорных правоотношениях.

Интересный взгляд на понятие субсидиарной ответственности излагает О.В. Гутников, который выделяет три особенности:

1) обязательство, при котором имеется совокупность обязанных лиц, в виде основного и дополнительного должников;

По мнению О.В. Гутникова данный институт не является ответственностью, а относит его к субсидиарному обязательству, которое должно регулироваться гл. 22 ГК РФ;

2) способ обеспечения исполнения обязательства дополнительным должником, который отвечает за неисполнение обязательства лишь в части

взыскания убытков, уплаты неустойки или возмещения иных санкций денежного характера. В таком случае применяются нормы гл. 23 ГК РФ (обеспечение исполнения обязательств);

3) это собственно субсидиарная ответственность, которая является следствием правонарушения, совершенного самим субсидиарным должником, фактически речь идет о деликтном правоотношении, которое должно регулироваться нормами об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ)[4, с. 488].

Отсутствие легального определения субсидиарной ответственности является недостатком правового регулирования. На основании анализа имеющихся в доктрине определений рассматриваемого понятия, предлагается следующее определение субсидиарной ответственности: субсидиарная ответственность – это вид гражданско-правовой ответственности, мера имущественного характера, которая применяется к дополнительному должнику в случае ненадлежащего исполнения обязательства основным должником.

Не всегда кредитор может требовать удовлетворения своих требований от дополнительного должника, например, если требование кредитора могут быть удовлетворены зачетом, либо бесспорного взыскания средств с основного должника.

Дополнительный должник должен известить основного должника до удовлетворения требования, заявленного кредитором, а в случае предъявления иска к нему, – привлечь основного должника к участию в деле. Не выполнение данных требований может повлечь правонарушение основного должника, у которого имелись возражения против требований кредитора.

Исходя из этого, рассматриваемая в статье ответственность является своего рода страховкой для кредиторов как в делах о банкротстве, так и в случае неисполнения договорных обязательств.

В гражданском законодательстве имеются несколько видов субсидиарной ответственности:

- нормы об ответственности сторон в различных обязательствах;
- нормы об ответственности учредителей (участников) организации;
- ответственность законных представителей несовершеннолетних лиц.

Следует отдельно остановиться на сущности субсидиарной ответственности в делах о банкротстве.

По мнению С.В. Жигаловой субсидиарная ответственность при банкротстве, имеет ряд признаков:

- она существует строго в пределах конкурсного производства;
- имеет специальный субъект (КДЛ);
- внедоговорной характер[5, с. 166].

Как и в большинстве споров, в процедуре банкротства, наиболее важным этапом является удовлетворение требований кредиторов. Оставление требований кредиторов без удовлетворения ста-

вит под угрозу существования их предпринимательской деятельности. Субсидиарная ответственность в таких делах носит компенсационный характер, несмотря на то, что субсидиарный должник, не всегда виновен в причинении вреда имуществу потерпевшего.

Таким образом, субсидиарная ответственность при установлении ее непосредственно в соглашении может быть, как договорной, и внедоговорной. Субсидиарная ответственность учредителей юридического лица наступает, когда банкротство организации вызвана самими учредителями, в связи с этим они выступают в качестве дополнительных должников.

В субсидиарном обязательстве имеется пассивное множество участников, основное лицо в качестве организации – банкрота и дополнительный должник, в следствии виновного поведения, на которого возлагается обязанность исполнить долг в непокрытой части основного должника.

Как правило, субсидиарный должник не совершает никакого правонарушения, он только исполняет обязательство, возложенное на него в силу договора или в силу закона. Однако существуют исключения, где присутствует вина лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности

1. *Ответственность учредителей, собственников имущества в делах о банкротстве юридического лица.*

В деле № А21–8699/2020 генеральным директором ООО «Лунный свет» конкурсный управляющий не получил документации по финансово-хозяйственной деятельности должника, что противоречило целям процедуры конкурсного производства. Суд посчитал, что имеются достаточные основания для привлечения к субсидиарной ответственности генерального директора по обязательствам ООО «Лунный свет» [6].

2. *Банкротство дочернего общества, в случае, когда основному должнику было заранее известно, что исполнение его обязательных указаний приведет дочернее общество к банкротству.*

Так, в деле № А73–10895/2019 арбитражный суд нашел основания для привлечения общества «Компания Мостострой» к субсидиарной ответственности по обязательствам дочернего общества «Комсомольский мостоотряд». В результате действий «материнской» организации имелась схема выполнения работы дочерней организации в интересах материнской, оно получало минимальное финансирование наличествующих расходов, утверждаемых материнской, соответственно выгодоприобретателем от деятельности дочерней организации была «Компания Мостострой» [7].

У солидарной и субсидиарной ответственности существует ряд общих черт: есть два и более обязанных лица и оба вида ответственности устанавливаются на основании закона или договора. Главное же отличие заключается в порядке предъявления требований. Должники при субсидиарной ответственности подразделяются на основного – лицо, которому требования кредитора предъявля-

ется в первую очередь, и дополнительного, которому предъявляется требования кредитора после отказа в их удовлетворении основным должником. При солидарной ответственности кредитор имеет право обратиться с требованием к любому солидарному должнику, а тот обязан выплатить долг.

Таким образом, при субсидиарной ответственности момент предъявления требования кредитора возникает после получения отказа основного должника, а при солидарной в любой момент.

Говоря об этих двух видах ответственности, стоит отметить уникальность субсидиарной ответственности, заключающееся в возможности ее наступления сразу несколькими дополнительными должниками, несущее солидарную ответственность. Исходя из вышеизложенного, субсидиарная и солидарная виды ответственности не только не исключают, но и в определенных ситуациях взаимно дополняют друг друга.

Так, в деле № А41–68914/2020 Арбитражный суд удовлетворил требования ООО «МОГУНЦИЯ-ИНТЕРПУС» и взыскал с ответчиков солидарно 2 632 559 руб. 36 коп через привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО «ТРАНСРЕЗЕРВ» [8]. Данный вид ответственности называется солидарно-субсидиарная ответственность.

Таким образом, рассматриваемый вид ответственности помогает удовлетворить требования кредиторов по основному обязательству, либо возместить вред. Сущность субсидиарной ответственности проявляется в появлении дополнительного должника, при отказе от исполнения обязательства основным должником. Применение субсидиарной ответственности предусматривается ГК РФ, специальным законодательством или условиями обязательства.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с.
2. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
3. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М.: Юрист, 1997. С. 460–461.
4. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с.
5. Жигалова С.В. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих должни-

ка лиц при несостоятельности // Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 166–168.

6. Определение Арбитражного суда Калининградской области от 25.05.2021 по делу № А21–8699/2020 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.10.2022).
7. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 16.07.2020 г. № А73–10895/2019 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.10.2022).
8. Решение Арбитражного суда Московской области от 28.05.2021 г. по делу № А41–68914/2020 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.10.2022).

NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY OF SUBSIDIARY LIABILITY AS AN INSTITUTION OF CIVIL LAW

Abdirimov A.F., Ozmanyay Yu.Z.

Novosibirsk National Research State University

Subsidiary liability is aimed at ensuring the interests of creditors, obtaining fulfillment of the main obligation or compensation for damage. Its essence lies in the fact that if it is impossible to satisfy the creditor's claims by the main debtor, an additional one is brought to responsibility along with him. The lack of a legal definition of subsidiary liability is a lack of legal regulation. Based on the analysis of the definitions of the concept under consideration available in the doctrine, the following definition of subsidiary liability is proposed: subsidiary liability is a special type of civil liability, a measure of a property nature that is applied to an additional debtor in case of non-fulfillment or incomplete fulfillment of an obligation by the main debtor due to his refusal, absence or insufficiency of his property for this.

Keywords: the concept of subsidiary liability, conditions of its application, subsidiary liability.

References

1. Civil law: textbook: in 2 volumes / O.G. Alekseeva, E.R. Aminov, M.V. Bando, etc.; edited by B.M. Gongalo. 3rd ed., reprint. and additional M.: Statute, 2018. Vol. 2. 560 p.
2. Russian Civil Law: textbook: in 2 volumes / V.S. Em, I.A. Zenin, N.V. Kozlova, etc.; ed. by E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. M.: Statute, 2011. Vol. 1. General part. Property law. Inheritance law. Intellectual property rights. Personal non-property rights. 958 p.
3. Civil law. Part one: textbook / edited by A.G. Kalpin, A.I. Maslyayev. M.: Lawyer, 1997. pp. 460–461.
4. Gutnikov O.V. Corporate responsibility in civil law: monograph. M.: IZiSP, CONTRACT, 2019. 488 p.
5. Zhigalova S.V. The legal nature of subsidiary liability of persons controlling the debtor in insolvency // Young scientist. 2019. No. 12 (250). pp. 166–168.
6. Determination of the Arbitration Court of the Kaliningrad region of 25.05.2021 in case No. A21–8699/2020 [Electronic resource] // Reference and legal system
7. Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated July 16, 2020 No. A73-10895 / 2019 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system (date of access: 10/11/2022).
8. Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated May 28, 2021 in case No. A41-68914/2020 [Electronic resource] // ConsultantPlus legal reference system (date of access: 10/11/2022).

Основания уступки права требования по обязательству

Бауэр Дарья Владимировна,

студент, кафедра гражданского права, Новосибирский государственный университет
E-mail: d.bauer26@mail.ru

Настоящая статья посвящена исследованию оснований уступки права требования, в качестве которых выступают первоначальные договоры, направленные на возникновение цессируемых впоследствии прав требования. Изучение данного вопроса тесно взаимосвязано с проблематикой доктринальной идентификации договора об уступке права требования как абстрактной или казуальной сделки, а также с длительной дискуссией о возможности субсидиарного применения норм о договорах-основаниях уступки права требования к возникающим в результате совершения цессии правоотношениям сторон. В качестве наиболее распространенных правовых оснований уступки права выступают рассмотренные в данной статье договор купли-продажи, договор мены и договор дарения. На основе анализа законодательных норм об уступке права требования, доктринальных дискуссий по исследуемому вопросу, а также правоприменительной практики сделан вывод о возможности закрепления механизма субсидиарного применения норм о договорах-основаниях к отношениям цессии в законе.

Ключевые слова: уступка права требования, договор цессии, правовое основание уступки права, договор купли-продажи, договор мены.

В гражданском законодательстве отсутствует четкое определение уступки права требования, однако статья 382 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что **цессия** рассматривается в качестве возможности кредитора передавать свое право требования другому лицу на основании закона или по сделке. [1]

Одной из наиболее длительных доктринальных дискуссий, касающихся основных характеристик цессии как правовой конструкции, является спор ученых о том, к какому виду сделок относится уступка права требования: к абстрактным (независимым от правового основания с точки зрения действительности) или казуальным сделкам.

Например, В.А. Белов утверждает, что об абстрактном характере сделок любого вида свидетельствует законодательная техника закрепления норм о них, которая выражается в двух основных подходах: прямое указание на абстрактный характер той или иной сделки в самом тексте закона или отсутствие прямого указания на встречное удовлетворение как обязательное условие в договорах данного вида. Представляется справедливым утверждение о том, что в отношении норм ГК РФ об уступке права требования законодателем был применен второй из названных подходов, так как текст закона не содержит норм об обязательном экономическом основании цессионного правоотношения как сделки. В связи с этим автор делает вывод о ее абстрактности. [2, с. 7]

Однако не все ученые разделяют указанный подход: в противовес данной точке зрения М.И. Брагинский отрицает самостоятельность сделки (уступки права требования), утверждая, что соглашение между цедентом и цессионарием является неким юридико-техническим актом, совершаемым во взаимосвязи с основным договором. [3, с. 46] По пути казуальности цессии в ряде случаев следует и практика: например, в ситуации, когда уступка права совершена между коммерческими организациями и в договоре содержится прямое указание на безвозмездность совершения уступки, договор дарения будет считаться ничтожным, а на основании этого будет признана ничтожной и сама уступка права требования. [4]

И.Б. Новицкий также утверждает, что нет оснований для определения цессии в качестве абстрактной сделки, так как сделку недопустимо отрывать от ее основания, но в то же время подчеркивает: поскольку сама по себе цессия может быть произведена по различным основаниям, в этом смысле она может быть признана абстрактной. [5, с. 189] Сторонником этого подхода является и В.С. Анохин, который утверждает следующее:

несмотря на то, что оформление перехода прав происходит путем заключения договора уступки права требования, фактически движение имущественных прав осуществляется в рамках системы гражданско-правовых синаллагматических (двусторонне обязывающих) договоров, предметом которых являются имущественные правоотношения. [6, с. 50]

Несмотря на дискуссию относительно самостоятельности договора уступки права требования, в одном вопросе научное сообщество достаточно единодушно – основанием цессии является первоначальный договор, из которого возникло уступаемое кредитором право. При этом, как подчеркивает Б.Б. Черепакхин, юридическому составу правопреемства в обязательстве в части его правового основания присуще значительное разнообразие: в данный юридический состав могут входить, с одной стороны, сделки, имеющие прямую направленность на соответствующее правопреемство, а с другой стороны, такие сделки, которые изначально характеризуются совершенно иной правовой целью, но в конечном счете также приводят к реализации механизма правопреемства в обязательстве. [7, с. 103]

Вовлечение права требования в оборот может преследовать различные правовые цели, которые оформляются разными актами и впоследствии становятся основаниями передачи права. Так, можно уступить право требования с целью погашения существующего долга, за определенную денежную сумму или с целью получения иного встречного предоставления (выполнение работ, оказание услуг), передать его в дар и так далее.

Наиболее распространенным основанием уступки права требования, как правило, называют **договор купли-продажи**. Согласно пункту 4 статьи 454 ГК РФ, допускается применение общих положений о купле-продаже к продаже имущественных прав, если иное не вытекает из содержания и характера этих прав.

Однако юридическая доктрина не так однозначна. Например, В.В. Витрянский отрицает допустимость купли-продажи имущественных прав, утверждая, что имущественные права – это самостоятельные объекты гражданских прав, не относящиеся к категории вещей, в силу чего они не могут признаваться товаром по договору купли-продажи. Согласно позиции автора, сфера действия правовой нормы (а именно – пункта 4 статьи 454 ГК РФ) с точки зрения фактического регулирования общественных отношений является более широкой, чем вытекает из ее буквального толкования. В реальности она распространяет свое действие не только на совокупность однородных отношений между продавцами и покупателями конкретных товаров, но и на широкий диапазон других правоотношений, к которым указанная норма применяется по аналогии, что в то же время не влечет признания имущественных прав товаром в полном смысле слова, а сделок по их отчуждению – классическими договорами купли-продажи.

В то же время исследователь утверждает следующее: субсидиарное применение положений ГК РФ об институте купли-продажи к сделкам, которые имеют своей целью и результатом передачу имущественных прав за вознаграждение, является принципиально возможным, но лишь до тех пор, пока не возникает прямое противоречие содержанию и характеру передаваемых прав, и с обязательным соблюдением приоритетного применения правил об уступке прав требования. [8, с. 265–266]

В определенной мере с ним соглашается Л.А. Новоселова, указывая, что правовая конструкция возмездной уступки как договора, который по многим критериям отличается от договора купли-продажи, вне всяких разумных сомнений имеет право на существование, однако лишь при условии обеспечения понятного и эффективного разграничения материальных вещей и обязательственных требований как самостоятельных объектов гражданских прав, в связи с чем, с точки зрения автора, представляется верным исключение возможности рассмотрения последних в качестве классических объектов абсолютных прав. [9, с. 29]

Не менее оживленная полемика среди ученых касается возможности распространения на сделки с имущественными правами норм ГК РФ о **договоре мены**. Б.Я. Полонский утверждает следующее: в качестве предмета договора мены законом указана такая единица, как товар, который (как и в случае с договором купли-продажи) объективируется в реальности в виде вещи, что по мнению автора, свидетельствует об автоматическом исключении имущественных прав из круга законных объектов договора мены. [10, с. 161] Кроме того, анализ текста норм ГК РФ о договоре мены (глава 31) не позволяет прийти к выводу о существовании правовой возможности распространения их действия на сделки по передаче имущественных прав.

И.В. Елисеев, наоборот, подчеркивает, что данная глава в то же время не содержит и конкретного правового запрета в отношении мены имущественных прав, а также мены вещи на имущественное право, что свидетельствует о том, что ограниченный свободы договора в отношении сферы действия норм о мене в данной части законодателем не предусмотрено. [11, с. 114] Данный подход представляется более обоснованным в виду отсутствия доказательств того, что отношения по передаче кредитором права в рамках договора мены каким-либо образом противоречат определенной законом природе и существу указанной договорной конструкции. Следовательно, нет и разумных оснований считать невозможным распространение положений закона о договоре мены на цессионные правоотношения.

Позиция же законодателя может быть выражена следующим образом: к правовым отношениям, возникающим из договора мены, подлежат применению нормы о купле-продаже, если это не противоречит статьям 567–571 ГК РФ и существу обязательства мены (пункт 2 статьи 567 ГК РФ). Соответственно, если законом не запрещает

ется применение к отношениям по передаче обязательственного права норм о купле-продаже, нет оснований и для запрета применения к ним норм о мене (с той же оговоркой о необходимости учета характера передаваемого объекта).

Судебная практика подтверждает наличие правовой возможности для передачи права требования по договору мены. По одному из дел, рассмотренных Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ, было установлено, что условия договора между сторонами предусматривали уступку одной из них имущественного права требования в обмен на объект недвижимости, принадлежавший на праве собственности контрагенту. На основании буквального анализа текста договора между сторонами и совокупности имеющихся в деле доказательств суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии заключенного между сторонами договора мены. Президиум Высшего Арбитражного Суда признал данный вывод обоснованным, так как он «соответствует статье 567 ГК РФ и не противоречит существу обязательства мены». [12]

Более того, в правоприменительной действительности нередко встречаются ситуации, когда роль встречного предоставления со стороны цессионария играют права требования по другому обязательству, то есть стороны в данном случае заключают договор об осуществлении взаимной уступки прав требования, что также квалифицируется судом как договор мены.

В одном из определений Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ указала в качестве императива необходимость правильной квалификации правовой природы соглашений, на основании которых происходит взаимная уступка требований. Учитывая, что одна сторона договора предоставляет права требования, а взамен получает аналогичные по форме права требования к другим заемщикам, стоит признать, что договором, на основании которого были произведены спорные уступки, являлся договор мены. [13]

Уступка права требования может осуществляться не только на основании договоров купли-продажи и мены: в качестве ее оснований могут выступать договор дарения, договор комиссии, права требования могут быть переданы кредитором другому лицу в качестве отступного и так далее.

Пункт 1 статьи 572 ГК РФ позволяет отнести имущественное право требования к третьему лицу к числу объектов **договора дарения**. Это означает, что с точки зрения законодателя, вид имущества (вещь или право требования) не является определяющим фактором при выборе модели правового регулирования безвозмездной передачи такого имущества, имеет значение лишь критерий однотипности прав и обязанностей сторон в рамках конкретного правоотношения.

В.В. Витрянский обращает внимание, что подход судебно-арбитражной практики к договору да-

рения как основанию уступки права требования претерпел существенные изменения в связи с Информационным письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 года № 120. Автор отмечает, что ранее при отсутствии условия об обязанности цессионария по оплате уступаемого права в соглашении сторон, сделки цессии квалифицировались как договоры дарения и по этой причине признавались недействительными, если были совершены между коммерческими организациями. [8, с. 200]

Данная позиция была подвергнута критике со стороны научного сообщества, обращавшего внимание на презумпцию возмездности всякого гражданско-правового договора (в силу пункта 2 статьи 423 ГК РФ), то есть соглашение можно квалифицировать как дарение только тогда, когда в тексте самого соглашения положительно решен вопрос о безвозмездности передачи права требования или отсутствие причинной обусловленности будет доказано заинтересованным лицом. В указанном информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ было разъяснено, что соглашение, не содержащее условия об оплате уступаемого права цессионарием (или о цене уступаемого права), может быть квалифицировано как дарение только в тех случаях, когда установлено намерение сторон на безвозмездную передачу права.

Продолжительные прения среди ученых-юристов относительно возможности субсидиарного применения норм о соответствующем виде договора, на основании которого возникло цедируемое право (требование), к отношениям уступки права требования и сложившаяся судебная практика, которая в большинстве своем подтверждает идею о возможности применения норм договорных институтов к отношениям цессии с учетом первостепенного значения положений главы 24 ГК РФ, позволяют сделать вывод о том, что статью 382 ГК РФ целесообразно дополнить пунктом 5, изложив его в следующей редакции:

«5. К отношениям, связанным с переходом прав кредитора к другому лицу, применяются нормы, регулирующие вид договора или иного обязательства, которое является основанием для возникновения соответствующего права (требования), если это не противоречит правилам главы 24 ГК РФ и существу отношений по переходу прав кредитора к другому лицу».

Подводя итог, можно дифференцировать договоры уступки права в соответствии с таким критерием, как основание возникновения цессии, которое определяется в зависимости от желаемого результата действий сторон и правовой конструкции договора по основному обязательству. Такими могут выступать договор купли-продажи, мены, комиссии, дарения и так далее. При этом учет специфики уступаемых прав требования во взаимосвязи с договорами, которые выполняют роль правовых оснований для производимых уступок, необходим для эффективного правового взаимодействия субъектов правоотношений и поддержа-

ния стабильности современного гражданского оборота.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Белов В.А. Содержание и действие договора уступки требования // Законодательство. 2001. № 2. С. 5–8.
3. Брагинский М.И. Договорное право. Москва: Статут, 2003. 487 с.
4. Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского Кодекса Российской Федерации: Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 года № 120 // Российская газета. 2007. 4 нояб.
5. Новицкий И.Б. История советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1957. 485 с.
6. Анохин В.С. Уступка права требования на основании договора // Хозяйство и право. 2002. № 4. С. 49–57.
7. Черепяхин Б.Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 590 с.
8. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2016. 431с.
9. Новоселова Л.А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М.: Статут, 2003. 494 с.
10. Полонский Б.Я. Гражданское право России: Курс лекций. Ч. 2: Обязательственное право. М.: Статут, 1997. 597 с.
11. Елисеев И.В. Гражданское право. Часть 2. М.: Изд-во ТЕИС, 1996. 360 с.
12. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 сентября 2000 г. № 970/00 по делу № А55–4519/99–8. URL: <https://base.garant.ru/12121131/> (дата обращения: 30.10.2022).
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 августа 2018 г. № 305-ЭС18–5672 по делу № А40–29583/2016. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71919444/> (дата обращения: 26.10.2022).

FOUNDATIONS FOR ASSIGNMENT OF A CLAIM TO AN OBLIGATION

Bauer D.V.

Novosibirsk State University

This article examines the grounds for the assignment of claims, which are the original contracts aimed at the emergence of subsequently ceded rights of claim. The study of this issue is closely related to the problem of doctrinal identification of the agreement on the assignment of claims as an abstract or causal transaction, as well as a long debate on the possibility of subsidiary application of the rules on the contracts of cession to arising as a result of the cession legal relations of the parties. The most common legal grounds for assignment are the sale and purchase agreement, exchange agreement and donation agreement discussed in this article. Based on an analysis of legislative norms on the assignment of rights of claim, doctrinal discussions on this issue, as well as law enforcement practice, it is concluded that the mechanism of subsidiary application of the rules on contracts of title to the relations of cession can be enshrined in law.

Keywords: assignment of claim, assignment agreement, legal basis for assignment, sale agreement, exchange agreement.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 № 51-FZ (rev. of 25.02.2022) // Sbranie zakonodatelstva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.
2. Belov V.A. Content and effect of assignment of claim agreement // Legislation. 2001. № 2. C. 5–8.
3. Braginsky M.I. Contractual law. Moscow: Statut, 2003. 487 c.
4. Review of the practice of application by arbitration courts of regulations of chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation: Information letter of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30 October 2007 № 120 // Rossiiskaya Gazeta. 2007. 4 November.
5. Novitskiy I.B. History of the Soviet Civil Law. Moscow: Gosurizdat, 1957. 485 c.
6. Anokhin V.S. Assignment of right of demand on the basis of agreement // Khozyaistvo i pravo. 2002. № 4. C. 49–57.
7. Cherepakhin B.B. Succession in Soviet Civil Law. Moscow: Statute, 2001. 590 c.
8. Vitryansky, V.V. Reform of the Russian civil legislation: intermediate results. Moscow: Statute, 2016. 431c.
9. Novoselova L.A. Transactions of assignment of right (claim) in commercial practice. Factoring. Moscow: Statute, 2003. 494 c.
10. Polonsky B.Y. Civil law of Russia: Course of lectures. Part 2: Law of Obligations. Moscow: Statut, 1997. 597 c.
11. Eliseev I.V. Civil Law. Part 2. Moscow: Teis Publishing House, 1996. 360 c.
12. Resolution of Presidium of Supreme Arbitration Court of Russian Federation of September 12, 2000 № 970/00 in case № А55–4519/99–8. URL: <https://base.garant.ru/12121131/> (date of reference: 30.10.2022).
13. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 August 2018 No. 305-ES18–5672 in case No. А40–29583/2016. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71919444/> (access date: 26.10.2022).

Развитие правового регулирования возмещения убытков в случае признания сделки недействительной

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права института философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

В статье рассматривается возмещение убытков как дополнительное последствие недействительности сделок. Поставлен вопрос об отличительном признаке данного случая возмещения убытков, охарактеризована связь с недействительностью сделок. Проанализирован дискуссионный вопрос о правовой природе возмещения убытков в случае недействительности сделок, отмечена взаимосвязь данной категории с природой недействительности сделок. Сделан вывод, что возмещение убытков как последствие недействительности сделок по своей природе является мерой внедоговорной ответственности, что не тождественно мере деликтной ответственности. Отмечена тенденция судебной практики, связанная с приоритетным применением общих нормы об убытках в обход специальных норм в параграфе о недействительности сделок. Дан развернутый комментарий уже имеющимся предложениям по улучшению правового регулирования в данной сфере. В качестве авторских инициатив предложено дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25 в части закрепления необходимости устанавливать связь между недействительностью сделок и возникновением убытков.

Ключевые слова: недействительность сделки, последствия недействительности сделки, возмещение убытков, реальный ущерб, упущенная выгода.

Последствия недействительности сделок не ограничиваются аннулированием сделки и реституцией. Зачастую применение общих и специальных последствий недействительных сделок не позволяет в полной мере достичь цели восстановления положения сторон до сделки. Встречаются ситуации, когда за счет одной только реституции не происходит восстановления имущественной сферы добросовестной стороны сделки. Поэтому в некоторых случаях дополнительным последствием недействительности сделок является **возложение на одну из сторон такой сделки обязанности возместить другой стороне убытки**.

Для наиболее полного анализа данного явления в контексте недействительности сделок необходимо указать на характер связи убытков с недействительной сделкой, раскрыть наиболее типичные группы случаев возмещения убытков как последствия недействительности сделки, а также изучить вопрос об их правовой природе и проанализировать актуальные предложения о совершенствовании правового регулирования данного последствия недействительности сделки.

Возмещение убытков в цивилистике традиционно рассматривается в качестве универсального способа защиты, применение которого возможно при нарушении любого субъективного гражданского права [1, с. 56]. При этом, в контексте недействительности сделок, возмещение убытков рассматривается в качестве дополнительного последствия недействительности сделок.

Ключевым условием возмещения убытков выступает связь их возникновения с недействительностью сделки. Этот признак помогает разграничить убытки как последствие недействительности сделки и как общий способ защиты. Как отмечает Е.А. Суханов, убытки возникают из-за вступления в недействительную сделку [2, с. 457]. О.С. Иоффе указывал, что реституционные последствия недействительности сделки относятся к исполненному по сделке, но сам факт недействительности сделки может причинить убытки [3, с. 252]. Вопреки этому, О.В. Гутников считает, что в ряде случаев обязанность возмещать убытки является следствием не самого факта совершения недействительной сделки, а исполнения по ней [3, с. 253]. Б.М. Гонгало указывает, что возмещение убытков охватывает оба обстоятельства [4, с. 276].

Расхождения в происхождении убытков закладывают основное противоречие данной категории как последствия недействительности сделок, что влияет на понимание природы убытков и отражается на судебной практике: суды вынуждены раз-

граничивать возмещение убытков как последствие недействительности и как общее средство защиты.

Так, в одном из дел о признании сделки недействительной был поставлен вопрос о природе требуемых к взысканию убытков в виде расходов на организацию похорон, оплаты коммунальных платежей за спорную квартиру, расходов на ремонт спорной квартиры [5]. Суд отметил, что требования не связаны с недействительностью сделки, а мотивированы неисполнением ответчиком условий договора. Также суд указал на **наличие производности требований о взыскании убытков от требований о применении последствий недействительности сделки**, что говорит о дополнительном характере данного последствия недействительности сделки.

Важным для понимания рассматриваемого последствия недействительности сделки является вопрос о его правовой природе. Данный вопрос изучается в двух аспектах:

1. Место возмещения убытков как последствия недействительности сделки в системе мер принуждения.

2. Место возмещения убытков как последствия недействительности сделки в системе обязательств.

Несомненно, **возмещение убытков является мерой гражданско-правовой ответственности**, поскольку отвечает признакам этой категории:

1. Направлено не только на защиту субъективных прав и интересов потерпевшего, но и на осуждение поведения правонарушителя.

2. Применение мер возможно только при наличии правонарушения.

3. У правонарушителя всегда возникают дополнительные имущественные обременения.

Несмотря на это, в доктрине встречаются иные точки зрения. Так, существует мнение, что убытки мерой ответственности не являются, они представляют собой любые потери в имуществе независимо от породивших их причин (О.И. Кучерова, Д.А. Торкин), но широкой поддержки данная точка зрения не нашла [6, с. 47]. Е.Н. Рыжикова утверждает, что установленная в ст. 178 ГК РФ обязанность возместить реальный ущерб заблуждавшейся стороной не является мерой ответственности, так как отсутствуют необходимые условия, а относится к мерам защиты [7, с. 9]. Судя по всему, речь идет об отсутствии вины в действиях такой стороны. Но остальные признаки мер ответственности присутствуют, что исключает возможность отнесения к мерам защиты.

Второй аспект касается спора о договорном или деликтном характере ответственности в виде возмещения убытков применительно к последствиям недействительности сделок. О.С. Иоффе утверждал, что данная ответственность носит договорный характер, поскольку это – ответственность за заключение противозаконного договора [2, с. 254]. Н.В. Рабинович, напротив, относила ответственность по недействительной сделке к деликтной: условием наступления ответственности будет не только неправомерный характер действий сто-

роны сделки, но и вина такой стороны и причинение ее действиями ущерба [8, с. 158].

Ф.С. Хейфец говорил об особой природе данного последствия недействительности сделок, т.к. она хотя и близка по основаниям возникновения к деликтной ответственности, но все же не деликтная, ведь [9, с. 149]:

1. В результате деликта вред может быть причинен не только имуществу, но и личности.

2. При деликтной ответственности возмещаются в полном объеме, а при недействительной сделке упущенная выгода чаще всего не возмещается.

3. Деликт всегда причиняет ущерб, а признание сделки недействительной не всегда влечет за собой ущерб.

Возможность применения норм о деликтах к возмещению убытков как последствия недействительности сделок порой имеет место. Е.А. Суханов утверждает, что общие правила о деликтах применимы лишь в той мере, в какой они не вытеснены положениями о последствиях недействительности сделки [2, с. 458]. В п. 13 Информационного письма ВАС РФ № 162 указано, что в соответствии со ст. 179 ГК РФ потерпевший вправе также требовать возмещения причиненных ему убытков по правилам ст. 1064 ГК [10].

Таким образом, определение природы возмещения убытков при недействительности сделок зависит от позиции конкретного исследователя относительно природы недействительности сделок, что демонстрирует взаимосвязь между названными категориями. Сторонники концепции недействительности как правонарушения настаивают на деликтной природе ответственности, тогда как сторонники «несуществования» правоотношения по недействительной сделке отвергают данную позицию, предлагая альтернативы.

Безусловно, возмещение убытков в данном случае не носит договорный характер, поскольку хотя они и связаны с заключенной сделкой, но не основаны на неисполнении или ненадлежащем исполнении сделки. Представляется, что в вопросе о природе убытков в контексте недействительных сделок наиболее корректна позиция Ф.С. Хейфеца. Несмотря на внешнее сходство возмещения убытков с деликтной ответственностью, он верно отметил существенные черты различия. Развитие его мысли выводит дискуссию на принципиально другой уровень. Здесь стоит вспомнить о том, что понятия деликтная ответственность и внедоговорная ответственность нетождественные, второе понятие намного шире первого.

Поэтому возмещение убытков в данном случае – это форма внедоговорной ответственности. Но деликтной ли? Традиционное понимание деликта ограничено пределами главы 59 ГК РФ, не содержащей упоминаний про такие убытки, тогда как возмещение убытков в данном случае регулируется правилами параграфа 2 главы 9 ГК РФ. При этом, как и в случае с деликтной ответственностью, основанием применения данной меры ответственности выступает правонарушение.

Как отмечает Т.В. Шепель, на данный момент обязательства по возмещению внедоговорных убытков не могут считаться видом обязательств из причинения вреда, и к ним не может быть применена по общему правилу глава 59 ГК РФ [8, с. 149]. Хотя в практике и были случаи субсидиарного применения правил о деликтах к возмещению внедоговорных убытков, но речи о применении норм 59 ГК РФ по общему правилу применительно к данному последствию недействительности идти не может.

Исследовав основания возмещения убытков и их правовую природу, необходимо рассмотреть целесообразность выдвигаемых доктриной предложений по совершенствованию правовых норм об этой мере ответственности.

Чаще всего можно встретить два предложения по улучшению правового регулирования:

1. Закрепление общей нормы о возмещении убытков как последствия недействительности сделок (В.А. Гончарова, Е.Н. Рыжикова).

2. Закрепление правила о возможности взыскивать убытки в полном объеме в каждом отдельном случае (Е.Н. Рыжикова, Л.А. Лушина, Е.Н. Павлова).

Предложение о закреплении общей нормы о возмещении убытков как последствия недействительности сделок распространено в литературе. Аргументируется данное изменение потребностями оборота – расширение возможностей для защиты потерпевшей стороны позволит восстанавливать имущественный баланс сторон в каждом случае в полном объеме [1, с. 62].

Представляется, что такое предложение нецелесообразно, поскольку сфера применения данного последствия недействительности сделок после реформы 2013 года была расширена до предела. Данное последствие защищает именно частный интерес, поэтому его применение к ст. 168–170 ГК РФ нецелесообразно.

Закрепление правила о возмещении убытков в полном объеме при любых недействительных сделках приведет к размыванию их сущности. На текущий момент данное последствие закреплено в тех составах, где возможно выделить основание ответственности – гражданское правонарушение. Но не каждый состав недействительности сделок тождественен составу правонарушения.

В предварительном варианте концепции развития гражданского законодательства отмечалась необходимость закрепления общей нормы о возмещении убытков как последствия недействительности сделок, причем не применительно к отдельным составам, а ко всем [11]. Но данное предложение не вошло в окончательный текст Концепции. Это говорит о том, что ныне недействительность сделки далеко не всегда означает правонарушение.

Единственный смысл в создании универсальной нормы может быть обусловлен потребностями юридической техники. Погоня за юридическим изяществом не должна быть самоцелью, ведь главное – наладить эффективный механизм их применения, который позволял бы наилучшим образом

устранять последствия эффекта недействительности сделок.

Текущая практика применения данного последствия недействительности сделок говорит о том, что в качестве универсальной нормы применяется ст. 15 ГК РФ, именно с нее начинается обоснование применения возмещения убытков [12]. Однако проблема заключается в том, что взыскание убытков по ст. 15 ГК РФ позволяет обходить положения о взыскании убытков как последствия недействительности сделок, тем самым возмещение убытков становится возможным и в тех случаях, когда оно не предусмотрено тем или иным составом недействительной сделки.

Заслуживает внимания вопрос об объеме возмещаемых убытков. В большинстве случаев возможно возмещение только реального ущерба. Некоторая логика прослеживается в связи размера убытков со степенью нарушения принципа добросовестности: наиболее вопиющие нарушения частных интересов, закрепленные в ст. 178 и 179 ГК РФ, влекут повышенную ответственность.

Как верно утверждает А.В. Мякина, ограничение размера взыскиваемых убытков предопределяется спецификой определенных гражданско-правовых отношений и не может устанавливаться законодателем произвольно [13]. При этом анализ судебной практики свидетельствует о том, что даже применительно к ст. 179 ГК РФ чаще всего убытки если и возмещаются, то именно в части реального ущерба, тогда как упущенная выгода взыскивается крайне редко [14].

Таким образом, возмещение убытков рассматривается как дополнительное последствие недействительности сделок, применяемое в случаях, предусмотренных ГК РФ для восстановления имущественного положения добросовестной стороны сделки, потерпевшей от недобросовестного поведения другой стороны. По своей природе возмещение убытков в данном случае рассматривается как мера ответственности, по основанию возникновения они являются внедоговорными.

С 2013 года сфера применения данного последствия недействительности значительно расширилась, что явилось следствием реализации концепции развития гражданского законодательства.

В судебной практике не разграничивается возмещение убытков по ст. 15 ГК РФ и возмещение убытков как дополнительное последствие недействительности сделки, что приводит к применению общих положений ст. 15 ГК РФ даже в тех случаях, когда возмещение убытков прямо не предусмотрено параграфом о недействительности сделки. При этом очевидно, что использование инструмента для защиты частных интересов в виде взыскания убытков при недействительности сделки, посягающей на публичные интересы по ст. 168 или 169 ГК РФ неуместно.

Данная проблема должна быть устранена путем дополнения разъяснений Постановления Пленума ВС РФ № 25, необходимо указать на обязательное установление связи между возникшими убытками и самим фактом заключения недействитель-

ной сделки, а также на возможность их взыскания только в случаях, прямо предусмотренных параграфом о недействительных сделках.

Предложенные изменения будут способствовать правильному пониманию и применению норм ГК РФ о возмещении убытков в случае недействительности сделок, что позволит увеличить практику применения данного последствия недействительности сделок и, как следствие, его роль в системе таких последствий.

Литература

1. Гончарова В.А. Возмещение убытков как последствие недействительности сделки: проблемы гражданско-правовой доктрины // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 10 (205). С. 56–65.
2. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. 2-изд. Т. I: Общая часть. 596 с.
3. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве: (теория и практика оспаривания). 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2008. 489 с.
4. Гонгало Б.М. Гражданское право: в 2 т.: учебник. Т. 1. М.: Статут, 2017. 511 с.
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.05.2016 года по делу № 33–18020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2022).
6. Шепель Т.В. Внедоговорное охранительное обязательство: учеб. пособие. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2021. 172 с.
7. Рыжинкова Е.Н. Гражданско-правовые последствия недействительности сделок: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.-Петерб. ун-т МВД РФ. Санкт-Петербург. 2005. 20 с.
8. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 171 с.
9. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М.: Юрайт, 1999. 162 с.
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 2. 2014.
11. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4.
12. Определение Саратовского областного суда от 23.10.2019 по делу № 33–8329/2019 [Электронный ресурс] // Система «Caselook» (дата обращения: 23.08.2022).
13. Мякина А.В. Ограничение размера возмещаемых убытков в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 111 с.
14. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 29.12.2020 по делу № А60–15923/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.08.2022).

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF DAMAGES IN CASE OF RECOGNITION OF THE TRANSACTION AS INVALID

Eremenko D.E.

Novosibirsk State University

The article considers compensation for losses as an additional consequence of the invalidity of transactions. The question is raised about the distinctive feature of this case of compensation for losses, the connection with the invalidity of transactions is characterized. The debatable issue of the legal nature of compensation for losses in case of invalidity of transactions is analyzed, the relationship of this category with the nature of the invalidity of transactions is noted. It is concluded that compensation for losses as a consequence of the invalidity of transactions is by its nature a measure of non-contractual liability, which is not identical to the measure of tort liability. The trend of judicial practice is noted, associated with the priority application of the general rules on losses, bypassing the special rules in the paragraph on the invalidity of transactions. A detailed commentary is given on the already existing proposals for improving the legal regulation in this area. As author's initiatives, amendments to the Civil Code in terms of expanding the limits for damages and supplementing the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 in terms of fixing the need to establish a link between the invalidity of transactions and the occurrence of losses are proposed.

Keywords: invalidity of the transaction, consequences of the invalidity of the transaction, compensation for losses, actual damage, lost profits.

References

1. Goncharova V.A. Compensation for losses as a consequence of the invalidity of the transaction: problems of civil law doctrine // Property relations in the Russian Federation. 2018. No. 10 (205). pp. 56–65.
2. Sukhanov E.A. Civil law: textbook: in 4 volumes, 2nd ed. T. I: General part. 596 p.
3. Gutnikov O.V. Invalid transactions in civil law: (theory and practice of challenging). 3rd ed., rev. and additional M.: Statut, 2008. 489 p.
4. Gongalo B.M. Civil law: in 2 volumes: textbook. T.1. M.: Statut, 2017. 511 p.
5. Appeal ruling of the Moscow City Court dated May 10, 2016 in case No. 33–18020 [Electronic resource] // Consultant Plus SPS (accessed on July 20, 2022).
6. Shepel T.V. Non-contractual protective obligation: textbook. allowance. Novosib. state un-t. Novosibirsk, 2021. 172 p.
7. Ryzhinkova E.N. Civil law consequences of the invalidity of transactions: author. dis. ... cand. legal Sciences / St. Petersburg. University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. St. Petersburg. 2005. 20 p.
8. Rabinovich N.V. Invalidity of transactions and its consequences. Leningrad: Leningrad Publishing House. un-ta, 1960. 171 p.
9. Kheifets F.S. Invalidity of transactions under Russian civil law. Moscow: Yurayt, 1999. 162 p.
10. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 10, 2013 No. 162 "Overview of the practice of application by arbitration courts of Articles 178 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. No. 2. 2014.
11. The concept of improving the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 4.
12. Ruling of the Saratov Regional Court dated October 23, 2019 in case No. 33–8329/2019 [Electronic resource] // Caselook System (accessed on August 23, 2022).
13. Myakina A.V. Limitation of the amount of recoverable damages in the civil law of the Russian Federation: Cand. ... cand. legal Sciences. M., 2005. 111 p.
14. Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated December 29, 2020 in case No. A60–15923/2020 // Consultant Plus SPS (accessed on August 10, 2022).

Кризисный тип экономической преступности

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УРГЮУ, профессор
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доктор юридических наук, доцент кафедры уголовного права УРГЮУ, член Российской криминологической ассоциации, прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области, вице-президент Российской криминологической ассоциации
E-mail: tp0507@ya.ru

Глушкова Елена Михайловна,

кандидат юридических наук, доцент, член Российской криминологической ассоциации, нотариус г. Екатеринбурга
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

В статье представлено исследование кризисного типа экономической преступности, понятие, содержание, причины и особенность возникновения экономической преступности. Отмечаются сложности в расследовании преступлений экономической категории. Дан краткий обзор развития категории «экономическая преступность» в отечественной правовой доктрине и ее взаимосвязь с уголовным законодательством. Авторами определены факторы, способствующие развитию экономических преступлений. Помимо этого, Авторами оценивается применение данной категории в отдельных областях уголовного права, в частности в криминалистике. В целях повышения качества экспертных исследований Авторами обобщены результаты проведенных заключений и рецензирование заключений экспертов. На основе обобщения, с учетом замечаний, отмеченных в рецензиях на заключения экспертов, выявлены наиболее типичные, часто встречающиеся ошибки и замечания по традиционным видам криминалистических экспертиз в преступлениях экономических категорий. В статье даны рекомендации в преодолении распространения экономической преступности.

Ключевые слова: экономическая преступность, преступность в сфере экономики, экономические преступления.

Экономическая преступность – проблема, которая волнует и будет волновать государство и общество, представляющей основную угрозу безопасности страны, препятствие на пути реформ. По значимости такую позицию можно понять: государство и граждане хотят быть не только безопасными, но и уверенными в своей безопасности. Экономическая преступность – сложное, специфическое социальное явление, состояние которого нельзя отождествлять с ее статистикой [19]. Известно, что существует латентная (скрытая часть) преступности, масштабы которой зависят от многих обстоятельств: реакции на экономические преступления государства и общества, контролирующих, правоохранительных и других государственных органов. О состоянии регистрации и учета экономических преступлений, характеристик законодательства и т.д. Рецептов, как бороться с экономической преступностью, немало. Их дают практически все. История показывает, данное явление никогда не поддавалось «кавалерийским атакам», «уголовным репрессиям». Она не поддалась и «заигрыванию» с ней, активизировалась в условиях паники, правовой и политической неразберихи [12]. В результате «широкомасштабных» перемен в российском обществе, по мнению специалистов уголовно-правовой сферы и не только их, произошло значительное увеличение «степени» коррумпированности государственного аппарата и роли коррупционных механизмов в функционировании экономической и политической систем [11]. Одной из причин этого «считают» – существенное ослабление государства из-за снижения «контроля и надзора» за деятельностью государственных служащих со стороны вышестоящих инстанций в условиях отсутствия (разрушения) системы общественного контроля [17].

При «общей» реформе системы государственного регулирования рыночной экономики, сложностях в применении устаревшей и противоречивой «новой» нормативно-правовой базы коррупционные формы взаимодействия хозяйствующих субъектов с властью становятся заменой законам, не соответствующим новым реалиям. Подобная ситуация существует во многих переходных экономиках, и со временем при наличии заинтересованности руководителей государства в разрешении этих проблем их возможно преодолеть путем совершенствования законодательной базы и механизма ее практического применения [13].

Но если говорить о проблеме укрепления государства, его правоохранительных и контрольных функций применительно к функционированию самого государственного механизма, то она всегда

остаётся ключевой для успешного решения вопроса борьбы с экономической преступностью [2].

Существующая ответственность, за экономические правонарушения предусматривает определенный алгоритм действий насильственного воздействия принудительного характера, которые возможно применять к правонарушителям в качестве меры наказания в соответствии с законодательством случаях и регулируемом нормами порядке [16]. Традиционно выделяют вид юридической ответственности: гражданскую, дисциплинарную, материальную, административную и уголовную [27].

Гражданская ответственность применяется для отношений юридически равных сторон, эти отношения имеют государственно-властный характер, где сторона, представляющая государство, дает указания, обязательные для другой стороны, а имущественная ответственность при неравенстве субъектов отношений не имеет гражданско-правового последствия. В ситуациях если государственный орган, причинивший своими незаконными действиями ущерб интересам лица, обязан возместить убытки и отсутствуют властные отношения, то возмещение убытков, регулируются гражданским правом. Меры гражданской ответственности направлены непосредственно на обеспечение соблюдения действующего законодательства, косвенно они влияют на законность в гражданско-правовом обороте [25].

Меры дисциплинарной ответственности применяются при нарушении трудовой и служебной дисциплины и установлены ТК РФ и административным регламентом, а также другими нормативными актами. В случаях, когда служащий или работник при ненадлежащем исполнении своих обязанностей причинил ущерб, то он несет материальную ответственность за этот ущерб, применение мер дисциплинарной и материальной ответственности связано лишь с нарушением действующего законодательства и не имеет непосредственной целью обеспечение его соблюдения. Когда работник допустил нарушение правил налогообложения, дорожного движения, то на него может быть наложен административный штраф или лишение вознаграждения или одновременно руководитель может принять решение о применении мер дисциплинарной ответственности (объявить замечание, выговор, строгий выговор и т.п.). Ответственность в этом случае работник несет не перед государством, а перед предприятием, потерпевшим ущерб в результате штрафа или пеней [1].

Далее за нарушения действующего законодательства в зависимости от вида и тяжести деяния применяются меры административной или уголовной ответственности. В настоящее время уголовные дела экономической направленности не имеют единой методики расследования, дела этой категории подследственные органам МВД, СК, ФСБ. Действующее законодательство устанавливает нормы, когда основанием для возбуждения уголовного дела в предусмотренных этими же законами поводах содержатся достаточные данные,

указывающие на признаки состава преступления. При принятии решения о возбуждении уголовного с учетом процессуальных аспектов решаются криминалистические и уголовно-правовые задачи. Первая заключается в необходимости установить, какие имеются данные, которые бы указывали на признаки состава преступления, они содержатся в исходных (поступивших) материалах от потерпевших. Далее задача определить, достаточно ли имеется данных по предмету доказывания по событию правонарушения. Решение этих задач связано и с уголовно-правовым аспектом начальной стадии, когда необходимо определить признаки состава преступления, которые содержатся в исходной информации. Без этого нельзя решить вопрос о достаточности этих данных или недостаточности по предмету доказывания конкретного вида преступления. На начальном этапе речь не идет о доказанности всех необходимых обстоятельств, анализируются лишь данные (достоверные или недостоверные) о базовых обстоятельствах совершения преступления [9].

Согласно Конституции РФ (ст. 45), поддержание общественной безопасности в части защиты прав и свобод человека и гражданина, гарантируется государством, в юридическом смысле выступает обязанностью его компетентных органов, является правом каждого, при условии его реализации способами, не запрещенными законом [4].

Деятельность правоохранительных органов тесно связана с политическими, экономическими, социальными и нравственными аспектами жизни нашего общества, определяющей задачей использования всей силы законов, основная или коренная их роль что ни один правонарушитель не уйдет от заслуженного наказания [5].

Несомненно, честные работники всегда самоотверженно выполняют свой служебный долг, но есть и злоупотребление, «разложение» руководителей и рядовых сотрудников, «коррозия» чести и совести. Образуется разрыв между высокими словами и далеко не всегда благовидными делами [14].

Эффективность борьбы с преступностью снижается, нарастает волна латентных и фальсифицированных дел, обман и «очковтирательство», ущемляются права граждан, авторитет падает [21]. Еще достаточно много фактов необоснованных задержаний и арестов, рукоприкладства и других грубейших нарушений и преступлений [26].

Анализ характера преступности за последние годы свидетельствует об ощутимых результатах изменения в ее динамике, структуре и характере преступности, об увеличении доли экономических преступлений, и о росте так называемых ситуативных без заранее обдуманного намерения, преступлений, в основном из-за правовой «некомпетентности». Изменения в состоянии экономической преступности в решающей мере обусловлены общеполитическими факторами [22].

Также причинами в большинстве случаев является чрезмерное ограничение «прав и свобод»

предпринимателей факты указывают при расследовании экономических преступлений на деятельность, причиняющую, создающую возможность причинения вреда интересам личности, общества, государства. Привлечение к ответственности за налоговые преступления и наложение санкций по ним должны проводиться крайне взвешенно. Рост экономической преступности должен подавляться в первую очередь совершенствованием налогового законодательства, а не репрессивными мерами[20]. Вопросы возмещения ущерба, причиненного преступлениями предпринимателями (бизнесом), остаются одними из сложных в деятельности не только правоохранительных органов. Об этом свидетельствует статистика состояния экономической преступности с «суммы» возмещения. Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением предпринимателя (бизнеса), в уголовном процессе производится по нормам материального права. В экономической сфере выявлено немалое число преступлений, из которых большая часть – в крупных и особо крупных размерах. Пятая часть этих преступлений совершена «мошенническим» способом и почти столько же – путем присвоения вверенного имущества[14]. Уголовные дела экономических преступлений, расследуемых правоохранительными органами, наиболее сложными и объемными являются дела, возбужденные по фактам обмана физических и юридических лиц различными финансовыми и инвестиционными компаниями или дела о так называемых «финансовых пирамидах». По результатам «деятельности» различного рода финансово-инвестиционных компаний следственными аппаратами возбуждено и расследуется «немало» уголовных дел, число потерпевших по ним уже превысило «другие» составы преступлений, а общая сумма ущерба, по различным оценкам, составляет цифру «многими» нулями рублей[24].

Криминологическое исследование анализа следственной практики по делам экономической категории показывает, что наиболее проблемной задачей при расследовании действий предпринимателей (бизнеса) является сбор материалов субъективной стороны преступления. Для этого следователю необходимо не только «максимально» полно и «детально» засвидетельствовать, например при мошенничестве порядок поступления денег, установить общий объем привлеченных средств, правовые основания для занятия такой деятельностью, проверить соответствие документов, составляемых в подтверждение факта внесения денежных средств, характеру самой сделки, получить заключение о возможности выполнения взятых обязательств и т.п. В таких случаях с традиционными следственными действиями (допросы, обыски, выемки и т.п.) в значительной степени указанные задачи решаются путем проведения документальной ревизии финансово-хозяйственной деятельности такой компании в совокупности с судебными экономическими и правовыми экспертизами. «Задача» ревизии, назначаемой в связи с расследова-

нием возбужденного уголовного дела, заключается в установлении наличия или отсутствия фактов хищения и других преступлений, проверке законности операций, правильности постановки бухгалтерского учета и отчетности[6].

В последние годы роль судебно-экономических экспертиз как источника доказательств по уголовным делам существенным образом изменилась. Обуславливается это рядом обстоятельств: запретом эксперту включать в акт ревизии сведения из следственных материалов и делать ссылки на показания должностных лиц, данных ими на предварительном следствии, слабостью либо отсутствием квалифицированного ревизорского аппарата, значительными сложностями в использовании при проведении ревизии первичных денежных документов и когда эмпирические бухгалтерские документы отсутствуют. В результате сложившейся ситуации следственная и судебная практика идет по пути назначения только различных видов судебных экономических экспертиз, поскольку акты ревизий не всегда признаются судами в качестве доказательств. По сложным и многоэпизодным уголовным делам целесообразно и требуется проведение ревизии, в особенности при исследовании финансово-хозяйственной деятельности, при подготовке необходимой информации для проведения судебных экономических экспертиз. В процессе перестройки экономической модели государства возникает ряд проблем борьбы с преступлениями в сфере экономики. Расследование экономических преступлений невозможно без экспертного исследования, что в свою очередь требует применения комплекса знаний из различных областей экономической науки[18].

В большинстве случаев судебные экономические экспертизы проводятся судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ или МВД РФ, экспертными учреждениями СК. Главным экспертным учреждением этой системы МЮ является Российский федеральный центр судебной экспертизы, в котором, наряду с проведением научных исследований и разработкой новых методик производств экспертиз, выполняются повторные и особо сложные экономические экспертизы. Основным звеном в системе органов, осуществляющих проведение экономических экспертиз, являются межобластные и областные центральные лаборатории судебной экспертизы и лаборатории судебной экспертизы Министерства юстиции, МВД, СК РФ. Эти лаборатории имеют отделы, филиалы и экспертные группы в других городах зоны обслуживания. На практике чаще всего возникают вопросы определения выполнения плана прибыли, себестоимости продукции, обоснованности начислений и выплаты заработной платы или премий, суммы материального ущерба и др. Диапазон подлежащих исследованию экономических операций растет, следователи и суды по-прежнему вынуждены возлагать решение разнородных экономических вопросов на экспертов, хотя многие не являются универсальными специалистами и не всегда

могут квалифицированно решить восставленную задачу[8].

Наиболее распространенным недостатком в практике назначения судебных экономических экспертиз является неполнота и недоброкачество материалов, подготавливаемых для экспертного исследования, указанные недостатки влекут за собой увеличение сроков проведения, и затягивает расследование уголовных дел.

Одной из причин «некачественного» подбора материалов для судебных экономических экспертиз является «слабое» знание многими работниками следственных органов основ бухгалтерского учета, особенностей функционирования финансового рынка, правил и порядка привлечения инвестиций. Подготовка и оформление материалов для производства экспертиз использование их возможностей не всегда соответствуют основным требованиям передачи исходных данных для экономической экспертизы. Ими являются: своевременная выемка подлинной бухгалтерской отчетности, которая представлена в государственную налоговую службу и подписана лицами, отвечающими за ее достоверность.

При расследовании дел по экономическим составам – для следствия и суда особое значение имеют факты фальсификации отчетности. Например, дактилоскопическая экспертиза. Забываются и не всегда используются. Не «дактокарты», а дактилоскопические карты или дактилокарты, так как не «дактоскопия», а дактилоскопия. «Папиллярный» с двумя «л». На дактилоскопическую экспертизу в качестве сравнительных образцов представляются не дактилокарты конкретных лиц, а отпечатки их пальцев, контрольные оттиски и оттиски ладоней, выполненные на бланках дактилокарт или листках белой бумаги. Для удобства описания, исследования и особенно для лучшего и правильного восприятия текстовой части заключения другими лицами пригодные следы принято условно нумеровать. При признании нескольких следов пальцев рук (даже разнотипных) пригодными для идентификации, следует проводить их сравнительное исследование и между собой. При описании сравнительных образцов необходимо указывать вид, тип папиллярных узоров в каждом из отпечатков пальцев, их качество и расположение в установленной (а не в «определенной») последовательности.[10] Также необходимы отчеты кассиров, авансовые отчеты, товарные отчеты материально-ответственных лиц и другие; комплексное представление системы счетных записей. Включающей в себя регистры бухгалтерского учета (главная книга, журналы-ордера, оборотные ведомости и пр.); при отсутствии в материалах дела накопительных документов бухгалтерского учета с группировкой первичной информации, для экспертного анализа должны быть соответствующим образом подобраны и подшиты в тома уголовного дела, имеющиеся первичные документы.

Методически правильно сравнивать папиллярные узоры в следах и отпечатках, а не сами следы

и отпечатки. Не всегда указывается – где (на месте происшествия или в лаборатории, экспертом) и какими способами выявлялись следы пальцев рук на исследуемых объектах.

По тексту заключения не указываются технические способы изготовления фотоснимков следов рук, кратность их увеличения, тональность папиллярных линий на фотоснимках (папиллярные линии на всех фотоснимках должны быть только темными). Описание объектов исследования должно быть точным и полным. Например, если исследуемый объект – отрезок дактилоскопической пленки – имеет различные по размерам стороны, то он не может иметь прямоугольную форму. Формулировка вывода: «След пальца руки, изъятый... принадлежит подозреваемому...» недопустима. След сам по себе кому-либо принадлежать не может. В данном случае должно использоваться словосочетание. «След пальца, изъятый... оставлен (или образован) большим пальцем правой руки подозреваемого... ». При оформлении фототаблицы в примечании к разметке более 9 частных признаков следует использовать термин «числа», а не «цифры», так как общеизвестно, что цифр только 10 (от 0 до 9). Ход исследования при проведении дактилоскопической экспертизы излагается в следующей последовательности: описание упаковки объектов исследования; описание исследуемых объектов; описание способов выявления следов; изучение следов и признаков в следах; признание следов пригодными и установление, каким пальцем, какой руки они оставлены; сравнение следов между собой (если пригодными признано 2 и более следов). Это описание сравнительных образцов, сравнительное исследование папиллярных узоров в следах и отпечатках, описание выявленных совпадений (или различий) по общим и частным признакам отдельно. Анализ результатов сравнительного исследования, формулирование выводов; ссылка на иллюстративный материал, помещенный в фототаблицу, описание условий фотосъемки, используемых технических средств; «выводы:...». Количество выводов, их последовательность должны соответствовать вопросам, указанным в постановлении о назначении экспертизы.

Условно деятельность по привлечению денежных средств осуществляют следующим образом: регистрация компании, получение необходимых лицензий либо создание компании без регистрации и прохождения лицензирования (первый этап). Создание технико-экономического обоснования привлечения денежных средств, рекламная компания в средствах массовой информации (второй этап). Поступление денежных средств от вкладчиков в рекламных целях (данного этапа может и не быть); руководство (владельцы) компании скрывается со всеми денежными средствами (последний этап). В юридической литературе практически не встречается «работ», где определены задачи, решаемые плано-экономической – финансово-кредитной, финансово-кредитной – бухгалтерской, плано-экономической – экономики труда и дру-

гими комплексными экономическими экспертизами. Идеальным было бы определить все варианты таких экспертиз. Это потребовало бы рассмотреть более двадцати видов комплексных экономических экспертиз, некоторые из них, возможно, никогда не понадобились бы на практике. Кроме того, на данном этапе трудно еще определить все возможные комплексные задачи, ибо экономические экспертизы некоторых родов (экономики предпринимательской деятельности, финансово-кредитной) только начали проводиться. Поэтому мы ограничимся рассмотрением отдельных задач, которые могут решаться только комплексно.

На момент создания компании проверяются правоустанавливающие документы и их соответствие тем видам деятельности декларируемым и которые фактически юридическое лицо осуществляло. В случаях, когда фирма (юридическое лицо) была зарегистрирована в установленном законом порядке, тогда правоустанавливающие документы, служившие «основанием» для внесения денежных средств к ним, необходимо направить в территориальное управление Банка России для усмотрения, не является ли данный вид деятельности законным и не нарушал ли он специальную норму осуществляемой деятельности. Для этого назначается судебная экспертиза, эксперт должен обладать знаниями бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности для дачи заключения по поставленным перед ним вопросам. Исходя из определения круга задач следствия, решение которых и составляет содержание судебной экспертизы, в процессе экспертизы и необходимо установить. Наиболее распространенные вопросы по требованию следователя (суда) относятся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию при рассмотрении уголовного дела – характер и размер ущерба, влияющие на квалификацию преступления и меру наказания. Перечень вопросов, который целесообразно ставить на разрешение экспертов зависит от конкретных обстоятельств дела, особенностей расследования, наличия других доказательств по делу для обеспечения достоверности фактов, выявляемых следственными органами и обоснованности принимаемых по ним решений.

Переход к работе в условиях рыночной экономики основополагающим образом изменил традиционные формы и методы работы в хозяйственной сфере. С «новым» общественным строем, сменившим социалистическую модель хозяйствования, общественность связывала свои надежды на то, что в области преступности тоже произойдет решающий, благоприятный для граждан поворот. Однако вопреки этим ожиданиям очень скоро обнаружилось постоянное увеличение экономической преступности и существенные структурные и качественные ее изменения. Развитие технической цивилизации коренным образом изменили общественные отношения, создали совершенно новые отношения между людьми, значительно преобразовали формы общежития. Процесс урбанизации, происходящий при возникновении центров

в крупных городах, разрыв с привычной культурной средой сопровождается ликвидацией многочисленных позитивных обязанностей, к трудностям адаптации к жизни в новых социальных условиях, прибавилась неуверенность в завтрашнем дне и тяжелые последствия экономических санкций. Все эти обстоятельства способствуют порождению противоречий, которые появились в действиях, нарушающих требования данного общественного строя. Преступность становится массовой, особенно экономические преступления и приобретает совершенно новые формы. В качестве основного симптома необходимо отметить появление организованной, коррупционной преступности и постоянный их рост. Против качественного и количественного «разгула» преступности с недоумением выступают «политические моралисты», ибо факты «достатка колбасы и полных полок товарно-материальных ценностей» с большой наглядностью показали политическую экономику о «тождестве» интересов капитала и труда и о всеобщем «благоденствии» общества. Капиталистический общественный строй рассматривается в качестве апогея развития, а увлеченные ростом национального дохода государства, бурным развитием цивилизации, не хотят особо замечать параллельно растущие и общественные противоречия и того факта, что материальные блага концентрируются у все более узкого круга лиц. Установление выполнения плана прибыли. От размера прибыли во многом зависит образование прироста оборотных средств, финансирование капитальных вложений, рентабельность и в целом финансовое положение, а также своевременное выполнение обязательств перед кредиторами (вкладчиками), а также своевременное выполнение обязательств перед финансово-кредитными органами по платежам из прибыли. Расчеты с бюджетом по отчислениям от прибыли осуществляют сами предприниматели (бизнес). При установлении прибыли «возможно» искажение ее величины расчетной прибыли, от которой производится отчисления в бюджет, и таким образом государству причиняется материальный ущерб.[7]

На стадии перевода и поступления денежных средств от физических и юридических лиц необходимо исследовать документы, которые выдавались при приеме денежных средств, направленности целесообразности совершаемой сделки. Если получение денежных средств оформлялось как договор займа, паевой взнос либо иной договор и т.п., то законность заключения подобных договоров может проверяться в территориальном подразделении Банка России. При этом назначаемую правовую экспертизу можно объединить с экспертизой о характере деятельности компании, привлекавшей денежные средства вкладчиков. Величина прибыли зависит в основном от реализации продукции и определяется как разница между выручкой от реализации продукции в оптовых ценах и полной ее себестоимостью, проводится комплексная плано-экономическая – бухгалтерская – финан-

сово – кредитная экспертиза. Эксперт-экономист по планированию устанавливает выполнение плана реализации продукции, эксперт-бухгалтер – фактическую себестоимость продукции, а эксперт-финансист решает вопрос о фактическом выполнении плана прибыли и обоснованности плановых отчислений в бюджет.[3]

Проведенный нами анализ постановлений и определений о назначении экспертиз позволяет выявить предлагаемые экспертам вопросы, не входящие в их компетенцию. Наиболее распространенные нарушения экспертом пределов компетенции по своей инициативе или по требованию следователя – об установлении материально ответственных лиц и лиц, ответственных за нанесение ущерба при нарушении закона, вопросы, относящиеся к компетенции специалистов других отраслей знаний или имеющие справочный характер и касающиеся непосредственно хозяйственной деятельности, т.е. вопросы, которые должны выясняться следователем или судом, а также требующие анализа, оценки обстоятельств дела и опровержения или подтверждения правильности показаний обвиняемых или свидетелей. Вопросы, которые носят юридический характер и относятся к гражданскому, административному, трудовому и уголовному праву. Фактическая балансовая прибыль уменьшается из-за неправильно определенной себестоимости остатков готовой продукции и товаров, не оплаченных покупателями, фактическая прибыль отражается в меньшем размере, нежели должна быть показана в финансовом плане. Вопрос о сумме балансовой прибыли в этом случае финансово-кредитная экспертиза решает комплексно с бухгалтерской и планово-экономической, которые устанавливают фактические остатки готовой продукции, произведенную отгрузку и оплату товаров по документам.[23]

Литература

1. Бизнес вслед за депутатами просит президента об амнистии в честь 75-летия Победы. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/270902/> (дата обращения: 29.05.2022).
2. В «Газпроме» стали в пять раз чаще получать жалобы на коррупцию. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/271934/> (дата обращения: 13.06.2022).
3. ВС разобрался, что считать неосновательным обогащением. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/242298/> (дата обращения: 16.08.2022).
4. ВС РФ еще больше усложнил силовикам бесконтрольные аресты предпринимателей. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/272335/> (дата обращения: 11.06.2022).
5. Генпрокуратура назвала лидеров по уровню коррупции – силовики, суды, исполнительная власть. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/245653/> (дата обращения: 22.08.2022).
6. Депутаты предлагают снизить тяжесть налоговых преступлений. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/news/242669/> (дата обращения: 31.08.2022).
7. Изменения в УК по экономическим составам: что будет. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/242449/> (дата обращения: 06.08.2022).
8. Итоги недели: Золотов без гвардейцев, Колокольцев вне критики, Кудрин против секретов. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/270962/> (дата обращения: 30.05.2022).
9. Итоги недели: золотые «палки» Бортникова, «бешеный принтер» Колокольцева и Фемида в руках у Бастрыкина. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/271024/> (дата обращения: 31.05.2022).
10. Как эксперт превратился в обвиняемого по уголовному делу. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/242733/> (дата обращения: 05.09.2022).
11. Коррупция, коммерция, громкие дела: опубликован подробный доклад о секретах Лубянки // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/272344/>. (дата обращения: 11.06.2022)
12. Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвященного памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2018 г. – М.: Юрлитинформ. 2018. С. 86–90.
13. Ошибки следователя: когда прекратят дело о неуплате налогов. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/221058/> (дата обращения: 11.06.2022).
14. Пленум ВС дал новые разъяснения по «предпринимательским» преступлениям. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/222822/> (дата обращения: 11.06.2022).
15. Пленум ВС дал новые разъяснения по «предпринимательским» преступлениям. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/222822/> (дата обращения: 11.03.2022).
16. Пленум ВС принял разъяснения Гражданского кодекса и КАС. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все

- о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/222821/> (дата обращения: 13.06.2022).
17. Пленум ВС: особенности кассации по экономическим делам. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/222537/>. (дата обращения 11.06.2022)
 18. Полсотни силовиков в России были приговорены в 2019 году за фабрикацию уголовных дел. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/270643/> (дата обращения: 27.05.2022).
 19. Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием // Министерство науки и высшего образования РФ, Кубанский государственный университет. 2021. С. 456–475.
 20. Прокуратура отменила 27 000 незаконных актов, затрагивающих интересы бизнеса. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/news/210035> (дата обращения: 13.04.2022).
 21. Рост коррупции за прошедший год ощутили почти четверть россиян. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/frchive/243367/> (дата обращения: 25.09.2022).
 22. Свердловский депутат назвал ОБЭПы области «эпицентром коррупции». 21.03.2018 г. // <https://www.znak.com/2018-03-20/sverdlovskiy;> Общество требует чистки рядов силовых ведомств России. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/220816> (дата обращения: 03.09.2022).
 23. Слияние субсидиарной и уголовной ответственности: последствия повышения стандартов доказывания. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/241246/> (дата обращения: 16.06.2022).
 24. Суды оправдали треть всех обвиняемых по делам о бандах и ОПГ за прошлый год. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/272188/> (дата обращения: 10.06.2022).
 25. Титов просит о разграничении в УК понятий «уклонение от налогов» и «неуплата налогов». // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/2700331/>. Или Верховный суд подвел итоги работы судов за 2021 год. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/story/239027/> (дата обращения: 10.02.2022).
 26. Уголовно-правовая ответственность бизнеса – 2020. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://event.pravo.ru/view/219579/> (дата обращения: 13.06.2022).
 27. Юристы и правозащитники обсуждают применение к бизнесменам статьи о мошенничестве. // Первое антикоррупционное СМИ. URL: <https://pasm.ru/archive/271969/> (дата обращения: 08.06.2022). Или Глава правления АЮР предлагает убрать из УК предпринимательское мошенничество. // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/news/242759/> (дата обращения: 07.09.2022).

THE CRISIS TYPE OF ECONOMIC CRIME

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M., Glushkova E.M.
USUE, Russian criminological Association

The article presents a study of the crisis type of economic crime, as well as the concept, content, causes, and peculiarities of economic crime. Difficulties in investigating crimes of economic category are noted. The development of the “economic crime” category in the domestic legal doctrine and its relationship to the criminal law is reviewed briefly. The authors define the factors contributing to the development of economic crimes. Further, the authors evaluate the application of this category in some areas of criminal law, in particular in criminology. In order to improve the quality of expert studies the authors summarized the results of the conducted conclusions and the review of the expert opinions. On the basis of generalization, considering remarks stated in reviews of the expert opinions, the most typical and frequent errors and remarks on traditional types of forensic examinations in crimes of economic categories are identified. The article provides recommendations in overcoming the spread of economic crime.

Keywords: economic crime, crimes in the sphere of economic activity, economic crimes.

References

1. The case is in the wake of the deputies, appointed by the president under an amnesty in honor of the 75th anniversary of the Victory. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/270902/> (date of access: 05/29/2022).
2. Gazprom began to receive complaints about corruption five times more often. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/271934/> (date of access: 06/13/2022).
3. The SC dealt with what was considered unjust enrichment. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/242298/> (date of access: 08/16/2022).
4. The Armed Forces of the Russian Federation made it even more difficult for the security forces to make uncontrolled arrests of entrepreneurs. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/272335/> (date of access: 06/11/2022).
5. The Prosecutor General's Office named the leaders in terms of acceleration – the security forces, the courts, the executive branch. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/245653/> (date of access: 22.08.2022).
6. Deputies reduce the severity of tax offenses. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/news/242669/> (date of access: 08/31/2022).
7. Changes in the Criminal Code on the economic composition: what will happen. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/242449/> (date of access: 08/06/2022).
8. Results of the week: Gold without guards, Kolokoltsov beyond criticism, Kudrin against secrets. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/270962/> (date of access: 05/30/2022).
9. Results of the week: Bortnikov's golden “sticks”, Kolokoltsev's “mad printer” and Bastrykin's Themis. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/271024/> (date of access: 05/31/2022).
10. How an expert turns into a defendant in a criminal case. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/242733/> (date of access: 05/09/2022).

11. Corruption, commerce, high-profile cases: a detailed report on the secrets of Lubyanka published // First anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/272344/>. (date of access: 06/11/2022)
12. Ensuring national security is a priority area of criminal law, criminological and penitentiary policy: materials of the X1 Russian Congress of the powers of law, dedicated to the memory of Doctor of Law, Professor Vladimir Sergeevich Komissarov, held on May 31 – June 1, 2018 – M.: YurLitinform. 2018, pp. 86–90.
13. Investigator's mistakes: when the tax evasion case is dismissed. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/221058/> (date of access: 06/11/2022).
14. Plenum of the Supreme Court gave new clarifications on "entrepreneurial" cases. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/222822/> (date of access: 06/11/2022).
15. Plenum of the Supreme Court gave new clarifications on "entrepreneurial" cases. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/222822/> (date of access: 03/11/2022).
16. Plenum of the Supreme Court adopted clarifications of the Civil Code and CAS. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/222821/> (date of access: 06/13/2022).
17. Plenum of the Supreme Court: features of cassation in economic cases. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/222537/>. (accessed 11.06.2022)
18. Fifty security officials in Russia were sentenced in 2019 for fabricating criminal cases. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/270643/> (date of access: 05/27/2022).
19. Progress and continuity in Russian criminal law (to the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR in 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996): materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the RIAC with the participation // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Kuban State university. 2021, pp. 456–475.
20. The prosecutor's office canceled 27,000 illegal acts containing the interests of business. // Pravo.ru: laws, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/news/210035> (date of access: 04/13/2022).
21. Over the past year, almost a quarter of Russians have experienced recovery. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/frchive/243367/> (date of access: 09/25/2022).
22. The Sverdlovsk deputy called the region's OBEPs "the epicenter of shock." March 21, 2018 // <https://www.znak.com/2018-03-20/sverdlovskiy>.; The society requires verification of a number of law enforcement agencies of Russia. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/220816> (date of access: 09/03/2022).
23. Merging subsidiary and criminal liability. // Pravo.ru: legal system, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/241246/> (date of access: 06/16/2022).
24. Courts acquitted a third of all defendants in gang and organized crime cases last year. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/272188/> (date of access: 06/10/2022).
25. Titov asks for a distinction in the Criminal Code between the concepts of "tax evasion" and "non-payment of taxes". // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/2700331/>. Or the Supreme Court summed up the work of the courts for 2021. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/story/239027/> (date of access: 02/10/2022).
26. Criminal liability of business – 2020. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://event.pravo.ru/view/219579/> (date of access: 06/13/2022). C
27. Lawyers and human rights activists will discuss the application of the article on fraud to businessmen. // The first anti-corruption media. URL: <https://pasm.ru/archive/271969/> (date of access: 06/08/2022). Or the Head of the Board of the AJUR proposes to remove entrepreneurial fraud from the Criminal Code. // Pravo.ru: legislation, judicial system, news and analytics. All about the legal market. URL: <https://pravo.ru/news/242759/> (date of access: 07.09.2022).

Нормативное определение показателей мониторинга оценки устойчивости регионального развития

Кибакин Михаил Викторович,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MVKibakin@fa.ru

Чернов Виталий Вениаминович,

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVChernov@fa.ru

Мельничук Галина Борисовна,

старший научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: GBMelnichuk@fa.ru

В статье показана связь системы мониторинговой оценки устойчивости регионального развития с документами стратегического развития, в которых заложена необходимость активного внедрения информационно-аналитических технологий в обеспечении эффективности государственного управления. На основе проведенного авторского правового экспертного исследования приводятся данные о приоритетности развития отдельных компонентов системы оценки устойчивого регионального развития в различных сферах: экологической, социально-экономической, в сфере безопасности, а также государственного и муниципального управления. Раскрыты нормативные основы формирования исследовательской базы, проведения экспертных процедур, получения обобщенных характеристик и их визуализации. Раскрыты количественные оценки отдельных компонентов процесса устойчивого регионального развития, как объекта их мониторинговой оценки. Приводится авторский взгляд на возможности учета эффективности государственных процедур и научных институтов для обеспечения устойчивости регионального развития.

Ключевые слова: устойчивое региональное развитие, правовое исследование, экспертиза, мониторинг, система оценки устойчивого регионального развития, построение системы мониторинга.

В системе оценки устойчивости регионального развития можно выделить два аспекта: статический и динамический. При одномоментной характеристике процесса развития с точки зрения устойчивости выявляются параметры содержания, детерминации и общие показатели устойчивости в конкретных условиях. При динамической оценке – многократной с течением времени – можно выявить тенденции, высказать прогнозы, описать механизмы обеспечения устойчивого развития.

В связи с этим обеспечение объективной мониторинговой оценки устойчивого регионального развития опираются на понимание региона, как самостоятельной социально-экономической системы, представленной различными объектами хозяйствования и управления. При этом, на основе требований документов стратегического развития [3], появляется возможность регулирования региональных пропорций, совершенствования существующих структур управления, выявления и целенаправленного использования факторов конкурентоспособности.

При этом основные усилия разработчиков системы оценки должны быть направлены на обоснование инструментов, повышающих объективность оценки содержания и результативности этого процесса, как важнейшего элемента организационно-управленческой платформы обеспечения устойчивого сбалансированного развития региона.

При обосновании структуры модели системы оценки были учтены компоненты различной функциональной предназначенности: а) связанные с управлением, предупреждением коррупции среди должностных лиц; б) связанные с обеспечением общественной безопасности, развитием человеческого потенциала; в) связанные с развитием экономики, привлечением инвестиций, созданием условий для научно-технического прогресса.

Обоснование приоритетности этих компонентов в рамках мониторинговой модели системы оценки [1; 4] опирается на экспертные оценки приоритетности включения в нее компонентов, что отражено на рисунке 1.

Экспертная оценка приоритетности компонентов устойчивого регионального развития отражена в средних значениях пятичленной интервальной шкалы (max оценка – 5 баллов, min – 0). Стоит отметить, что все компоненты устойчивого регионального развития получили высокую оценку необходимости для осуществления вышеуказанной политики (выше 2,5 балла).

Оценки компонентов следует рассмотреть на основе имеющихся научно-практических работ [2; 5] в рамках трех групп.

Первая группа, получившая наиболее высокую оценку, включает в себя социально-экономические ресурсы (4,2 балла), человеческий потенциал (4 балла) и инвестиции (4 балла). Данную группу можно определить как «Основа для устойчивого регионального развития» и можно интерпретиро-

вать следующим образом: по мнению экспертов, для устойчивого регионального развития необходимы социально-экономические ресурсы, так как они имеют большое значение для функционирования региона и страны в целом, человеческий потенциал для осуществления заданной политики и рационального подхода к использованию указанных ресурсов, а также инвестиции, которые стимулируют социально-экономические взаимодействия.

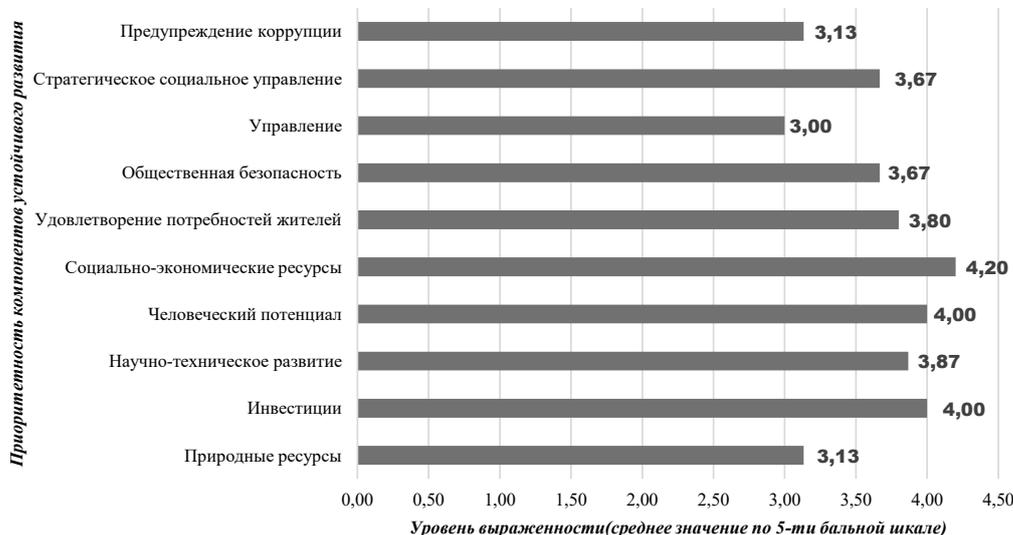

Рис. 1. Экспертная оценка приоритетности компонентов устойчивого регионального развития (по материалам собственного исследования)

Во вторую группу вошли научно-техническое развитие (3,87 балла), удовлетворение потребностей жителей (3,8 балла), стратегическое социальное управление (3,67 балла) и общественная безопасность (3,67 балла). Данную группу следует определить как «Компоненты социально-ориентированной политики обеспечения устойчивого регионального развития», так как научно-техническое развитие напрямую связано с социальной сферой через образование, удовлетворение потребностей жителей – основная социальная задача государства, а стратегическое социальное планирование и общественная безопасность являются компонентами, обеспечивающие стабильность и позитивные социальные перспективы.

Третья группа компонентов устойчивого регионального развития составляют: предупреждение коррупции (3,13 балла), природные ресурсы (3,13 балла) и управление (3 балла). Данную группу следует определить как «операциональные компоненты устойчивого регионального развития». Это связано с тем, что эти компоненты являются неотъемлемой частью устойчивого регионального развития и применяются на низшем уровне планирования.

Целесообразно заметить, что эти компоненты находятся в процессе постоянного динамичного изменения, что обосновывает важность наличия постоянного внутреннего контроля их функционирования и согласованности действий, что входит в компетенцию субъектов администрирования мониторинговой системы оценки устойчивости регионального развития.

Методика системы оценки устойчивости регионального развития по мнению экспертов должна включать в себя ряд компонентов, приоритетность создания которых отражена на рисунке 2.

Важность компонентов системы оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов оценена на 10-ти бальной шкале. (0 – min значение, 10 – max). Рассмотрим полученные данные более подробно.

Из всех компонентов лишь один получил среднюю оценку важности в системе оценки устойчивого регионального развития, которая соответствует интервалу от более 3,3 до менее 6,67 – административные регламенты использования органами власти (6,27 балла). Остальные компоненты системы оценки устойчивого регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов получили оценку, соответствующую высокой важности (от 6,67 и более до 10 включительно).

Однако данные компоненты также можно разделить на две подгруппы, первая – с оценкой ближе к средней важности и вторая – с оценкой, близкой к максимальной (10 баллам).

К компонентам с высокой важностью, но близкие к среднему уровню приоритетности относятся: ситуационные центры, использующие систему оценки (6,67 балла); система показателей достижения параметров устойчивости (7,47 балла); кадровый состав системы оценки (7,87 балла).

К компонентам с высоким уровнем важности и оценкой близкой к максимальной относятся: си-

стема сбора, обработки и анализа данных (8,13 баллов); механизм внутреннего контроля системы качества (8,13 баллов); механизмы адаптации системы оценки (8,13 баллов); интегрированные

между собой элементы (8,67 балла); целеполагание и функциональная предназначенность системы оценки (8,67 балла).

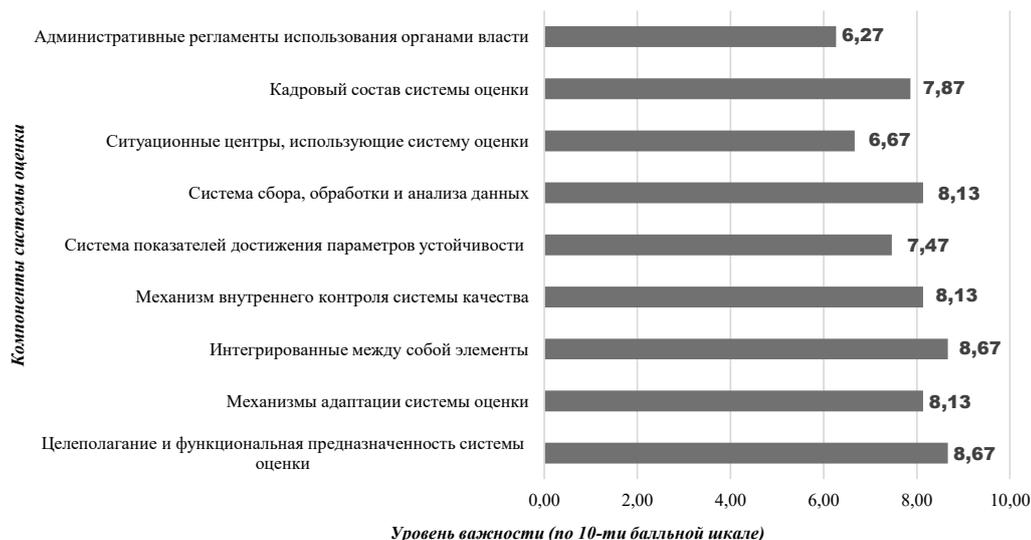

Рис. 2. Экспертная оценка важности компонентов системы оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов (по материалам собственного исследования)

На основе полученных данных можно сделать вывод, что все компоненты системы оценки устойчивого регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов являются важными, однако некоторые из них, а именно целеполагание, согласованность и интегрированность отдельных компонентов предлагаемой системы имеют приоритетный характер.

В силу сложности мониторинговых оценочных технологий, их внедрение требует кропотливой и сложной проектной работы, которая предполагает: а) формирование замысла (дизайна) мониторинговой системной оценки на основе технического задания со стороны органов власти; б) разработку и отладку отдельных компонентов; в) интеграцию этих компонентов на единой управленческой технологической платформе и испытание в пилотном режиме, на локальных территориях; г) полное внедрение мониторинговой системы оценки с обязательным научно-технологическим ее сопровождением.

Отдельного внимания заслуживает вопрос использования для мониторинговых систем современных информационно-коммуникационных средств, локальных и глобальных цифровых платформ. Учитывая современную ситуацию, в которой проявилась зависимость интернет-сетей, цифровой инфраструктуры от враждебных государств, целесообразно в целях мониторинга использовать либо собственные региональные цифровые разработки, либо использовать сервисные возможности отечественных цифровых корпораций.

Таким образом, мониторинговая система оценки устойчивости регионального развития включает в себя не только структурные, но и факторные, де-

терминационные и прогнозные элементы, что позволяет использовать ее в качестве органичного компонента государственного и муниципального управления территориями и быть важным компонентом обеспечения качества жизни в регионах.

Литература

1. Муайяд Ш. Экспресс оценка устойчивого развития регионального туристского комплекса // Экономика и предпринимательство. 2020. № 8 (121). С. 461–467.
2. Попов Н. С., Милованова О.В., Баламутова А.А., Чуксина Л.Н. Стратегия управления инфраструктурными объектами региональной экономики в проблеме устойчивого развития // Устойчивое развитие региона: архитектура, строительство и транспорт. 2021. С. 23–30.
3. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N26 (часть I) ст. 3378.
4. Чудинова Л.Н. Мониторинг эффективности инвестиционных проектов предприятия / Л.Н. Чудинова // Проблемы менеджмента, маркетинга и финансов: матер. I междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 157.
5. Чурина Л.А. Мониторинг учебной деятельности в инновационном образовательном учреждении как фактор рефлексивного управления / Л.А. Чурина. – Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Спец-ть 13.00.01 «Общая педагогика.

История педагогики и образования». – Киров, 2001. – С. 11.

NORMATIVE DEFINITION OF MONITORING INDICATORS FOR ASSESSING THE SUSTAINABILITY OF REGIONAL DEVELOPMENT

Kibakin M.V., Chernov V.V., Melnichuk G.B.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Based on the author's legal expert research, the article provides data on the priority of the development of individual components of the system for assessing sustainable regional development. The normative foundations of the formation of the research base, expert procedures, obtaining generalized characteristics and their visualization are disclosed. The connection of the evaluation system with strategic development documents is shown. Quantitative assessments of individual components of the process of sustainable regional development as an object of their monitoring assessment are disclosed. The author's view on the possibilities of taking into account the effectiveness of state procedures and scientific institutions to ensure sustainability is given.

Keywords: sustainable regional development, legal research, expertise, monitoring, assessment system for sustainable regional development, building a monitoring system.

References

1. Muayyad Sh. Express assessment of the sustainable development of the regional tourist complex // Economics and entrepreneurship. 2020. No. 8 (121). pp. 461–467.
2. Popov N. S., Milovanova O.V., Balamutova A.A., Chuksina L.N. Strategy for managing infrastructure facilities of the regional economy in the problem of sustainable development // Sustainable development of the region: architecture, construction and transport. 2021. pp. 23–30.
3. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic planning in the Russian Federation" // "Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru) // The Collection of legislation of the Russian Federation of June 30, 2014 N26 (part I) of Article 3378.
4. Chudinova L.N. Monitoring the effectiveness of investment projects of the enterprise / L.N. Chudinova // Problems of management, marketing and finance: mater. I International scientific and practical conference of young scientists. – Voronezh, 2009. – p. 157.
5. Churina L.A. Monitoring of educational activity in an innovative educational institution as a factor of reflexive management / L.A. Churina. – Autoref. dis. ... candidate of pedagogical Sciences. – Spec 13.00.01 "General pedagogy. History of pedagogy and education". – Kirov, 2001. – p. 11.

Обеспечение баланса интересов сторон в области применения технических средств защиты авторских прав

Кирсанов Алексей Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов
E-mail: aleksey-kirsanov@mail.ru

Попович Алексей Анатольевич,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов
E-mail: alexey_porovich@bk.ru

В статье рассматривается вопрос правового регулирования обеспечения баланса интересов правообладателей и пользователей при использовании технических средств защиты авторских прав. Развитие информационных технологий в целом и сети Интернет в частности обуславливают все большую необходимость применения технических средств для защиты авторских прав. В свою очередь, применение технических средств защиты порождает ряд правовых проблем, связанных с достижением равновесия при реализации прав как правообладателей, так и пользователей, получающих доступ к произведению. В статье приведены критерии, которые отражают принцип обеспечения баланса интересов сторон при использовании технических средств защиты авторских прав. Такие критерии рассматриваются с позиций соблюдения прав и законных интересов пользователей и правообладателей.

Ключевые слова: авторские права, технические средства защиты авторских прав, баланс интересов сторон, интеллектуальные права, право интеллектуальной собственности, гражданское право.

Охрана авторских прав основывается на достижении баланса интересов правообладателей и пользователей. Задача правового регулирования в области авторских прав – это всегда поиск компромиссов. Автор признается более слабой стороной в отношениях, в связи с чем он нуждается в дополнительной правовой поддержке. Однако стоит учитывать, что и автор может злоупотреблять предоставленными ему преференциями. Для этого нужны соответствующие правовые механизмы, обеспечивающие равновесие.

С развитием сети Интернет пользователям не только существенно упрощен доступ к объектам авторских прав, но и созданы условия для непропорционального доступа к произведениям. При размещении результатов интеллектуальной деятельности в сети Интернет невозможно определить количество их копий. Любая информация, находящаяся в компьютерной сети в свободном или даже ограниченном доступе, может быть легко и с минимальными затратами растиражирована. Любой пользователь сети Интернет не только является визуальным наблюдателем, но и фактически имеет возможность, особенно при наличии специальных знаний, как пытаться незаконно использовать сам охраняемый объект, так и вмешиваться в применяемую систему защиты охраняемого объекта – техническое средство, вносить нужные пользователю, но противоправные изменения.

Автор, разместивший в сети Интернет свое произведение (охраняемый объект) и снабдивший либо не снабдивший его техническим средством защиты, фактически предлагает пользоваться таким объектом любому пользователю, имеющему доступ в Интернет. Правомерность поведения пользователя в этом случае определяется его действиями: устраняется ли техническое средство защиты или же доступ для пользователя открывается правомерно после прохождения необходимой процедуры, предусмотренной техническим средством защиты и соответствующим алгоритмом.

Таким образом, цифровая среда общедоступного пользования, которой является Интернет, представляет собой ту сферу, где важно соблюсти баланс интересов всех участников отношений и не допустить злоупотреблений и недобросовестного поведения.

Обеспечение баланса интересов в праве вообще, а в гражданском праве в особенности, является, пожалуй, базисом для построения правоотношений. В этой связи Р. Иеринг отмечал, что цель права заключается в уравнивании интересов в обществе, в нахождении компромисса между

ними [1, с. 54] В отношении гражданского права Т.В. Шершень отмечает, что «предоставляя свободу выбора посредством диспозитивного регулирования варианта поведения участников гражданского оборота, гражданское право должно учитывать баланс возможностей по реализации интереса... Сущность правовой регуляции сосредоточена в итоге на разграничении двух интересов по поводу одного и того же блага, способного их удовлетворить» [2, с. 38,44].

В рамках гражданского права А.Ф. Пьянкова предлагает следующую трактовку понятия «баланс интересов»: «под балансом интересов сторон правоотношения предлагается понимать такое состояние правоотношения, в котором права и обязанности сторон соразмерны и стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов» [3]. В этой связи признаками баланса интересов, по мнению А.Ф. Пьянковой, являются соразмерность, наличие у сторон равных возможностей для реализации своих законных интересов, динамичность, а критериями – принцип приоритета прав человека, публичный интерес, принципы справедливости и экономической эффективности [3].

Данная позиция представляется обоснованной. Учитывая, что баланс интересов не закреплен среди принципов гражданского права, по своей сути он является целью правового регулирования, как считает Е.И. Никологорская [4]. В свою очередь, Ю.Г. Богатина определяет необходимость установления баланса между интересами субъектов коммерческой деятельности принципом, которым руководствуется и российская судебная практика, и иностранные правоприменители [5, с. 365].

Как справедливо отмечает Н.И. Матузов, «в последнее время в связи с развитием рыночных отношений и предпринимательства все большее распространение получает индивидуальный метод регулирования (или метод свободного волеизъявления), под которым понимается форма самостоятельной юридической деятельности субъектов, направленной на упорядочение единичных общественных отношений с помощью правовых средств, не обладающих качеством юридической общеобязательности» [6, с. 402]. Каким образом и посредством чего он достигается? Ярким примером такого регулирования является договор, который, как указывает, Б.И. Пугинский «обеспечивает кооперирование действий его сторон в результате их юридического взаимосогласования и подчинения общей цели, способен отреагировать индивидуально-определенным образом на многообразии подлежащих учету факторов» [7, с. 25].

Учитывая это, в целях доктринального закрепления А.Ф. Пьянкова под обеспечением баланса интересов понимает «установленный на нормативном, правоприменительном или индивидуальном уровне прием, метод, направленный на достижение состояния правоотношения, характеризуемого как баланс интересов» [8].

Гражданский кодекс РФ в статье 1299 содержит определение понятия «технические средства за-

щиты авторских прав», под которыми понимаются «любые технологии, технические устройства (или их компоненты), осуществляющие контроль доступа к произведению, а также предотвращающие либо ограничивающие осуществление действий, не разрешенных автором, исполнителем или иным правообладателем в отношении произведения».

Несмотря на то, что законодательно технические средства характеризуются как инструмент защиты прав авторов, их основная задача заключается в обеспечении стабильности правоотношений, возникающих между авторами, правообладателями и пользователями в отношении соответствующего произведения. С одной стороны, технические средства защиты обеспечивают соблюдение авторских прав, в том числе и право на получение вознаграждения, с другой стороны, позволяют пользователям законно получить доступ к произведению и использовать его.

Следовательно, с одной стороны, само техническое средство защиты авторских прав также можно отнести к способам обеспечения баланса интересов авторов, правообладателей и пользователей, являющихся участниками правоотношений по поводу использования произведения. С другой стороны, использование технических средств защиты не должно нарушать права и законные интересы как авторов и правообладателей, так и пользователей объектов авторских прав, тем самым обеспечивая баланс.

В связи с этим следует выделить критерии, которые отражают принцип обеспечения баланса интересов сторон при использовании технических средств защиты. Такие критерии уместно рассматривать как с позиций соблюдения прав и законных интересов пользователей, так и с позиций правообладателей.

1. Недопустимость несанкционированного вмешательства в программное обеспечение пользователя.

Данный критерий основан на технологических особенностях средств защиты. Наибольшая вероятность осуществления незаконного копирования материалов возникает при их воспроизведении на персональных компьютерах (далее – ПК). В качестве средства защиты часто используются специальные программы (программное обеспечение), позволяющие осуществлять воспроизведение того или иного объекта авторских прав. С технической точки зрения это может порождать ряд проблем:

- 1) программное обеспечение записывается на ПК без подтверждения пользователем;
- 2) этот процесс осуществляется с вмешательством во внутренние процессы и сервисы системы ПК, что влечет за собой серьезный сбой в системе безопасности пользователя такого ПК.

В настоящее время с учетом повсеместного использования мобильных устройств некоторые программы (в том числе применяемые в качестве технических средств защиты), установленные на смартфон или планшет, получают несанк-

ционированный пользователем доступ к его личным данным: контактам, фото и видео, геоданным и пр.

С правовой точки зрения это порождает ряд несогласованностей. Во-первых, нарушается принцип неприкосновенности частной жизни (пункт 1 статьи 23 Конституции РФ, пункт 1 статьи 1 ГК РФ), который в данном отношении не ограничен федеральным законодательством. Во-вторых, в пункте 2 статьи 16 Закона Российской Федерации от 07 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» устанавливается правило о недопустимости навязывания услуг потребителю. Продавец продукции, снабженной техническим средством защиты, обязан возместить потребителю причиненные убытки в полном объеме. Таким образом, для того, чтобы воспроизведение объекта интеллектуальных прав происходило с использованием технических средств защиты, необходимо, чтобы были закреплены условия их применения, при наличии которых законом не будет признаваться, что услуга навязана потребителю. В качестве решения данной проблемы можно предложить следующие условия:

1) запрет распространения продукции, не снабженной техническими средствами защиты;

2) обязательное указание на то, что носитель содержит техническое средство защиты. В этом случае носитель выступает как цельный продукт, а информация на нем не может быть «разделена».

Установление запрета распространения произведений, не снабженных техническими средствами, является достаточно радикальной мерой, не только не соответствующей принципам частного правового регулирования в целом, но и нарушающей закрепленный в Бернской конвенции 1886 г. принцип осуществления авторских прав без формальностей в частности.

Указание на носителе информации о наличии технического средства защиты решает проблему с навязыванием услуг пользователям объектов авторского права, а также исключает несанкционированное вмешательство в частную жизнь, однако не защищает пользователей от возможного вмешательства в ПК, которое влечет за собой сбой работы системы.

В этой связи представляется возможным законодательное закрепление условия, что используемые технические средства не должны представлять какой-либо опасности для персонального компьютера и иного оборудования пользователя. Подобное условие, по нашему мнению, является одним из критериев достижения баланса прав и интересов авторов и иных правообладателей и пользователей объекта авторского права.

В случае возникновения негативного воздействия технического средства защиты на работу ПК, пользователь вправе требовать от автора или иного правообладателя, применившего средство защиты, компенсацию причиненного ущерба. Вместе с тем, представляется, что пользователь также вправе требовать и устранения недостатков техни-

ческого средства защиты, оказывающих негативное воздействие на работу ПК.

2. Беспрепятственный доступ к производству на законных основаниях.

Данный критерий во многом основан на положениях доктрины добросовестного (свободного) использования, применяемой в Соединенных Штатах Америки, а также принципах, применяемых в праве Европейского союза. Суть этого критерия заключается в следующем:

1) используемые технические средства защиты в отношении опубликованного произведения не должны препятствовать либо создавать какие-либо технические трудности получить доступ к такому произведению любому пользователю, который выполнил условия предоставления такого доступа. Лицо, опубликовавшее результат интеллектуальной деятельности, обязано предоставлять доступ любому лицу с учетом норм действующего законодательства;

2) лица, определенные законом либо соответствующие установленным критериям, вправе требовать снятия технических средств защиты для получения доступа к произведению.

В отличие от США, где используется доктрина добросовестного (свободного) использования, в России закон устанавливает конкретные случаи свободного использования произведения без технических средств защиты, а также определяет способ использования; цель использования, сферу использования и объем использования. Так, в п. 4 ст. 1299 ГК РФ закреплено, что в случае, если пунктами 1–3 статьи 1274 и статьей 1278 ГК РФ разрешено использование произведения без согласия автора или иного правообладателя и такое использование невозможно осуществить в силу наличия технических средств защиты авторских прав, лицо, правомерно претендующее на осуществление такого использования, может требовать от автора или иного правообладателя снять ограничения использования произведения, установленные путем применения технических средств защиты авторских прав, либо предоставить возможность такого использования по выбору правообладателя при условии, что это технически возможно и не требует существенных затрат.

Указанные положения закона справедливы и вполне обоснованно приводят перечень лиц и случаев свободного использования результатов интеллектуальной деятельности, однако закрепленные условия не в полной мере отвечают принципу соблюдения баланса интересов в части того, что свободное использование предоставляется при наличии технической возможности и отсутствии существенных затрат. Ни закон, ни правоприменительная практика на сегодняшний день не содержат подробного толкования указанных условий. По нашему мнению, столь размытые формулировки не позволяют определить действительные технические возможности и затраты автора или правообладателя на предоставление свободного использования произведения. При существу-

ющем положении дел не исключены ситуации, когда пользователям будет отказано в предоставлении доступа со ссылкой на отсутствие технической возможности снятия средств защиты или существенности затрат на их снятие. Ведь закон не обязывает автора или правообладателя доказывать действительное наличие таких препятствий. Может ли пользователь при возникновении подобной ситуации обратиться в суд с требованием об обязанности автора или иного правообладателя предоставить доступ к произведению? Ответ, скорее, будет положительным. Однако при рассмотрении такого иска суд должен установить не только действительное наличие технических препятствий и затрат на снятие средств защиты, но и дать им соответствующую оценку. Что в таком случае послужит критериями оценки технической возможности и существенности затрат также не ясно.

В этой связи с учетом обеспечения принципа баланса интересов при применении технических средств предлагается исходить из презумпции обязательного снятия правообладателем ограничений использования произведения, установленные путем применения технических средств защиты авторских прав, либо предоставления возможности такого использования по выбору правообладателя, тем самым исключив условие о наличии технической возможности и отсутствии существенных затрат. Отсутствие технической возможности или существенности затрат для снятия ограничений должны оцениваться судами в каждом конкретном случае индивидуально посредством проведения экспертиз на предмет технических возможностей и существенности затрат на снятие ограничений, установленных техническими средствами защиты.

3. Соблюдение прав автора или иного правообладателя на получение вознаграждения.

Получение автором или иным правообладателем вознаграждения за использование произведения является одним из правомочий исключительного права. Безусловно, исключительное право не ограничивается получением вознаграждения и, если говорить об обеспечении баланса интересов, то он достигается при неукоснительном соблюдении всех правомочий исключительного права. Однако в отношениях между пользователями и правообладателями вознаграждение является основным и универсальным встречным предоставлением в обмен на получение доступа к объекту авторского права.

В связи с этим получение автором или иным правообладателем вознаграждения за использование произведения законодатель определяет как существенное условие лицензионных соглашений и соглашений об отчуждении исключительного права.

Чтобы придать праву автору на вознаграждение особую значимость в настоящее время звучат предложения о его выделении из исключительного права. Так, Э.П. Гаврилов предлагает «из исключительного права на результаты интеллектуальной

деятельности, которое является оборотоспособным, должно быть выделено право автора на вознаграждение, которое не должно быть оборотоспособным. Размер авторского вознаграждения должен определяться ставками (тарифами). Эти ставки должны утверждаться министерством культуры, а после того, как у нас появятся представительные союзы авторов и союзы пользователей – соглашениями между ними. В таком же порядке должны утверждаться типовые авторские договоры» [9, с. 29–31]. Г.Н. Черничкина также придерживается данной позиции, в связи с чем предлагает «закрепить в законе право автора на вознаграждение как вид иного интеллектуального права, которое является обязательственным, возникает из договора или закона. Автор может при нарушении его права на вознаграждение применять к лицу, использующему результат, обязательственно-правовые меры ответственности» [10, с. 48–59].

По нашему мнению такие предложения абсолютно обоснованны, т.к. право на вознаграждение является неким мерилom сбалансированности интересов авторов, правообладателей и пользователей в отношениях, связанных с использованием произведения, в том числе при наличии технических средств защиты. Как уже отмечалось ранее, праву доступа пользователя к произведению противопоставляется право автора или иного правообладателя на получение вознаграждения.

4. Недопустимость устранения технических средств защиты авторских прав

Признание Договором ВОИС об авторском праве 1996 г. недопустимости устранения (обхода) технических средств защиты обусловило применение данного условия в национальных законодательных актах. Данный критерий, несомненно, важен для обеспечения баланса интересов, т.к. он выводит за рамки легитимного поля любые действия третьих лиц, связанные с попытками устранить технические средства защиты. При этом в целях достижения равновесия запрету на устранение технических средств защиты противопоставляется право беспрепятственного доступа к произведению на законных основаниях.

Важно отметить, что обход технического средства защиты приравнивается российским и зарубежным законодателем к нарушению исключительного права, т.к. закон предусматривает возможность применения к нарушителю, совершившему обход технических средств, ответственности в виде возмещения убытков или взыскания компенсации (п. 3 ст. 1299 ГК РФ). При этом взыскание компенсации также сопряжено с достижением баланса интересов правообладателя и нарушителя, допустившего обход технического средства защиты. Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13 февраля 2018 г. № 8-П отметил следующее: если при рассмотрении конкретного дела будет выявлено, что применимые нормы ставят одну сторону (правообладателя) в более выгодное положение, а в отношении другой предусматривают возможность неблагоприят-

ных последствий, то суд обязан руководствоваться критериями обеспечения равновесия конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности.

Обеспечение баланса интересов правообладателей и пользователей неразрывно связано с категорией «злоупотребление правом», которая играет важную роль в оценке поведения сторон при реализации и защите их прав.

На нормативном уровне в соответствии со ст. 10 ГК РФ институт пределов осуществления гражданских прав раскрывается через установление запретов на конкретные формы злоупотребления правом [11].

Таковыми формами в силу ст. 10 ГК РФ являются:

- 1) намеренное причинение вреда другому лицу;
- 2) действия в обход закона с противоправной целью;
- 3) заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав, под которым понимается реализация прав с незаконной целью или с помощью незаконных средств, а также действия, препятствующие в реализации прав участниками соответствующих правоотношений.

Следовательно, для установления факта злоупотребления правом судам необходимо выявить умысел в действиях/бездействии конкретного субъекта, а также незаконность цели и средств осуществления субъектом прав.

В сложившейся на сегодняшний день судебной практике суды исходят из того, что для признания действий какого-либо лица злоупотреблением правом суд должен установить, что умысел такого лица был направлен на заведомо недобросовестное осуществление прав, единственной его целью было причинение вреда другому лицу (отсутствие иных добросовестных целей), злоупотребление правом должно носить достаточно очевидный характер, а вывод о нем не должен являться следствием предположений.

Приведенные критерии позволяют сделать вывод, что признание в действиях/бездействии лица злоупотребления правом носит исключительный характер, когда лицо имело прямой умысел на причинение вреда иным лицам. В таком случае поведение лица должно свидетельствовать об исключительно противоправных целях.

Исходя из этого, следует изучить вопрос, в каких случаях злоупотребление авторскими правами признается таковым.

Отвечая на поставленный вопрос, необходимо обратить особое внимание на доктрину злоупотребления авторским правом, которая широко применяется в американском праве и не имеет аналогов в праве ЕС и РФ.

Предназначением данной доктрины является обеспечение баланса интересов сторон в правоотношениях в сфере авторского права, ограничение, предупреждение и пресечение действий правообладателей при реализации исключительного права, предоставленного автору, за пределами этой ограниченной монополии [12].

В основном данная доктрина используется ответчиком в споре об исключительных правах в качестве возражений неправомерности своего поведения. Однако это не исключает возможность заинтересованного лица заявить иск об установлении факта злоупотребления правом в действиях правообладателя. При этом лицо, заявляющее о злоупотреблении правообладателем правом, не обязательно должно быть пострадавшей стороной от подобных действий.

Установление судом факта злоупотребления правом влечет за собой для правообладателя негативные последствия в виде отказа в защите нарушенного права (по аналогии с п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В отличие от российской правоприменительной практики американские суды на конкретных кейсах в рамках доктрины злоупотребления авторским правом предпринимают попытки выделить характерные признаки поведения, свидетельствующего о злоупотреблениях. На сегодняшний день нельзя сказать, что эта доктрина совершенна и охватывает все случаи злоупотреблений. Тем не менее, суды активно используют эту доктрину при рассмотрении споров.

В деле *Video Pipeline, Inc. v. Buena Vista Home Entertainment, Inc.* 342 F.3d 191 (2003) окружной апелляционный суд США (третий округ) указал на некоторые постулаты доктрины злоупотребления авторским правом:

1) Доктрина злоупотребления авторским правом основана на принципе справедливости, согласно которому суды «могут отказать в защите, если истец использует заявленное право вопреки общественным интересам».

2) Злоупотребление часто имеет место в тех случаях, когда владелец патента или авторских прав прибегает к той или иной форме антиконкурентного поведения. Целью Закона об авторском праве является стимулирование художественного творчества на общее благо. Антиконкурентные лицензионные соглашения могут вступать в противоречие с целью защиты авторских прав, лишая общественность творчества потенциального конкурента.

3) Попытка правообладателя ограничить выражение мнения, которое критикует его (или его товар, защищенный авторским правом, или отрасль, в которой он работает и т.д.) нарушает антиконкурентные ограничения, а также противоречит политике авторского права, которая заключается в поощрении создания и распространения среди общественности творческой деятельности.

Как мы видим, в основу вывода о злоупотреблении правообладателем правом положено нарушение именно публичного интереса. Суд исходит из того, что условия, навязываемые правообладателем, препятствуют развитию творчества в целом. Суд при этом не рассматривает такое злоупотребление правом с точки зрения возможных нарушений прав лицензиата, т.е. частного интереса.

В деле *Lasercomb America, Inc. v. Reynolds.* 911 F.2d 970 (4th Cir. 1990) суд указал, что «успешная

защита неправомерного использования авторских прав не позволяет виновному истцу одержать верх в иске о нарушении неправомерно использованных авторских прав». Соответственно, признание судом злоупотреблений со стороны правообладателя лишает его судебной защиты нарушенного права.

Американские суды также применяют доктрину злоупотребления авторским правом в рамках споров о защите исключительного права, когда правообладатель предъявляет требования о прекращении действий, не подпадающих под действие исключительного права.

Доктрина злоупотребления авторским правом позволяет в каждом конкретном случае объективно оценить пределы осуществления авторских прав и добросовестность правообладателя, что, несомненно, способствует обеспечению баланса интересов всех участников правоотношений.

Отсутствие в правоприменительной практике континентально-европейских стран подобной доктрины объясняется тем, что данные правовые порядки исходят из абсолютного господства правообладателя над результатом интеллектуальной деятельности. Как показывает практика, такой подход не всегда объективен в оценке действий правообладателей. При этом доктрина злоупотребления авторским правом базируется на защите, в первую очередь, публичного интереса с целью стимулирования и распространения интеллектуальной деятельности, что обуславливает экономическое, социальное и культурное развитие общества.

Положения доктрины злоупотребления авторским правом полностью применимы и в сфере защиты авторских прав с использованием технических средств и соотносятся с приведенными выше критериями, характеризующими принцип обеспечения баланса интересов сторон при использовании технических средств защиты.

Таким образом, использование технических средств защиты авторских прав не может быть абсолютным и ограничено недопустимостью нарушения прав и интересов пользователей, а также публичных интересов.

Литература

1. Тихомиров Ю.А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. С. 54.
2. Шершень Т.В. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Пермь, 2002. С. 38, 44.
3. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография / А.Ф. Пьянкова; Пермь. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 244 с.
4. Никологорская Е.И. Гражданско-правовая характеристика интересов акционеров и акционерного общества и их баланс: дис. канд. юрид. наук. – М., 2009. – 186 с.
5. Богатина Ю.Г. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. – М.: Статут, 2010. С. 365.
6. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2005. С. 402.
7. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2008. С. 25.
8. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография / А.Ф. Пьянкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 244 с.
9. Гаврилов Э.П. Автор должен иметь право на вознаграждение // Патенты и лицензии. 2021. № 2. С. 29–31.
10. Черничкина Г.Н. К вопросу о мерах ответственности за нарушение права автора на вознаграждение // Современный юрист. 2018. № 3. С. 48–59.
11. Ворожевич А.С. «Границы и пределы осуществления авторских и смежных прав». М.: Статут, 2020.
12. Чурилов А.Ю. Правовое регулирование интеллектуальной собственности и новых технологий: вызовы XXI века: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 224 с.

ENSURING A BALANCE OF THE PARTIES' INTERESTS IN THE FIELD OF TECHNOLOGICAL MEASURES OF COPYRIGHT PROTECTION APPLICATION

Kirsanov A.N., Popovich A.A.

Peoples' friendship university of Russia

The article deals with the issue of legal regulation of ensuring a balance of the parties' interests of copyright holders and users when using technological measures of copyright protection. The development of information technologies in general and the Internet in particular make it increasingly necessary to use technological measures to protect copyrights. In turn, the use of technological measures of protection generates a number of legal problems related to achieving balance in the exercise of the rights of both copyright holders and users who gain access to the work. The article presents criteria that reflect the principle of ensuring a balance of the parties' interests when using technological measures of copyright protection. Such criteria are considered from the standpoint of respect for the rights and legitimate interests of users and copyright holders.

Keywords: copyright, technological measures of copyright protection, balance of the parties' interests, intellectual property rights, intellectual property law, civil law.

References

1. Tikhomirov Yu.A. Public law. – М.: БЕК, 1995. P. 54.
2. Shershen T.V. Private and public interest in the contractual regulation of family relations: Dissertation ... cand. jurid. sciences'. – Perm, 2002. pp. 38, 44.
3. Ensuring the balance of interests in civil law contracts: monograph / A.F. Pyankova; Perm. state. national. research. un-T. – Perm, 2014. – 244 p.
4. Nikolgororskaya E.I. Civil-legal characteristics of the interests of shareholders and the joint-stock company and their balance sheet: dis. cand. jurid. sciences. – М., 2009. – 186 p.
5. Bogatina Yu.G. Reservation about public order in private international law: theoretical problems and modern practice. – М.: Statute, 2010. p. 365.
6. Theory of state and law: Course of lectures / Edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. – М.: Jurist, 2005. P. 402.

7. Puginsky B.I. Theory and practice of contractual regulation. – M.: ICD «Zertsalo-M», 2008. P. 25.
8. Ensuring the balance of interests in civil law contracts: monograph / A.F. Pyankova; Perm. state. National. research. un-T. – Perm, 2014. – 244 p.
9. Gavrilov E.P. The author should have the right to remuneration // Patents and licenses. 2021. No. 2. pp. 29–31.
10. Chernichkina G.N. On the issue of liability measures for violation of the author's right to remuneration // Modern lawyer. 2018. No. 3. pp. 48–59.
11. Vorozhevich A.S. «The boundaries and limits of the exercise of copyright and related rights». M.: Statute, 2020.
12. Churilov A. Yu. Legal regulation of intellectual property and new technologies: challenges of the XXI century: monograph. M.: Justicinform, 2020. 224 p.

Формирование института взыскания в доход государства имущества, полученного по недействительной сделке, нарушающей правопорядок

Еременко Дмитрий Евгеньевич,

студент, кафедра гражданского права, Институт философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
E-mail: yeryomenko.de@gmail.com

В статье рассматривается взыскание в доход РФ полученного сторонами по сделке как последствие ее недействительности, осмысляются внесенные в 2013 году изменения в статьи 169 и 179 ГК РФ. Выявлено несоответствие между убежденностью доктрины о неприменимости данного последствия недействительности сделок и судебной практикой применения статьи 169 ГК РФ. Исследован вопрос о специальном законе, необходимого для взыскания полученного по сделке имущества в доход государства по ст. 169 ГК РФ. Определен круг таких законов и их содержание. Отмечены тенденции взыскания в доход РФ по ст. 169 ГК РФ, связанные с безосновательным применением данного последствия недействительности сделок, неправильной квалификацией судами отдельных законов в качестве «специальных». Итогом исследования является опровержение тезиса о гипотетическом применении взыскания в доход РФ как последствия недействительности сделок. В связи с этим дискуссия о целесообразности наличия данного последствия недействительности в главе 9 ГК РФ сохраняет своей актуальность и нуждается в дальнейшем развитии.

Ключевые слова: недействительность сделки, последствия недействительности сделки, односторонняя реституция, недопущение реституции, взыскание в доход РФ, конфискация.

Российская модель последствий недействительности всегда отличалась своей самобытностью. Начиная с ГК РСФСР 1964 года положения о последствиях недействительности сделки стали выделяться в самостоятельные нормы права и обособляться от традиционных правовых институтов – кондикции и виндикации. Большим достижением советской правовой мысли можно считать реституцию.

Вместе с тем в регулирование последствий недействительности сделок были привнесены элементы, не характерные для частноправовых отношений в привычном понимании. Речь идет о таком последствии недействительности как взыскание в доход имущества, полученного стороной (–ами), действующей (–ими) умышленно, в результате совершения сделки. В отличие от реституции, направленной на восстановление положения сторон до заключения сделки, т.е. защищающей частный интерес, данное последствие защищает именно публичный интерес и носит конфискационный характер.

В связи с значительными изменениями уклада жизни российского общества и, в частности, роли государства в экономических отношениях, изменились и тенденции в правовом регулировании недействительности сделок. Возобладала идея о том, что последствия недействительности сделки должны приводить к восстановлению положению сторон, существовавшего до совершения сделки. Существование ярко выраженных конфискационных элементов в частноправовых отношениях противоречило этой идее, что стало вызывать логичные вопросы у представителей юридического сообщества.

Поэтому в постсоветские годы такие последствия недействительности являлись яблоком раздора между цивилистами и законодателем. Как отмечалось, даже сами стороны, и суды ощущали непропорциональность и избыточность конфискационных мер [1, с. 549]. Указанное последствие недействительности единодушно подвергалось критике, что даже нашло выражение в пунктах 5.2.2 и 5.2.7. концепции развития гражданского законодательства [2], где шла речь о необходимости следующих изменений:

1. Выдвижение реституции как последствия недействительности сделки по ст. 169 ГК РФ на первый план, и применение взыскания в доход РФ лишь в ограниченном числе случаев.

2. Замена специального последствия недействительности сделки по ст. 179 ГК РФ в виде взыскания в доход РФ имущества, полученного потер-

певшим от другой стороны, на дополнительное последствие недействительности в виде возмещения убытков потерпевшей стороне.

Эти предложения были реализованы в 2013 году в результате реформы главы 9 ГК РФ, затронувшей в том числе и последствия недействительности сделок, указанные в статьях 169 и 179 ГК РФ [3]. С тех пор в новой редакции статьи 169 ГК РФ указано, что, в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход Российской Федерации все полученное сторонами по сделке, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, если стороны действовали умышленно, или применить иные последствия, установленные законом.

Основная идея реформы состоит в том, чтобы минимизировать применение конфискационных норм и подвести их под рамки строгого регулирования специальных норм закона. С помощью этого планировалось уменьшить случаи произвольного лишения субъективных прав на имущество и исключить усмотрение юрисдикционных органов при принятии решения о применении последствий недействительности сделки.

Полагая, что эта идея воплощена, текущее понимание проблемы конфискационных последствий недействительности сводится к тому, что возможность их применения сделки напрямую связана с принятием так называемого «специального закона» [4, с. 152]. В частности, Е.А. Суханов считает, что применение данного последствия недействительности возможно лишь тогда, когда будет принят закон, который предусмотрит такое последствие на случай совершения сделки с целью, противной основам правопорядка или нравственности [5, с. 454].

Именно указание на взыскание в доход РФ в конкретной норме закона является тем правовым основанием, исходя из которого допускается сама возможность применения данного последствия недействительности сделок. Ведь даже если следовать последовательности элементов механизма правового регулирования – без нормы права невозможно его функционирование.

Поскольку ныне в доктрине считается, что соответствующий «специальный» закон отсутствует, из этого следует тезис, что к недействительным по статье 169 ГК РФ сделкам взыскание в доход РФ не применяется [1, с. 548]. Таким образом, проблема конфискационных последствий недействительности считается решенной или, по меньшей мере, замороженной. Фокус цивилистов сместился на иные проблемы и темы.

Однако судебная практика применения ст. 169 ГК РФ в связке с иными федеральными законами свидетельствует о том, что предложение 2 статьи 169 вовсе не является мертвой бланкетной нормой. Поэтому тезис о гипотетическом применении взыскания в доход РФ нуждается в ревизии.

Для этого следует обратиться к актуальному проблемному вопросу – вопросу о «специальном» законе для статьи 169 ГК РФ. Во-первых, следует

определить, какими признаками должен обладать закон и какие нормы содержать для того, чтобы быть «специальным» по отношению к ст. 169 ГК РФ? Во-вторых, следует обратиться к российскому законодательству и определить, существуют ли в настоящий момент законы, отвечающие данным признакам, либо речь идет о систематических судебных ошибках.

Представляется, что такой закон должен отвечать следующим минимальным признакам:

1) закон регулирует в том числе и те общественные отношения, в рамках которых возможно совершение сделок, недействительных по статье 169 ГК РФ;

2) закон содержит охранительные нормы, конкретизирующие наступление юридической ответственности за совершение антисоциальных действий / бездействий;

3) одной из мер юридической ответственности в законе должно быть указано «взыскание в доход РФ».

Данные признаки являются минимальными для того, чтобы квалифицировать тот или иной закон в качестве «специального». В этом смысле программой-максимум будет являться детализация процедуры взыскания в доход РФ.

По мнению автора, к числу признаков, которым должен отвечать «специальный» закон, не может быть отнесено наличие прямого указания на применения взыскания в доход РФ именно к недействительным сделкам, поскольку единственным правовым актом, устанавливающим основания недействительности сделок, является Гражданский кодекс РФ. Кроме того, специальной нормой по отношению к статье 169 ГК РФ не может быть норма права, устанавливающая изъятие и обращение в доход РФ имущества, поскольку это не тождественная юридическая конструкция.

Как представляется автору, в действующем российском законодательстве лишь два закона возможно отнести к «специальным» по отношению к статье 169 ГК РФ: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ и Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Именно эти законы содержат конкретную меру ответственности в виде взыскания в доход РФ, хотя и не в связи с недействительностью таких сделок. Однако характер совершаемых сделок оставляет мало простора для усмотрения – коррупционные сделки и сделки, посягающие на свободу конкуренции антисоциальны, а значит, ничтожны. Обратимся к содержанию данных законов.

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ в статье 51 возлагает на лицо, нарушившее антимонопольное законодательство, обязанность по предписанию антимонопольного органа перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия) [6]. Неисполнение этой обязанности влечет взыскание указанного дохода в федеральный бюджет по иску антимонопольного органа. Употребле-

ние знакомой по ст. 169 ГК РФ конструкции «взыскание в доход» наталкивает на мысль, что положения ст. 51 – пример конкретизации положений ст. 169 ГК РФ.

В практике арбитражных судов сложилась позиция, что Закон № 57-ФЗ является специальным нормативным правовым актом, закрепляющим в силу его прямого указания возможность применения к ничтожным сделкам, совершенным с нарушением требований указанного закона, последствий их недействительности, закрепленных ГК РФ, в том числе статьей 169 ГК РФ, предусматривающей в качестве специального последствия недействительности сделки, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, взыскание в доход Российской Федерации всего полученного по такой сделке сторонами, действовавшими умышленно [7,8].

Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ в статье 13 содержит общую норму об ответственности (в т.ч. и гражданско-правовой) физических лиц за коррупционные правонарушения [9]. Специальной нормой по отношению к статье 169 ГК РФ является пункт 15 статьи 8.2. Закона № 273-ФЗ в контексте права прокуроров требовать через суд взыскание в доход РФ денежных средств, сведения о происхождении которых недостоверны.

Сделки, опосредующие взяточничество, составляют ядро актуальной судебной практики по применению взыскания в доход РФ в контексте статьи 169 ГК РФ. Как правило, она касается тех денежных средств, что не были конфискованы в рамках уголовного судопроизводства либо взыскание данных сумм не было заявлено в рамках гражданского иска.

В связи с этим встает резонный вопрос – корректно ли использовать материальные нормы гражданского права для решения вопросов, разрешение которых должно было, но не состоялось в уголовно-правовой плоскости? В этом контексте следует согласиться с позицией М.А. Егоровой, которая считает, что применение взыскания в доход государства по статье 169 не адекватно целям защиты лиц, пострадавших от коррупции, а для наказания самих коррупционеров при доказанности совершения ими преступления должна применяться санкция в виде конфискации имущества или иная предусмотренная законом уголовно-правовая санкция [10].

Второй вопрос, который возникает при анализе норм «специальных законов» – почему законодатель допустил применение взыскания в доход РФ именно в сфере противодействия коррупции и в сфере защиты конкуренции? Другие федеральные законы таких инструментов не содержат.

Для сравнения следует обратиться к Федеральному закону «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Данный закон регулирует сферу, которая, как и взяточничество, связана с совершением противоправных действий,

однако, в отличие от взяточничества, такие преступления имеют другого специального субъекта [11].

В судебной практике встречаются дела, когда суды взыскивают полученное сторонами по ничтожной сделке в доход государства на основании данного закона. Так, в одном из дел, районный и областной суд пришли к выводу, что поскольку сделка ничтожна на основании статьи 169 ГК РФ», а действия обеих сторон были направлены на достижение противоправного результата, в связи с чем всё полученное по сделке обоснованно взыскано в доход Российской Федерации [12].

Такая практика основана на неверном понимании смысла положений статьи 169 ГК РФ. В данном случае «специальный закон» не содержит каких-либо норм, которые даже гипотетически могли бы быть «специальными» по отношению к статье 169 ГК РФ. Поэтому в основном суды в большинстве случаев верно отказывают в применении последствий недействительности сделки на основании данного закона [13, 14].

Помимо названных законов, существует целая группа федеральных законов, где государство в ответ на антисоциальные действия, подпадающие под недействительные сделки по статье 169 ГК РФ, не взыскание в доход РФ, а конфискацию на основании статьи 243 ГК РФ. Это подсвечивает проблему соотношения норм ст. 169 и 243 ГК РФ. Почему в одном случае как инструмент противодействия коррупции используется взыскание в доход РФ, а в случае противодействия терроризму – конфискация имущества?

Речь идет о, например, Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах», Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии терроризму». Сделки, сопровождающие оборот наркотических средств и террористическую деятельность, очевидно совершаются с целью, противной основам правопорядка или нравственности и примеры таких сделок возможно привести, не выходя за тот перечень антисоциальных сделок, что указан в пункте 85 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Так, например, Федеральный закон «О противодействии терроризму» в статье 24 устанавливает несколько случаев, когда возможны конфискация и обращение в доход государства имущества, оставшегося после ликвидации организации, участвующей в террористической деятельности [15].

Проанализировав ряд федеральных законов на предмет возможности отнесения их к «специальным» по отношению к статье 169 ГК РФ, следует отметить ключевую черту нынешней судебной практики – далеко не все суды, применяя взыскание имущества в доход РФ, утруждаются в должном обосновании данных мер [16,17].

Как верно отмечает К.И. Скловский, само по себе признание сделки антисоциальной не дает су-

ду право взыскать полученное по сделке в доход государства [18]. Простой ссылки на статью 169 или на приговор суда недостаточно для правового обоснования применения меры ответственности, связанной с лишением субъекта права, пусть и виновного, например, в совершении преступления, недостаточно.

Представления о справедливости и забота об общественном порядке и не отменяют свойства судебного решения – законность и обоснованность. Взятничество антисоциально, но оно не может быть основанием для принятия незаконных, необоснованных, но справедливых решений. Все это говорит о том, что необходимо наладить механизм реализации публичных интересов в гражданском обороте так, чтобы он не выходил за рамки законности и представления о справедливости не подменяли в нем законность.

В этой связи проблему необоснованного применения взыскания в доход РФ как специального последствия недействительности по статье 169 ГК РФ возможно решить так же, как и когда-то была предпринята попытка решить проблему хаотичной квалификации сделок по данной статье РФ.

Необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 указанием на обязанность суда квалифицировать не только сделку, но и специальный закон, на основании которого применяется взыскание в доход РФ. Повышение стандартов к квалификации правовых явлений позволит отчасти избежать ситуаций, когда данное последствие мера будет применяться безосновательно, что скажется на снижении количественных и возможном увеличении качественных показателей судебных актов по данной категории дел.

Таким образом, обозначенные в ходе исследования аспекты демонстрируют концептуальные расхождения между представлениями цивилистов, участвовавших в проведении реформы главы 9 ГК РФ и судами, использующими плоды этих реформ в правоприменительной практике. Корень этого недопонимания лежит в плоскости вопроса о том, какой закон можно считать «специальным» по отношению к статье 169 ГК РФ.

Реформа 2013 года в свое время символизировала смену вех в правовом регулировании последствий недействительности сделок. Изменения в статьях 169 и 179 ГК РФ недвусмысленно сигнализировали, что государство считает более эффективным не прямое вмешательство в гражданский оборот, а установление механизмов защиты потерпевшей стороны сделки и ответственности недобросовестной стороны. Вокруг этой идеи и были выстроены поправки в статьи 169 и 179 ГК РФ, суть которых сводилась к ограничению применения взыскания РФ.

Безотносительно того, насколько корректна правоприменительная практика, она подчеркивает тенденцию, что предложение 2 статьи 169 ГК РФ не является мертвой нормой, а последствие недействительности сделки в виде взыскания в до-

ход РФ полученного по такой сделке имущества является не отнюдь не гипотетическим. В частности, в качестве «специальных» законов по отношению к статье 169 ГК РФ признаются судами федеральный закон «О противодействии коррупции» и федеральный закон «О защите конкуренции».

Вопреки этой задумке реформаторов, оставленная в статье 169 ГК РФ абстрактная возможность взыскания в доход РФ имущества, полученного сторонами по недействительной сделке, со временем благодаря трактовке судов продолжала активное функционирование. Государство в лице правоприменительных органов показало, что остаются сферы, защиту публичных интересов в которых оно готово отстаивать любыми правовыми средствами – как в плоскости уголовного права, так и в плоскости гражданского права. Эта тенденция вступает в полное противоречие с основной идеей реформы 2013 года и не устраняет тех проблем, что были обозначены еще в Концепции развития гражданского законодательства и считались решенными.

Поэтому вопрос о функционировании взыскания в доход РФ как специального последствия недействительности сделок остается острой темой, в которой мы еще далеки от того, чтобы поставить точку. Поэтому дискуссию о том, как распорядиться этим наследием советской юридической мысли необходимо продолжать. И, как представляется автору данного исследования возобновить её стоит именно с синхронизации цивилистики с текущими реалиями, для того, чтобы либо обновить представления доктрины, либо скорректировать отклоняющуюся от этих убеждений судебную практику.

О каких-либо радикальных шагах, таких как исключение санкции статьи 169 ГК РФ говорить бессмысленно – хотя бы до тех пор, пока не будет проведена «инвентаризация» средств воздействия государства на частные отношения и пока не будет проведено четкое доктринальное различие между конфискацией в уголовно-правовом смысле и конфискации в гражданско-правовом смысле, а также взысканием в доход РФ и изъятием и обращением в доход РФ.

Остается надеяться, со временем прорастет новая дискуссия, результатом которой будет внятное разграничение указанных категорий, и это найдет свое отражение в нормах права, что направит правоприменение в верное русло.

Литература

1. Карапетов А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 ГК РФ. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

3. Федеральный закон от 07.05.2013 № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – ст. 2327.
4. Жуков Е.Н., Киреева Е.В. Некоторые проблемы применения реституции // Право и практика. 2018. № 3. С. 151–156.
5. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. I: Общая часть. М.: Статут, 2019. 596 с.
6. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – ст. 3434.
7. Решение Арбитражного суда Мурманской области от 10.10.2022 по делу № А42–7217/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/14ecaf4d-1e62-4a87-881d-fa6fc039f6e8/2588ba1f-84d7-4363-9fa4-c4f1aeefbf576/A42-7217-2021_20221010_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.05.2022 по делу № А42–10735/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1e031633-eee6-4302-872c-1046e74c1961/c1feb657-5abe-41f6-9af2-811252014a97/A42-10735-2019_20220505_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 03.11.2022).
9. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – ст. 6228.
10. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография [Электронный ресурс] / отв. ред. М.А. Егорова. // СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (часть I). – ст. 3418.
12. Определение Нижегородского областного суда от 06.07.2021 по делу № 2–541/2021. URL: https://oblsud-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2685540&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения 03.11.2022).
13. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2022 по делу № 8Г-8113/2022 [88–9389/2022]. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15801479&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (дата обращения 24.10.2022).
14. Определение Челябинского областного суда от 24.06.2022 по делу № 11–6790/2022. URL: https://oblsud-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=26289154&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения 17.10.2022).
15. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. От 26.05.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – ст. 1146.
16. Решение Октябрьского районного суда г. Тамбова (Тамбовская область) от 18.08.2021 по делу № 2–3046/2021. URL: https://sud23-tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76370649&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 07.10.2022).
17. Определение Тульского областного суда от 14.07.2021 по делу № 33–2310/2021. URL: https://oblsud-tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42152052&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения 15.10.2022).
18. Скловский К.И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // СПС «КонсультантПлюс».

FORMATION OF THE INSTITUTION OF COLLECTION OF PROPERTY RECEIVED UNDER AN INVALID TRANSACTION THAT VIOLATES THE RULE OF LAW TO THE STATE'S INCOME

Eremenko D.E.

Novosibirsk State University

The article discusses the confiscation in state revenue received by the parties under the transaction as a consequence of its invalidity. The author reveals the idea of introducing amendments to Articles 169 and 179 of the Civil Code of the Russian Federation in 2013. A discrepancy between the conviction of the civil doctrine that this consequence of invalidity is not applied until a special law is developed and the judicial practice of applying Article 169 of the Civil Code of the Russian Federation is revealed. The issue of a special law necessary for the conversion of the property received under the transaction to the state revenue under Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation. The range of such laws and their content is determined. The author noted the trends in the application of confiscation to the income of the Russian Federation under Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation regarding the unreasonable application of this consequence of the invalidity of transactions. The result of the study is the refutation of the thesis about the hypothetical application of a penalty to the income of the Russian Federation as a consequence of the invalidity of transactions. In this regard, the discussion about the advisability of having this consequence of invalidity in Chapter 9 of the Civil Code of the Russian Federation remains relevant and needs to be further developed.

Keywords: invalidity of the transaction, consequences of the invalidity of the transaction, unilateral restitution, non-admission of restitution, recovery to the income of the Russian Federation, confiscation.

References

1. Karapetov A.G. Transactions, representation, limitation period: article-by-article commentary on Articles 153–208 of the Civ-

- il Code of the Russian Federation. Moscow: M–Logos, 2018. 1264 p.
2. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation on codification and improvement of civil legislation dated 07.10.2009) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. No. 11.
 3. Federal Law No. 100-FZ of 07.05.2013 (as amended on 12/28/2016) «On Amendments to Subsections 4 and 5 of Section I of Part One and Article 1153 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2013. – No. 19. – Article 2327.
 4. Zhukov E.N., Kireeva E.V. Some problems of the use of restitution // Law and practice. 2018. No.3. pp. 151–156.
 5. Sukhanov E.A. Civil law: textbook: in 4 vols. I: General part. M.: Statute, 2019. 596 p.
 6. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 «On Protection of Competition» (ed. Of 11.06.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No.31. – Article 3434.7.
 7. Decision of the Arbitration Court of the Murmansk region of 10.10.2022 in case No. A42–7217/2021. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/14ecaf4d-1e62-4a87-881d-fa6f-c039f6e8/2588ba1f-84d7-4363-9fa4-c4f1aeebf576/A42-7217-2021_20221010_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.
 8. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 05.05.2022 in case no. A42–10735/2019. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1e031633-eee6-4302-872c-1046e74c1961/c1feb657-5abe-41f6-9af2-811252014a97/A42-107352019_20220505_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isaddstamp=True (accessed 03.11.2022).
 9. Federal Law «On Combating Corruption» dated 25.12.2008 No. 273-FZ (ed. dated 07.10.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. – No. 52 (part 1). – Article 6228.
 10. Kabanova I.E. Civil liability of public entities: issues of theory and practice: monograph [Electronic resource] / ed. by M.A. Egorov. // SPS «Consultanplus».
 11. Federal Law No. 115-FZ of 07.08.2001 (as amended on 14.07.2022) «On Countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism» (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 33 (part I). – V. 3418.
 12. The ruling of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 06.07.2021 in case No. 2–541/2021. URL: https://oblsud-nnov.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=2685540&delo_id=5&new=5&text_number=1 (accessed 03.11.2022).
 13. Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 28.09.2022 in case No. 8G-8113/2022 [88–9389/2022]. URL: https://7kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15801479&delo_id=2800001&new=2800001&text_number=1 (accessed 24.10.2022).
 14. The ruling of the Chelyabinsk Regional Court dated 06/24/2022 in case No. 11–6790/2022. URL: https://oblsud-chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=26289154&delo_id=5&new=5&text_number=1 (accessed 17.10.2022).
 15. Federal Law No. 35-FZ of 06.03.2006 «On Countering Terrorism» (ed. Dated 26.05.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 11. – Article 1146.
 16. The decision of the Oktyabrsky District Court of Tambov (Tambov region) of 18.08.2021 in case No. 2–3046/2021. URL: https://sud23-tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=76370649&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed 07.10.2022).
 17. Ruling of the Tula Regional Court of 14.07.2021 in case No. 33–2310/2021. URL: https://oblsud-tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42152052&delo_id=5&new=5&text_number=1 (accessed 10/15/2022).
 18. Sklovsky K.I. Application of legislation on the circulation of property received as a result of violation of anti-corruption legislation to the state income // SPS «ConsultantPlus».

Особенности правового регулирования искусственного интеллекта в Индонезии и Малайзии

Князева Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: knyazeva.na@dvfu.ru

Третьякова Наталья Александрова,

Студент Юридической школы Дальневосточного федерального университета
E-mail: tretyakova.na@students.dvfu.ru

Данная статья посвящена исследованию вопросов разработки правового поля использования искусственного интеллекта в различных сферах жизни общества и государства. С учетом разных подходов при решении данного вопроса на национальной уровне, следует рассмотреть несколько вариантов формирования нормативных правил использования ИИ, которые применяют другие страны, имеющие высокий уровень технологического развития. Одними из таких являются Индонезия и Малайзия, которые являются лидерами цифрового и технологического развития в мире. В работе подробно рассматриваются принципы внедрения искусственного интеллекта согласно специальным программам, планам развития цифровой экономики и принятым Стратегиям. Выделяются плюсы и минусы использования ИИ в сфере здравоохранения и государственного управления. Сравнение этих двух стран в различных правовых плоскостях выделяет много общих черт, что позволит им заимствовать опыт друг друга в правовом регулировании, и который в свою очередь может использовать Россия.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберправо, право Малайзии, право Индонезии, право цифровых технологий, правовое регулирование ИИ.

Стремительное технологическое развитие привело к активной разработке и внедрения искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы общественной жизни – от медицины и банковского сектора до применения ИИ в области государственного управления и военного сектора. Использование ИИ способно обеспечить быстрое и точное решение сложных задач, повысить качество оказания услуг и значительно облегчить

Необходимость адекватного и качественного нормативного регулирования в этой области вызвано решением целого ряда вопросов: использования ИИ в транспортной сфере, защиты персональных данных, коммерческой, банковской тайны, вопросы ответственности при совершении ряда преступлений с использованием ИИ, возмещения вреда, причиненного искусственным интеллектом и др.

Как правильно замечает Р.И. Дремлюга существует определенный путь формирования нормативных правил использования ИИ, в разной форме на национальном уровне формулируются общие принципы и положения регулирования сферы применения искусственного интеллекта [1, с. 217]. Используя опыт других стран, которые являются лидерами в вопросах цифровизации, разработки, внедрения и использования искусственного интеллекта, мы можем определить свой путь в построении эффективной системы регулирования данной области.

Среди всех стран, которые уже создали различные механизмы нормативного закрепления основ разработки и использования ИИ, особенно хочется отметить страны Юго-восточной Азии. Многие развивающиеся страны этого региона являются перспективными и инвестиционно привлекательными, Малайзия и Индонезия не стали исключением. Выбор именно этих стран для исследования был обусловлен схожестью уровня цифровизации и регулирования в сфере цифрового права по сравнению с Россией, что позволит странам заимствовать опыт друг друга, а также освоить новые рынки и наладить сотрудничество, что особенно актуально в связи с поворотом российской политики на восток

Индонезия и Малайзия схожи по уровню общего регулирования по вопросам искусственного интеллекта – единый закон, который содержит нормы, регламентирующие отношения по поводу разработки, внедрения и применения искусственного интеллекта, в обеих странах отсутствует. В зависимости от сферы, где уже применяется или возможно в дальнейшем внедрении ИИ, существует

перечень законов и подзаконных актов. В зависимости от сферы, где уже применяется или возможно в дальнейшем внедрении ИИ, существует перечень определенных законов и подзаконных актов. Также для конкретных отраслей общественной жизни предусмотрена разработка собственных правил и требований по интегрированию ИИ в таких областях как транспорт, финансовые услуги, образование, здравоохранение и СМИ.

Малайзия стала одной из первых развивающихся стран, которая поставила задачу реализовать долгосрочную стратегию по развитию цифровых технологий и искусственного интеллекта. Впервые вопросы разработки и внедрения ИИ в Малайзии появились еще в 1991 г. и нашли свое отражение в Стратегии развития и укрепления национальных инновационных систем (НИС) Малайзии, которая базируется на специальной программе *Wawasan 2020* или *Vision 2020* – долгосрочном плане ее экономического развития [2, дата обращения: 06.07.2022]. При этом главным объектом внимания властей Малайзии на протяжении многих лет является сектор информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

С начала 1990-х гг. малайзийское правительство значительно активизировало свои меры по превращению страны в один из ведущих мировых центров ИКТ при помощи крупномасштабных инвестиций в ряд специальных программ, сфокусированных на ускоренном развитии инфраструктурной и институциональной составляющих сектора ИКТ. В частности, созданный в 1994 г. Национальный совет по информационным технологиям (НИТС) является главным разработчиком государственной стратегии в сфере ИКТ. Малайзийская корпорация развития руководит работой Мультимедийного Супер Коридора (*Multimedia Super Corridor (MSC)*), – ключевого научно-технологического кластера малайзийской экономики, своеобразной «расширенной версией» сингапурской технопарковой системы, но с более узкой отраслевой привязкой.

В 2000-х гг. наметились значительные изменения относительно развития, внедрения и использования ИИ-технологий в различных сферах общественной жизни. Принятая в 2017 г. Национальная политика трансформации Малайзии до 2050 г. (2017 г.) (*Malaysia's National Transformation Policy 2050 (2017)*) отводит большую роль науке и технологиям во всех секторах и предусматривает экономическую трансформацию страны до 2050 г. [3, дата обращения: 11.07.2022]. В рамках усиления развития цифровых технологий в 2017 г. был принят план разработки Национальной ИИ-фреймворка для Малайзии. Однако, к сожалению, данный проект не получил своего дальнейшего развития, так как новое правительство Малайзии пока не обновило Национальную ИИ-стратегию.

Наибольшие подвижки в развитии ИИ наметились уже в 2022 г. когда был представлен план развития цифровой экономики Малайзии (*Malaysia Digital Economy Blueprint*) [4, дата обращения: 11.07.2022], который определяет траекторию ро-

ста цифровой экономики страны. Среди его основных стратегических направлений следует отметить следующие:

- Повышение конкурентоспособности экономики за счет цифровизации;
- Развитие цифровой инфраструктуры;
- Формирование цифровой квалифицированной рабочей силы;
- Создание инклюзивного цифрового общества и создание безопасной и этичной цифровой среды.

Необходимо отметить, что в отдельных штатах (султанатах) Малайзии приняты свои Планы (Стратегии), а также разработано нормативное поле для внедрения цифровых технологий с различными институты общества. Например, султанат (штат) Селангор в 2020 г. подготовил План действий *Smart Selangor* до 2025 г. (*The Smart Selangor Action Plan 2025 prepared by the Smart Selangor Delivery Unit (SSDU)*) [5, дата обращения: 10.07.2022]. Согласно утвержденному Плану к 2050 г. будет создано Умное правительство (*Smart Government*), т.е. использующее цифровые технологии для проведение своей политики, получения сведений на основе обработки данных из нескольких источников для более быстрого, беспрепятственного и эффективного оказания услуг с учетом потребностей граждан, а также для сокращения бюрократических проволочек.

В Индонезии принятая Стратегия развития (*Strategi Nasional Kecerdasan Artifisial Indonesia*) [6, дата обращения: 06.07.2022] является весьма многообещающим характером. Однако, горизонт ее планирования довольно отдаленный – 2020–2045 гг., что не характерно для азиатских стран.

В принятой стратегии выделяются четыре основных вектора для работы:

1. Положения, регулирующие отдельные виды применения технологии искусственного интеллекта (например, автоматизированное принятие решений, распознавание лиц, беспилотные автомобили);
2. Положения, которые регулируют применение технологий в определенном секторе экономики (например, финансы, здравоохранение, управление человеческими ресурсами);
3. Вопросы привлечения к юридической ответственности за негативные последствия и вред, причиненный в результате использования искусственного интеллекта;
4. Кодекс этики, созданный либо ассоциациями субъектов бизнеса искусственного интеллекта, либо инициативными группами.

Но, так как процесс работы с искусственным интеллектом в этой стране был начат совсем недавно, то видимых результатов пока не так много.

Как отмечалось ранее не смотря на отсутствие в Индонезии и Малайзии единого нормативного акта по вопросам регулирования искусственного интеллекта, можно выделить отдельные сферы деятельности, которые активно внедряют ИИ в свою деятельность. При этом следует отметить как по-

ложительные стороны правовой регламентации и использования ИИ, так и отрицательные.

В Индонезии одним из приоритетов упомянутой ранее Национальной стратегии искусственного интеллекта является здравоохранение. Исследования в области применения интеллектуальных систем в области здравоохранения Индонезии проводятся с 2000 г. Например, исследователи использовали экспертную систему, чтобы помочь диагностировать туберкулез. Экспертные системы – это компьютерные системы, которые имитируют способность человека-эксперта принимать решения, фактически такая технология является предшественником современных систем ИИ. В настоящее время система используется для диагностики различных инфекционных и неинфекционных заболеваний, таких как коклюш, дифтерия, болезни сердца и инсульт.

Однако, существует определенное правовое препятствие внедрения ИИ в здравоохранении является защита персональных данных. Закон о здравоохранении (Закон № 36 от 2009 г. о здравоохранении) [7, дата обращения: 21.07.2022] и его имплементационный регламент защищают информацию о пациентах, содержащуюся в медицинских картах. За исключением определенных обстоятельств, информация в медицинских картах должна храниться в тайне врачами и руководителями медицинских учреждений, и не может быть передана другим лицам без согласия пациентов. Кроме того, поставщики электронных услуг должны обеспечивать конфиденциальность, полноту, подлинность и доступность электронной информации или электронных документов в соответствии с действующими законами и нормативными актами.

В отличие от Индонезии в Малайзии использование ИИ в системе здравоохранения полноценно началось намного позднее – в 2019 г. В этот период началось сотрудничество между Управлением инвестиционного развития Малайзии, Центром Совместных исследований в области инженерии, науки и технологий (Crest) и M3DICINE, которому содействовала Группа развития телемедицины (TDG). Стратегия сотрудничества направлена на использование ИИ в медицинской и ветеринарной сфере. В частности, обновления и техническая поддержка Stethee Pro – стетоскопической системы с поддержкой искусственного интеллекта, которая позволяет пользователям прослушивать звуки сердца и легких с помощью сложной технологии усиления и фильтрации. Это улучшает способ исследования сердца и легких с подробным и точным анализом, позволяя передавать записи на устройство (смартфон или планшет), через технологию Bluetooth [8, дата обращения: 07.07.2022].

Развитие ИИ в области медицины и здравоохранения в Индонезии и Малайзии произошло в связи с пандемией COVID-19. В частности, в Индонезии Национальная технология обнаружения COVID-19, использующая искусственный интеллект, GeNose, получила разрешение на распространение от Министерства здравоохранения в декабре 2020 г.

В Малайзии в середине 2020 г. Huawei Malaysia начала сотрудничество с Министерством здравоохранения Малайзии, чтобы внедрить диагностическое решение Huawei с помощью облачного искусственного интеллекта в больницу COVID-19 в Малайзии, чтобы обеспечить более быструю диагностику COVID-19.

В Индонезии и Малайзии наибольшие сложности применения ИИ сложились в сфере государственного управления. В Индонезии разрабатываются проекты интегрирования ИИ в систему образования и различные области исследования, здравоохранения, продовольственной безопасности, а также для создания умных городов. В ряде государственных проектов уже используются технологии ИИ, в том числе для прогнозирования лесных пожаров, в то время как некоторые правительственные учреждения продвигают разработку ИИ и технологические решения в школах и на преподавательских факультетах. Однако, сама Национальная стратегия рассматривает в качестве препятствий для развития ИИ в сфере государственного управления доминирование импортных технологий на индонезийском рынке, нехватку квалифицированной рабочей силы и злоупотребление доступом к данным. В качестве возможного решения рекомендуется сосредоточиться на инфраструктуре и данных, исследованиях и промышленных инновациях, этике и политике, а также на подготовке кадров. Также предлагается создать совет по этике данных для контроля оборота данных, а также разработать правила и установить национальные стандарты для инноваций в области искусственного интеллекта.

В Малайзии в этой сфере ситуация куда лучше, так как данная страна на сегодняшний день является одним из лидеров по интегрированию современных информационно-телекоммуникационных технических средств в судебную деятельность. Одной из задач внедрения цифровых технологий в судебный процесс является реформирование целиком системы правосудия в Малайзии для более эффективной работы самих судов, а также в целях ее доступности и уменьшение затрат на осуществления правосудия.

Е.П. Ермакова отмечает, что сейчас система электронного правосудия в Малайзии базируется на идее создания так называемого «Зеленого суда» (E-court system) – внедрение современных инновационных технических средств в судопроизводство с целью уменьшения использования бумажных носителей [9, с. 124].

В 2004 г. в качестве пилотных проектов по созданию электронного правосудия были использованы два высших суда в Куала-Лумпуре. Однако только в 2011 г. были интегрированы в судебный процесс следующие типы систем:

- 1) видеоконференцсвязь;
- 2) управление делами;
- 3) портал общественности и адвоката;
- 4) запись и транскрибация судебных решений;
- 5) электронная подача документов.

Сейчас судебная система Малайзии продолжает реформирование с целью интегрирования в процесс технологий ИИ, создания виртуальных залов судебных заседаний и голограмм, с помощью которых получается изображение [10, с. 1135]. Особо следует отметить создание в 2016 г. в Малайзии Киберсуда, расположенного Куала-Лумпуре. Причиной создания данного суда явилось огромное количество совершенных преступлений в сфере IT-технологий. Данный суд призван разрешать дела, связанные с киберпреступлениями, а также иные гражданские споры, связанные с высокими технологиями, в соответствии с практическими указаниями главного секретаря Федерального суда Малайзии № 5 от 2016 г. [11, с. дата обращения: 07.07.2022].

В Малайзии программное обеспечение для искусственного интеллекта, разработанное государственной фирмой Sarawak Information Systems, было впервые представлено в 2020 г. в двух судах в Сабахе и Сараваке на острове Борнео в рамках пилотной схемы по изучению эффективности искусственного интеллекта при вынесении приговоров. Суд штата Сабах первым в стране в тестовом испытании применил ИИ для вынесения судебного приговора, когда в 2020 г. – он признал двух мужчин виновными в хранении наркотиков.

Однако, использование ИИ в системе уголовного судопроизводства вызвало недовольство в юридической среде. В частности, малайзийские юристы утверждают, что использование системы ИИ в системе правосудия страны является «неконституционным».

Помимо критики использования ИИ в системе уголовного правосудия, все еще остается нерешенной проблема правового регулирования вопросов интегрирования ИИ в государственную сферу управления отдельными нормативными актами (в том числе и самими штатами (султанатами) Малайзии), которые не всегда идеально вписываются в принятые Планы развития Малайзии в области цифровой трансформации и искусственного интеллекта. А поскольку отсутствует единый подход к этому вопросу отсутствует, то часть сфер государственного управления просто выпадает из данного механизма.

По правильному замечанию В.М. Кузнецова интегрирование в гражданское судопроизводство различных технических средств связано с трудностями с точки зрения их правовой определенности, обеспечения безопасности и сохранения базовых гарантий [12, с. 66].

Отсутствие в Индонезии и Малайзии единой (общей) правовой основы регулирования вопросов искусственного интеллекта, а также существующие пробелы в правовом регулировании технологий с использованием ИИ – в частности, нет четко проработанных механизмом защиты физических и юридических лиц в случае причинения вреда искусственным интеллектом, отсутствие правового обеспечения решения вопросов использования ИИ в осуществлении правосудия, расследования

преступлений, собирания и оценивания доказательств по делу. Все это может пагубно повлиять на дальнейшее развитие данной сферы. В частности, нет четко проработанных механизмом защиты физических и юридических лиц в случае причинения вреда искусственным интеллектом, отсутствие правового обеспечения решения вопросов использования ИИ в осуществлении правосудия, расследования преступлений, собирания и оценивания доказательств по делу.

Однако, не смотря на определенные сложности, с которыми сталкивается Индонезия и Малайзия на этапе правового обеспечения ИИ, существующая поддержка государства по данному процессу направлена на усиление использования ИИ практически во всех жизни общества, в том числе и в секторе государственного управления.

Литература

1. Дремлюга Р.И. Основы национального регулирования применения искусственного интеллекта: опыт Сингапура // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24. – № 1. – С. 214–224.
2. Vision 2020. 06.07.2022 г. https://www.akademisains.gov.my/wp-content/uploads/2019/12/Vision-2020_complete.pdf
3. Malaysia's Transformasi Nasional 2050 Brings Bold New Style, but to What End? 11.07.2022 г. https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_31.pdf
4. Malaysia Digital Economy Blueprint. 11.07.2022 г. <https://www.epu.gov.my/sites/default/files/2021-02/malaysia-digital-economy-blueprint.pdf>
5. The Smart Selangor Action Plan 2025 prepared by the Smart Selangor Delivery Unit (SSDU). 10.07.2022 г. <https://www.smartselangor.com.my/wp-content/uploads/2020/09/SSAP-OFFICIAL-26Aug20.pdf>
6. Indonesian Artificial Intelligence Innovation Center. 06.07.2022 г. <https://ai-innovation.id/strategi>
7. Law on Health (Law No. 36/2009). 21.07.2022 г. https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=91185#:~:text=This%20Law%20regulates%3A%20the%20general,realize%20the%20highest%20possible%20health
8. AI in Healthcare in Malaysia. 07.07.2022 г. <https://conventuslaw.com/report/overview-of-artificial-intelligence-in-malaysia/>
9. Ермакова Е.П. Гражданский процесс, арбитраж и медиация в Гонконге, Индонезии, Малайзии, Сингапуре и Филиппинах. Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 184 с.
10. Русакова Е.П. Электронное гражданское судопроизводство в Индонезии, Таиланде, Малайзии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2020 – Т. 24. – № 4. – С. 1122–1140.
11. Edwin Lee, Yong Cieh. Special cyber court and E-Court. 07.07.2022 г. <https://glitlaw.my/2018/05/24/special-cyber-court-and-e-court/>

12. Кузнецов М.Н. Влияние цифровизации на некоторые руководящие начала гражданского судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 2 (38). – С. 58–67.

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN INDONESIA AND MALAYSIA

Knyazeva N.A., Tretyakova N.A.
Far Eastern Federal University

This article is devoted to the study of the development of the legal field for the use of artificial intelligence in various spheres of society and the state. Given the different approaches to addressing this issue at the national level, it is necessary to consider several options for the formation of normative rules for the use of AI, which are used by other countries with a high level of technological development. One of these are Indonesia and Malaysia, which are leaders in digital and technological development in the world. The study discusses in detail the principles of introducing artificial intelligence in accordance with special programs, plans for the development of the digital economy and adopted strategies. The pros and cons of using AI in healthcare and public administration are highlighted. Comparison of these two countries in various legal planes highlights many common features, which will allow them to borrow each other's experience in legal regulation, and which Russia can use.

Keywords: artificial intelligence, cyber law, Malaysian law, Indonesian law, digital technology law, AI legal regulation.

References

1. Dremlyuga R.I. Fundamentals of national regulation of the use of artificial intelligence: the experience of Singapore // Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law. – 2022. – Т. 24. – No. 1. – P. 214–224.
2. Vision 2020. 06.07.2022 г. https://www.akademisains.gov.my/wp-content/uploads/2019/12/Vision-2020_complete.pdf
3. Malaysia's Transformasi Nasional 2050 Brings Bold New Style, but to What End? 11.07.2022 https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_31.pdf
4. Malaysia Digital Economy Blueprint. 11.07.2022 <https://www.epu.gov.my/sites/default/files/2021-02/malaysia-digital-economy-blueprint.pdf>
5. The Smart Selangor Action Plan 2025 prepared by the Smart Selangor Delivery Unit (SSDU). 10.07.2022 <https://www.smart-selangor.com.my/wp-content/uploads/2020/09/SSAP-OFFICIAL-26Aug20.pdf>
6. Indonesian Artificial Intelligence Innovation Center. 06.07.2022 <https://ai-innovation.id/strategi>
7. Law on Health (Law No. 36/2009). 21.07.2022 https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=en&p_isn=91185#:~:text=This%20Law%20regulates%3A%20the%20general,realize%20the%20highest%20possible%20health
8. AI in Healthcare in Malaysia. 07.07.2022 <https://conventuslaw.com/report/overview-of-artificial-intelligence-in-malaysia/>
9. Ermakova E.P. Civil Litigation, Arbitration and Mediation in Hong Kong, Indonesia, Malaysia, Singapore and the Philippines. Monograph. – M.: Yurlitinform, 2015. – 184 p.
10. Rusakova E.P. Electronic civil litigation in Indonesia, Thailand, Malaysia // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. – 2020 – Т. 24. – No. 4. – P. 1122–1140.
11. Edwin Lee, Yong Cieh. Special cyber court and E-Court. 07.07.2022 г. <https://gltlaw.my/2018/05/24/special-cyber-court-and-e-court/>
12. Kuznetsov M.N. Influence of digitalization on some guiding principles of civil legal proceedings // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. – 2020. – No. 2 (38). – p. 58–67.

Правовые инструменты осуществления контроля трансфертного ценообразования в сфере налогового, таможенного и антимонопольного регулирования

Куприянов Александр Сергеевич,

старший преподаватель кафедры административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета, соискатель Института государства и права Российской академии наук
E-mail: justic_self@mail.ru

Настоящая статья посвящена анализу правовых инструментов публичного контроля трансфертного ценообразования, применяемых в налоговой, таможенной сфере, а также в области антимонопольного регулирования в целях определения направлений совершенствования законодательства, определяющего порядок осуществления государственного финансового контроля.

Автор отмечает значимость альтернативных правовых средств осуществления контроля трансфертного ценообразования, а также целесообразность применения в обозначенной сфере мировых и медиативных соглашений.

Определены условия определения рыночных цен: правила установления цены сделки взаимозависимых компаний по требованию антимонопольного органа на основе положений ст. 105.4 НК РФ, правила определения рыночной цены биржевых сделок взаимозависимых компаний, правила расчета цены сделки надлежащим оценщиком в рамках законодательства об оценочной деятельности.

Проводится анализ судебно-арбитражной практики с заключением мировых соглашений.

Ключевые слова: публичный контроль, трансфертное ценообразование, налоговая сфера, таможенный, антимонопольный контроль, правовые инструменты контроля трансфертного ценообразования.

Государственный контроль за финансовыми операциями, входящими в круг сделок, составляющий структуру хозяйственной деятельности организаций, включает в себя контроль трансфертного ценообразования, осуществляемый налоговыми, таможенными органами, а также Федеральной антимонопольной службой.

Параллельное правовое регулирование контроля трансфертного ценообразования, отсутствие сопряженности законодательных актов, обеспечивающих осуществление контроля рассматриваемого финансового контроля не позволяет создать единый режим правового регулирования контрольно-организационных отношений в сфере ценообразования.

Проблемы осуществления контроля трансфертного ценообразования, направленного на обеспечение функционирования механизма денежного обращения и фискального обложения, вызваны, с одной стороны цифровизацией и глобализацией экономических процессов, а, с другой стороны, несовершенством правового инструментария, применяемого в рассматриваемой области. Так, одна из ключевых проблем осуществления контроля трансфертного ценообразования состоит в том, что цифровые компании, не подчиняются правовым средствам контроля, закрепленным в налоговом, таможенном и антимонопольном праве. Другая проблема осуществления контроля трансфертного ценообразования состоит в развитии в рамках внешнеэкономических отношений недобросовестной практики применения договорных конструкций, позволяющих переносить большую часть стоимости товаров на лицензионные платежи, что предоставляет хозяйствующим субъектам возможность обходить правила контроля трансфертного ценообразования, осуществляемого таможенными органами.

Кроме того, предусмотренные законодательством правовые инструменты осуществления контроля в условиях санкций не позволяют определить, является ли цена рыночной, поскольку «... отсутствует доступ к информации международных агентов, а сам характер ценообразования не понятен» [1].

Отметим, что термин «контроль трансфертного ценообразования» относится к терминам налогового законодательства, таможенного и антимонопольного законодательства такого термина не содержит, но фактически с учетом применяемых инструментов, данный контроль в таможенном и конкурентном праве осуществляется.

Обозначенные проблемы требуют исследования закрепленных в налоговом, таможенном и конкурентном праве правовых средств осуществления публичного контроля трансфертного ценообразования, к числу которых помимо норм права относятся «индивидуальные предписания, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты регулирования, рассматриваемые в единстве характерного для них содержания и формы» [2, С. 12–19.].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовые инструменты осуществления публичного контроля трансфертного ценообразования можно разделить на *императивные*, выраженные в определенной категоричной форме, и *альтернативные*, появление которых вызвано развитием правоприменительной практики, а также применением договорных конструкций.

К числу императивных правовых инструментов относятся закрепленные в гл. 14.1–14.5 раздела V.1 НК РФ правовой статус взаимозависимых лиц, методика ценообразования с учетом сопоставления критериев обычных сделок и сделок взаимозависимых лиц, методика установления доходов взаимозависимых лиц от контролируемых сделок, формальные правила подготовки, заключения, исполнения контролируемой сделки и предоставления данных по сделкам групп международных корпораций, а также условия налогового контроля за ценами по контролируемым сделкам.

В свою очередь к альтернативным правовым инструментам публичного контроля трансфертного ценообразования относятся закрепленные в п. 8–12 ст. 105.3 НК РФ условия определения рыночных цен в обход мероприятий налогового контроля, в том числе, правила установления цены сделки взаимозависимых компаний по требованию антимонопольного органа на основе положений ст. 105.4 НК РФ, правила определения рыночной цены биржевых сделок взаимозависимых компаний, правила расчета цены сделки надлежащим оценщиком в рамках законодательства об оценочной деятельности [3] и т.д.

Кроме того, альтернативное правовое регулирование контроля трансфертного ценообразования сложилось в результате развития правоприменительной практики, в рамках которой созданы прецеденты для осуществления контроля за ценообразованием в отношении лиц, не являющихся участниками подконтрольных сделок, через *оценку обоснованности налоговой выгоды* [4, С. 111]. Такой подход фактически привел к размыванию границ осуществления контроля трансфертного ценообразования, которые обозначены законодателем [5].

Значимость и внушительный объем норм НК РФ определяет базовый характер правовых инструментов налогового контроля трансфертного ценообразования, формирующих принципиальные основы правового регулирования схожих инструментов таможенного и антимонопольного контроля.

Правовые инструменты контроля трансфертного ценообразования в налоговой сфере имеют

много общего с правовыми инструментами контроля в таможенной сфере и в области антимонопольного регулирования. Вместе с тем осуществление публичного контроля трансфертного ценообразования в таможенной сфере не сопровождается применением альтернативных правовых инструментов в силу строгой императивности системы таможенного контроля. Так, содержание правовых инструментов таможенного контроля трансфертного ценообразования регулируется ТК ЕАЭС [6] и др. актами союзного уровня. В частности, согласно ст. 35 ТК ЕАЭС, комплекс мероприятий проверки публичного контроля трансфертной таможенной цены установлен Правилами использования первого метода расчета сделки с ввозимым товаром по рыночной стоимости (далее – Правила [7]). Согласно обозначенным Правилам действует императивное требование приоритетного определения таможенной стоимости по первому методу на основе рыночной стоимости соответствующего товара, которое не предполагает применение каких-либо альтернативных инструментов трансфертного таможенного ценообразования.

Конкретизация условий применения правовых инструментов контроля трансфертного ценообразования в сфере антимонопольного регулирования отсутствует в Федеральных законах от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [8] и от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях» [9]. Однако особенности регулирования конкурентной среды с участием взаимосвязанных (взаимозависимых) лиц в рамках антимонопольной государственной политики, существенно отражаются на рыночных ценах товара и трансфертном ценообразовании, что аргументируется российскими исследователями [10, С.152; 12, С. 96–104.].

К инструментам конкурентного биржевого ценообразования, определяющих условия антимонопольного контроля трансфертного ценообразования, относятся: метод экономического обоснования цены; метод с вычетом логистических издержек; метод обоснования цены по критериям сбалансированного рынка; метод «средневзвешенных цен»; и т.д. [11; 13, С.33].

С учетом изложенного, правовые инструменты регулирования ценообразования для целей применения антимонопольного законодательства могут применяться для подтверждения, дополнительных расчетов рыночной товарной цены и для проведения экспертных исследований по вопросам трансфертного ценообразования, что подтверждается функционированием с 2012 года межведомственной группы по проблемам налогового и антимонопольного ценообразования. Задачами этой рабочей группы ФАС и ФНС России являются экспертная разработка предложений в части развития законодательства в отношении рыночных цен и средств их контроля, обоснование методологии ценообразования с учетом взаимозависимости группы лиц и т.д. [14, С. 13].

В условиях формирования современной модели государственного финансового контроля, обе-

спечивающей эффективное взаимодействие контролирующих и подконтрольных субъектов, важное значение приобретают альтернативные правовые инструменты регулирования контрольно-организационных отношений, к числу которых относятся, во-первых, *соглашения о ценообразовании*, позволяющие в некоторой мере изменить императивный порядок налогового контроля, установленный в главах 14.1–14.5 раздела V.1 НК РФ [15, С. 3]. Вместе с тем согласно п. 1 ст. 105.19 НК возможность применения соглашения о трансфертном ценообразовании как альтернативного правового инструмента предоставлена только крупнейшим налогоплательщикам, признаки которых определяются ст. 83 НК РФ и соответствующим подзаконным нормативным правовым актом [16], что отражает узконаправленный, несбалансированный характер этого альтернативного правового инструмента осуществления трансфертного налогового ценообразования.

Во-вторых, в качестве альтернативного правового инструмента осуществления контроля трансфертного ценообразования следует рассматривать *договор о создании консолидированной группы налогоплательщиков*, правовой статус которой позволяет избежать контроля трансфертного ценообразования.

В-третьих, осуществление антимонопольного контроля трансфертного ценообразования посредством *соглашений* происходит в отношении ИТ-компаний. Это обусловлено тем, что цифровые компании не подчиняются правовым средствам, закрепленным в налоговом, таможенном и антимонопольном праве. Далеко не случайно в феврале 2022 года Федеральная антимонопольная служба России подписала с крупнейшими российскими ИТ-компаниями меморандум, являющийся инструментом саморегулирования цифрового рынка, и закрепляющий принципы взаимодействия участников цифровых рынков и направленный на формирование недискриминационных условий для всех пользователей в области информационных технологий [17]. Указанный документ среди прочего обобщает особенности применения ценовых алгоритмов в сфере ИТ-торговли, принципы добросовестной практики применения ценовых алгоритмов в сфере ИТ-торговли и т.д.

Альтернативными правовыми инструментами регулирования налоговых отношений, направленными на согласование с налоговыми органами условий осуществления налоговых обязательств [18], являются предусмотренные ст. 190 АПК РФ *мировые соглашения с ФНС России* [18 С.91–99] и *медиативные процедуры*, применяемые в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [20].

Отправной точкой в развитии судебно-арбитражной практики в части заключения мировых соглашений по налоговым спорам является Постановление Президиума ВАС РФ № 16370/11

от 26 июня 2012 г [20]. Это первое дело, в рамках которого судом было утверждено мировое соглашение по спору, вытекающему из налоговых правоотношений.

В дальнейшем, как видно из проведенного анализа, подобная практика стремительно масштабируется [22], а в Постановлении Пленума от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» Высшим Арбитражным Судом определяются критерии заключения мировых соглашений по налоговым спорам, к числу которых, в частности, относятся недопустимость изменения налоговых последствий спорных действий и операций в сравнении с тем, как такие последствия определены законом и т.д.

Исходя из анализа судебных актов следует разделить высказываемые в литературе опасения [23] о том, что заключение мировых соглашений по налоговым спорам является одним из способов установления индивидуальных условий налогообложения с помощью заключения таких «гражданско-правовых сделок». Однако, потерям бюджета и некоей «коррупционной составляющей» противостоит процедура согласования через центральный аппарат ФНС и суд, который в современном гражданском судопроизводстве играет роль «третьего» участника процесса [23].

В условиях формирования эффективной модели взаимодействия контролирующих и подконтрольных субъектов, основанной на взаимосогласительных и примирительных процедурах, медиативные инструменты воздействия на налоговые отношения целесообразно распространить на сферу контроля трансфертного ценообразования.

Учитывая значимость и внушительный объем положений НК РФ, определяющих базовый характер правовых инструментов налогового контроля трансфертного ценообразования, НК РФ целесообразно дополнить нормами о взаимосвязанном применении инструментов контроля трансфертного ценообразования в таможенной и антимонопольной сферах.

В целях расширения перечня альтернативных инструментов публичного контроля трансфертного ценообразования предлагается дополнить ст. 105.3 НК РФ пунктом 12.1 следующего содержания: «12.1. В случае, если в соответствии с законодательством Российской Федерации разрешается проведение досудебной процедуры согласования цены сделки с участием взаимозависимых лиц, то соответствующая цена, утвержденная налоговым органом до начала судебного рассмотрения вопроса о налоговой недоимке, признается рыночной».

Литература

1. Милькин В., Ильющенков Д. Правительство может отменить контроль налоговиков за экспортными ценами на удобрения // Ведомости. 20.апреля 2022.

2. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – М.: Наука, 1987. – № 6. – С. 12–19.
3. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
4. Васянина Е.Л. Актуальные проблемы налогового права: учебник /Е. Л. Васянина: под общ. ред. С.В. Запольского. – М: ИНФРА-М, 2019. С. 111.
5. Решение Верховного Суда РФ от 01 февраля 2016 г. № АКПИ15–1383; Постановление Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 22 августа 2020 года № Ф08–6721/2020 по делу А32–38841/2018 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение N1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). [Электронный ресурс], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 09.09.2022).
7. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20.12.2012 № 283 (ред. от 27.03.2018) «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» (вместе с «Правилами применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)»). [Электронный ресурс], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 09.09.2022).
8. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 11.06.2022) «О защите конкуренции» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О естественных монополиях» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
10. Непесов К.А. Налоговые аспекты трансфертного ценообразования: Сравнительный анализ опыта России и зарубежных стран. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 152.
11. Петров Р. В., Азархин А.В. Совершенствование налоговых льгот в РФ через мониторинг их эффективности // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 2 (153). – С. 209–211.
12. Хаванова И.А. Категория рыночной цены в современном налоговом праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 96–104.
13. Принципы экономического анализа практик ценообразования на предмет их соответствия Закону о защите конкуренции. ФАС России. М., 2014.
14. Приказ ФНС России № ММВ-7–13/424@, ФАС России № 428 от 27.06.2012 «О создании межведомственной рабочей группы по вопросам ценообразования для целей применения законодательства о налогах и сборах и антимонопольного законодательства». [Электронный ресурс], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 09.09.2022).
15. Бауэр В.П. Экономическая безопасность оффшорного бизнеса: аспекты налоговой оптимизации / В.П. Бауэр, М.Р. Пинская, Е.С. Агеева // Безопасность бизнеса. 2014. № 2. С. 3
16. Приказ ФНС России от 16.05.2007 № ММ-3–06/308@ «О внесении изменений в Приказ МНС России от 16.04.2004 N САЭ-3–30/290@». [Электронный ресурс], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения 09.09.2022).
17. Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (подготовлены Ассоциацией «НП «ОКЮР» и ФАС России) 7 февраля 2022. [Электронный ресурс], URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1666> (дата обращения 09.09.2022).
18. Маракулин Д. Петербургское управление ФНС в экспериментальном порядке стало заключать с бизнесом медиативные соглашения по налоговым недоимкам. Альтернатива – выездные проверки, перспективы штрафов и уголовных дел. [Электронный ресурс], URL: https://www.dp.ru/a/2021/04/21/Kompromiss_ponevole Медиация – новое слово в налоговом контроле. [Электронный ресурс], URL: https://www.nalog.gov.ru/rn78/news/activities_fts/10194093/ (дата обращения 09.09.2022).
19. Демин А.В. Мировое соглашение в налоговых спорах // Российский журнал правовых исследований. – 2017. – Т. 4. – № 2. – С. 91–99.
20. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».
21. Постановление Президиума ВАС РФ № 16370/11 от 26 июня 2012 г. // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e662b2-d4c2-43ab-9c54-402ccc5dd730/e24c0067-29bd-40a3-84a0-367de7648be4/A40-111792-2010_20120626_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
22. Постановление ФАС МО от 22 марта 2013 по делу N A40–41103/12–91–228// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/947ef18e-8e3e-4665-bb92-aed5d65cc117/bf8ee34b-b80a-4896-bf3e-9f852630a5e6/A40-41103-2012_20130322_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–83348/2020// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f0b70d4-79b2-438e-9138-f8a4c8de2598/dc6d4b59-d602-4384-bd5b-aedbc25138b7/A40-83348-2020_20210122_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True., Постановление 9 арбитражного апелляционного суда от 02 февраля 2021 г. по делу № А40–267202/19 // <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1c852db-ffb3-45d5-bbcb-c345b7b33455/8a810686-888c-480d-a32d-366e2e6fb562/A40-267202->

2019_20210202_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

23. Гапонов М.В. Мирное соглашение в налоговых спорах: примирительная процедура или способ установления индивидуального режима налогообложения? // https://zakon.ru/blog/2022/2/10/mirovoe_soglashenie_v_nalogovyh_sporah_primiritelnaya_procedura_ili_sposob_ustanovleniya_individualn_94417#comment_599260

LEGAL INSTRUMENTS FOR PUBLIC CONTROL OF TRANSFER PRICING IN THE FIELD OF TAX, CUSTOMS AND ANTIMONOPOLY REGULATION

Kupriyanov A.S.

Trans-Baikal State university

This article is devoted to the analysis of the legal instruments of public control of transfer pricing applied in the tax, customs, as well as in the field of antimonopoly regulation in order to determine the areas of improvement of legislation defining the procedure for state financial control.

The author notes the importance of alternative legal means of controlling transfer pricing, as well as the expediency of applying settlement and mediation agreements in the designated area.

The conditions for determining market prices are determined: the rules for establishing the transaction price of interdependent companies at the request of the antimonopoly authority based on the provisions of Art. 105.4 of the Tax Code of the Russian Federation, the rules for determining the market price of exchange transactions of interdependent companies, the rules for calculating the price of a transaction by an appropriate appraiser within the framework of the legislation on appraisal activities.

The analysis of judicial and arbitration practice with the conclusion of amicable agreements is carried out.

Keywords: public control, transfer pricing, tax sphere, customs, antimonopoly control.

References

1. Milkin V., Ilyushenkov D. The government may cancel the control of tax authorities over export prices for fertilizers // *Vedosti*. 20.April.2022.
2. Alekseev S.S. Legal means: problem statement, concept, classification // *The Soviet State and Law*. – M.: Nauka, 1987. – No. 6. – pp. 12–19.
3. Federal Law No. 135-FZ of 29.07.1998 (as amended on 02.07.2021) “On appraisal activities in the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 31. St. 3813.
4. Vasyanina E.L. Actual problems of tax law: textbook / E.L. Vasyanina: under the general editorship of S.V. Zapolsky. – M: IN-FRA-M, 2019. p. 111.
5. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of February 01, 2016 No. AKPI15–1383; Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of August 22, 2020 No. F08–6721/2020 in the case A32–38841\2018 // *Legal reference system “ConsultantPlus”*.
6. The Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 29.05.2019) (Appendix No. 1 to the Agreement on the Customs Code of the Eurasian Economic Union). [Electronic resource], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (accessed 09.09.2022).
7. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 283 dated 12/20/2012 (ed. dated 03/27/2018) “On the application of the method of determining the customs value of goods by the value of the transaction with imported goods (method 1)” (together with the “Rules for the application of the method of determining the customs value of goods by the value of the transaction with imported goods (method 1)”). [Electronic resource], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (accessed 09.09.2022).
8. Federal Law No. 135-FZ of 26.07.2006 (as amended on 11.06.2022) “On Protection of Competition” // *ConsultantPlus Legal Reference System*.
9. Federal Law No. 147-FZ of 17.08.1995 (as amended on 11.06.2021) “On Natural monopolies” // *ConsultantPlus Legal Reference System*.
10. Nepesov K.A. Tax aspects of transfer pricing: A comparative analysis of the experience of Russia and foreign countries. Moscow: Volters Kluver, 2007. pp. 152.
11. Petrov R. V., Azarkhin A.V. Improving tax benefits in the Russian Federation through monitoring their effectiveness // *Eurasian Law Journal*. – 2021. – № 2 (153). – Pp. 209–211.
12. Khavanova I.A. The category of market price in modern tax law // *Journal of Russian Law*. 2016. No. 7. pp. 96–104.
13. Principles of economic analysis of pricing practices for their compliance with the Law on Protection of Competition. FAS of Russia. M., 2014.
14. Order of the Federal Tax Service of Russia No. MMV-7–13/424@, FAS of Russia No. 428 dated 27.06.2012 “On the Establishment of an interdepartmental working Group on Pricing Issues for the Purposes of Applying Legislation on Taxes and Fees and Antimonopoly Legislation”. [Electronic resource], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (accessed 09.09.2022).
15. Bauer V.P. Economic security of offshore business: aspects of tax optimization / V.P. Bauer, M.R. Pinskaya, E.S. Ageeva // *Business security*. 2014. No. 2. p. 3
16. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 16.05.2007 No.MM-3–06/308@ “On Amendments to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 16.04.2004 N SAE-3–30/290@”. [Electronic resource], URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (accessed 09.09.2022).
17. Principles of interaction of digital market participants (prepared by the Association “NP “OKYUR” and FAS Russia) February 7, 2022. [Electronic resource], URL: <https://fas.gov.ru/p/protocols/1666> (accessed 09.09.2022).
18. Marakulin D. The St. Petersburg Department of the Federal Tax Service experimentally began to conclude mediation agreements with businesses on tax arrears. The alternative is on-site inspections, prospects for fines and criminal cases. [Electronic resource], URL: https://www.dp.ru/a/2021/04/21/Kompromiss_ponevole Mediation is a new word in tax control. [Electronic resource], URL: https://www.nalog.gov.ru/rn78/news/activities_fts/10194093/ (accessed 09.09.2022).
19. Demin A.V. Settlement agreement in tax disputes // *Russian Journal of Legal Studies*. – 2017. – Vol. 4. – No.2. – C. 91–99.
20. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 “On Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation procedure)”.
21. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 16370/11 of June 26, 2012 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/10e662b2-d4c2-43ab-9c54-402ccc5dd730/e24c0067-29bd-40a3-84a0-367de7648be4/A40-111792-2010_20120626_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
22. Resolution of the FAS MO of March 22, 2013 in case N A40–41103/12–91–228// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/947ef18e-8e3e-4665-bb92-aed5d65cc117/bf8ee34b-b80a-4896-bf3e-9f852630a5e6/A40-41103-2012_20130322_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True; Determination of the Arbitration Court of Moscow in case no. A40–83348/2020// https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9f0b70d4-79b2-438e-9138-f8a4c8de2598/dc6d4b59-d602-4384-bd5b-aedbc25138b7/A40-83348-2020_20210122_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True., Resolution 9 of the Arbitration Court of Appeal dated February 02, 2021 in case no. A40–267202/19 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a1c852db-ffb3-45d5-bbcb-c345b-7b33455/8a810686-888c-480d-a32d-366e2e6fb562/A40-267202-2019_20210202_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True
23. Gaponov M.V. Settlement agreement in tax disputes: a conciliation procedure or a way to establish an individual taxation regime? // https://zakon.ru/blog/2022/2/10/mirovoe_soglashenie_v_nalogovyh_sporah_primiritelnaya_procedura_ili_sposob_ustanovleniya_individualn_94417#comment_599260

Динамика деликтного обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью

Матанцев Дмитрий Александрович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России
E-mail: matantcevd@gmail.com

В статье на основе общетеоретических представлений о значении правоотношения и его динамических свойствах, динамике гражданско-правового обязательства в целом, анализируется динамика обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью. Динамику предлагается рассматривать в двух ракурсах. В ординарном смысле динамика – свойство, имманентно присущее любому обязательственному правоотношению. В неординарном смысле динамика может приводить к трансформации отдельных элементов обязательства (субъектов, содержания) и преследовать различные цели. Расширение субъектного состава деликтного обязательства обусловлено необходимостью обеспечения баланса интересов его участников и перераспределением рисков. Изменение содержания деликтного обязательства может быть объяснено динамическими свойствами состояния здоровья и трудоспособности, а также изменением покупательной способности денежных средств, уплачиваемых в счет возмещения вреда.

Ключевые слова: динамика обязательства, вред жизни и здоровью, замена лиц в обязательстве, изменение объема и размера возмещения вреда.

Обязательственные правоотношения в русле римской правовой традиции рассматриваются как «правовые оковы», связывающие людей взаимными правами и обязанностями, обеспечивающими удовлетворение их имущественных и неимущественных интересов. Но было бы не верно говорить об обязательстве как о застывшей правовой конструкции, поскольку любое правоотношение не только фиксирует имеющиеся правовые зависимости между людьми, но и является правовым отражением активного социального взаимодействия между ними. На данный аспект обращалось внимание как в общей теории права, так и в цивилистической науке.

Так, И.Л. Вершок рассматривает правоотношение как динамическую систему, проявляющую себя в модусах правовой реальности и правовой действительности [1, с. 400–401]. Критикуя абстрактную трехзвенную структуру правоотношения, автор полагает необходимым изучать данное понятие как систему взаимосвязанных, сменяющих друг друга действий, имеющих конкретные пространственно-временные рамки.

На динамические свойства гражданского правоотношения обращала внимание в докторской диссертации Л.А. Чеговадзе [7, с. 9]. Используя для их характеристики категорию «состояние», она отмечала, что правоотношение может пребывать в нормальном состоянии, «напряженном», конфликтном и в состоянии принудительного исполнения обязанностей и защиты прав.

Справедливо отмечает Г.В. Колодуб, что динамика является имманентным свойством любого обязательственного правоотношения. Отсутствие таковой свидетельствует о недостижении целей, ради которых субъекты связывали себя обязательствами, и приводит к правовому конфликту [2, с. 91].

Обязательство представляет собой направленное развитие правоотношения, движущееся к цели удовлетворения интересов его участников.

В целом Г.В. Колодуб, раскрывая суть динамики обязательства, исходит из общего посыла о том, что любое обязательственное правоотношение неизбежно нуждается в реализации посредством, главным образом, исполнения должником своей обязанности. Это, если можно так выразиться, ординарный, общий аспект динамики.

В неординарных (специальных) случаях динамика обязательства означает трансформацию его отдельных элементов. Учитывая классическую структуру правоотношения, такое изменение можно рассматривать с трех ракурсов: замена субъект-

ного состава, предмета обязательства, трансформация содержания.

Имея в виду указанные общетеоретические замечания можем их эксплицировать на деликтные обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью.

Динамика субъектного состава деликтного обязательства связана с определенными ограничениями ввиду его строго личного характера. Поэтому право требования возмещения вреда не становится предметом наследственного правопреемства (ч. 2 ст. 1112 ГК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в постановлении, посвященном исследуемому виду обязательств [5], особое внимание обратил на данное обстоятельство, отметив, что в порядке наследования могут передаваться требования о начисленных, но не выплаченных на момент смерти потерпевшего суммы в счет возмещения причиненного ему вреда.

Говоря о динамике субъектного состава деликтного обязательства необходимо отметить возможность его трансформации из двустороннего в сложное, многостороннее. Так, вред причиненный здоровью лица, порождает негативные последствия имущественного и неимущественного характера не только непосредственно для потерпевшего, но и для других лиц. Такое лицо может утратить трудоспособность, в результате чего пострадает имущественное положение семьи. Вред здоровью может иметь отложенные последствия, и, например, негативно сказаться на репродуктивном здоровье человека, состоящего в браке, отчего неизбежно будут затронуты репродуктивные права его супруга. В этой связи заслуживает внимания позиция Л.Д. Туршук о необходимости выделять в деликтном обязательстве первичных и вторичных кредиторов [6, с. 27–28].

На стороне должника множественность может возникнуть при ответственности родителей (попечителей) за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. В этом случае основная деликтная обязанность возлагается на самого несовершеннолетнего делинквента, однако в целях повышения гарантий защиты имущественных интересов потерпевшего лица законодательство допускает привлечение к субсидиарной ответственности его законных представителей (ст. 1074 ГК РФ).

Возможен и противоположный вариант переложения ответственности с законных представителей на самого причинителя вреда по достижении им полной дееспособности (п. 4 ст. 1073 ГК РФ). Также суд с учетом имущественного положения сторон деликтного обязательства может возложить обязанность возмещения вреда не на опекуна недееспособного лица, а на само это лицо (п. 3 ст. 1076 ГК РФ). В этом случае можно говорить о каузальной деликтоспособности субсидиарных должников [3], которые включаются в обязательство в зависимости от степени дисбаланса интересов первоначальных сторон обязательства и в целях реализации компенсаторной функции деликт-

ной ответственности, а также перераспределения рисков.

Можно ли в случае замены лиц в обязательстве (или при привлечении субсидиарных должников) вести речь о трансформации исходного обязательства, или в данном случае происходит прекращение прежнего и возникновение нового обязательства? Для ответа на данный вопрос необходимо учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, содержание любого обязательства составляет, в первую очередь, поведение обязанного лица. Однако в обязательстве участвуют две стороны, обладающие юридической зависимостью друг от друга. С позиции общей функциональной направленности деликтного обязательства при замене основного должника на субсидиарного, суть требования кредитора не меняется и деликтное обязательство продолжает обеспечивать охрану его прав и интересов. Поэтому с позиции кредитора обязательство будет прежним, но реализуемым действиями иного лица. В аналогичном ключе можно рассуждать, если ответственность была застрахована, и страховая выплата потерпевшему лицу выплачивается страховщиком. В последнем случае страховщик не заменяет собой делинквента в обязательстве, но обеспечивает оперативную компенсацию.

Если же на замену должника смотреть с точки зрения самого должника, то здесь юридическая связь с кредитором прекращается у одного и возникает у другого лица. Но в целом говорить о прекращении прежнего обязательства и возникновении нового некорректно. Сама концепция динамики обязательства, как ни парадоксально это звучит, способствует стабильности гражданских правоотношений путем рассмотрения их в качестве единой, хоть и изменяющейся системы.

Обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью с содержательной стороны также могут трансформироваться. При смерти потерпевшего лица потенциал такой трансформации не высок, поскольку данное последствие носит необратимый и конечный характер.

Содержание обязательства по потере кормильца включает в себя:

- возмещение вреда в размере доли заработка или дохода умершего кормильца, которые причитались иждивенцам;
- возмещение расходов на погребение умершего лица;
- компенсацию морального вреда.

Дальнейший перерасчет размера выплачиваемых потерпевшим (иждивенцам умершего) сумм, по общему правилу, не допускается. Исключение составляют случаи рождения ребенка потерпевшего лица после его смерти, назначение или прекращение выплат лицам, ухаживающим за иждивенцами умершего лица (п. 3 ст. 1089 ГК РФ). В то же время, поскольку обязательства по возмещению вреда жизни и здоровью имеют имущественное (денежное) содержание, а покупательная способность денег с течением времени изменяется,

ст. 1091 ГК РФ предусматривает индексацию выплачиваемых сумм пропорционально изменению размера прожиточного минимума в соответствующем субъекте РФ.

При причинении вреда здоровью имущественные последствия выражаются в утрате дохода (заработка), а также расходах на лечение. Моральный вред также является неизбежным следствием такого деликта. Исходя из этого содержание данного обязательства включает в себя:

- возмещение вреда в размере утраченного заработка или иного дохода потерпевшего лица;
- возмещение расходов, связанных с лечением, реабилитацией, переобучением (при утрате трудоспособности по определенной профессии) потерпевшего лица;
- компенсацию морального вреда.

Изменение объема содержания обязательства по возмещению вреда здоровью вызвано объективными причинами динамики состояния здоровья и трудоспособности потерпевшего лица.

Объем возмещаемого вреда здоровью включает:

1. Реальный утраченный заработок (доход) потерпевшего лица, или тот доход, который он мог иметь при отсутствии вреда здоровью. Под иным доходом понимаются доходы, получаемые по гражданско-правовым договорам, от предпринимательской деятельности, использования результатов интеллектуальной деятельности. Заработок учитывается, как по основному месту работы, так и при работе по совместительству. Не учитываются выплаты единовременного характера, в частности компенсация за неиспользованный отпуск и выходное пособие при увольнении. За период временной нетрудоспособности или отпуска по беременности и родам учитывается выплаченное пособие.

При этом, реализуя принципы социального государства, законодательство предусматривает выплату государством потерпевшему лицу соответствующих пенсий и пособий, которые не учитываются в качестве утраченного дохода. Не учитываются и иные социальные выплаты, не связанные с повреждением здоровья, которые выплачивались до причинения вреда или подлежат выплате после его наступления. Если потерпевшее лицо после причинения вреда его здоровью сохраняет определенную степень трудоспособности и получает заработок (доход) от такой деятельности, этот доход также не учитывается при исчислении объема возмещаемого вреда.

Размер возмещения вреда зависит от степени утраты профессиональной трудоспособности (или при ее отсутствии – общей трудоспособности) и среднего месячного заработка до повреждения здоровья.

Среднемесячный заработок (доход) потерпевшего подсчитывается путем деления общей суммы его заработка (дохода) за двенадцать месяцев работы, предшествовавших повреждению здоровья, на двенадцать. В случае, когда потерпевший ко времени причинения вреда работал менее две-

надцати месяцев, среднемесячный заработок (доход) подсчитывается путем деления общей суммы заработка (дохода) за фактически проработанное число месяцев, предшествовавших повреждению здоровья, на число этих месяцев.

Не полностью проработанные потерпевшим месяцы по его желанию заменяются предшествующими полностью проработанными месяцами либо исключаются из подсчета при невозможности их замены.

Если при возникновении вреда потерпевшее лицо не было трудоустроено, по его желанию, утраченный заработок исчисляется либо заработком до его увольнения, либо обычным заработком, который имеет работник аналогичной квалификации в данной местности (при условии, что данный заработок не меньше величины прожиточного минимума).

Если перед наступлением вреда здоровью имущественное положение потерпевшего улучшилось за счет увеличения его заработка, перевода его на более оплачиваемую должность и пр., в расчет среднемесячного заработка идет только данный повышенный доход (п. 5 ст. 1086 ГК РФ).

Отдельно в ст. 1087 ГК РФ регулируются вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним лицам. До достижения возраста 14 лет, при отсутствии заработка (иных) доходов, вред возмещается только в пределах расходов на лечение. Если несовершеннолетний имеет заработок, размер возмещения утраченного заработка определяется по общим основаниям. При этом если лицо, достигшее 14 лет, начнет трудовую деятельность после наступления вреда, оно может требовать увеличения размера возмещения вреда исходя из получаемого им заработка, но не ниже размера вознаграждения, установленного по занимаемой им должности, или заработка работника той же квалификации по месту его работы.

Поскольку трудоспособность потерпевшего лица может со временем, как уменьшаться, так и повышаться, размер возмещаемого вреда может быть изменен в сторону уменьшения или увеличения (ст. 1090 ГК РФ).

2. Расходы, связанные с лечением. К ним относятся расходы на медицинские услуги, лекарственные средства, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение специальных средств передвижения. Для возмещения указанных фактических расходов необходимо соблюдение двух условий: определение необходимости в соответствующей помощи и отсутствие возможности получить ее бесплатно (даже при наличии права на ее получение).

Нуждаемость в получении соответствующей помощи должна быть доказана потерпевшим лицом необходимыми медицинскими показаниями.

Учитывая длящийся характер возмещения вреда расходы, связанные с лечением, могут в дальнейшем возрасти. В постановлении Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 25-П [4] отмечается, что суд может увеличить размер взыскания

таких расходов при последующем изменении обстоятельств.

3. Расходы на переобучение при невозможности продолжить работу в связи с утратой трудоспособности.

Компенсация морального вреда обладает однократным характером применения и дальнейшая индексация присужденных сумм не предполагается.

Завершая анализ динамики деликтного обязательства из причинения вреда жизни и здоровью гражданина, можно отметить, что избранный подход к изучению деликтного обязательства обладает эвристическим потенциалом. Во-первых, акцент на динамическую сторону обязательства позволяет в системном ключе рассматривать действия, направленные на его исполнение, соотносить их с общим функциональным назначением деликтного обязательства. Во-вторых, выделение ординарных и неординарных аспектов динамики обязательства позволяет проследить корректирующее правовое воздействие на поведение его участников, с учетом их имущественного положения, необходимости соблюдения баланса интересов и перераспределения рисков. Динамика объема и содержания деликтного обязательства вследствие причинения вреда здоровью обусловлена объективными характеристиками неустойчивого состояния здоровья и трудоспособности потерпевшего лица.

Литература

1. Вершок И.Л. Методологические аспекты динамики правоотношения как социального и юридического феномена // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 4. С. 398–412.
2. Колодуб Г.В. Категория «динамика» применительно к гражданско-правовому обязательству // Новый университет. Серия «Экономика и право». 2011. № 3. С. 91.
3. Матанцев Д.А. Деликтоспособность как элемент гражданской правосубъектности // Юридическая наука. 2021. № 12. С. 39–43.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1085 и пункта 1 статьи 1087 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Э.М. Ворона» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 26. Ст. 3518.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирую-

ющего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

6. Туршук Л.Д. Современные проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный повреждением здоровья или смертью гражданина // Вестник СПбГУ. Серия 14. 2011. Вып. 4. С. 18–32.
7. Чеговадзе Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 48 с.

DYNAMICS OF A TORT OBLIGATION FROM CAUSING HARM TO LIFE AND HEALTH

Matantsev D.A.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

The article analyzes the dynamics of the obligation due to harm to life and health on the basis of general theoretical ideas about the meaning of the legal relationship and its dynamic properties, the dynamics of the civil obligation as a whole. Dynamics is proposed to be considered in two perspectives. In the ordinary sense, dynamics is a property immanently inherent in any binding legal relationship. In an extraordinary sense, dynamics can lead to the transformation of individual elements of the obligation (subjects, content) and pursue different goals. The expansion of the subject composition of the tort obligation is due to the need to ensure a balance of interests of its participants and the redistribution of risks. The change in the volume of the content of the tort obligation can be explained by the dynamic properties of the state of health and working capacity, as well as the change in the purchasing power of funds paid for compensation for harm.

Keywords: dynamics of the obligation, harm to life and health, replacement of persons in the obligation, change in the amount of compensation for harm.

References

1. Vershok I.L. Methodological aspects of the dynamics of legal relations as a social and legal phenomenon // Siberian Legal Review. 2021. Vol. 18. No. 4. pp. 398–412.
2. Kolodub G.V. Category "dynamics" in relation to a civil obligation // New University. The series "Economics and Law". 2011. No. 3. p. 91.
3. Matantsev D.A. Delictability as an element of civil legal personality // Legal science. 2021. No. 12. pp. 39–43.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P dated 25.06.2019 "On the case of checking the constitutionality of paragraph 3 of Article 1085 and paragraph 1 of Article 1087 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.M. Raven" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 26. St. 3518.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Courts of the Russian Federation No. 1 dated 26.01.2010 "On the application by courts of civil legislation regulating relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. № 3.
6. Turshuk L.D. Modern problems of civil liability for harm caused by damage to health or death of a citizen // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. 2011. Issue 4. pp. 18–32.
7. Chegovadze L.A. System and state of civil legal relations: abstract. dis. ... doct. jurid. nauk. M., 2005. 48 p.

Правовое регулирование проведения рискологического анализа как компонента системы оценки устойчивости регионального развития

Кибакин Михаил Викторович,

доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: MVKibakin@fa.ru

Прохорова Ирина Геннадьевна,

старший научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: IGProkhorova@fa.ru

Чернов Виталий Вениаминович,

кандидат социологических наук, доцент, научный сотрудник Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: VVChernov@fa.ru

В статье характеризуется правовое регулирование рискологического анализа устойчивости регионального развития. Показаны возможности рискологического анализа в системе оценки устойчивости. Проведено описание структуры возможных рисков, выраженность которых определена с помощью экспертного опроса. Представлен авторский подход в рамках рискологического анализа, при котором определяется вероятность реализации риска и его потенциальная разрушительная сила, после чего с помощью интегрирования этих количественных характеристик определяется иерархия рисков в системе принятия мер их предотвращения, снижения, а также принятия мер в случае их наступления. Описаны административные регламенты рискологического анализа в системе оценки устойчивого развития. Представлен авторский подход к пониманию роли и места учета эффективности государственных институтов в рискологическом анализе устойчивого регионального развития. Проведено описание особенностей учета эффективности функционирования научных институтов в системе оценки устойчивости регионального развития. Обоснованы позитивные стороны внедрения рискологического анализа, а также трудности и ограничения его использования в существующей практике исследования процессов устойчивости.

Ключевые слова: правовое регулирование, устойчивость регионального развития, риски устойчивого развития, рискологический анализ, эффективность государственных регламентов, эффективность научных институтов.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финиуниверситета

Важным компонентом модели оценки является включение в нее системы оценки рисков, учитывая возможности использования концепции рискологического анализа для проведения на его основе оценки устойчивого регионального развития [1; 6]. При этом оценка рисков отвечает современным требованиям к использованию в качестве параметров устойчивого стратегического социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности понятий «вызовы», «опасности», «угрозы» и построению системы противодействию им [3; 5].

Важную основу для использования рискологического анализа составляют нормативно-правовые документы по региональному и пространственному развитию России до 2025 года [2; 4].

Для обеспечения системности оценки рисков использована многокомпонентная методика, включающая в себя: а) формирование перечня рисков; б) оценку вероятности реализации этих рисков; в) экспертную оценку разрушительного потенциала рисков; г) интегральная характеристика каждого риска с точки зрения его вредоносности.

В таблице 1 представлен рискологический анализ снижения устойчивости регионального развития в зависимости от определенного риска. Значения представлены в виде индексов, где 0 – min значение, 1 – max значение. Для обеспечения наглядности форма представления индексов предполагает показ его величины до четырех знаков после запятой.

Таблица 1. Рискологический анализ снижения устойчивости регионального развития (по материалам собственного исследования)

Виды рисков	Вероятность реализации	Вероятность ущерба	Уровень рискогенности
Снижение экономического суверенитета страны	0,6005	0,7335	0,4405
Понижение устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам	0,8168	0,8665	0,7077
Понижение устойчивости национальной экономики к внутренним вызовам и угрозам	0,6668	0,7000	0,4667
Снижение общественно-политической стабильности	0,6335	0,5995	0,3798

Виды рисков	Вероятность реализации	Вероятность ущерба	Уровень рискогенности
Замедление динамики социально-экономического развития	0,6783	0,6785	0,4602
Снижение уровня и улучшение качества жизни населения	0,6545	0,6925	0,4532
Снижение уровня цивилизационной идентичности молодежи, возрастание установок на самореализацию в других странах	0,5665	0,4665	0,2643
Недостаточность согласованности программно-целевых нормативов (задач, установок) документов стратегического управления в сфере устойчивого регионального развития	0,4838	0,2670	0,1292
Недостатки в государственном и муниципальном менеджменте по месту жительства населения	0,5160	0,3665	0,1891
Недостаточность использования цифровых технологических платформ в различных сферах жизнедеятельности	0,4495	0,4995	0,2245
Недооценка важности обеспечения эффективности государственных процедур и научных институтов	0,5163	0,3665	0,1892
Использование неэффективной системы оценки устойчивости регионального развития	0,4338	0,4335	0,1880
Недостаточность эффективной системы стратегического социального управления	0,4500	0,4995	0,2248
Коррупционные проявления, негативно влияющих на устойчивость регионального развития	0,6163	0,5670	0,3494

Полученные экспертные оценки проанализированы на двух уровнях – первичных характеристик и уровне обобщенного анализа.

В частности, наиболее вероятными рисками для снижения уровня устойчивого регионального уровня экспертами названы: а) понижение устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам (индекс 0,8168); б) замедление динамики социально-экономического развития (индекс 0,6783), что вполне закономерно в условиях санкционной политики против нашей страны со стороны враждебных государств.

Наибольший негативный потенциал имеют по мнению экспертов: а) понижение устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам (индекс 0,8665); б) снижение экономического суверенитета страны (индекс 0,7535).

Для анализа вышеприведенных результатов был использован метод классификации. Каждый из трех показателей риска (вероятность реализации, вероятность ущерба, уровень рискогенности) был определен как высокий (равный и выше 0,5) или низкий (ниже 0,5). Далее эти показатели были соотнесены между собой на основе метода социальной типизации.

Данная классификация проведена для наглядного понимания опасности риска, что отражено в таблице 2.

Таблица 2. Классификация рисков устойчивости регионального развития

Группа рисков:	Риски, относящиеся к определенной группе
Высокая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, высокий уровень рискогенности	Понижение устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам;
Высокая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности	Снижение экономического суверенитета страны; Понижение устойчивости национальной экономики к внутренним вызовам и угрозам; Снижение общественно-политической стабильности; Замедление динамики социально-экономического развития; Снижение уровня и улучшение качества жизни населения; Коррупционные проявления, негативно влияющих на устойчивость регионального развития
Высокая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, высокий уровень рискогенности	
Высокая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности	Снижение уровня цивилизационной идентичности молодежи, возрастание установок на самореализацию в других странах; Недостатки в государственном и муниципальном менеджменте по месту жительства населения; Недооценка важности обеспечения эффективности государственных процедур и научных институтов
Низкая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, высокий уровень рискогенности	

Группа рисков:	Риски, относящиеся к определенной группе
Низкая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности	
Низкая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, высокий уровень рискогенности	
Низкая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности	Недостаточность согласованности программно-целевых нормативов (задач, установок) документов стратегического управления в сфере устойчивого регионального развития; Недостаточность использования цифровых технологических платформ в различных сферах жизнедеятельности; Использование неэффективной системы оценки устойчивости регионального развития; Недостаточность эффективной системы стратегического социального управления

Исходя из примененной методологии, получены результаты по 4 из возможных 8 групп: Группа № 1 «Высокая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, высокий уровень рискогенности» имеет наиболее важное значение, так как представляет собой реальную значительную угрозу. Группа № 2 «Высокая вероятность реализации, высокая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности» также заслуживает пристального внимания, так как несет в себе потенциальные значительные угрозы.

Группа № 4 «Высокая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности» имеет высокую вероятность реализации, однако не несет под собой значительных угроз для устойчивого регионального развития, по мнению экспертов. Группа № 8 «Низкая вероятность реализации, низкая вероятность ущерба, низкий уровень рискогенности» не имеет значительных угроз, по мнению экспертов.

Количественные характеристики интегративной характеристики разрушительного (вредоносного) воздействия реальных рисков на процесс устойчивого регионального развития представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Характеристика рискогенности условий и факторов устойчивого регионального развития (по материалам собственного исследования)

Характеристика вредоносности (разрушительности) произведена по группам с учетом полученных в ходе экспертного исследования экспертных значений.

В группу наиболее опасных актуальных рисков включен риск «Понижение устойчивости национальной экономики к внешним вызовам и угрозам» с индексом 0,7077. Как нами было ранее указано, что это связано с тем, что первичные показатели этого риска были с точки зрения экспертов приоритетными в современных условиях.

В группу актуальных рисков со средним уровнем опасности включены риски: «Снижение экономического суверенитета страны» (индекс 0,4405); «Снижение уровня и улучшение качества жизни населения» (индекс 0,4532); «Замедление динамики социально-экономического развития» (индекс 0,4602); «Понижение устойчивости национальной экономики к внутренним вызовам и угрозам» (индекс 0,4667).

В группу наименее опасных на сегодняшний момент актуальных рисков включены риски: «Недостаточность согласованности программно-целевых

нормативов (задач, установок) документов стратегического управления в сфере устойчивого регионального развития» (индекс 0,1292); «Использование неэффективной системы оценки устойчивости регионального развития» (индекс 0,188); «Недостатки в государственном и муниципальном менеджменте по месту жительства населения» (индекс 0,1891); «Недооценка важности обеспечения эффективности государственных процедур и научных институтов» (индекс 0,1892); «Недостаточность использования цифровых технологических платформ в различных сферах жизнедеятельности» (индекс 0,2245); «Недостаточность эффективной системы стратегического социального управления» (индекс 0,2248); «Снижение уровня цивилизационной идентичности молодежи, возрастание установок на самореализацию в других странах» (индекс 0,2643); «Коррупционные проявления, негативно влияющих на устойчивость регионального развития» (индекс 0,3494); «Снижение общественно-политической стабильности» (индекс 0,3798).

Характеризуя риски третьей группы, целесообразно обратить внимание на то, что даже при относительных малых значениях включенных в нее рисков, органы власти должны предпринимать меры для того, чтобы эти риски не реализовались. Ущерб для природы, народно-хозяйственного комплекса, жизни и здоровья людей будет тем не менее в количественном выражении существенным.

Как справедливо считают эксперты, в условиях реальной внешней угрозы, все другие риски, кроме тех, что связаны с неприкрытым враждебным давлением на нашу страну, выражены существенно меньше. Целесообразно отметить, однако, что оценка рисков должна проводиться постоянно, так как социально-экономическая ситуация, общественно-политическая обстановки динамично меняется, а с ними меняются и вызовы, опасности, угрозы, а также связанные с этим риски снижения устойчивости регионального развития в условиях кризиса в межгосударственных отношениях.

С помощью экспертной оценки была сделана оценка процессов устойчивого регионального развития, с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов, что отражено на рисунке 2.

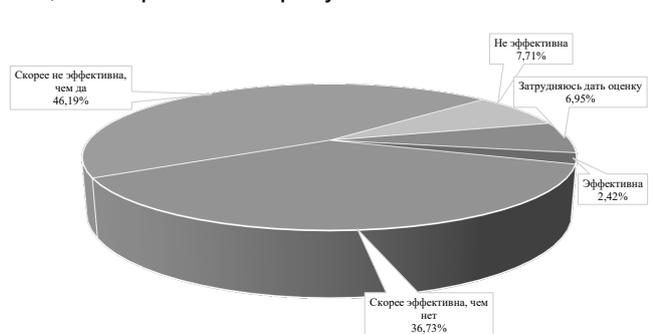

Рис. 2. Экспертная оценка современной системы оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов (по материалам собственного исследования)

На основе метода полярного анализа можно сделать вывод, что современная система оценки устойчивости регионального развития не эффективна, так как на это указали 53,9%, из них 7,71% радикально высказались на данный счет, указав, что система оценки не эффективна, а 46,19% отметили, что система оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов скорее не эффективна, чем эффективна.

Об эффективности системы оценки заявили 39,15% экспертов, при этом только 2,42% полностью уверены в эффективности, а 36,73% отметили, что система оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов скорее эффективна, чем неэффективна. Также стоит упомянуть, что 6,95% экспертов затруднились дать ответ на данный вопрос. Таким образом, основываясь на методе экспертных оценок, можно сделать вывод, что современная система оценки устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности деятельности государственных процедур и научных институтов не эффективна и нуждается в модернизации.

Таким образом, в настоящее время в нашей стране и других государствах используются различные подходы методы определения качественных и количественных методов оценки устойчивости территорий, стран и регионов (территорий), самыми распространенными из которых для получения качественных и количественных оценок являются методы стандартизации, взвешивания и агрегирования, что отражен в обширной информационной базе.

Литература

- Максютов А.А. Анализ долгов компании при определении ее кредитоспособности / А.А. Максютов // Деньги и кредит. – 2002, № 3. – С. 52–55.
- Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года (Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13).
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400).
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 30 сентября 2022 года) (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р).
- Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

gov.ru) // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 июня 2014 г. N26 (часть I) ст. 3378.

6. Чачина Е.Г. Региональный инвестиционный климат и его составляющие / Е.Г. Чачина. – [Электронный ресурс]: Режим доступа www.anrb.ru/isei/cf2004/d775.htm. – Дата последнего обращения 1.02.2016 г.

LEGAL REGULATION OF RISK ANALYSIS AS A COMPONENT OF THE REGIONAL DEVELOPMENT SUSTAINABILITY ASSESSMENT SYSTEM

Kibakin M.V., Prokhorova I.G., Chernov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article characterizes the legal regulation of the risk analysis of the sustainability of regional development. The possibilities of risk analysis in the stability assessment system are shown. Administrative regulations of risk analysis in the system of assessment of sustainable development are described. The author's approach to understanding the role and place of taking into account the effectiveness of state institutions in the risk analysis of sustainable regional development is presented. A description of the features of accounting for the effectiveness of the functioning of scientific institutions in the system of assessing the sustainability of regional development is carried out. The positive aspects of the introduction of risk analysis, as well as the difficulties and limitations of its use in the existing practice of the study of sustainability processes are substantiated.

Keywords: legal regulation, sustainability of regional development, risks of sustainable development, risk analysis, effectiveness of state regulations, effectiveness of scientific institutions.

References

1. Maksyutov A.A. Analysis of the company's debts in determining its creditworthiness / A.A. Maksyutov // *Money and Credit*. – 2002, No. 3. – pp. 52–55.
2. Fundamentals of the state policy of regional development of the Russian Federation for the period up to 2025 (Approved by Decree of the President of the Russian Federation dated January 16, 2017 No. 13)
3. The National Security Strategy of the Russian Federation (Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021).
4. Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 (as amended on September 30, 2022) (Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 207-r dated February 13, 2019).
5. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014 "On Strategic Planning in the Russian Federation" // "Official Internet portal of legal information" (www.pravo.gov.ru) // Collection of legislation of the Russian Federation of June 30, 2014 N26 (part I) of Article 3378.
6. Chachina E.G. Regional investment climate and its components / E.G. Chachina. – [Electronic resource]: Access mode www.anrb.ru/isei/cf2004/d775.htm. – Last accessed on 1.02.2016.

Исторический генезис конструкции публичного договора

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eumatveeva@fa.ru

Статья посвящена исследованию отношения отечественной цивилистики дореволюционного и советского периода к публичному договору. Показывается, что не смотря на свойственное науке в начале XX века отождествлению публичного договора и договора присоединения, дореволюционные ученые тем не менее, фактически выделяли публичный договор как особый вид обязательства, в котором предприниматель, оказывающий социальные, публичные услуги, обязан вступить в договор с потребителем. В условиях отторжения буржуазного права, юридическая наука советского периода отказывалась видеть в западных публичных договорах черты правового регулирования, направленные на ограничение воли предпринимателя и установление посредством формуляров равных условий для каждого, желающего вступить в договор контрагента. Как следствие, публичный договор получил доктринального осмысления лишь после кодификации 1995 года.

Ключевые слова: публичный договор, договор присоединения, советская цивилистика, потребитель, обязательство заключить договор.

Как правовой феномен публичный договор стал интересовать отечественную цивилистику в конце XIX – начале XX века и этот интерес в условиях усложнения гражданско-правовых отношений был обусловлен обращением к проблеме свободы договора.

Так, И.А. Покровский писал о том, что принцип договорной свободы вместе с началом частной собственности является краеугольным камнем гражданского права, без которого гражданская жизнь была бы неподвижна и парализована. В книге «Основные проблемы гражданского права» (1917) профессор Покровский указывал, что в современном праве принцип договорной свободы обозначает, что против своей воли никто не обязан вступать в договор, «терпит известные ограничения». В качестве таких ограничений И.А. Покровский и выделил договоры, в которых для предприятий, оказывающих публичную услугу (почта, телеграф, железная дорога) «устанавливается общая обязанность вступать в договоры, входящие в сферу отведенной им деятельности (так называемый Kontrahierungszwang)», поскольку наделение таких предприятия правом выбора контрагента «ставило бы всех частных лиц в полную зависимость от их произвола». Таким образом, Покровский выделил в качестве специфики рассматриваемых договоров именно ограничение свободы для обязанного лица, предоставляющего услугу. Далее И.А. Покровский обозначил вектор на расширение сферы применения публичного договора, указав, что «в новейшее время ставится вопрос о распространении этой обязанности на все вообще предприятия, предлагающие свои услуги публике – аптеки, магазины, стоящих на улице извозчиков и т.д.», поскольку «всякий вправе рассчитывать, что те услуги, которые предлагаются публике вообще, будут оказаны и ему; открытие предприятия для публики должно быть сопряжено и с соответствующей обязанностью» [21, с. 242].

Годом позже, в 1918 году, профессор В.И. Синайский обращаясь к договору присоединения также выделяет сферы его применения [22, с. 19], такие как: «запись абонентов телефонного общества, электрического и др., или подпись полиса, содержащая ссылку на общие полисные условия». В.И. Синайский обособил в специальную группу договоры присоединения, содержащие «публичное обещание». Это договоры «одной из сторон которого непременно является предприятие или учреждение», причем именно «социальная организация, которая, вступает в договор для достижения основных задач», предполагающие вместе с тем «со стороны лица, вступившего в договор, знание тех правил внутреннего распорядка, ко-

торый необходимы для осуществивления задач предприятия».

В данном случае подходы дореволюционных цивилистов с одной стороны демонстрируют существовавшую в первой половине 19 века тенденцию определенного смешивания публично-го договора и договора присоединения, которая была свойственна в целом мировой цивилистике до того как были сформированы как отдельные направления такие ветви правового регулирования как законодательство по защите прав потребителей и антитрастовское (антимонопольное) законодательство. И в то же время И.А. Покровский и В.И. Синайский, не разделяя договоры присоединения и публичный договор, фактически выделяют значимые признаки именно публичного договора – обязанность социальной организации к заключению договора в рамках своей профессиональной деятельности.

В первые годы Советской власти публичный договор анализировался рядом отечественных цивилистов.

Профессор И.Б. Новицкий, о научных трудах которого еще будет упоминаться в рамках данной статьи, отмечал, что такой договор как, например договор с железной дорогой или электрическим обществом низводит значение частной воли до весьма малой величины» [20, с. 77].

Особо следует отметить работы профессора Владимир Ивановича Серебровского (1887–1971), поскольку он рассматривал данный правовой феномен «в чистом» виде», а не через призму традиционного для начала XX века отождествления публичного договора с договором присоединения. В 1927 г. в книге «Страхование» В.И. Серебровский исследует юридическую природу *Kontrahierungszwang* – «принуждения к заключению договора» [23, с. 144] и обобщает существующие к тому моменту доктринальные подходы, выделяя две категории публичных договоров:

1) специализированные предприятия, представляющие публичные услуги (железные дороги, почта, аптеки и т.д.)

2) принудительные договоры в чрезвычайных обстоятельствах (например, обязательная продажа товаров в условиях военного времени) [24].

Профессор Серебровский сделал вывод об отсутствии как таковых договорных отношений при оказании публичных услуг. Он писал: «Железная дорога и почта обязаны к перевозке грузов и доставке писем уже в силу закона, и вовсе не требуется, чтобы перевозке грузов или пересылке писем предшествовал особый договор перевозки или пересылки. Во всех этих случаях в силу закона возникает не обязанность к заключению договора, но только обязанность к доставке воды, электричества и т.д. Поэтому при отказе в выполнении этих обязанностей надлежит предъявлять иск не о заключении договора, а об истребовании того, что истцу причитается в силу действующих постановлений закона. Обязательства железной дороги, почты и т.п. возникают не в силу договора, а непо-

средственно в силу закона (aus einem gesetzlichen Tatbestand)».

Ф.В. Дьяков напротив, настаивал на договорной природе рассматриваемых правоотношений. Он писал: «фактический перевес воли одного из контрагентов мы видим и при покупке товаров в магазинах, и при покупке театрального билета, билета на ж.д. Однако, кто же станет сомневаться в природе этих договоров?» [7, с. 93]. Нужно отметить, что Ф.В. Дьяков в русле уже отмеченной нами тенденции отождествления публичного договора и договора присоединения называл договоры перевозки, абонента телефонной сети, страхования договорами посредством простого присоединения (*contrat d'adesion*) (*contrat par adhesion*).

Публичный договор в контексте ограничения свободы договора рассматривали также такие известные цивилисты как профессор Борис Сергеевич Мартынов (1882–1948) и профессор Аскназий Самуил Исаакович (1888–1952). Причем, в качестве обоснования развития новых форм принудительных договоров они указывали на то, что «хозяйство нового времени стало более сложным. Сравнительно простые правовые формулы римского права были рассчитаны на предприятия не крупного размера, на такие предприятия, которые вообще не выделялись в особую массу, отличную от домашнего хозяйства данного лица», иными словами не требовали регулирования деятельности со стороны государства. В то время, как в новейшем времени «монополистическое положение некоторых видов предприятий, вроде железных дорог, вызывает необходимость усиления ограничений частной автономии» [4, с. 73].

Особой сферой, привлечшей внимание ученых в первые годы Советской власти в связи с применением публичного договора оказалась сфера железнодорожных перевозок. Очевидно это объясняется тем, что в начале XX века ввиду практического отсутствия автомобильных и тем более авиационных перевозок железная дорога являлась как для государства так и для гражданского населения единственным транспортным и логистическим средством для удовлетворения потребностей в доставке грузов и передвижении.

Б.Б. Черепяхин отмечал, что для договора железнодорожной перевозки характерны следующие аспекты: отсутствие для железной дороги возможности выбора контрагента, обязательность заключения договора в каждом желающим и императивное нормирование содержания и условий договоров. Правовую природу такого договора Б.Б. Черепяхин определил как принудительный договор. «Типированность договора железнодорожной перевозки является последовательным развитием проводимого в отношении ее *Kontrahierungszwang'a*» [28, с. 30].

М.М. Агарков в 1922 году также указывал, что ограничение свободы в договоре железнодорожной перевозки выражается в двух форматах: «с ограничениями в отношении выбора другой стороны и в отношении содержания договора»

[1, с. 15]. М.М. Агарков задавался также вопросом о договорном характере публичной перевозки и приходил к выводу о том, что отношения эти договорные, поскольку грузоотправитель выражает свою волю в создании правоотношения – инициирует его, определяет получателя груза и т.д. М.М. Агарков отмечает: «Договора нет только тогда, когда ни один из элементов обязательственного отношения не нуждается для своего возникновения в соединении встречных волеизъявлений» [1, с. 16].

Профессор Агарков сделал попытку терминировать договоры с эвентуальными покупателями в области публичных перевозок, коммунальных услуг и почтовой пересылки, причем, обозначил такие договоры как именно как «конструкции с правом на изменение юридического положения», основанные на осуществлении потребителем услуги принадлежащего ему права односторонним волеизъявлением создать правоотношение. Иными словами, М.М. Агарков по сути заявил о выделении в правовом регулировании самостоятельного правового института, а так же отметил, что деятельность предприятий в сфере обязательного оказания услуг является «объективным правопорядком в различных его формах (закон, административный акт, нормативное соглашение)» [3, с. 496].

Самый весомый вклад в развитие доктрины публичного договора внес, по нашему мнению, профессор С.Н. Ландкоф в своих работах «Торговые сделки. Теория и практика» (1929 г.) и «Квартирный тариф или квартирная плата» (1927 г.).

В 1927 году С.Н. Ландков дал развернутую характеристику деятельности публичных предприятий. «Хозяйственная деятельность этих предприятий построена на чрезвычайно важном принципе, что каждый гражданин может требовать от данного предприятия оказания ему услуг и, если технические условия эксплуатации позволяют, то предприятие это не может руководствоваться своими вкусами и личными отношениями к гражданину, а должно оказать требуемую услугу» [13, с. 157]. Особое внимание уделено ученым вопросу определения цены в публичном договоре. С.Н. Ландкоф указал, что государство регулирует тарифы для договоров публичной службы, поскольку «соглашения об увеличении установленного тарифа могут идти в разрез с интересами населения, которое, при наличии одного монопольного предпринимателя, вынуждено будет либо подчиняться произвольным требованиям, либо отказаться от того, что для него жизненно необходимо» [13, с. 157]. Одновременно с этим отмечено, что в договорах публичной службы «тарифы могут быть установлены различные для отдельных категорий предприятий, для отдельных пользователей по классовому принципу» [13, с. 157]. Современная редакция п. 2 ст. 426 ГК РФ «Публичный договор» изложена следующим образом: «В публичном договоре цена товаров, работ или услуг должна быть одинаковой для потребителей соответствующей категории». Таким образом, мы видим, что современное право-

вое регулирование построено именно по модели, изложенной С.Н. Ландкофом в 1927 г. – на принципе установления единой цены с возможностью дифференциации по категориям.

В 1929 году С.Н. Ландкоф теоретически обосновал выделение публичного договора в самостоятельный правовой институт «договоры публичной службы». Значение исследования С.Н. Ландкофа состоит в том, что им совершенно явно разграничен публичный договор, договор присоединения и продиктованный договор. Ученый отметил, что договоры публичной службы могут действовать как в условиях социалистического, так и в условиях капиталистического хозяйства и это не меняет их природы. «Даже тогда, когда эти предприятия находятся на праве собственности или на праве временного пользования у частных лиц, они все же выполняют публичную службу, подконтрольную государству и подчиненную государственному регулированию» [14, с. 254].

Профессор Ландкоф соглашается с тем, что договор публичной службы действительно несет в себе и признаки принудительного договора (Kontrahierungszwang) и признаки продиктованного договора (Diktierte Vertragen) и признаки договора присоединения (Contrat d'adhesion). Но основным видообразующим признаком юридической природы публичного договора совершенно справедливо определяет в качестве основы категоризации «содержание деятельности общественно-полезных предприятий». «Центр тяжести в том, что этот договор имеет своим содержанием оказание услуги, предоставление пользования того предмета публичной службы, ради которого предприятие создано» [14, с. 256]. Касаемо необоснованности подмены публичных договоров договорами присоединения С.Н. Ландков указывает, что если клиент «подчиняясь условиям, предложенным другой стороной, подписывает условия, – то только потому, что этот договор является договором публичной службы» [14, с. 256]. Касаемо необоснованности отождествления публичного договора с продиктованным договором, С.Н. Ландкоф указывает, что если условия «заранее определяются законом или нормативными правилами и сами договоры носят характер договоров «под диктовку», то только потому, что они являются договорами публичной службы» [14, с. 256].

Профессор Ландкоф совершенно однозначно не поддерживал теорию о том, что публичные услуги как правоотношения не основаны на договоре в виду отсутствия у публичного предприятия свободы выбора контрагента («нет проявления двух волей – нет договаривающихся сторон»). С.Н. Ландкоф указывает: «как ни незначителен удельный вес «воли» сторон при использовании услуг общественно-полезного предприятия, все же имеется соглашение сторон, характеризующееся желанием одной стороны использовать услуги и фактической готовностью другой стороны предоставить эти услуги. Эти отношения являются по существу договорными» [14, с. 254].

С.Н. Ландкоф считал, что сфера применения договоров публичной службы в силу своей востребованности будет расширяться, отмечал важность изучения правовой природы отношений сторон публичного договора и полагал «неотложным специальное регулирование этих отношений со стороны законодателя» [14, с. 254].

К сожалению, выработанный Самуилом Наумовичем Ландкофом подход не находит дальнейшего развития в советской юриспруденции.

Начиная с конца 30-х годов советская юридическая наука начинает демонстрировать жесткое отторжение буржуазного права. Представляется, что именно это обстоятельство стало причиной того, что советские ученые отказывались видеть в западных договорах с потребителем, правовой феномен, ограничивающий для коммерческой организации право выбора контрагента. Идеологический акцент был смещен именно в сторону того, что потребитель вынужден присоединиться к договору без права внесения изменений в договорные условия. Таким образом, намеченный С.Н. Ландкофом в 1929 году вектор на классификацию публичного договора как самостоятельного правового института, основными видовыми признаками которого является ограничение свободы для обязанной стороны и общественно-полезная направленность обязательства, не получил своего развития. Западные договоры с потребителями стали рассматриваться советской наукой исключительно в контексте договора присоединения, с акцентом на невозможность потребителя участвовать в формировании договорных условий. Тренд игнорирования направленности западных публичных договоров на защиту слабой стороны-потребителя сопровождал советскую цивилистику начиная с конца 30-х годов и вплоть до распада СССР.

Так, М.М. Агарков в 1940 г. пишет: «развитие капиталистических монополий наглядно показало, что в тех случаях, когда капиталистическое предприятие имеет дело с отдельным физическим лицом, выступающим в качестве потребителя, клиента, ... оно диктует контрагенту свои условия» [2, с. 105]. Т.е. в западных потребительских договорах М.М. Агарков теперь уже (в отличие от позиции, представленной в 1922 году) выделяет как основное не обязанность предприятия заключить договор с каждым желающим, а не возможность клиента участвовать в формировании условий договора.

Профессор Серебровский в 1939 г. называет договоры перевозки, страховые договоры договорами присоединения и видит теперь уже (в отличие от позиции изложенной в 1927 году) ограничение свободы договора исключительно в том, что «одна сторона (крупно-капиталистическое предприятие) вырабатывает целиком все условия договора, другая же сторона может только принять их или отвергнуть» [25, с. 150]. Безусловно, в данном случае ученым был продемонстрирован односторонний подход, не учитывающий ни обязанности заключить договор в каждом желающим, ни защиту прав

потребителя посредством предоставления каждому контрагенту равных условий.

И.Б. Новицкий и Л.А. Лунц также квалифицировали договоры по обслуживанию широких масс населения (перевозка, почта, телеграф и другие) как договоры присоединения и писали о том, что в социалистическом государстве и в капиталистическом принципиально отличаются. Формализация и типизация таких договоров при социализме «преследует в социалистическом государстве исключительно цель технического упрощения оформления сделок, по содержанию же своему эти условия не только не содержат и тени какой-либо эксплуатации трудящихся» [18, с. 106]. В то время как «монополистические предприятия капиталистических стран используют данный технический прием, чтобы навязать трудящимся свои грабительские условия и таким образом осуществлять с помощью этой формы договора жесточайшую эксплуатацию трудящихся» [18, с. 107].

В широко известной работе 1959 года «Договор в английском праве» именно как договоры присоединения квалифицированы и Р.О. Халфиной договорные отношения с потребителем «в таких областях капиталистического хозяйства, как железнодорожный и водный транспорт, внутригородской транспорт, банковское дело, страхование, коммунальные услуги – снабжение населения электричеством, водой, газом и т.д.» [26, с. 191]. А доводы зарубежных ученых о квалификации договоров публичных как принудительных, имеющих ввиду «государственное регулирование хозяйственной деятельности, в частности административные акты, определяющие в некоторых случаях порядок деятельности компаний в области коммунального обслуживания, и, наконец, обязанность таких компаний вступать в договор с каждым потребителем, “на разумных условиях”» [26, с. 193], профессор Халфина уверенно обозначила «переворачиванием с ног на голову».

Отказ в признании за западными публичными договорами специального правового института, искусственное, автоматическое отождествление договоров с потребителями с договорами присоединения, приводили к тому, что советская юриспруденция не выработала и для отечественной доктрины квалифицирующих, научно обоснованных правовых признаков для публичного договора. В 1954 г. Р.О. Халфина публикует работу «Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве», в которой делит по субъектному составу все гражданско-правовые договоры на три группы:

- договоры между социалистическими организациями
- договоры между социалистическими организациями и гражданами
- договоры между гражданами.

В контексте публичного договора нас, интересует вторая группа договоров. Изучение рассматриваемой работы показывает, что профессор Халфина в своем исследовании, выде-

лив договоры между социалистическими организациями и гражданами в отдельную группу не дала никакой юридической квалификации данным правоотношениям. Основным лейтмотивом является неоднократно озвученная в разных интерпретациях мысль, о том, что советское государство всемерно заботится о своих гражданах. «Социалистические организации, обслуживающие граждан, призваны делать это наилучшим образом, всемерно способствовать поднятию материального и культурного уровня граждан, повышать их идейно-политический уровень, воспитывать высокие идеи советского патриотизма, прививать вкусы, привычки, развивать потребности, соответствующие высокой морали социалистического общества. Договорная форма способствует осуществлению этих важнейших задач» [27, с. 7]. Вопрос свободы волеизъявления граждан при вступлении в договорные отношения по мнению профессора Халфиной собственно вопросом и не является, поскольку «обеспечивается всем строем социалистического общества, в котором забота о максимальном удовлетворении материальных и культурных потребностей граждан является законом развития» [27, с. 67]. «Весь строй взаимоотношений социалистических организаций и их отношений с гражданами исключает возможность несоответствия волеизъявления сторон их подлинной воле. Эти отношения, как уже неоднократно указывалось, регулируются рядом специальных нормативных актов, направленных на то, чтобы обеспечить наилучшее выполнение социалистическими организациями их функций, а это, в свою очередь, предопределяет возможность наиболее полного и свободного выражения воли лиц, вступающих в отношения с социалистическими организациями» [27, с. 220]. «В отношениях между социалистическими организациями, основанных на плане, регулируемых нормативными актами, учитывающими особенности этих отношений, проникнутых духом социалистической взаимопомощи, случаи заключения договоров под влиянием заблуждения могут встретиться лишь в порядке редчайшего исключения. Нет для них почвы и в отношениях между социалистическими организациями и гражданами: вся работа социалистических организаций построена так, чтобы наилучшим образом удовлетворять потребности граждан; одним из условий надлежащего обслуживания граждан является наиболее полное осведомление их о всех условиях договоров, заключаемых ими с социалистическими организациями» [27, с. 229]. Государство, устанавливая типовые договоры между социалистическими организациями и гражданами регулирует договорные отношения чтобы «чтобы непосредственно способствовать максимальному удовлетворению материальных и культурных потребностей граждан, способствовать действию основного закона социализма» [27, с. 77]. «Значение типовых договоров заключается в том, что компетентные органы социалистического государства, исходя из интересов строительства коммунизма, руководствуясь данными

передовой науки о социалистическом обществе, так устанавливают и регулируют основные условия отдельных видов договоров, чтобы наиболее эффективно использовать правовую форму договора, способствовать достижению цели договора. Этим социалистическое государство оказывает также существенную помощь социалистическим организациям и гражданам. Защита их законных интересов не ставится в зависимость от того, как стороны сумели договориться в каждом отдельном случае, а обеспечивается во всех случаях нормой, изданной компетентным государственным органом» [27, с. 100]. «Договорные отношения социалистических организаций с гражданами в период перехода к коммунизму будут способствовать поднятию материального и культурного уровня жизни граждан, помогут влиять на их вкусы, потребности, быт» [27, с. 288].

Приведенные цитаты, сопровождающие всю работу профессора Халфиной со всей очевидностью показывают, что стремление обособить советские публичные договоры от западных, привело научную мысль к декларативно-идеологическому подходу в осмыслении правоотношений между социалистическими организациями и гражданами.

Пожалуй, единственным исключением можно назвать работу И.Б. Новицкого «Обязательство заключить договор». Профессор Новицкий делает важнейший вывод о том, что из договоров присоединения должны выделяться договоры, в которых предприятия связаны нормативным предписанием в вопросах заключения и определения условий отношений. В силу иной юридической природы в этом случае возникает не договор присоединения, а обязательство для предприятия заключить договор [19, с. 28]. И.Б. Новицкий указывает, что в случае обязательного заключения договора «элемент принуждения направлен к тому, чтобы данное предприятие заключило договор с лицом, в интересах которого устанавливается обязательство заключения договора. В этих случаях обязанность заключения договора возлагается на одну сторону и в интересе другой стороны, т.е. будущего контрагента, заинтересованного в договоре» [19, с. 29]. Одновременно с этим, И.Б. Новицкий делает принципиальный вывод о том, что такие договоры сопровождаются регламентацией содержания именно с целью устранения возможности для предприятия сформировать не выгодные условия в целях побуждения контрагента к отказу от договора: «если бы данное предприятие понуждали заключить договор, а в установлении содержания договора предоставили ему полную самостоятельность, предприятие, желая уклониться от договора, предложило бы явно неприемлемые условия, и таким образом сделало бы всю обязательность заключения договора призрачной» [19, с. 29]. Профессор Новицкий делает акцент на публичной составляющей таких договоров. Он пишет: «отношения, где учреждения публично-правового характера преследуют цели извлечения прибыли, имеют уже смешанный характер; в них основания – пу-

бличноправовое, а предмет – частноправовой. Таковы отношения со своими клиентами железных дорог, Государственного банка, электрической станции и т.д.» [19, с. 30]. И.Б. Новицкий имел смелость привести в своей работе мнение о том, что «в данном случае имеет место проявление социализации частноправовых отношений» [19, с. 33]. Далее Профессор Новицкий останавливается на различиях рассматриваемых договоров для права капиталистического и права советского. По его мнению, «в условиях социалистического планового хозяйства и складывающегося на его основе советского социалистического права, не знающего противопоставления публичного и частного права, заключение договора по предписанию закона не представляет собой такого непонятого факта, как в условиях буржуазного общества» [19, с. 33]. К примерам договоров с обязательностью заключения И.Б. Новицкий относит договоры железной дороги принимать к перевозке грузы и пассажиров, почту, телеграф, аптеки, бойни и др. и указывает, что «для советского права такая категория, как устанавливаемое законом обязательство заключить договор не имеет того исключительного (в смысле своеобразия юридической природы) характера, какой присущ этой категории в праве стран, исходящих из различия публичного и частного права» [19, с. 36]. Таким образом, делает вывод И.Б. Новицкий, для советского права теряет актуальность вопрос «до каких пределов правопрядок может воздействовать на волеизъявление сторон» [19, с. 37]. Тем не менее, указывает профессор Новицкий «из этого, конечно не следует, что советскому юристу незачем и выделять те случаи, когда в законе предусматриваются специальные фактические составы, с которыми связывается обязательства заключить договор. Изучение этих случаев в советском праве необходимо в целях правильной систематизации отдельных обязательств, а систематизация, как известно, есть необходимая предпосылка научности» [19, с. 37].

Общая тенденция квалификации отечественной наукой западных публичных договоров под статусом договоров присоединения [29, с. 166], [8, с. 91], [12, с. 100], [30, с. 66–67] сохраняется вплоть до начала 90-х годов. Так, например, в книге «Гражданское и торговое право капиталистических государств» под редакцией профессора Яичкова указывается: «договоры присоединения наиболее распространены в таких областях капиталистического хозяйства, как железнодорожный и водный транспорт, внутригородской транспорт, банковское дело, страхование, коммунальные услуги и т.п. Это именно те области, в которых контрагент фактически не имеет возможности выбора» [31, с. 217–218].

Одновременно с этим, с начала 90х годов, отечественная наука начинает анализировать договоры с гражданами в контексте развития как на западе, так и в нашей стране законодательства о защите прав потребителей.

Публичный договор был кодифицирован гражданским кодексом 1995 года. Профессор А.Л. Ма-

ковский (1930–2020) в своей монографии, посвященной отечественным кодификация гражданского права написал, что «статья 426 «Публичный договор» ... вводит в наше право совершенно новый институт» [16]. И в определенной степени это верно. При том, что публичный договор использовался повсеместно для оформления гражданско-правовых отношений с потребителями, он не был осмыслен отечественной доктриной как специфический, самостоятельный институт права вплоть до принятия ГК 1995 года. После кодификации публичного договора к теме изучения данного правового института обратился ряд отечественных ученых: Г.А. Калашникова [11], Е.А. Мищенко [17], С.Н. Костикова [10], О.С. Левченко [15], С.К. Идрышева [9], Е.А. Величина [6], Б.В. Бальжиров [5].

Заключение. Изучение исторического генезиса публичного договора позволяет сделать вывод о том, что данный феномен начал изучаться отечественными учеными в конце XIX – начале XX века. Этому способствовало развитие общественных отношений в сферах перевозки, розничной торговли, потребительских услуг.

Советская цивилистика на длительное время отказалась от научного осмысления публичного договора как самостоятельного правового института в силу идеологических причин. Выделение публичного договора в самостоятельный вид обязательства потребовал бы от ученых смещения акцентов, признания того, что западные договоры с потребителем нацелены на защиту слабой стороны – гражданина, на ограничение свободы коммерческих организаций, на установление равных, не дискриминационных условий для любого контрагента. Именно в силу отторжения позитивного содержания публичных договоров в западных странах, советская юридическая наука принципиально рассматривала публичный договор как договор присоединения, выделяя его основными доминантами типовые формы, направленные на установление заведомо не выгодных для потребителя условий и на невозможность потребителя вступить в договорные отношения иначе чем посредством присоединения. Исторический генезис публичного договора наглядно показывает, каким образом идеологический заказ может блокировать развитие научной мысли, негативно влиять на объективное теоретическое осмысление общественных и правовых явлений.

Литература

1. Агарков М.М. Юридическая природа железнодорожной перевозки / М. Агарков // Право и Жизнь. – М., 1922. – Книга 2 (Июль). – С. 29–40; Книга 3. – С. 7–19.
2. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. – (Ученые труды / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР; выпуск III).

3. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. / М.М. Агарков; М.М. Агарков; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Каф. гражданского права юридического фак.; [отв. ред. В.С. Ем]. – Москва: Статут, 2012. – ISBN978-5-8354-0850-4. – EDN QSOCVD.
4. Аскназий С.И. Гражданское право и регулируемое хозяйство / С.И. Аскназий (Доцент Ленинградского государственного университета) и Б.С. Мартынов (Профессор Ленинградского государственного университета). – Л.: Издание научного общества марксистов, 1927. – 109 с., [3] с. объявл. – (Труды Научного общества марксистов / Под общей редакцией проф. М.В. Серебрякова. Секция права и государства; Вып. I).
5. Бальжиров, Баир Вячеславович. Публичные договоры в сфере энергетики: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Бальжиров Баир Вячеславович; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2011. – 208 с.
6. Величина, Елена Александровна. Гражданско-правовое регулирование обязательств по оказанию публичных услуг: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Величина Елена Александровна; [Место защиты: Волгогр. гос. ун-т]. – Волгоград, 2010. – 199 с.
7. Дьяков Ф.В. К вопросу о кооперативном кодексе СССР / Прив.-доц. Ф.В. Дьяков // Известия Правового факультета Азербайджанского государственного университета имени В.И. Ленина. – Баку, 1929. – Выпуск IV. – С. 63–82; 1929. – Выпуск V–VI. – С. 81–112.
8. Зенин, Иван Александрович. Гражданское и торговое право капиталистических стран / И.А. Зенин. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 190,[2] с.; 22 см.; ISBN5-211-02188-6
9. Идрышева, Сара Кимадиевна. Публичный договор в гражданском праве Республики Казахстан [Текст]: монография / С.К. Идрышева; ГУ «Ин-т законодательства Респ. Казахстан». – Астана: Ин-т законодательства Респ. Казахстан, 2010. – 379 с.; 21 см.; ISBN9965-600-82-1
10. Костикова, Светлана Николаевна. Публичный договор как институт гражданского права: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2007. – 284 с.
11. Калашникова, Галина Александровна. Публичный договор: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Краснодар, 2002. – 207 с.
12. Кулагин М.И. Предпринимательство и право: опыт Запада / М.И. Кулагин; Предисловие и научная редакция доктора юридических наук, профессора Суханова Е.А. – М.: Издательство «Дело», 1992. – 144 с.
13. Ландкоф С.Н. Квартирный тариф или квартирная плата / С.Н. Ландкоф // Вестник Советской Юстиции. – Харьков, 1927. – № 5 (1 марта).
14. Ландкоф С.Н. Торговые сделки. Теория и практика: Агентурный договор; Залог товара в обороте; Государственные подряды и поставки; Купля-продажа; Договор комиссии; Договор складского хранения и вранты; Договор текущего счета и чек / Проф. С.Н. Ландкоф. – Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1929. – 273 с.
15. Левченко, Ольга Сергеевна. Конструкция публичного договора в российском гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Левченко Ольга Сергеевна; [Место защиты: Кубан. гос. аграр. ун-т]. – Краснодар, 2008. – 174 с.
16. Маковский, Александр Львович. О кодификации гражданского права (1922–2006) [Текст] / А.Л. Маковский; Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации. – Москва: Статут, 2010. – 734, [1] с.; 22 см.; ISBN978-5-8354-0636-4
17. Мищенко, Екатерина Анатольевна. Публичный договор в российском гражданском праве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2004. – 174 с.
18. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / Проф. И.Б. Новицкий, Проф. Л.А. Лунц. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с. – (Курс советского гражданского права / Всесоюзный Институт Юридических Наук Министерства Юстиции СССР).
19. Новицкий, Иван Борисович (1880–1958). Обязательство заключить договор [Текст] / проф. И.Б. Новицкий; Под ред. М.С. Липецкера; Моск. юрид. ин-т. – Москва: тип. ТАСС, 1947. – 50 с.
20. Новицкий И.Б. Закон, жизнь и наука права // Право и Жизнь. – М., 1922. – Книга 3. – С. 75–77. – Рецензия на кн.: А. Nussbaum. Theoreme und Wirklichkeit in den allgemeinen Lehren des bürgerlichen Rechts, Archiv fur bürgerliches Recht. Bd. 42–1916.
21. И. А. Покровский. Основные проблемы гражданского права. – Пг., Издание Юридического книжного склада «Право», 1917. – 349с.
22. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II: Обязательственное, семейное и наследственное право / Проф. В.И. Синайский. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Киев: Типо-Литография «Прогресс», 1918. – [2], II, 300 с.
23. В. И. Серебровский. Страхование. М., Финансовое Издательство НКФ СССР, 1927.
24. Серебровский, В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В.И. Серебровский; В.И. Серебровский; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Каф. гражд. права юрид. фак.. – [2. изд., испр.]. – Москва: Статут, 2003. – (Классика российской цивилистики). – ISBN5-89398-011-5.
25. Серебровский В.И. Обзор иностранных журналов по вопросам гражданского права / Проф. В. Серебровский // Ученые записки / Московский юридический институт НКЮ Союза ССР. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – Выпуск I. – С. 148–160.

26. Халфина Р.О. Договор в английском гражданском праве / Академия наук СССР. Институт права им. А.Я. Вышинского; Р.О. Халфина. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. – 319 с.
27. Халфина, Раиса Осиповна. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве [Текст] / Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – 240 с.
28. Б.Б. Черепахин. Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки. Иркутск: Изд-е иркутского ун-та, 1927. С. 3–31.
29. Гражданское и торговое право капиталистических стран: Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» / Под редакцией профессора В.П. Мозолина и к.ю.н. М.И. Кулагина. – М.: Высшая школа, 1980. – 382 с.
30. Советское гражданское право. Часть 1: Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; [К.К. Лебедев, В.А. Мусин, Е.А. Поссе и др.]; Ответственные редакторы: В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой, А.К. Юрченко]. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1982. – 414 с.
31. Гражданское и торговое право капиталистических государств / Ответственный редактор профессор К.К. Яичков; Институт международных отношений. – М.: Международные отношения, 1966. – 552 с.
2. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law / M.M. Agarkov. – M.: Legal publishing house of the NKJU USSR, 1940. – 192 p. – (Scientific works / All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR; Issue III).
3. Agarkov, M.M. Selected works on civil law: in 2 volumes / M.M. Agarkov; M.M. Agarkov; Moscow state. un-t im. M.V. Lomonosov, Dept. civil law legal faculty.; [res. ed. V.S. Em]. – Moscow: Statute, 2012. – ISBN978–5–8354–0850–4. – EDN QSOCVD.
4. Asknazy S.I. Civil law and regulated economy / S.I. Asknazy (Associate Professor, Leningrad State University) and B.S. Martynov (Professor of the Leningrad State University). – L.: Edition of the Scientific Society of Marxists, 1927. – 109 p., [3] p. announced – (Proceedings of the Scientific Society of Marxists / Under the general editorship of Prof. M.V. Serebryakov. Section of Law and State; Issue I).
5. Balzhurov, Bair Vyacheslavovich. Public contracts in the field of energy: dissertation... PhD in law: 12.00.03 / Balzhurov Bair Vyacheslavovich; [Place of protection: Ros. acad. nar. households and state. service under the President of the Russian Federation]. – Moscow, 2011. – 208 p.
6. Velichkina, Elena Alexandrovna. Civil-legal regulation of obligations on rendering public services: the dissertation... Candidate of legal sciences: 12.00.03 / Velichkina Elena Aleksandrovna; [Place of protection: Volgograd. state university]. – Volgograd, 2010. – 199 p.
7. Dyakov F.V. To the question of the cooperative code of the USSR / Priv.-Assoc. F.V. Dyakov // Proceedings of the Faculty of Law of Azerbaijan State University named after V.I. Lenin. – Baku, 1929. – Issue IV. – P. 63–82; 1929. – Issue V–VI. – S. 81–112.
8. Zenin, Ivan Alexandrovich. Civil and commercial law of capitalist countries / I.A. Zenin. – M.: Publishing House of Moscow State University, 1992. – 190, [2] p.; 22 cm; ISBN5–211–02188–6
9. Idrysheva, Sara Kimadievna. Public contract in the civil law of the Republic of Kazakhstan [Text]: monograph / S.K. Idrysheva; State Institution "Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan". – Astana: Institute of Legislation Rep. Kazakhstan, 2010. – 379 p.; 21 cm; ISBN9965–600–82–1
10. Kostikova, Svetlana Nikolaevna. Public contract as an institution of civil law: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Moscow, 2007. – 284 p.
11. Kalashnikova, Galina Alexandrovna. Public contract: dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Krasnodar, 2002. – 207 p.
12. Kulagin M.I. Entrepreneurship and law: experience of the West / M.I. Kulagin; Foreword and scientific edition of Doctor of Law, Professor Sukhanov E.A. – M.: Publishing house "Delo", 1992. – 144 p.
13. Landkof S.N. Apartment tariff or rent / S.N. Landkof // Bulletin of Soviet Justice. – Kharkov, 1927. – No. 5 (March 1).
14. Landkof S.N. Trade deals. Theory and practice: undercover contract; Pledge of goods in circulation; Government contracts and deliveries; Purchase and sale; commission agreement; Warehousing agreement and warrants; Current account agreement and check / Prof. S.N. Landkof. – Kharkov: Legal publishing house of the NKJU of the Ukrainian SSR, 1929. – 273 p.
15. Levchenko, Olga Sergeevna. The construction of a public contract in Russian civil law: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03 / Levchenko Olga Sergeevna; [Place of protection: Kuban. state agrarian university]. – Krasnodar, 2008. – 174 p.
16. Makovsky, Alexander Lvovich. On the codification of civil law (1922–2006) [Text] / A.L. Makovsky; Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation. – Moscow: Statute, 2010. – 734, [1] p.; 22 cm; ISBN978–5–8354–0636–4
17. Mishchenko, Ekaterina Anatolyevna. The public contract in the Russian civil law: the dissertation... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Moscow, 2004. – 174 p.
18. Novitsky I.B. General doctrine of obligation / Prof. I.B. Novitsky, Prof. L.A. Lunts. – M.: State publishing house of legal literature, 1950. – 416 p. – (Course of Soviet Civil Law / All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR).
19. Novitsky, Ivan Borisovich (1880–1958). Obligation to conclude an agreement [Text] / prof. I.B. Novitsky; Ed. M.S. Lipetsker; Moscow legal in-t. – Moscow: type. TASS, 1947. – 50 p.

THE HISTORICAL GENESIS OF THE CONSTRUCTION OF THE PUBLIC CONTRACT

Matveeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the attitude of domestic civil law of the pre-revolutionary and Soviet period to the public contract. It is shown that despite the identification of a public contract and a contract of accession, which was characteristic of science at the beginning of the 20th century, pre-revolutionary scientists nevertheless actually singled out a public contract as a special type of obligation in which an entrepreneur providing social, public services is obliged to enter into an agreement with a consumer. In the conditions of the rejection of bourgeois law, the legal science of the Soviet period refused to see in Western public contracts the features of legal regulation aimed at limiting the will of the entrepreneur and establishing equal conditions through forms for everyone who wants to enter into an agreement with the counterparty. As a result, the public contract received doctrinal comprehension only after the 1995 codification.

Keywords: public contract, accession contract, Soviet civil law, consumer, obligation to conclude a contract.

References

1. Agarkov M.M. Legal nature of railway transportation / M. Agarkov // Law and Life. – M., 1922. – Book 2 (July). – S. 29–40; Book 3. – S. 7–19.

20. Novitsky I.B. Law, life and science of law // Law and Life. – M., 1922. – Book 3. – S. 75–77. – Review of the book: A. Nussbaum. Theoreme und Wirklichkeit in den allgemeinen Lehren des bürgerlichen Rechts, Archiv für bürgerliches Recht. bd. 42–1916.
21. I. A. Pokrovsky. The main problems of civil law. – Pg., Edition of the Legal Book Store “Right”, 1917. – 349p.
22. Sinaisky V.I. Russian civil law. Issue II: Law of Obligations, Family and Inheritance / Prof. IN AND. Sinai. – Second edition, revised and enlarged. – Kyiv: Type-Lithography “Progress”, 1918. – [2], II, 300 p.
23. V. I. Serebrovsky. Strakhovanie. M., Financial Publishing House of the NKJ of the USSR, 1927.
24. Serebrovsky, V.I. Selected works on inheritance and insurance law / V.I. Serebrovsky; V.I. Serebrovsky; Moscow state un-t im. M.V. Lomonosov. Dept. civil legal rights. fak.. – [2. ed., rev.]. – Moscow: Statute, 2003. – (Classics of Russian civil law). – ISBN5–89398–011–5.
25. Serebrovsky V.I. Review of foreign journals on issues of civil law / Prof. V. Serebrovsky // Scientific Notes / Moscow Law Institute of the People’s Commissariat of Justice of the USSR. – M.: Legal publishing house of the NKJU USSR, 1939. – Issue I. – P. 148–160.
26. Khalfina R.O. Contract in English civil law / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Law. AND I. Vyshinsky; R.O. Halfin. – M.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. – 319 p.
27. Khalfina, Raisa Osipovna. The meaning and essence of the contract in the Soviet socialist civil law [Text] / Acad. sciences of the USSR. Institute of Law. – Moscow: Acad. Sciences of the USSR, 1954. – 240 p.
28. B.B. Cherepakhin. Responsibility of the consignee for the requirements of the railway transportation agreement. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk University, 1927. S. 3–31.
29. Civil and commercial law of the capitalist countries: Approved by the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the USSR as a textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence” / Edited by Professor V.P. Mozolin and Ph.D. M.I. Kulagin. – M.: Higher School, 1980. – 382 p.
30. Soviet civil law. Part 1: Approved by the Ministry of Higher and Secondary Specialized Education of the USSR as a textbook for university students studying in the specialty “Jurisprudence” / Leningrad State University. A.A. Zhdanov; [K.K. Lebedev, V.A. Musin, E.A. Posse and others; Managing editors: V.T. Smirnov, Yu.K. Tolstoy, A.K. Yurchenko]. – 2nd edition, revised and enlarged. – L.: Publishing house of the Leningrad University, 1982. – 414 p.
31. Civil and commercial law of capitalist states / Managing editor Professor K.K. testicles; Institute of International Relations. – M.: International relations, 1966. – 552 p.

Внедрение научных разработок в положения регламентов, определяющих оценку уровня регионального развития: институциональные аспекты

Разов Павел Викторович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
Департамента социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: PVRazov@fa.ru

Штанова Ксения Алексеевна,

младший научный сотрудник Международного центра
развития инноваций и студенческих инициатив Финансового
университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KAShtanova@fa.ru

Прохорова Ирина Геннадьевна,

старший научный сотрудник Центра изучения и мониторинга
эффективности мер социально-экономической поддержки
промышленности и предпринимательства «Локомотивы
роста» Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: IGProkhorova@fa.ru

В статье представлены авторские подходы к оценке региональной устойчивости. Обоснована необходимость более полного исследования отечественных научных методов, характеризующие систему оценок устойчивого регионального развития, а также их учета при внедрении этой системы. Обобщены и описаны нормативные правовые акты, регулирующие механизмы обеспечения устойчивости регионального развития. Представлены также выводы из авторского анализа источниковых баз по проблемам обеспечения эффективности государственных процедур и научных институтов в системе устойчивого развития. Обоснованы условия более полного учета роли и места научного обеспечения, а также полного соблюдения административных регламентов в процессе устойчивого регионального развития. Авторами описан широкий спектр проблем, изучаемый на стыке различных наук, в связи с чем на методологическом уровне были отмечены несколько подходов к определению данной проблемы, а именно: экологический, экономический, социальный, организационно-управленческий, интегральный, концепция безопасности. Отдельно выделен в статье системный подход к оценке устойчивости регионального развития, представленный на методическом уровне исследования.

Ключевые слова: региональная и отраслевая экономика, научные институты, эффективность государственных регламентов, эффективность деятельности органов управления, параметры оценки, оценка устойчивости, региональное развитие, теоретические аспекты оценки устойчивости, методические аспекты оценки устойчивости.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета

В современных реалиях оценка устойчивости регионального развития важная составляющая государственной политики во всех сферах общества, будь то экономическая, социальная или культурная. Существует много параметров оценки данного развития, которые обеспечивают качество оценки путем их комплексного использования.

Научные институты так же являются одним из параметров, который оценивает региональную составляющую со стороны мульти парадигмального подхода, что несет в себе определенные издержки в виде полемики по поводу эффективности параметра в вопросе оценки об устойчивости регионального развития. Под термином регионального развития с социологической точки зрения понимается оценка сочетания разного вида характеристик, а именно экологических, социальных, природных, социально-культурных как ресурс для обеспечения экономического роста и развития регионов.

Важно отметить, что понятие «устойчивое развитие региона» включает в себя внедрение инноваций и развитие экономики, привлечение инвестиций в тот или иной регион, решение экологического вопроса населения в регионе, развитие фактора местного самоуправления, а также иные аспекты, которые помогают обеспечить благоприятное развитие населения в целом. Стоит уделить внимание тому, что в деятельности научных институтов при оценке устойчивости развития региона помогают индексы, например, эколого-экономический индекс регионов, который составляется WWF России, Высшей Школой Экономики были разработаны «Индекс цифровой жизни российских регионов», «индекс развития общественной инфраструктуры российских городов».

Сегодня является очевидным, что научные институты являются одним из агентов оценки регионального развития, в свою очередь которое влияет и на дальнейшие инвестиционные решения, что говорит о необходимости основательной и эффективной работы данного агента.

Как свидетельствуют полученные данные, внимание ученых и практиков к проблемам устойчивого развития остается постоянным, что говорит об объективном характере этого феномена, нуждающимся в научной рефлексии в интересах решения социально-экономических проблем страны и регионов.

Источниковая база закономерно состоит преимущественно из статей и материалов конференций, как оперативной формы представления научно-практических данных, однако в распоря-

жении ученых и практиков сейчас находятся и более фундаментальные материалы – диссертации, книги.

В настоящее время категория «устойчивое развитие» активно развивается учеными и практиками как в целом в научном знании, так и в социально-гуманитарных науках.

Контент-анализ источниковой базы крупнейшей научной электронной библиотеки «eLIBRARY.RU» [8], совмещённой с Российским индексом научного цитирования, по запросу «устойчивое развитие» позволяет получить динамические характеристики публикаций по этой проблематике, что отражено на рисунке 1.

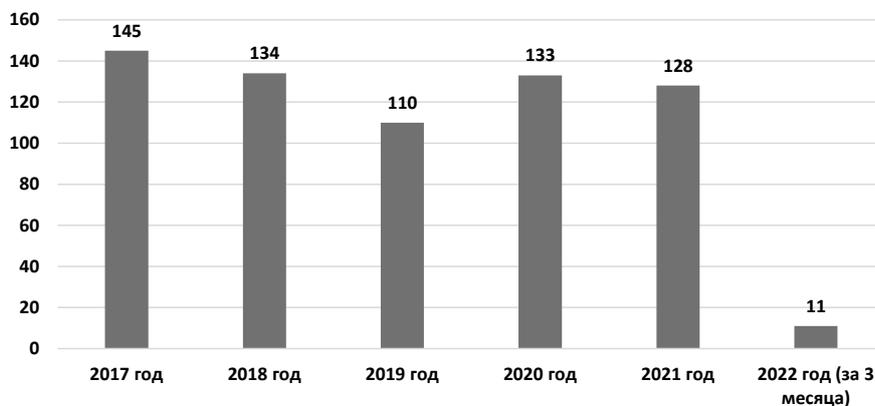

Рис. 1. Количество научных публикаций

Полученные данные свидетельствуют, что внимание ученых и практиков к проблемам устойчивого развития остается постоянным, что говорит об объективном характере этого феномена, нуждающимся в научной рефлексии в интересах ре-

шения социально-экономических проблем страны и регионов.

Изучение источников показывает достаточно широкий спектр проблем, которые изучаются в рамках различных наук, что отражено на рисунке 2.

Рис. 2. Темы научных публикаций

Как свидетельствуют данные исследования, тематически публикации делятся на исследования: экономических аспектов, исследовательского арсенала оценки устойчивости, детерминация процесса устойчивого развития, в частности: а) механизмы; б) условия; в) факторы детерминации содержания, направленности и скорости этого процесса.

Более всего в исследованиях представлен экономический и даже маркетинговый аспект проблем устойчивости регионального развития. Это отражает общую потребность органов государственного управления в совершенствовании механизмов стабильного поступательного наращивания экономического потенциала при реализации планов регионального и пространственного развития нашей страны. В этом смысле устойчивость развития отражает правильность вложения федеральных средств, эффективность использо-

вания программно-целевого подхода применительно к определению «точек роста» и федеральных программ (проектов) поддержки их развития. Соответственно, достижение синергетического эффекта взаимодействия регионов на основе кооперации экономических связей, создания народно-хозяйственных кластеров на отдельных территориях.

Весьма важным является достаточно большая представленность в публикациях материалов о применении в обеспечении процесса устойчивого регионального развития математико-статистических методов, разработку концепций и стратегий реализации принципов устойчивости. Это свидетельствует об активном освоении научным сообществом современных средств управления, использовании понятий-категориального аппарата цифровизации и освоении возможностей глобальных цифровых платформ.

Относительно малое количество публикаций, в которых устойчивое региональное развитие рассматривается в качестве механизма обеспечения безопасности, объясняется тем, что данные вопросы традиционно относятся к уровню компетенции органов власти федерального уровня. Однако в последние годы положение начинает изменяться, а ряд ученых и научных школ более активно и глубоко разрабатывают проблемы обеспечения устойчивого регионального развития, как компонента национальной безопасности.

Самостоятельный интерес вызывает характеристика источников по их научной силе, предназначения и формам, что отражено на рисунке 3.

Рис. 3. Количество научных публикаций по формам

Источниковая база закономерно состоит преимущественно из статей и материалов конференций, как оперативной формы представления научно-практических данных, однако в распоряжении ученых и практиков сейчас находятся и более фундаментальные материалы – диссертации, книги. Определенный интерес вызывают и патенты в сфере устойчивого регионального развития, материалы научных конференций, депонированные рукописи и отчеты по научно-исследовательским работам, которые доступны широкому кругу читателей.

На методологическом уровне анализа для уточнения имеющейся научной базы в рассматриваемой объектно-предметной области важно провести систематизацию имеющихся научных работ в области устойчивого регионального развития, результаты которого отражены в соответствующих публикациях [1; 2; 4; 5].

Важнейшими направлениями в научных исследованиях устойчивого развития являются: а) экологическое направление, при этом в настоящее время достигнут всеобщий консенсус по поводу того, что технический прогресс не должен вредить природе; б) одним из главных направлений научных исследований содержания, формирования методического арсенала оценки устойчивого регионального развития связано с его экономическим пониманием; в) устойчивое региональное развитие

понимается и как сбалансированное развитие [3; 6]; г) в работах ученых выделяется и социальная составляющая системы устойчивого сбалансированного развития региона, как критерий его качества; д) можно также выделить и организационно-управленческое направление трактовки устойчивого развития [7]; е) интегральным показателем устойчивости социально-экономического развития часто используется концепция качества жизни; ж) системный подход к оценке устойчивости регионального развития опирается на целостное восприятие региона, его социально-экономического, социально-культурного, бытового, правоохранительного и иных компонентов, которые позволяют определить регионы в качестве научного анализа в процессе их развития и другие.

В анализируемых публикациях существенное место занимают ссылки на международно-правовые документы в области глобального устойчивого развития с явным экологическим уклоном. Однако, год от года растет объем материала, который более полно учитывает национальную специфику и развивает концепцию устойчивости в менеджерском ключе, в сфере безопасности, в области обеспечения согласованности компонентов устойчивого развития, а также сбалансированности интересов федерального центра и регионов, межрегиональных связей, учета интересов отдельных территорий.

Таким образом, в настоящее время учеными и практиками изучение проблем устойчивого регионального развития производится на основе экологического, экономического, социального, управленческого подходов, а также в рамках концепции безопасности, в сочетании с разработкой арсенала методов и методик оценки содержания и характеристик процесса устойчивого регионального развития, что в свою очередь использовать эти разработки для дальнейшего изучения этой предметно-объектной области.

Литература

- Алферова Т.В. Концептуальное моделирование определения категории «устойчивое развитие» // Журнал экономической теории. 2012. № 4. С. 46–52.
- Ахметишина А.Р. Регулирование эколого-экономических отношений в рамках устойчивого развития экономической системы: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Казань. 2011. – 47 с.
- Гончаров А.Ю. Концепция управления сбалансированным развитием региона / А.Ю. Гончаров // Вестник ВГУ. Серия экономика и управление. – 2015, № 4. – С. 17–25.
- Гутман Г.В. Управление региональной экономикой. М., 2001. 176 с.
- Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. Т. 39. 2003. С. 123–135.

6. Дунаев А.С. Зеленая экономика, национальная безопасность России и устойчивое региональное развитие: pro et contra // Ноосферные исследования. 2021. № 4. С. 17–27.
7. Есенкова Г.А. Региональный потенциал устойчивого развития: кластерный подход к изучению территориально-отраслевых структур // Экономический рост как основа устойчивого развития России. 2021. С. 171–179.
8. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. Официальный сайт. Электронный ресурс: [https://www.elibrary.ru]: Дата обращения – 14 августа 2022 г.

INTRODUCTION OF SCIENTIFIC DEVELOPMENTS INTO THE PROVISIONS OF THE REGULATIONS THAT DETERMINE THE ASSESSMENT OF THE LEVEL OF REGIONAL DEVELOPMENT: INSTITUTIONAL ASPECTS

Razov P.V., Shtanova K.A., Prokhorova I.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents the author's approaches to the assessment of regional sustainability. The necessity of a more complete study of domestic scientific methods characterizing the system of assessments of sustainable regional development, as well as their consideration in the implementation of this system, is substantiated. The normative legal acts regulating the mechanisms of ensuring the sustainability of regional development are summarized and described. Conclusions from the author's analysis of source bases on the problems of ensuring the effectiveness of state procedures and scientific institutions in the system of sustainable development are also presented. The conditions for a more complete consideration of the role and place of scientific support, as well as full compliance with administrative regulations in the process of sustainable regional development are substantiated. The authors describe a wide range of problems studied at the intersection of various sciences, in con-

nection with which several approaches to the definition of this problem were noted at the methodological level, namely: environmental, economic, social, organizational and managerial, integral, and the concept of security. The article highlights a systematic approach to assessing the sustainability of regional development, presented at the methodological level of the study.

Keywords: regional and sectoral economy, scientific institutions, effectiveness of state regulations, efficiency of management bodies, assessment parameters, sustainability assessment, regional development, theoretical aspects of sustainability assessment, methodological aspects of sustainability assessment.

References

1. Alferova T.V. Conceptual modeling of the definition of the category "sustainable development" // Journal of Economic Theory. 2012. No. 4. pp. 46–52.
2. Akhmetishina A.R. Regulation of economic and environmental relations within the framework of sustainable development of the economic system: abstract of the dissertation of the Doctor of Economics. Kazan. 2011. – 47 p.
3. Goncharov A. Yu. The concept of management of balanced development of the region / A. Yu. Goncharov // Bulletin of the VSU. Economics and Management series. – 2015, No. 4. – pp.17–25.
4. Gutman G.V. Management of regional economy. M., 2001. 176 p.
5. Danilov-Danilyan V.I. Sustainable development (theoretical and methodological analysis) // Economics and Mathematical Methods. Vol. 39. 2003. pp. 123–135.
6. Dunaev A.S. Green economy, national security of Russia and sustainable regional development: pro et contra // Noospheric research. 2021. No. 4. pp. 17–27.
7. Esenkova G.A. Regional potential of sustainable development: a cluster approach to the study of territorial and sectoral structures // Economic growth as the basis of Russia's sustainable development. 2021. pp. 171–179.
8. Scientific electronic library eLIBRARY.RU. Official website. Electronic resource: [https://www.elibrary.ru]: Accessed August 14, 2022.

Правовое регулирование ввоза лекарственных средств в Россию в условиях интеграционных процессов в ЕАЭС

Ратникова Василиса Игоревна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского, предпринимательского и транспортного права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: vitaflamma@gmail.com

Стрельникова Наталья Викторовна,

кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры микробиологии, вирусологии и иммунологии, Дальневосточный государственный медицинский университет
E-mail: jpdom@mail.ru

Стрельников Игорь Анатольевич,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Хабаровский государственный университет экономики и права
E-mail: jpreigion@gmail.com

Стрельникова Мирослава Игоревна,

студент кафедры таможенного права и служебной деятельности, Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: miralog21@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные возможности ввоза лекарственных средств на территорию ЕАЭС и РФ. Целью исследования является изучение способов ввоза лекарственных средств на территорию России. Предметом исследования являются положения таможенного законодательства России и ЕАЭС в сфере импорта. Методологическую основу статьи составили статистический, сравнительно-правовой, формально-логический и формально-юридический методы. Материалы исследования представлены ТК ЕАЭС, федеральными законами, в частности, от 08.12.2003 № 164-ФЗ и от 12.04.2010 № 61-ФЗ, подзаконными актами РФ, доктринальными источниками. Выявлена и рассмотрена классификация ввоза лекарственных средств, а также порядок импорта. Импорт лекарственных средств можно осуществить несколькими способами: в общем порядке; в разрешительном порядке; для личного использования; параллельный импорт. Вариативность выбора способа зависит от многих факторов, в частности, от того, зарегистрированы ли лекарственные средства или нет, а также оснований и целей ввоза. Результатом исследования является вывод об отсутствии единого механизма применения актов по ввозу лекарственных средств. Существует большое количество актов, с одной стороны предусматривающих ограничения и запреты при ввозе, а с другой расширяющий перечень субъектов, которые могут это делать. Для решения выявленных проблемных моментов считаем необходимым внести ряд изменений в законодательные акты для модернизации системы ввоза лекарственных средств и улучшения качества жизни граждан.

Ключевые слова: ввоз, импорт, лекарственные средства, РФ, ЕАЭС, обращение лекарственных средств.

В период сложной политической и эпидемиологической обстановки вопрос ввоза / импорта лекарственных средств (далее по тексту – ЛС) становится всё более актуальным. Осложняется положение отсутствием достаточной сырьевой базы для всестороннего перехода на своё производство ЛС, а также неполной реализацией импортозамещения. Что особенно актуально для ЛС, не имеющих аналогов на российском фармацевтическом рынке или ограниченных в обороте.

Таможенным законодательством РФ и ЕАЭС [2] закреплена легальная определена импорта, исходя из которого под импортом лекарственных средств понимается ввоз веществ или их комбинаций, применяемых для профилактики, диагностики и лечения заболеваний, на таможенную территорию ЕАЭС / РФ из третьих стран без обязательств об обратном вывозе [4].

Под ввозом понимается таможенная процедура выпуска для внутреннего потребления, применяемая в отношении иностранных товаров, приобретающих в последствии статус товаров ЕАЭС, в соответствии с которой товары находятся и используются на таможенной территории ЕАЭС без ограничений по владению, пользованию и распоряжению ими.

Стоит отметить о неточностях в применении терминологического ряда. В ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [5] закреплён термин «ввоз ЛС», а в таможенном законодательстве – «импорт» и «выпуск для внутреннего потребления».

Ввоз ЛС в РФ можно разделить на ряд подгрупп:

- 1) в зависимости от регистрации партии:
 - зарегистрированные ЛС, в единый реестр ЕАЭС или реестр ЛС РФ;
 - незарегистрированные ЛС;
- 2) в зависимости от целей:
 - для проведения клинических исследований лекарственных препаратов;
 - для проведения экспертизы лекарственных средств;
 - для регистрации;
 - для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента / группы пациентов;
 - для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов [13];
 - для производства;
 - для гуманитарной помощи /содействия;
 - для помощи при чрезвычайных ситуациях [8];
 - для разработки, исследований, контроля безопасности, качества, эффективности ЛС;

- для проведения выставок;
- 3) в зависимости от субъектов, осуществляющих ввоз:
 - юридические лица: производители ЛС, как русские, так и иностранные; иностранные разработчики ЛС; организации оптовой торговли ЛС; научно-исследовательские организации; образовательные организации высшего образования; медицинские организации; государственные унитарные предприятия (Московский эндокринный завод);
 - физические лица, в том числе: граждане РФ; работники дипломатического корпуса; представители международных организаций, аккредитованных в РФ; участники международных культурных, спортивных мероприятий; участники международных экспедиций; пассажиры и члены экипажей транспортных средств, поездных бригад и водителей транспортных средств, прибывших в РФ;
 - международный медицинский кластер / МКТ – совокупность инфраструктуры территории МКТ, участников проекта (юридические лица, ИП) и механизмов взаимодействия участников.

4) в зависимости от оборотоспособности:

- свободные в обороте ЛС;
- ограниченные в обороте ЛС, т.е. содержащие сильнодействующие / ядовитые вещества;
- запрещённые в обороте ЛС, в том числе фальсифицированные, недоброкачественные и контрафактные.

Импорт ЛС можно осуществить несколькими способами:

- 1) в общем порядке [12];
- 2) в разрешительном порядке;
- 3) для личного использования;
- 4) параллельный импорт [16].

Порядок отличается в зависимости от того, зарегистрированы ли ЛС или нет, а также оснований для ввоза.

Общий порядок устанавливается таможенным законодательством РФ и ЕАЭС, в частности ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [5] и Постановлением Правительства РФ от 01.06.2021 № 853.

По общему правилу ввоз в РФ рядом юридических лиц осуществляется на основании заключения / разрешительного документа по их заявлению. По законодательству ЕАЭС данный документ может выдаваться индивидуальному предпринимателю.

Минздрав РФ выдаёт заключение на ввоз:

- незарегистрированных ЛС, предназначенных для их экспертизы;
- незарегистрированных ЛС для регистрации;
- незарегистрированных ЛС для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям;
- незарегистрированных ЛС для предотвращения последствий ЧС;
- конкретной партии ЛС для клинических исследований / испытаний.

Росздравнадзор выдаёт разрешения на ввоз медицинских изделий для регистрации, а также для оказания медицинской помощи.

На территории ЕАЭС принята единая форма заключения [3]. Юридические лица получают заключение, подав необходимые документы в Минздрав РФ. Срок действия заключения продлению не подлежит.

Список обстоятельств, являющихся основанием для отказа, закрытый: недостоверность сведений; ЛС запрещено к медицинскому применению на территории ЕАЭС; незарегистрированные ЛС ввозит не указанное в акте юридическое лицо.

В связи с введением ограничительных мер экономического характера в отношении России, были приняты подзаконные акты о временном (до 31.12.2023) допуске ввоза лекарственных препаратов в упаковках, предназначенных для обращения в иностранных государствах в случае их дефектуры или риска её возникновения [11].

Разрешительный порядок устанавливается в отношении ввоза наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее по тексту – НПВ ЛС. Виды НПВ ЛС, которые можно ввезти, ограничены Перечнем [9] и целями использования. Например, импорт ЛС из списка I Перечня, допускается только для научных и учебных целей / экспертной деятельности.

Можно выделить следующие лица, которые могут ввозить НПВ ЛС:

1) ФГУП «Московский эндокринный завод» [10]. Ввозит незарегистрированные НПВ ЛС.

2) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и ГУП. Ввозит ряд НПВ ЛС (в списке I и II Перечня) для использования в научных, учебных целях и в экспертной деятельности.

3) Юридические лица. Необходимо получить [14]: лицензию на право ввоза (список III Перечня); сертификат на право ввоза; разрешение МВД РФ на право ввоза. Сертификат и разрешение получают на основании заявления в МВД РФ и Росздравнадзор. К заявлению необходимо предоставить ряд документов, включающих документ о качестве НПВ ЛС.

Ввоз в РФ сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся НПВ ЛС, также осуществляются по лицензиям [6]. Без лицензии можно ввозить воинским частям / подразделениям [7].

Стоит отметить, что в 2020 году были введены временные ограничения для ввоза ряда НПВ ЛС, исходя из заболевания [15]. Так, с 01.03.2020 до 31.12.2023 г. НПВ ЛС по жизненным показаниям можно ввозить в целях лечения эпилепсии, эпилептического статуса, паллиативной помощи, например, Лоразепам и Фенобарбитал.

ЛС могут ввозиться физическими лицами для личного использования без заключения. При этом не учитываются требования о включении ЛС в реестр, подтверждении качества / сертификатов, наличии разрешений, решений врачебной комиссии и др. Единственным исключением является ввоз рецептурных НПВ ЛС, на которые нужны документы,

подтверждающие назначение врача. Такие документы могут быть как российскими, так и иностранными (с приложением заверенного перевода).

При этом можно выделить следующую коллизию: в соответствии с п. 4 Решения Коллегии ЕАЭС от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» не требуется представлять разрешительный документ таможенному органу в случаях, если ввоз осуществляется физическими лицами для личных нужд; для лечения пассажиров и членов экипажей; для лечения участников официальных мероприятий. Согласно ст. 50 ФЗ «Об обращении лекарственных средств» данный перечень шире на три пункта: использование ЛС работниками дипломатического корпуса, лечение животных и использование на территории международного медицинского кластера. Также нет ограничений, например о том, что определенное количество должно быть именно в аптечке, содержание которой определяется актами государств-членов.

Несмотря на то, что такие товары ввозятся без уплаты таможенных платежей [1], в случае, если ЛС будут относиться к орфанным препаратам, то их стоимость с большой вероятностью превысит установленные 10 000 евро, т.е. превысит установленный стоимостный норматив по беспошлинному ввозу.

Меры воздействия / противодействия на недружественные действия иностранных государств при ввозе ЛС для личных нужд или в отношении оригинальных товаров без аналогов не применяется.

Параллельный импорт ЛС – это ввоз ЛС, логистическая цепочка поставки которого происходит через посредника в другом государстве импортером, первоначально не назначенным держателем лицензии. Ввоз может осуществляться с переупаковкой.

В ограничительных условиях параллельный импорт даёт возможность пользования недоступными для приобретения товарами, входящими в перечень оригинальной продукции, на основании предложений федеральных ведомств, сформированных Минпромторгом. Что выступает инструментом управления экономическими санкциями в РФ. Соответствующие действия сопровождаются необходимым таможенным контролем со стороны ФТС России.

Рассматриваемая частичная легализация параллельного импорта в условиях внешних ограничений помогает в обеспечении отечественного рынка востребованными ЛС, а также процессу стабилизации уровня цен на данные товары.

Для России данный способ выглядит экономически и социально привлекательным, особенно в связи с запретами и санкциями, введенными для нашей страны, однако стоит отметить, что в таком случае необходимо проработать надзорные функции органов государственной власти, в частности, по идентификации средств и соответствия требованиям Фармаконадзора.

Также, требуется разрешение на параллельный импорт. В России существует Перечень [16] товаров для ввоза в РФ в своеобразный обход нормам об исключительных правах на товарный знак, изобретение и т.п. В 2022 в него входило наименова-

ние одного фармацевтического производителя – Miltenyi Biotec с кодом 3002 12 000 9, что относится к сывороткам иммунным и фракциям крови. Позиции с кодами ТН ВЭД 3003 и 3004 «Лекарственные средства...» отсутствуют.

На современном этапе развития российской государственности вопросы импортозамещения и зависимости от ввоза ЛС являются весьма актуальными. С 2015 года по 2021 объёмы импорта ЛС увеличились почти в два раза с 547,8 млрд руб. до 951,1 млрд руб. [17]. Сокращение оборота ЛС, необходимых для качественного уровня жизни и здоровья нации, а также рост цен на имеющиеся ЛС привело к дестабилизации возможности оказания соответствующей медицинской помощи. Имеющая система направлена на решение проблем путём внедрения запретов и ограничений, что в должной мере не оптимизирует ситуацию в лучшую сторону. Этому не способствуют и возрастающее количество подзаконных актов, регулирующих рассматриваемую сферу, а также необходимость учитывать не только законодательство РФ, но и ЕАЭС.

В целях решения выявленных лакун стоит: определить точность значения используемой терминологии; расширить возможности параллельного импорта с усилением контроля качества ЛС, в том числе официально увеличить перечень необходимыми ЛС; привести законодательство РФ в соответствие с требованиями унификации законодательства членов ЕАЭС. Данная модернизация позволит улучшить систему ввоза лекарственных средств и качество жизни граждан.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза: Подписан в г. Москве 11.04.2017: в ред. от 29.05.2019 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
2. Договор о Евразийском экономическом союзе: Подписан в г. Астане 29.05.2014: в ред. от 01.10.2019 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
3. О единой форме заключения (разрешительного документа) на ввоз, вывоз и транзит отдельных товаров, включенных в единый перечень товаров, к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами, и методических указаниях по ее заполнению: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.05.2012 № 45: в ред. от 04.09.2017 № 114 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
4. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ: в ред.

от 14.07.2022 № 353-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).

5. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ: в ред. от 14.07.2022 № 311-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
6. О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации сильнодействующих и ядовитых веществ, не являющихся прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ: Постановление Правительства РФ от 16.03.1996 № 278: в ред. от 25.05.2017 № 631// СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
7. О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров воинскими частями и подразделениями федеральных органов исполнительной власти, в которых законодательством Российской Федерации предусмотрена военная служба, в целях обеспечения их деятельности: Постановление Правительства РФ от 05.07.2010 № 502 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
8. Об утверждении Правил ввоза на территорию Российской Федерации лекарственных препаратов, предназначенных для оказания гуманитарной помощи (содействия) или помощи при чрезвычайных ситуациях: Постановление Правительства РФ от 03.09.2010 № 675 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
9. О порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Постановление Правительства РФ от 21.03.2011 № 181: в ред. от 22.10.2020 № 1721 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
10. О ввозе в Российскую Федерацию конкретной партии незарегистрированных лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента или группы пациентов: Постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2020 № 230 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
11. Об особенностях обращения лекарственных препаратов для медицинского применения, которые предназначены для применения в условиях угрозы возникновения, возникновения и ликвидации чрезвычайной ситуации и для организации оказания медицинской помощи лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, предупреждения чрезвычайных ситуаций, профилактики и лечения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных химических, биологических, радиационных факторов: Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 441: в ред. от 26.07.2022 № 1331 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
12. Об утверждении Правил ввоза лекарственных средств для медицинского применения в Российскую Федерацию и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 853 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
13. Об особенностях обращения лекарственных средств для медицинского применения в случае дефектуры или риска возникновения дефектуры лекарственных препаратов в связи с введением в отношении Российской Федерации ограничительных мер экономического характера: Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 593 // СПС «Консультант-Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
14. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений Министерства внутренних дел Российской Федерации на право ввоза (вывоза) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров: Приказ МВД России от 02.08.2017 № 593: в ред. от 10.08.2021 № 599 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
15. Об утверждении перечня заболеваний и состояний и соответствующих лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в целях осуществления их ввоза на территорию Российской Федерации для оказания медицинской помощи по жизненным показаниям конкретного пациента или группы пациентов: Приказ Минздрава России от 13.02.2020 № 80н // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).
16. Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия: Приказ Минпромторга России от 19.04.2022 № 1532 // СПС «Консультант-

Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 01.09.2022).

17. Import value of pharmaceuticals into Russia from 2015 to 2021, by type. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1118246/russian-pharmaceutical-imports-by-type/> (дата обращения: 22.11.2022).

LEGAL REGULATION OF THE IMPORT OF MEDICINES INTO RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EAEU

Ratnikova V.I., Strelnikova N.V., Strelnikov I.A., Strelnikova M.I.

Far Eastern State Transport University; Khabarovsk State University of Economics and Law

The article discusses the actual possibilities of importing medicines into the territory of the EAEU and the Russian Federation. The purpose of the study is to study the ways of importing medicines into the territory of Russia. The subject of the study is the provisions of the customs legislation of Russia and the EAEU in the field of imports. The methodological basis of the article was statistical, comparative legal, formal logical and formal legal methods. The research materials are presented by the Customs Code of the EAEU, federal laws, in particular, No. 164 of December 8, 2003 and No. 61 of April 12, 2010; by laws of the Russian Federation; doctrinal sources. The classification of the import of medicines, as well as the import procedure, was identified and considered. Import of medicinal products can be carried out in several ways: in a general manner; in a permissive manner; for personal use; parallel import. The variability of the choice of method depends on many factors, in particular, on whether medicinal products are registered or not, as well as the grounds and purposes of importation. The result of the study is the conclusion that there is no single mechanism for the application of acts on the import of medicines. There are a large number of acts, on the one hand, providing for restrictions and prohibitions on import, and on the other hand, expanding the list of entities that can do this. In order to resolve the problematic issues, we consider it necessary to make a number of changes to legislative acts to modernize the system for importing medicines and improve the quality of life of citizens.

Keywords: importation, import, medicines, Russian Federation, EAEU, circulation of medicines.

References

1. Customs Code of the Eurasian Economic Union: Annex No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union: Signed in Moscow dated 11.04.2017 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
2. Treaty on the Eurasian Economic Union: Signed in Astana dated 29.05.2014 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
3. On a single form of conclusion (permit document) for the import, export and transit of certain goods included in a single list of goods to which non-tariff regulation measures are applied in trade with third countries, and guidelines for filling it out: Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 16.05.2012 No. 45 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
4. On the fundamentals of state regulation of foreign trade activities: Federal Law dated 08.12.2003 No. 164 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
5. On the circulation of medicines: Federal Law dated 12.04.2010 No. 61 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
6. On the procedure for importing into the Russian Federation and exporting from the Russian Federation potent and poisonous substances that are not precursors of narcotic drugs and psychotropic substances: Decree of the Government of the Russian Federation dated 16.03.1996 No. 278 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
7. On the procedure for the import into the Russian Federation and export from the Russian Federation of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors by military units and subdivisions of federal executive bodies in which the legislation of the Russian Federation provides for military service, in order to ensure their activities: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.07.2010 No. 502 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
8. On the approval of the Rules for the importation into the territory of the Russian Federation of medicinal products intended for the provision of humanitarian assistance (assistance) or assistance in emergency situations: Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.09.2010 No. 675 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
9. On the procedure for importing into the Russian Federation and exporting from the Russian Federation narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: Decree of the Government of the Russian Federation dated 21.03.2011 No. 181 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
10. On the import into the Russian Federation of a specific batch of unregistered medicinal products containing narcotic drugs or psychotropic substances for the provision of health care for a specific patient or group of patients: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.03.2020 No. 230 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
11. On the peculiarities of the circulation of medicinal products for medical use, which are intended for use in conditions of the threat of the emergence, occurrence and liquidation of an emergency and for organizing the provision of medical care to persons affected by emergencies, preventing emergencies, preventing and treating diseases that pose a danger for others, diseases and injuries resulting from exposure to adverse chemical, biological, radiation factors: Decree of the Government of the Russian Federation dated 03.04.2020 No. 441 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
12. On the approval of the Rules for the importation of medicines for medical use into the Russian Federation and the invalidation of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 01.06.2021 No. 853 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
13. On the peculiarities of the circulation of medicines for medical use in the event of a defect or the risk of a defect in medicines in connection with the introduction of economic restrictive measures against the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation dated 05.04.2022 No. 593 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
14. On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of public services for issuing permits of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the right to import (export) narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.08.2017 No. 593 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
15. On approval of the list of diseases and conditions and relevant medicinal products containing narcotic drugs or psychotropic substances for the purpose of their importation into the territory of the Russian Federation for the provision of medical care for health reasons of a particular patient or group of patients: Order of the Ministry of Health of Russia dated 13.02.2020 No. 80n // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
16. On approval of the list of goods (groups of goods) in respect of which the provisions of subparagraph 6 of Article 1359 and Article 1487 of the Civil Code of the Russian Federation do not apply, provided that the said goods (groups of goods) are introduced into circulation outside the territory of the Russian Federation by the right holders (patent holders), as well as with their consent: Order of the Ministry of Industry and Trade of Russia dated 19.04.2022 No. 1532 // ConsultantPlus. – URL: <http://www.consultant.ru>. (date of access: 01.09.2022).
17. Import value of pharmaceuticals into Russia from 2015 to 2021, by type. – URL: <https://www.statista.com/statistics/1118246/russian-pharmaceutical-imports-by-type/> (date of access: 22.11.2022).

Конституционно-правовые механизмы защиты права частной собственности

Лоторев Евгений Николаевич,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры государственного и административного права Института технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: i@elotorev.ru

Тимошенко Марина Петровна,

старший преподаватель кафедры «Гуманитарные и социально-экономические дисциплины», Поволжский казачий институт управления и пищевых технологий (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»
E-mail: mkalugina17@mail.ru

Полищук Сергей Викторович,

доцент, к.ю.н., доцент кафедры государственного и административного права Института технологий управления ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»
E-mail: polishuk67@mail.ru

Сурай Наталья Михайловна,

канд. техн. наук, доцент, доцент базовой кафедры торговой политики Высшей школы экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: natalya.mixajlovna.1979@mail.ru

В данной статье проанализированы такие проблемы современного конституционного права, как формирование механизмов защиты права частной собственности, а также потенциала конституционного регулирования института частной собственности. Для изучения сущности механизмов защиты права частной собственности необходимо определить ряд понятий. В первую очередь, нужно установить, что подразумевается под понятием «защита прав человека». Исследуя конституционные механизмы защиты прав человека и гражданина, в том числе в сфере защиты частной собственности, необходимо помнить о том, что они действуют в определенном социально-экономическом, политическом, социальном аспекте, который в свою очередь может как усиливать, так и снижать эффективность правозащитных институтов (правозащитных механизмов). Если в стране существует нестабильная политическая, социально-экономическая ситуация, происходит потеря ценностных ориентиров и другое, то и соответствующие механизмы защиты тех или иных прав будут бессильны. В Российской Федерации долгое время существовала такая нестабильная социально-экономическая ситуация, последствия которой можно наблюдать и в настоящее время, именно поэтому необходимо все приводить в порядок, в том числе правозащитные механизмы, так как они играют существенную роль в жизнедеятельности государства. Автором предложены некоторые пути разрешения сложившейся ситуации.

Ключевые слова: конституционный механизм, частная собственность, имущественные отношения, защита прав человека.

Система конституционно-правового механизма защиты права частной собственности является многоуровневой, при этом структурные элементы этой системы исполняют свои обязанности в рамках своей компетенции, регламентированной законом, не мешая друг другу выполнять свои задачи.

Защита права частной собственности регламентирована не только нормами национального права, но и международными нормами. Международно-правовые положения о частной собственности и механизмах ее защиты являются базовыми для конституционного права государств, в том числе для Российской Федерации: на их основе строятся общественные отношения в области собственности. Огромное значение имеют решения Европейского суда по правам человека, поскольку они используются для разъяснения каких-либо понятий Конституционным судом Российской Федерации, а также используются в вынесении соответствующих постановлений.

Институт права частной собственности является междисциплинарным. Имущественные отношения регулируются нормами конституционного, гражданского, земельного, уголовного и иными отраслями права. Наиболее широко данный институт регламентирован в гражданском законодательстве, но основополагающее значение в регулировании права частной собственности имеет конституционно-правовые нормы. Институт права частной собственности в гражданском праве формируется именно на базе конституционно-правового регулирования собственности.

Термин «защита» в социологическом смысле применяется к правам человека как выражение потребности человека или группы лиц в обеспечении удовлетворения их интересов посредством определенных допустимых способов.

В правовой доктрине вышеуказанный институт определяется следующим образом. Т.Н. Калинина сделала вывод о том, что институт защиты права человека состоит из «законодательной подсистемы (система законодательства), рассчитанной на регламентацию и защиту прав человека и основных свобод; правовой подсистемы (система права); институциональной подсистемы (системы институтов, уполномоченных осуществлять правозащитную деятельность), включающей региональную и местную, надзорную и контрольную инфраструктуры; подсистемы гуманитарного информирования; подсистемы гуманитарного образования, переподготовки и повышения квалификации кадров; подсистемы «мозговых центров» накопления, хранения, воспроизводства и развития гуманитарной идеологии» [8].

К такому же выводу приходят и В. Ройтер А. Азаров и К. Хюфнер: «Чтобы создать систему защиты прав человека была необходима определенная последовательность действий, а именно: а) осмысление программы, б) определение прав человека, в) создание обязательных норм, г) формирование политической и юридической системы реализации прав человека» [5].

Отсюда по своему содержанию конституционные механизмы защиты права включают в себя регулятивные, организационные, идеологические и иные элементы, которые призваны обеспечивать защиту того или иного права человека. Однако, нельзя забывать о том, что понятие «права человека» не имеет национальной принадлежности, следовательно и механизмы из реализации и защиты не могут быть ограничены национальным законодательством. Именно поэтому также необходимо исследовать и область международных отношений, международных стандартов, которые имеют также существенное значение в защите соответствующих прав.

Прежде чем перейти к содержанию и анализу конституционного механизма защиты, необходимо определить его понятие.

Под механизмом защиты прав человека и гражданина понимается совокупность методов, способов и средств, закрепленных национальным законодательством и международным, которые используются для реализации и защиты прав, регламентированных действующим российским законодательством. Механизм защиты прав человека и гражданина включает в себя следующие элементы:

- 1) система способов и средств, установленных государством;
- 2) субъекты – физические и юридические лица, а также общественные объединения, пользующиеся этой системой.
- 3) ценности материального и морального характера, охраняемые законом (возникающие от рождения или приобретенные в соответствии с российским законодательством и (или) в соответствии с международным законодательством).
- 4) правосубъектность, то есть объем полномочий субъектов;
- 5) наличие общественного отношения между субъектами, регламентированных законодательством;
- 6) национальные и международные нормативно-правовые акты, направленные на защиту того или иного права;
- 7) акты реализации конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина;
- 8) правосознание и правовая культура субъектов правоотношений[7].

Каждое субъективное право является реальным только в той степени, в которой его можно осуществить. Вследствие этого возникает проблема реализации этих прав, а также их защиты. Реализа-

ция права в широком смысле определяется как воплощение правовых норм в реальную деятельность органов государственной власти, должностных лиц, соответствующих организаций и самих граждан, поведение субъектов общественных отношений[6]. То есть, реализация права – это непосредственное использование правовых возможностей, в результате чего возникают материальные и иные блага, удовлетворяющие потребности человека. В свою очередь, реализация прав в большинстве случаев требует активных действий субъекта. То есть, реализацию права можно рассматривать в двух смыслах: как процесс, направленный на достижение результата, и как сам конечный результат – фактическое обретением субъекта того или иного блага, а также пользование и распоряжение им после реализации посредством осуществления своего права или после восстановления субъективного права.

Наличие права порождает возможность субъекта требовать от других соответствующих действий. Это требование будет адресовано к государству, поскольку именно оно призвано создавать условия, организовывать и предоставлять средства для беспрепятственной реализации гражданами своих прав, регламентированных Конституцией Российской Федерации, а в случае нарушения этих субъективных прав – восстанавливать их.

Исследуя механизмы защиты права частной собственности, необходимо определить понятие гарантий прав человека и гражданина. Под такими гарантиями понимаются юридические, экономические, идеологические и политические средства, обеспечивающие осуществление субъективных прав гражданина и человека, их защиту, а также постоянное совершенствование этих прав.

На базе вышеуказанных гарантий, установленных государством, у соответствующих государственных органов, общественных объединений возникают правовые обязанности, соответствующие правам гражданам, установленным основным законом страны. Статья 45 Конституции Российской Федерации устанавливает, государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируются[1]. Также гарантийную роль государства можно проследить и в других нормах Конституции Российской Федерации: статьи 2, 7, 13, 19, 28, 37, 40, 43–53. Исходя из приведенных выше положений, государство осуществляет защиту прав человека и гражданина посредством всей системы государственных органов.

Большая часть норм, регламентирующих право частной собственности и ее защиту содержится в гражданском законодательстве, однако нормы конституционного права являются основополагающими, без которых было бы невозможно развитие правового института частной собственности в гражданско-правовом смысле. Соответственно, понятие права частной собственности в конституционном смысле шире.

Таким образом, целесообразно сделать вывод о том, что право частной собственности в конститу-

ционном смысле и гражданско-правовом – различны. Эти различия проявляются как в предметном содержании, так и в объективном. Тем не менее, институт права частной собственности в гражданском праве формируется на базе конституционно-правового регулирования собственности.

Однако в ходе исследования было выявлено несоответствие положения Гражданского кодекса Российской Федерации конституционным нормам, а именно статья 235 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает [3], что национализация имущества может быть произведена на основании специального закона, в то время как часть 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации регламентирует лишение имущества исключительно по решению суда. То есть, вышеуказанная норма гражданского права является неконституционной.

Также был произведен анализ правовых положений Конституции Российской Федерации и норм Земельного и Гражданского кодексов Российской Федерации и выявлено, что содержание правовых положений о реквизиции в Гражданском кодексе Российской Федерации не соответствует нормам, установленным частью 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации о предварительном и равноценном возмещении отчуждаемого имущества. Нормы о реквизиции Земельного кодекса Российской Федерации соответствуют вышеуказанным конституционным требованиям [4]. Однако они не соответствуют требованию части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации о лишении имущества только по решению суда. Следовательно, их необходимо привести в соответствие с Конституцией Российской Федерации (см. таб. 1).

Таблица 1. Соответствие норм Земельного и Гражданского кодексов РФ Конституции РФ

Нормы отраслевого законодательства	Степень соответствия	Нормы Конституции РФ	Примечание
Нормы отраслевого законодательства			
1 Гражданский кодекс РФ			
1.1 Статья 235 Основания прекращения права собственности			
«Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков в порядке, установленном статьей 306 настоящего Кодекса»	Не соответствует	Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ)	Необходимо привести норму ГК РФ в соответствие с Конституцией РФ
1.2 Статья 242 Реквизиция			
«1. ... имущество в интересах общества по решению государственных органов может быть изъято у собственника в порядке и на условиях, установленных законом, с выплатой ему стоимости имущества (реквизиция). 2. Оценка, по которой собственнику возмещается стоимость реквизированного имущества, может быть оспорена им в суде. Примечание: п. 1 ст. 242 во взаимосвязи с другими нормами признан частично не соответствующим Конституции РФ (Постановление КС РФ от 08.07.2021 № 33-П)».	Не соответствует	Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ)	Необходимо привести норму ГК РФ в соответствие с Конституцией РФ
2 Земельный кодекс РФ			
2.1 Статья 51. Реквизиция земельного участка			
«1. ... земельный участок может быть временно изъят у его собственника уполномоченными исполнительными органами государственной власти в целях защиты жизненно важных интересов граждан, общества и государства от возникающих в связи с этими чрезвычайными обстоятельствами угроз с возмещением собственнику земельного участка причиненных убытков (реквизиция) и выдачей ему документа о реквизиции. 3. В случае невозможности возврата реквизированного земельного участка его собственнику возмещается рыночная стоимость этого земельного участка, устанавливаемая в соответствии со статьей 66 настоящего Кодекса, или по его желанию предоставляется равноценный земельный участок».	Не соответствует	Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ)	Необходимо привести норму ЗК РФ в соответствие с Конституцией РФ
	Соответствует	Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ)	Приведение нормы ЗК РФ в соответствие с Конституцией РФ не требуется

В содержание конституционного механизма защиты прав человека и гражданина в сфере иму-

щественных отношений входит совокупность регулятивных, организационных, идеологических, ком-

муникативных и других элементов, функционально предназначенных осуществлять фактический процесс обеспечения защиты субъективных прав. Система конституционно-правового механизма защиты права частной собственности является многоуровневой, при этом структурные элементы этой системы исполняют свои обязанности в рамках своей компетенции, регламентированной законом, не мешая друг другу выполнять свои задачи.

В настоящее время в Российской Федерации уже сложилась практика защиты права частной собственности посредством регламентированных правозащитных механизмов. Систему таковых механизмов образуют: судебная защита, институт Уполномоченного по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, органы Прокуратуры Российской Федерации, самозащита, а также международные механизмы такие как Европейский суд по правам человека, Комиссия по правам человека при Организации Объединенных наций.

Однако в ходе исследования было выявлено, что систему таких правозащитных механизмов нельзя назвать совершенной. Они нуждаются в существенном повышении эффективности. Так, имеются, например, проблемы защиты права частной собственности посредством судебных органов. Они обусловлены неиспользованием гражданами данного правозащитного средства в полном объеме в связи с недоверием, которое вызвано неопределенным сроком рассмотрения заявленных требований, а также коррумпированностью данных государственных органов. Решить данную проблему можно более тщательным отбором кадров и, увеличив надзор со стороны соответствующих органов государственной власти.

Также для повышения эффективности правозащитных механизмов, в частности института Уполномоченного по правам человека (омбудсмен), целесообразно было бы наделить омбудсмена правом законодательной инициативы.

Полезным будет предоставить Уполномоченному по правам человека процессуальные права на обращение в суд в целях защиты неопределенного круга лиц и вступления в дело по собственной инициативе для защиты социальных прав как отдельных граждан так и неопределенного круга лиц (ст. 47 ГПК РФ)[2].

Повысить эффективность омбудсмена можно было бы посредством предоставления ему права обращения в Конституционный суд Российской Федерации по поводу проверки соответствия нормативно-правовых актов, в том числе в области реализации и защиты права частной собственности, Конституции Российской Федерации.

Актуальной является проблема невыплаты или выплаты не в полном объеме компенсаций за изъятое у собственников имущества в целях обеспечения государственных нужд. Эту проблему можно решить посредством внесения изменений в гражданское законодательство в отношении изменения порядка национализации. А именно изложить

статью 306 Гражданского Кодекса Российской Федерации в следующей редакции «В случае принятия Российской Федерацией закона, прекращающего право собственности, убытки, причиненные собственнику в результате принятия этого акта, в том числе стоимость имущества, возмещаются государством до момента фактического изъятия имущества». Более того, было бы целесообразно принять Федеральный закон «О порядке национализации в Российской Федерации», где регламентировался четкий порядок предоставления компенсаций за изъятое имущество, а также соответствующие гарантии собственникам.

По причине того, что большое количество обращений и жалоб граждан к Уполномоченному по правам человека поступает именно по вопросу реализации и защиты права частной собственности, целесообразно создать специализированный соответствующий институт Уполномоченных.

В ходе исследования было выявлено, что защита права частной собственности регламентирована не только нормами национального права, но и международными нормами. Международно-правовые положения о частной собственности и механизмах ее защиты являются базовыми для конституционного права государств, в том числе для Российской Федерации: на их основе строятся общественные отношения в области собственности. Огромное значение имеют решения Европейского суда по правам человека, поскольку они используются для разъяснения понятий Конституционным судом Российской Федерации, а также используются в вынесении соответствующих постановлений.

В ходе исследования выявлено, что Конституция Российской Федерации в целом соответствует международным стандартам в области защиты права частной собственности.

В Российской Федерации сложилась система механизмов защиты права частной собственности. Основными институтами, реализующими данные механизмы, являются: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации, Конституционный суд Российской Федерации и иные суды, общественные специализированные организации, институт самозащиты, а также международные судебные органы, признанные Российской Федерации. Каждый из этих правозащитных институтов играет важную роль.

В настоящее время в Российской Федерации существует широкий спектр направлений исследования института частной собственности и механизмов ее защиты. Среди них можно выделить следующие наиболее интересные: процесс интеграции российской национальной правовой системы и различных иностранных правовых институтов; возрастание интереса к коллективной, корпоративной частной собственности (урегулирование на законодательном уровне отношений, возникающих в процессе лоббизма; возможно также развитие правового института социальной ответственности

бизнеса); расширение перечня объектов права частной собственности; изучение правового закрепления «информации» как объекта права частной собственности.

Очевидно, что такие перспективы научного анализа института частной собственности и конституционно-правовых механизмов ее защиты будут способствовать укреплению форм частной собственности, формированию научно-теоретического базиса правотворческой и правоприменительной деятельности, а также в перспективе позволят существенно изменить социально-экономическую ситуацию в государстве.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 №6-ФКЗ, от 30.12.2008 №7-ФКЗ, от 05.02.2014 №2-ФКЗ, от 01.07.2020 №11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, №31, Ст. 4398.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 года № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022 года) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, Ст. 4532.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 года № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022 года) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, Ст. 3301.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 года № 136-ФЗ (ред. от 12.05.2022 года) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, № 44, Ст. 4147.
5. Азаров А.Я. Защита прав человека: Междунар. и рос. механизмы / А. Азаров, В. Ройтер, К. Хюфнер; [Пер. с англ. Р. Синельникова; Пер. с нем. Л. Шевниной]. – М.: Моск. шк. прав человека, 2000. – 392 с.
6. Глушченко П. Совершенствование механизма конституционно-правовой защиты конституционных прав, свобод и интересов граждан – важное направление возрождения России. Ученые записки юридического факультета СПбГУП. Выпуск 1. – С-Пб.: СПбГУП, 1996. С. 44–47.
7. Голуствин Р. Охрана и защита прав человека: История вопроса, теория и практика. – М.: Юрист, 2004. С. 117–121.
8. Майборода В.А. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества». М.: СПС Гарант, 2019. 344 с.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTION OF THE RIGHTS OF PRIVATE PROPERTY

Lotorev E.N., Timoshenko M.P., Polishchuk S.V., Suray N.M.

MIREA – Russian Technological University, Volga Cossack Institute of management and food technologies (branch) of Moscow state University of technologies and management named after K.G. Razumovsky (PKU), Plekhanov Russian University of Economics

This article analyzes such problems of modern constitutional law as the formation of mechanisms for protecting the right of private property, as well as the potential for constitutional regulation of the institution of private property. To study the essence of the mechanisms for protecting the right of private property, it is necessary to define a number of concepts. First of all, it is necessary to establish what is meant by the concept of «protection of human rights». When studying the constitutional mechanisms for the protection of human and civil rights, including in the field of protecting private property, it is necessary to remember that they operate in a certain socio-economic, political, social aspect, which in turn can both strengthen and reduce the effectiveness of human rights institutions (human rights mechanisms). If there is an unstable political, socio-economic situation in the country, there is a loss of value orientations, and so on, then the corresponding mechanisms for protecting certain rights will be powerless. In the Russian Federation for a long time there was such an unstable socio-economic situation, the consequences of which can be observed at the present time, which is why it is necessary to put everything in order, including human rights mechanisms, since they play a significant role in the life of the state. The author suggests some ways to resolve the current situation.

Keywords: constitutional mechanism, private property, property relations, protection of human rights.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 №6-FKZ, of December 30, 2008 №7-FKZ, of February 5, 2014 №2 -FKZ, dated 07/01/2020 №11-FKZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 07/01/2020, №31, Art. 4398.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on April 16, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, November 18, 2002, No. 46, Art. 4532.
3. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, Art. 3301.
4. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 No. 136-FZ (as amended on May 12, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation, October 29, 2001, No. 44, Art. 4147.
5. Azarov A. Ya. Protection of human rights: Intern. and grew up. mechanisms / A. Azarov, V. Reuter, K. Hüfner; [Trans. from English. R. Sinelnikova; Per. with him. L. Shevnina]. – М.: Mosk. school human rights, 2000. – 392 p.
6. Glushchenko P. Improving the mechanism of constitutional and legal protection of constitutional rights, freedoms and interests of citizens is an important direction in the revival of Russia. Scientific notes of the Faculty of Law of St. Petersburg State Unitary Enterprise. Issue 1. – St. Petersburg: SPbGUP, 1996. S. 44–47.
7. Golustvin R. Protection and protection of human rights: History of the issue, theory and practice. – М.: Lawyer, 2004. S. 117–121.
8. Mayboroda V.A. Commentary to the Federal Law of December 21, 2001 No. 178-FZ “On the Privatization of State and Municipal Property”. М.: SPS Garant, 2019. 344 p.

Нормативно-правовые основы обоснования перечня показателей системы оценки устойчивого регионального развития в Российской Федерации

Разов Павел Викторович,

доктор социологических наук, профессор, профессор
Департамента социологии Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: PVRazov@fa.ru

Вольф Константин Владимирович,

директор Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KVVolf@fa.ru

Дроконова Ксения Евгеньевна,

лаборант-исследователь Центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: KEDrokonova@fa.ru

В статье проводится описание существующей нормативно-правовой базы формирования системы оценки устойчивости регионального развития в Российской Федерации и условий ее эффективного функционирования. Показана особенность имплементации международных норм в области устойчивого развития, участия нашей страны в соблюдении экологических стандартов с учетом национальных интересов. Раскрыты некоторые нормы федерального законодательства, а также роль и место регионального нормативно-правового регулирования проблем обеспечения устойчивости регионального развития с учетом территориальных природных, социально-экономических и иных условий. Дана характеристика процесса уточнения перечня показателей этой системы оценки на основе внедрения новых форм хозяйствования, применения цифровых технологий организации социальной жизни, социального контроля и обмена глобальной информацией между регионами и федеральным центром. Приводится авторский взгляд на полному и возможности совершенствования юридической базы системы оценки устойчивости регионального развития, субъектов участия в ней циркулирования полученной информации. Показана особенность учета в административных регламентах оценочных процедур учета эффективности государственных процедур и научных институтов для устойчивого регионального развития.

Ключевые слова: устойчивость развития, региональное развитие, нормативно-правовое регулирование, показатели устойчивости, система оценки, обоснование показателей, Российская Федерация.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

Обоснование перечня параметров процесса устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности государственных процедур и научных институтов должна обеспечивать определение общей оценки результативности мер поддержки этого процесса. Однако, в реальности, степень их реализации может быть различным, что может затруднить определение обобщенных характеристик, что может быть строгим следованием юридическим нормам, административным регламента, правовой практике.

В условиях цифрового общества проблемы соотнесения частных и обобщенных показателей весьма остро ставятся в условиях усложнения информационных потоков. Способы преодоления этих проблем требуют дополнительного научного поиска в рамках правовых исследований полноты нормативно-правовой базы обеспечения устойчивости регионального развития.

Анализ этой базы позволяет охарактеризовать на основе выделения различных групп юридических источников, а также, соответственно, правовых норм, закрепляющих требования к оценочным процедурам и административным регламентам функционирования системы оценки на основе выявления характеристик этих параметров.

Во-первых, это имплементированные нормы международных правовых документов, решений международных организаций, требования международных договоров в области охраны окружающей среды.

Во-вторых, установленные в нашей стране нормы и административные регламенты стратегического планирования, обеспечения устойчивого социально-экономического развития в системе обеспечения национальной безопасности.

В-третьих, правовые требования федерального законодательства и нормативно-правовых актов федерального уровня по реализации программно-целевого подхода к решению социально-экономических задач по развитию регионов и пространственному развитию.

В-четвертых, локальные нормативно-правовые акты органов субъектов Российской Федерации, а также органов муниципального управления в сфере обеспечения устойчивости регионального развития, понимаемой в самом широком смысле.

Организационно-технологический компонент системы показателей устойчивого развития обеспечивает определение сил, средств, а также порядка их взаимодействия в интересах оперативного получения мониторинговой информации о характеристиках этих показателей.

При этом необходимость технологизации мониторинговой оценки устойчивости регионального развития на основе современных цифровых технологий с точки зрения обеспечения обоснованности используемых показателей, эффективности государственных процедур и научных институтов объективно требует как уточнения имеющихся концепций управления, так и корректировку используемых практических решений в системе этой оценки.

Организационно-технологический компонент системы показателей оценки устойчивости регионального развития с точки зрения обеспечения эффективности государственных процедур и научных институтов может быть представлен в форме технологической карты сбора информации в интересах получения первичных, а также интегрированных оценок показателей отдельных компонентов, а также возможных угроз, способности противостоять им.

В целом система показателей состояния устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности государственных процедур и научных институтов имеет сложную структуру в связи с многоаспектностью этого процесса, как объекта изучения, и на этой основе может рассматриваться как релевантное средство получения характеристик устойчивости регионального развития с точки зрения эффективности государственных процедур и научных институтов. При внедрении системы показателей в практику мониторинговых исследований ее полезные характеристики будут сохранены, а возможности расширены за счет построения динамических рядов показателей процесса устойчивого регионального развития.

На основе уточненной системы показателей оценки устойчивого регионального развития необходимо реализовать следующий комплекс исследовательских действий:

во-первых, необходимо определить сущность *социальной эффективности* процесса устойчивого регионального развития [2; 4], как важнейшего компонентов этого процесса в целом, что связано со следующими мероприятиями: а) важно предусмотреть различные параметры оценки социальной эффективности, которые характеризуют: не только непосредственный социальный эффект, но рациональность затраченных на их достижение ресурсов, а также косвенные социальные последствия от реализации мер экономического, природоохранного и управленческо-организационного характера; б) включение в методику способов, средств и методов измерения включенных в нее параметров;

во-вторых, осуществляется оценка показателей *экономического компонента* процесса устойчивого регионального развития, что предполагает: а) сбор экономико-статистических данных; в) целевые проверки эффективности функционирования субъектов хозяйственной деятельности на территории; г) соблюдения налоговой дисциплины и обеспечение постоянного притока финансовых ресур-

сов; д) оценку трудовых ресурсов, прогнозирования их миграции;

в-третьих, учитывается состояние экологической безопасности региона, определения перечня, вероятности и возможности ущерба экологических рисков; систематическое проведение этой работы на всех этапах планов мероприятий устойчивого регионального развития [1].

в-четвертых, на основании полученных оценочных данных компонентов устойчивого регионального развития определяется способ получения *системной (комплексной, интегральной) оценки* эффективности этого процесса; эта оценка может быть дифференцирована в зависимости от социально-экономических и природных условий;

в-пятых, на уровне определения инструментального компонента методики важно провести группировку показателей, сочетания способов их нормирования, интегрирования и типизации, рейтингования регионов на основе учета введенных показателей эффективности функционирования органов власти субъектов Российской Федерации.

в-шестых, для обоснования параметров системы оценки устойчивости регионального развития производится алгоритм отбора, оценки и мониторинга моделей устойчивого развития, которые определяются сочетанием и балансом социальной справедливости и экономической эффективности в единой системе социо-экономико-природных связей на региональном уровне.

В-пятых, далее происходит *обобщение и структуризация параметров* устойчивого регионального развития по разным основаниям: а) темпоральные параметры – календарные сроки принятия и реализации планов устойчивого развития – оперативных, среднесрочных, долгосрочных; б) натуральные и условные параметры – количество инвестиционных, инновационных и инфраструктурных проектов, количество привлеченных специалистов и перечень реализующих частные программы устойчивости предприятия, а также доли используемых ресурсов; в) по универсальности; г) по характеру используемых методических средств для измерения и других [3; 5].

Таким образом, в настоящее время имеются существенные наработки по реализации системного подхода в обосновании перечня показателей в мониторинге содержания, детерминации и результативности процесса устойчивого регионального развития, что позволяет сформировать модель постоянного изучения сбалансированности всех его компонентов. При этом алгоритм методики постоянного уточнения системы показателей устойчивости регионального развития включает взаимосвязанные действия по сбору первичных экологических, социально-экономических и иных характеристик этого процесса, их нормирование и перевзвешивание в соответствии с их значимостью, объединение в интегрированные индексы и их перевод в уровневые значения.

Литература

1. Гончаров А.Ю. Проблема устойчивого сбалансированного развития региона. Оценка экологической составляющей / А.Ю. Гончаров, Л.Н. Чудинова // Управление изменениями в социально-экономических системах: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции 30 июня 2015 г. ВГУ, Экономический факультет, Кафедра экономики и управления организациями; под редакцией Г.В. Голиковой. – С. 96–103.
2. Ломакин М.И. Анализ инвестиционных проектов в условиях неопределенности / М.И. Ломакин // Инвестиции в России. – 2000, № 3. – С. 43–47.
3. Ломакин М.И. Оптимальный портфель инвестиционных проектов / М.И. Ломакин // Инвестиции в России. – 2001, № 2. – С. 43.
4. Чудинова Л.Н. Вопросы оценки социальной эффективности региональных инвестиционных проектов / Л.Н. Чудинова // Актуальные вопросы технических, экономических и гуманитарных наук: Материалы VI международной заочной научно-практической конференции, г. Георгиевск, 23–24 ноября 2011 г. – Георгиевск: Георгиевский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский государственный технический университет», 2011. – С. 199.
5. Чудинова Л.Н. Мониторинг инвестиционных решений в процессе управления инвестициями / Л.Н. Чудинова // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 9(77) – С. 77.

REGULATORY AND LEGAL BASES FOR SUBSTANTIATING THE LIST OF INDICATORS OF THE SYSTEM FOR ASSESSING SUSTAINABLE REGIONAL DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Razov P.V., Wolf K.V., Drokonova K.E.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article describes the existing regulatory framework for the formation of a system for assessing the sustainability of regional development in the Russian Federation and the conditions for its effective functioning. The characteristic of the refinement of the list of indicators of this evaluation system is given. The author's view on the importance and possibilities of improving the legal framework of the system for assessing the sustainability of regional development, the subjects involved in the circulation of the information received in it is given. The peculiarity of accounting in administrative regulations of evaluation procedures for the effectiveness of state procedures and scientific institutions for sustainable regional development is shown.

Keywords: sustainability of development, regional development, regulatory and legal regulation, sustainability indicators, assessment system, justification of indicators, Russian Federation.

References

1. Goncharov A. Yu. The problem of sustainable balanced development of the region. Assessment of the environmental component / A. Yu. Goncharov, L.N. Chudinova // Managing changes in socio-economic systems: collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference on June 30, 2015, VSU, Faculty of Economics, Department of Economics and Management of Organizations; edited by G.V. Golikova. – pp. 96–103.
2. Lomakin M.I. Analysis of investment projects in conditions of uncertainty / M.I. Lomakin // Investments in Russia. – 2000, No. 3. – pp. 43–47.
3. Lomakin M.I. Optimal portfolio of investment projects / M.I. Lomakin // Investments in Russia. – 2001, No. 2. – p. 43.
4. Chudinova L.N. Issues of assessing the social effectiveness of regional investment projects / L.N. Chudinova // Topical issues of Technical, Economic and Humanitarian sciences: Materials of the VI International Correspondence Scientific and Practical Conference, Georgievsk, November 23–24, 2011 – Georgievsk: Georgievsky Technological Institute (branch) of the North Caucasus State Technical University, 2011. – p. 199.
5. Chudinova L.N. Monitoring of investment decisions in the process of investment management / L.N. Chudinova // Bulletin of the Tambov University. Ser. Humanities. – Tambov, 2009. – Issue 9(77) – p. 77.

Некоторые правоприменительные проблемы при определении предмета неправомерного оборота средств платежей

Богомолов Александр Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: candidateright@ya.ru

Асташов Михаил Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
судебной экспертизы и криминалистики Центрального
филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия»
E-mail: mavis1@mail.ru

В статье авторами затрагиваются спорные вопросы правоприменительной практики при определении предмета неправомерного оборота средств платежей. Отмечается что, несмотря на более детальное описание законодателем предмета преступления, диспозиция ст. 187 УК РФ имеет некоторые недостатки юридической конструкции. В частности на основе рассмотренной принципиальной схемы дебетования банковского счета клиента и невозможности применения термина «информация» в качестве значения термина «средство» или «способ» авторы приходят к выводу, что данные платежных карт, как и сама платежная карта в целом не являются средствами платежа, а являются лишь частью программно-технологического комплекса, составляющего электронное средство платежа.

Ключевые слова: предмет преступления, неправомерный оборот, средства платежей, платежные карты.

В 2015 г. существенно изменен абз. 1 ч. 1 ст. 187 УК РФ. Предыдущей редакцией ответственность устанавливалась за изготовление в целях сбыта и сбыт безналичных платежных средств, в новой криминализованы действия по их транспортировке, хранению, приобретению в целях сбыта или использования.

Расширен и предмет преступления, его составляют поддельные платежные карты, средства оплаты или документы (исключая поддельные ценные бумаги и деньги), распоряжения о переводе денежных средств, электронные носители информации, электронные средства, технические устройства, компьютерные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Рассматриваемый состав бланкетный, и для более полного уяснения предмета преступления следует обратиться к положению ЦБ РФ № 266-П от 24.12.2004 «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» и ФЗ от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», в которых лишь упоминается о платежных картах, но их определение не дается.

Электронное платежное средство с использованием информационно-коммуникационных технологий, платежных карт, электронных носителей информации, иных технических устройств – это способ и (или) средство, которое позволяет клиенту оператора удостоверять, составлять и передавать распоряжения для перевода денежных средств с помощью различных форм безналичных расчетов [1].

В первоначальном варианте описания предмета преступления в него входили кредитные и расчетные банковские карты.

Кредитная банковская карта используется для совершения операций ее владельцем за счет денежных средств в пределах определенного расходного лимита, предоставленных кредитной организацией-эмитентом.

Расчетная карта используется ее владельцем для совершения операций за счет денежных средств, находящихся на банковском счете, при недостаточности или отсутствии на банковском счете денежных средств за счет кредита, предоставляемого кредитной организацией [2].

В действующей редакции рассматриваемой статьи законодатель использовал более общее по-

нятие «платежная карта», что означает включение всех видов платежных карт, в том числе предоплаченных карт небанковских платежных организаций. Это не соответствует степени общественной опасности неправомерного оборота платежных средств, поэтому более приемлемым будет использование понятия «банковских карт».

К электронным носителям информации относятся токены форм-фактора «Смарт-карта» (Платежная карта. ГОСТ Р ИСО/МЭК 7810–2015) или «USB -ключ» доступ к функциям которых может быть защищен паролем, PIN-кодом или с использованием биометрических технологий (Приложение ГОСТ Р 58833–2020). Помимо аналога собственноручной подписи при данном методе оплаты, платежная карта и PIN-код может дополнительно выступать ключом к реквизитам банковского счета плательщика (не относятся к реквизитам платежных карт).

К техническим устройствам следует относить генератор одноразовых паролей, доступ к функциям которого может быть защищен паролем или с использованием и скретч-карты с предустановленным случайным числом или аналогами биометрических технологий (например, СМС-код).

В соответствии ст. 1261 ГК РФ компьютерная программа – совокупность данных и команд в объективной форме, предназначенных для функционирования компьютера и компьютерных устройств для получения различных результатов (подготовительные материалы при разработке компьютерной программы, и формируемые ею отображения аудиовизуальные).

Несмотря на более детальное описание объективных признаков диспозиция ст. 187 УК РФ не лишена недостатков.

Помимо использования платежных карт для совершения операций используются реквизиты платежной банковской карты (номер карты, имя держателя карты, срок действия карты, код проверки карты).

Следственная практика признает сведения авторизации и другие сведения, записываемые на магнитные полосы банковских карт при их выпуске кредитными организациями-эмитентами, а также информацию иных карт оплаты, выпущенных кредитными организациями, достаточными для проведения без физического применения банковской карты операций по оплате услуг и товаров в сети Интернет и для оплаты покупок «МО/ТО» электронными платежными средствами, предназначенными для незаконного перевода денежных средств.

Соловьева Е.А. отмечает, что электронное платежное средство является техническим устройством либо способом, выполняет функцию удостоверения клиентских прав на денежные средства и служит основанием для проведения соответствующих операций оператором платежной системы [3, с. 99–100]. Хасамова З.И. относит банковские карты к электронным средствам [4, с. 113].

Для решения вопроса об отнесении банковских карт и их данных к электронным платежным сред-

ствам рассмотрим схему дебетования клиентского банковского счета (физического лица).

Первым этапом платежной операции является инициирование платежа. Клиент выбирает вариант безналичной оплаты из имеющихся форм безналичных расчетов по переводу денежных средств, исключая операции с применением банковских карт.

Выбор варианта определяет роль клиента банка как владельца счета: клиент участника частной системы платежей или клиент оператора перевода денежных средств.

Способом или средством оплаты будет электронное платежное средство (основанием расчетов служит договор о применении электронного платежного средства заключенного клиентом с оператором) или банковская карта (основанием предоставления служит договор, о совершении операций с применением банковских платежных карт, заключенный клиентом с кредитной организацией (участником-эмитентом)).

Электронное платежное средство применяется в безналичных расчетах при выдаче банку распоряжения о переводе средств на счете клиента. Порядок формирования распоряжения включает в себя составление распоряжения, перечень и описание обязательных реквизитов (п. 1.10 Положения ЦБ РФ № 762-П); удостоверение распоряжения (п. 5.2 Положения ЦБ РФ № 683-П, п. 1.26 Положения ЦБ России № 762-П).

По операциям с использованием банковской карты документы составляются как в электронной форме, так и на бумажном носителе. Указанные документы служат подтверждением совершения операций и являются основанием для осуществления расчетов с применением банковских карт.

Далее происходит формирование аналога собственноручной подписи с помощью способов, указанных в легальном определении электронного платежного средства: электронных носителей информации (платежных карт), иных технических устройств. В соответствии с правилами систем платежей при использовании банковских карт формирование аналога собственноручной подписи происходит путем ввода PIN-кода на клавиатуре банкомата, POS-терминала, терминала самообслуживания, ввода реквизитов платежной карты и ввода пароля для операции электронной коммерции.

Сформированное (составленное) и подписанное (удостоверенное) клиентом распоряжение о переводе денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий передается в соответствующее банковское подразделение: участнику частных систем платежей – эквайеру (Мир, Visa, MasterCard и т.д.) или оператору по переводу денежных средств.

Третий этап платежной операции: распоряжение проверено и принято к расчету участниками российской национальной платежной системы.

В процессе применения электронных платежных средств это системы валовых расчетов Банка России (системы-Брутто): основой расчетов слу-

жат прямые корреспондентские отношения и расчеты через систему платежей ЦБ России (БЭСР).

При расчетах с применением платежных карт системы клиринговых расчетов частных систем платежей (Visa, Мир, MasterCard и т.д.): услуги платежного клиринга и операционные услуги предоставляются АО «НСПК» (ОПКЦ НСПК) (п. 1 ст. 30.6 ФЗ № 161-ФЗ), расчетные услуги оказываются кредитными организациями и (или) Банком России, ВЭБ РФ (п. 2, 2.1. ст. 30.6 ФЗ № 161-ФЗ). Дебетование денежных средств по счету клиента банка участника расчетной операции завершено. Таким образом, перевод денежных средств окончен.

Схема дебетования банковского счета клиента (проведение физическим лицом расходных операций по оплате или перечислению) явным и однозначным образом демонстрирует технологическое различие и раздельное правовое регулирование операций, при использовании прямого дебетования счета в банке, в том числе с использованием платежного средства в электронной форме, и операций с использованием платежных карт.

Электронное средство – техническое средство, то есть объект материального мира, а не данные и (или) информация, которое может служить только для защиты последней.

Определенные в законодательстве РФ значения терминов «информация», «доступ к информации», «конфиденциальность информации», а также общеизвестные и общеупотребляемые значения слов «средство» и «способ» не тождественны, и не позволяют использовать одни в качестве других. Их непосредственное применение, т.е. термина «информация» в качестве значения термина средство и (или) способ, является необоснованным.

В настоящий момент в законодательстве РФ однозначно закреплено понятие «электронное средство» как «техническое средство», т.е. техническое программно-аппаратное устройство.

Данные платежных карт, как и сама платежная карта в целом не являются средствами платежа, а являются лишь частью программно-технологического комплекса, составляющего электронное средство платежа.

В настоящее время обязательность двухфакторной аутентификации при инициализации платежей с использованием данных платежных карт в РФ законодательно закреплена и отражена в правилах платежных систем, а значит одних только данных платежных карт недостаточно не только для полной аутентификации (как части технологического

процесса исполнения платежа), но и тем более для полного исполнения платежа, т.е. оплаты.

Литература

1. Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
2. Положение Банка России от 24.12.2004 N266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» // Вестник Банка России. 2005. № 17.
3. Соловьева Е.А. Преступления, совершаемые в платежных системах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Соловьева Елена Александровна. Саратов, 2019. 254 с.
4. Хасанова З.И. Уголовно-правовые средства противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хасанова Заира Илдузовна. Краснодар. 2016. 222 с.

SOME LAW ENFORCEMENT PROBLEMS IN DETERMINING THE SUBJECT OF ILLEGAL TURNOVER OF PAYMENT FUNDS

Bogomolov A.N., Astashov M.A.

Voronezh Institute of Economics and Law; Russian State University of Justice

In the article, the authors touch upon controversial issues of law enforcement practice in determining the subject of illegal turnover of payment funds. It is noted that, despite a more detailed description by the legislator of the subject of the crime, the disposition of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation has some shortcomings of the legal structure. In particular, based on the consideration of the principal scheme of debiting the client's bank account and the impossibility of using the term "information" as the meaning of the term «means» or «method», the authors conclude that the data of payment cards, as well as the payment card itself as a whole, are not means of payment, but are only part of the software and technology complex, constituting an electronic means of payment.

Keywords: the subject of the crime, illegal turnover, means of payment, payment cards.

References

1. Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011 «On the National Payment system» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 27. St. 3872.
2. Regulation of the Bank of Russia dated 12/24/2004 No. 266-P «On the issue of payment cards and transactions made with their use» // Bulletin of the Bank of Russia. 2005. № 17.
3. Solovyova E.A. Crimes committed in payment systems: diss. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08 / Solovyova Elena Aleksandrovna. Saratov, 2019. 254 p.
4. Khasanova Z.I. Criminal legal means of countering crimes committed in the financial sphere using information and telecommunication technologies: dis. ... cand. jurid. sciences: 12.00.08 / Khasanova Zaira Ilduzovna. Krasnodar. 2016. 222 p.

К вопросу об уголовной ответственности в исполнительном производстве (на примере ст. 157 УК РФ)

Бархо Владимир Юрьевич,

аспирант, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»
E-mail: v.barkho@mail.ru

Актуальность темы настоящей статьи определяется теоретическим и практическим изучением значимости вопросов, влияющих на развитие исполнительного производства в Российской Федерации в настоящее время, а также ключевыми аспектами уголовной ответственности в данном направлении. Более двадцати лет происходит процесс становления исполнительного производства как самостоятельного этапа правовой защиты и охраны нарушенных прав граждан. За последние несколько лет в Российской Федерации было принято достаточное количество эффективных законодательных актов, создающих правовую основу для новых правовых отношений в стране. Но само по себе количество законодательных актов не представляет цель прогрессивного развития исполнительного производства, поскольку право, которое не обеспечено возможностью исполнения, превращается в фикцию. Плодотворность правосудия и исполнение судебных решений, а также урегулирование споров во многом зависит от завершающей стадии судопроизводства – исполнительного производства.

Цель настоящего исследования состоит в анализе актуальных вопросов уголовной ответственности в исполнительном производстве. Особое внимание уделено практическим аспектам квалификации деяний по ст. 157 УК РФ, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. *Выводы.* Достижение поставленной цели предполагает решения ряда важных задач, которые состоят в том, чтобы, обратившись к вопросу об уголовной ответственности в исполнительном производстве, разрешить отдельные практические проблемы неуплаты средств на содержание детей для последующего совершенствования механизма привлечения виновных лиц к ответственности. Также в статье делается уточнение о необходимости разработки специальных программных мероприятий в данном направлении.

Ключевые слова: исполнительное производство, преступление, уголовная ответственность, неуплата средств, содержание детей, алименты.

Введение

В соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об исполнительном производстве» (далее – ФЗ № 229) [1], исполнительное производство, прежде всего, преследует цель защиты нарушенных прав, законных интересов и свобод как физических, так и юридических лиц. Достижения поставленной цели можно добиться только путем своевременного, правильного и оптимального исполнения требований по судебным актам. Представляется, что институт уголовной ответственности должен в достаточной степени соответствовать обозначенным в законодательстве целям исполнительного производства. Традиционно в правовой науке выделяют самые разнообразные функции юридической ответственности, в числе которых особый интерес представляет штрафная (карательная) функция, которая способствует установлению тесной взаимосвязи института уголовной ответственности и действующих принципов исполнительного права. Необходимо понимать, что штрафная функция ответственности предполагает, что правонарушитель будет соответствующим образом наказан, следовательно, последует претерпевание неблагоприятных для него последствий. В рамках уголовного законодательства наступление наказания обусловлено совершением определенного преступного деяния. На сегодняшний день в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) определены несколько значимых составов преступлений, которые связаны с принудительным исполнением. В настоящей статье сосредоточимся на ст. 157 УК РФ, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей [2].

Быстрота и правильность исполнения очень важны для экономического оборота, что подтверждается и соответствующими научными исследованиями [Морозова, 2017: 285]. Исполнение судебных решений – это правовая мера реализации актов суда или иных органов, которые направлены на охрану материальных прав, которые были нарушены или оспорены, либо охрану интересов через уполномоченное государством принуждение.

Исполнительное производство в свете уголовной ответственности

Исполнительное производство является продолжением процессуальной формы защиты субъективных интересов. Исполнительное производство имеет ряд важных задач:

1. Точное и осуществленное в установленные сроки выполнение актов суда и других органов, а также уполномоченных должностных лиц.

2. Выполнение требований иных документов, которые гарантируют охрану прав, интересов, обеспеченных законом, и правых интересов, гарантирование выполнения обязанностей по договорам РФ с иностранными государствами, если данные случаи в рамках законов входят в компетенцию органов исполнительного производства.

Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что в 2021 г. с должников по алиментам было взыскано более 22 млрд руб. Также ФССП заявила, что в прошлом году в производстве находилось 1,3 млн дел по взысканию алиментов, среди которых 45 тыс. случаев завершилось возбуждением уголовных дел по ст. 157 УК РФ [4]. Необходимо подчеркнуть, что вплоть до июля 2016 г. нормы ст. 157 УК РФ устанавливали ответственность за злостное уклонение от уплаты на содержание детей по решению суда. В дальнейшем, ситуация изменилась кардинальным образом: соответствующим Федеральным законом № 232-ФЗ в данную статью были внесены изменения [5]. В настоящее время вопрос о наступлении уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ актуализируется только в том случае, если родителем не уплачиваются средства на содержание детей систематически в нарушение судебного решения и при отсутствии уважительных причин. В Обзоре судебной практики от 13 мая 2015 г. Президиумом Верховного Суда раскрываются правовые характеристики уважительных причин, которые могут стать веским основанием для освобождения неплательщика алиментов от уголовной ответственности [6].

Следует пояснить, что для реализации целей принудительного исполнения судебных решений согласно законам нужно первоначально обозначить круг уполномоченных органов исполнительного производства. В теории права субъектами выступают граждане и их объединения, которые обладают предоставленными им законодательно правами и обязанностями. Субъектами, которые относятся к категории права принудительного исполнения решений, выступают те граждане, которые наделены специальными компетенциями в данной сфере либо у них есть свой законный интерес к принудительному взысканию или помощи при реализации данных требований [Мурзабулатов, 2019: 16].

Часть 5 ст. 30 ФЗ № 229 регламентирует ситуацию, когда исполнительное производство может быть инициировано без подачи заявления стороной взыскания. В таких ситуациях суд или другой ответственный орган или соответствующее лицо напрямую отправляет исполнительный документ приставу. Согласно части 7 статьи 30 ФЗ № 229 документы, по которым должно быть инициировано исполнительное производство (исполнительный документ и заявление), должны быть переданы приставу не позднее чем через три дня после их поступления в местный отдел ФССП. Часть 8 ст. 30

ФЗ № 229 регламентирует, что пристав может принять решение об отказе или возбуждении принудительного производства в течение трех дней с момента получения документов, необходимых для его возбуждения.

Перед тем, как принудительное взыскание будет инициировано, пристав должен решить, достаточно ли оснований для возбуждения исполнительного производства, или заявителю все же необходимо отказать в его инициации. Для реализации этого полномочия пристав должен проверить исполнительный документ на соответствие следующим условиям:

- имеет ли право то лицо, которое представило данный документ к исполнению, реализовать эту деятельность;
- все ли требования закона выполнены в документе;
- передан ли документ в срок, предусмотренный законом;
- соблюдено ли условие территориального отношения в данном документе;
- был ли данный документ представлен для исполнения раньше [Гуреев, 2021: 192].

По части 4 статьи 33 ФЗ № 229, при отсутствии информации о том, где находится лицо, представляющее сторону должника, и где расположено его имущество, принудительное взыскание и действия пристава-исполнителя должны быть реализованы по адресу последнего известного места жительства должника или адресу пребывания должника либо по месту регистрации взыскателя до того, как будет установлено местонахождение должника или его собственности [Гальперин, 2019: 86].

При необходимости пакет документов, согласованному которому может быть инициировано принудительное взыскание, может быть передан в другой территориальный орган ФССП. Пакет документов для исполнения принудительного взыскания, в который входит оригинал исполнительного документа, а также постановление, на основании которого дело передается в другое подразделение для исполнительного производства, должны быть переданы в территориальный орган исполнения не позже, чем на следующий день после решения о передаче. Копии всего пакета документов должны оставаться в том территориальном органе, который изначально должен был принять исполнительное производство.

Стороны принудительного взыскания должны быть проинформированы о времени и месте проведения принудительных мероприятий. Их вызывает к себе пристав с использованием повестки, которая требует подтверждения о том, что повестка была вручена, а также с помощью телеграммы или с использованием электронной почты либо другой связи. Также доставка может быть поручена лицу, которому пристав передает полномочия на данную доставку при условии согласия этого лица на ее осуществление. Постановления должны быть отправлены сторонам исполнительного производства по тем местам нахождения, которые зафик-

сированы в исполнительном документе. Еще один вариант – отправка постановления и информирование сторон-участников исполнительного производства по месту их трудовой деятельности [Сибилёв, 2016: 20].

Выводы

Для изменения негативной ситуации, связанной с невозможностью взыскания денежных средств при отсутствии имущества у должника по ст. 157 УК РФ, на наш взгляд, существует потребность в разработке государственной целевой программы «О восстановлении платежеспособности граждан в Российской Федерации», которая позволит разрешить данную проблему. Государственная целевая программа предоставит должнику возможность предпринять попытку восстановления своего материального и имущественного положения перед взыскателем путем установления определенных ограничений для должника и срок, в течение которого он должен исполнить свои обязательства перед взыскателем. Такие ограничительные меры будут являться превентивной мерой к увеличению долговых обязательств (набиранию новых или дополнительных кредитов для погашения старых).

Также данная государственная целевая программа будет включать в себя различные мероприятия, семинары, лекции, тренинги для повышения юридической зрелости граждан, чтобы данная ситуация в стране разрешалась. Действие государственной целевой программы должно распространяться на всей территории Российской Федерации. Для улучшения имущественного положения граждан, возможно, использовать данную государственную целевую программу в отношении с финансово-кредитными учреждениями, чтобы у должника были гарантии при определенных возникших условиях воспользоваться положениями данной программы.

Заключение

В заключительной части статьи хотелось бы подчеркнуть, что в вопросе наступления уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ до сих пор актуальным остается момент воздействия на должника в целях повышения эффективности защиты интересов ребенка. С одной стороны, насколько хорошо бы не работала ФССП, случаи совершения преступных деяний по ст. 157 УК РФ продолжают фиксироваться, о чем свидетельствуют приведенные выше данные официальной статистики. С другой стороны, подобные преступления недопустимо игнорировать, поскольку под угрозой находятся законные интересы наиболее уязвимой категории населения – несовершеннолетних и (или) нетрудоспособных детей.

Литература

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об исполнительном про-

изводстве» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. С. 4849.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. С. 2954.
3. Морозова И.Б., Треушников А.М. Исполнительное производство. М.: Городец, 2017. С. 510.
4. С должников по алиментам в 2021 году взыскали 22,6 млрд руб. // Право.ру. Режим доступа: <https://pravo.ru/news/236208/> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Росс. газета. 2016. № 149.
6. Обзор судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.05.2015 // Бюллетень ВС РФ. 2015. № 7.
7. Мурзабулатов У.М. Проблемы примирения сторон в исполнительном производстве // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 10–18.
8. Гуреев В.А., Гуштин В.В. Исполнительное производство: Учебник (4-е изд., исправл. и доп.). М.: Статут, 2021. С. 588.
9. Гальперин М.Л. Исполнительное производство. Юридическая ответственность. М., Юрайт, 2019. С. 350.
10. Сибилёв Ю.Н. Система оценки эффективности деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: организационно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.14. М., 2016. С. 29.

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LIABILITY IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS (ON THE EXAMPLE OF ARTICLE 157 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Barkho V. Yu.

Rostov State Economic University (RINH)

The relevance of the topic of this article is determined by the theoretical and practical study of the significance of issues affecting the development of enforcement proceedings in the Russian Federation at the present time, as well as key aspects of criminal liability in this direction. For more than twenty years, the process of formation of enforcement proceedings as an independent stage of legal protection and protection of violated rights of citizens has been going on. Over the past few years, a sufficient number of effective legislative acts have been adopted in the Russian Federation, creating a legal basis for new legal relations in the country. But by itself, the number of legislative acts does not represent the goal of progressive development of enforcement proceedings, since a right that is not provided with the possibility of execution turns into a fiction. The fruitfulness of justice and the execution of court decisions, as well as the settlement of disputes, largely depends on the final stage of the proceedings – enforcement proceedings.

The purpose of this study is to analyze topical issues of criminal liability in enforcement proceedings. Particular attention is paid to the practical aspects of the qualification of acts under Art. 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for the

onset of criminal liability for non-payment of funds for the maintenance of children or disabled parents. *Findings.* Achieving this goal involves the solution of a number of important tasks, which are to address the issue of criminal liability in enforcement proceedings and to resolve certain practical problems of non-payment of funds for the maintenance of children in order to subsequently improve the mechanism for bringing perpetrators to justice. The article also clarifies the need to develop special program measures in this direction.

Keywords: enforcement proceedings, crime, criminal liability, non-payment of funds, maintenance of children, alimony.

References

1. Federal law of 02.10.2007 No. 229-FZ (red. of 14.07.2022) «On executive production» // *Sobranie yanatsiya RF.* 2007. № 41. p. 4849.
2. Criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 No 63-FZ (red. from 24.09.2022) // *Sobranie zakonodatel'nogo RF.* 1996. № 25. p. 2954.
3. Morozova I.B., Treushnikov A.M. *Executive Production.* M.: Gorodets, 2017. p. 510.
4. 22.6 billion rubles were recovered from debtors on alimony in 2021. // *Pravo.ru.* Access mode: <https://pravo.ru/news/236208/> (date of access: 25.10.2022).
5. Federal Law of 03.07.2016 No. 323-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the Improvement of the Grounds and Procedure for Exemption from Criminal Liability» // *Ross. newspaper.* 2016. № 149.
6. Review of judicial practice in cases related to the recovery of alimony for minor children, as well as for disabled adult children, utv. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 13.05.2015 // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.* 2015. № 7.
7. Murzabulatov U.M. Problems of conciliation of the parties in the executive production // *Rule of law: theory and practice.* 2019. № 1 (55). S. 10–18.
8. Gureev V.A., Gushchin V.V. *Executive Production: Textbook* (4th ed., corrected. and add.). M.: Statut, 2021. p. 588.
9. Galperin M.L. *Executive production. Legal Liability.* M., Yurayt, 2019. p. 350.
10. Sibilev Yu.N. System for assessing the effectiveness of the activities of the territorial bodies of the Federal Bailiff Service in the Field of Enforcement Proceedings: Organizational and Legal Aspect: Autoref. dis. ... cand. Legal. Nauk: 12.00.14. M., 2016. p. 29.

Институт судебной экспертизы по интеллектуальным спорам: основные проблемы функционирования

Жуйкова Анна Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
E-mail: zhujkova_anna2012@mail.ru

Институт судебной экспертизы в контексте рассмотрения и разрешения интеллектуального спора обладает рядом особенностей. Анализ данных особенностей подтверждает существование проблем в понимании значения судебной экспертизы для целей разрешения интеллектуального спора, классификации ее видов. Автор констатирует взаимосвязь правовой природы интеллектуального спора и значения судебной экспертизы в его контексте. Проблемы выделения видов экспертизы зависят от вопросов, которые поставлены перед экспертом. Однако зависимость сферы права и области устанавливаемых фактических обстоятельств предопределяют потребность в применении специальных знаний. Одной из форм использования специальных знаний является судебная экспертиза. Наличие в системе судов, разрешающих интеллектуальные споры, специализированного суда отчасти подтверждает восполнение потребности в специальных знаниях, но не в полной мере. Суд призван осуществлять правосудие, суд оценивает доказательства, устанавливает факты по делу, но не проводит процесс сбора необходимой информации.

Ключевые слова: судебная экспертиза по интеллектуальным спорам.

Принимая во внимание особенности содержания, сути интеллектуального спора, оказывающих непосредственное влияние на правовые нормы, регулирующие процессуальные правоотношения в исследуемой области, считаем оправданным, объективно существующим внимание ученых-процессуалистов, профессионального юридического сообщества в целом к правовым особенностям регулирования института судебной экспертизы в гражданском процессе при рассмотрении и разрешении интеллектуальных споров.

Полагаем, что исследования в данном направлении все больше требуют такого подхода, который бы отразил в системе существующие особенности, потенциал правового регулирования. Именно такую амбициозную задачу автор ставит перед исследованием в данной сфере, допуская, что она решается не односложно – посредством исследований различного уровня и направлений. Тем не менее, убеждены, что своеобразным стартом в заданном направлении является правовой анализ статуса заключения эксперта как средства доказывания в гражданском процессе при рассмотрении интеллектуальных споров, института судебной экспертизы в целом, с отражением присущих особенностей, оказывающих воздействие на процесс рассмотрения и разрешения такого гражданского дела.

Правоотношения в сфере интеллектуальной собственности (результаты интеллектуальной деятельности (далее – РИД) и приравненные к ним средства индивидуализации), – предполагают формирование и концентрирование в отношении данных объектов особой информации – специальных знаний, – отражающих суть и специфику регулируемой деятельности.

Участие в гражданском обороте интеллектуальных прав объективно предполагает возникновение спорных ситуаций, которые напрямую зависят от внутреннего устройства и структуры экономической жизни в стране.

Объективная потребность разрешить правовой конфликт предполагает максимальное информирование о специфике спорной ситуации, владение специальными знаниями в конкретной сфере интеллектуальной деятельности.

Законодатель традиционно в процессуальном законе предусматривает, что существуют ситуации при рассмотрении спора, когда требуется наличие специальных знаний в областях науки, искусства, техники, ремесла. Именно в целях разрешения данных вопросов законодатель закрепляет институт судебной экспертизы.

Наряду с этим формы использования специальных знаний, проблемы отнесения к числу специальных – знаний о праве – периодически составляют предмет научного интереса в среде процессуалистов [13, с. 60–102]. В этой связи, полагаем, следует отметить следующее.

Так, к числу форм использования специальных знаний относят: 1) получение консультаций по специальным вопросам от сведущих лиц (при этом сведущими лицами следует считать лиц, которые обладают специальными знаниями, навыками, принимающие участие в гражданском процессе с целью оказания содействия достижению задач правосудия посредством выполнения отдельных процессуальных действий, и не являющиеся лицами, участвующими в деле) [12, с. 90–91]; 2) результаты и заключения проверок и аудита различной направленности, а также несудебных экспертиз (назначаются не на основании определения суда, до судебного процесса и вне его); 3) привлечение специалистов, в качестве которых могут быть привлечены сведущие лица, для выполнения определенных действий, например, по проведению съемок, участию в осмотре; 4) проведение судебной экспертизы [14, с. 189].

Безусловно, понимание указанных форм имеет практическое значение, выражающееся в возможности выбора среди таких форм. При этом выбор зачастую продиктован, например, потребностью сторон процесса в снижении размера судебных расходов, и в отношении экспертизы, объективно, такие расходы будут всегда выше среди прочих.

Отметим, что данный институт предусмотрен в отношении процесса доказывания и в государственных судах (статьи 79–87 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) [1], статьи 82–87 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) [2]), и в арбитраже (третейских судах; статья 29 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ (редакция от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3]). Общим для экспертизы, предусмотренной процессуальными нормами, является именно факт потребности в применении специальных знаний в процессе, наличие основания их применения. При этом, согласимся: определить обстоятельства, свидетельствующие о потребности в использовании специальных знаний в какой-либо форме, и означает установить основание их применения в процессе. В этой связи, действительно, максимально регламентированным источником специальных знаний в гражданском процессе является экспертиза [12, с. 102]. Заметим, что правовая природа судебной экспертизы исследовалась учеными не всегда в качестве отдельного средства доказывания. В частности, профессор и один из ведущих процессуалистов XX в., основателей процессуальной науки, А.Ф. Клейнман утверждал, что правильнее считать «...экспертизу и осмотр на месте...не видами доказательств, а способами проверки доказательств...» [16, с. 230]. Впоследствии данное

утверждение не получило поддержки и развития в научной среде.

Учитывая изложенное, возможно утверждать: специальные знания представляют собой и теоретические знания, и практические навыки в областях науки, техники, ремесла и искусства, не предполагающие знаний о праве, которыми обладают сведущие лица и которые ими приобретены в результате получения соответствующего специального образования, накопления опыта работы, практической деятельности в вышеуказанных областях, при этом данные знания позволяют разрешать вопросы, возникающие в процессе рассмотрения дела, но не могут быть разрешены другими участниками процесса [10, с. 459]. Принимая во внимание природу специального знания, при рассмотрении и разрешении дел в сфере интеллектуальных прав, возникающих, в свою очередь, в отношении объектов, созданных в областях науки, техники, ремесла и искусства, объективно необходимо владеть знаниями в данных областях участникам процесса, суду. При этом причиной спорных вопросов в указанных сферах могут быть как объективные факторы (суд рассматривает дело, связанное с указанными областями знаний), так и субъективные (суд посчитает, что имеют место специальные знания в ситуациях, их не предполагающих (например, в делах о степени смешения средств индивидуализации)).

Суд при рассмотрении интеллектуальных споров отчасти компетентен восполнить отсутствие специальных знаний (в случае рассмотрения дела в специализированном суде по интеллектуальным правам). Однако – лишь отчасти – в силу действующих в этой сфере правил компетенции и подсудности интеллектуальных споров (далее – ИС). При этом в силу своеобразного предела специальных знаний, наличие которого связано с потребностью проведения исследования в спорной области, суд не вправе подменить собой деятельность эксперта. И наличие знаний у судьи, например, в «смежных областях» не придает ему, лицу, осуществляющему правосудие, статуса компетентного сведущего лица [12, с. 90].

Участники процесса не могут быть источниками специальных знаний, необходимых при рассмотрении ИС, так как заинтересованы в результатах рассмотрения дела.

В этой связи судебная экспертиза при рассмотрении ИС в суде – это институт, максимально адекватный сути ИС, судебные расходы на проведение судебной экспертизы сторонам всегда необходимо планировать уже на этапе инициирования процесса.

Работы в области исследования судебной экспертизы при рассмотрении ИС, а также соответствующие нормативные положения, регулирующие данный институт, позволяют утверждать наличие проблемы в понимании видов судебных экспертиз в рамках ИС. Ведь действительно, зачастую субъектам гражданского процесса необходимо предельно точно понимать, в отношении каких имен-

но фактов требуются те или иные сведения, специальные знания.

Так, согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, изложенным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 10) «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [7], экспертиза может быть назначена судом или по ходатайству лиц, участвующих в деле при разрешении вопросов: наличия или отсутствия признаков неправомерной переработки программы для ЭВМ, выраженной в материальном носителе, с целью установления, соответственно, признаков контрафактности; а также при возникновении спора относительно того, выражены ли спорные экземпляры произведений в конкретном материальном носителе, что предполагает необходимость в прослушивании, просмотре и осмотре материального носителя. Как следует из приведенных позиций Постановления Пленума ВС РФ № 10, правоприменитель фиксирует случаи использования специальных знаний с целью последующего установления факта нарушений интеллектуальных прав. В перечисленных случаях, имеет место, в частности, нарушение исключительного права (пункт 1.6 Обзора практики Суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных) [5]. Логично в таком случае то, что при предъявлении требований в связи с предполагаемым нарушением личных неимущественных прав существует необходимость применить специальные знания в сфере интеллектуальной деятельности. Однако обращение в суд будет преследовать цель – установить факт нарушения личных неимущественных прав, например, права на имя [6].

Анализ видов экспертиз в области ИС проводится также и по сферам интеллектуальной деятельности, в области которой необходимо использование специальных знаний. Так, например, авторы [8, с. 144] сходятся во мнении, что в силу создания, воспроизведения, использования произведений посредством разнообразных технических средств, а также в силу широкого спектра вопросов, составляющих предмет экспертного исследования, могут быть проведены различные виды экспертиз, например: компьютерно-техническая, почерковедческая, искусствоведческая, литературоведческая, автороведческая [9, с. 107]. При этом, учитывая неоднозначное отношение исследователей к существованию правовых судебных экспертиз [15, с. 17–20], в числе вопросов, разрешаемых экспертом по ИС, не должно быть правовых вопросов. Однако именно данное условие в исследуемой категории вызывает существенные трудности в его соблюдении. ИС, как справедливо отмечается в научной литературе, свойственно максимальное сближение вопросов факта и вопросов права, их взаимосвязь, что восполняется, в частности, участием в данной категории дел специалистов,

экспертов, а также наличием приоритета тех кандидатов, знания которых соответствуют специализации суда, если имеет место процесс отбора кандидатов на должность судей СИП [11, с. 175]. При этом сбор сведений об определенных фактах в рамках ИС посредством проведения судебной экспертизы, подчеркнем, предполагает и увеличение судебных расходов, и некоторую зависимость судьи, разрешающего ИС, от результатов экспертизы, но, убеждены, такая зависимость от выводов эксперта – более вероятна при оценке доказательств и, в целом, при установлении фактов на основании полученных сведений по результатам судебной экспертизы – в случае отсутствия специализации суда, то есть во всех случаях рассмотрения и разрешения ИС тем судьей (арбитром) которые не обладают специальными знаниями в рамках ИС.

Анализ правовой природы института судебной экспертизы в сфере интеллектуальных прав позволяет констатировать в настоящее время ряд следующих системных (взаимосвязанных) проблем, оптимальные пути решения которых, на наш взгляд, состоят в следующем.

Судебная экспертиза – необходимый институт при разрешении ИС – именно в той степени, в какой существует проблема с отнесением конкретного вида ИС к компетенции суда, полномочного рассматривать данный правовой конфликт.

При необходимости использования специальных знаний суд назначает экспертизу (включая случаи, когда лица, участвующие в деле, вправе ходатайствовать о назначении таковой).

Правовой природе ИС соответствует применение специальных знаний. Потребность в их применении тем выше, чем менее ими обладает судья, рассматривающий отдельный правовой конфликт. Причина данного обстоятельства – взаимосвязь сфер права и область устанавливаемых по делу фактов, сведения о которых и должны быть собраны в каждом конкретном ИС максимально с целью достижения задач судопроизводства в целом.

Именно в силу указанных обстоятельств законодателю может быть предложено зафиксировать как необходимые требования к судьям (арбитрам), рассматривающим, разрешающим ИС, относительно наличия у них соответствующей специализации в рассматриваемой сфере интеллектуальной деятельности. В частности, пункт 8 статьи 5 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132–1 (с изменениями от 16.04.2022) «О статусе судей в Российской Федерации» [4] в результате изменений должен содержать прямое указание на наличие у судьи, рассматривающего ИС, знаний, соответствующих специализации суда.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532;

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ// «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, № 30, ст. 3012;
3. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (редакция от 27.12.2018) «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 04.01.2016, № 1 (часть I), ст. 2;
4. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132–1 (с изменениями от 16.04.2022) «О статусе судей в Российской Федерации»// «Ведомости СНД и ВС РФ», 30.07.1992, № 30, ст. 1792;
5. Обзора практики суда по интеллектуальным правам по вопросам, возникающим при применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации о правовой охране программ для ЭВМ и баз данных (утвержден постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.11.2021 № СП-21/26). URL: <http://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=olwBTFTangeiAhIK&cacheid=49F462756FACA8D854F83931DB1D-5B34&mode=splus&rnd=43mCDQ&base=-SIP&n=87833&dst=100002#eoZftFTknlQynD1D1> (дата обращения 11.11.2022);
6. Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.09.2015)// «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 11, ноябрь, 2015. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=udpjtFTQnpfoqdWp&cacheid=001D9839FA37F-7B33AC22937D919F8F2&mode=splus&rnd=an-2qSw&base=LAW&n=186586#wNqjFTwVG-t7oYjJ1> (дата обращения 11.11.2022);
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении» части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 96, 06.05.2019;
8. Алькова, М.А. Особенности доказывания по авторским спорам: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.15/ М.А. Алькова. – Саратов, 2013. – 187 с.
9. Баскаков, Е.Я. Особенности рассмотрения и разрешения авторских споров: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.15/ Е.Я. Баскаков. – М., 2004. – 166 с.;
10. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство/ С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. М.А. Фокиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2019. – 656 с. – Текст непосредственный;
11. Михайлов, С. М., Михайлов, Л. Владение специальными знаниями как гарантия независимости судей Суда по интеллектуальным правам/ С.М. Михайлов, Л. Михайлов// Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5 (54). – С. 173–177. – Текст: электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladenie-spetsialnymi-znaniyami-kak-garantiya-nezavisimosti-sudey-suda-po-intellektualnym-pravam/viewer> (дата обращения: 11.11.2022);
12. Мохов, А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: дис. ... док.юрид.наук: 12.00.15/ А.А. Мохов. – СПб, 2006. – 380 с.;
13. Сахнова, Т.В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): дис. ... док.юрид.наук: 12.00.03/ Т.В. Сахнова. – Красноярск, 1998. – 402 с.;
14. Треушников М.К. Судебные доказательства. – М.: Городец, 2004. – 272 с. Систем. требования: Adobe Acrobat Reader/ URL: https://http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/UP/TREUSHNIKOV_2004.pdf (дата обращения: 11.11.2022);
15. Чернова, М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд.юрид.наук: 12.00.15/ М.Н. Чернова. – М., 2015. – 187 с.;
16. Юдельсон К.С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. – 251 с. – Текст непосредственный.

INSTITUTE OF FORENSIC EXAMINATION ON INTELLECTUAL DISPUTES: THE MAIN PROBLEMS OF FUNCTIONING

Zhuikova A.A.

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

The institution of forensic examination in the context of consideration and resolution of an intellectual dispute has a number of features. An analysis of these features confirms the existence of problems in understanding the significance of forensic examination for the purposes of resolving an intellectual dispute, classifying its types. The author states the relationship between the legal nature of an intellectual dispute and the significance of forensic examination in its context. The problems of identifying types of expertise depend on the questions posed to the expert. However, the dependence of the sphere of law and the field of established factual circumstances predetermine the need for the application of special knowledge. One of the forms of using special knowledge is forensic examination. The presence in the system of courts resolving intellectual disputes of a specialized court partly confirms the fulfillment of the need for special knowledge, but not to the full extent. The court is called to administer justice, the court evaluates the evidence, establishes the facts in the case, but does not carry out the process of collecting the necessary information.

Keywords: forensic examination in intellectual disputes.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ of 14.11.2002// “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 18.11.2002, No. 46, Article 4532;
2. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” dated 24.07.2002 No. 95-FZ// “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 29.07.2002, No. 30, art. 3012;
3. Federal Law No. 382-FZ of 29.12.2015 (as amended on 27.12.2018) “On Arbitration (Arbitration proceedings) in the Russian Federation”// “Collection of Legislation of the Russian Federation”, 04.01.2016, No. 1 (Part I), Article 2;
4. The Law of the Russian Federation of 26.06.1992 No. 3132–1 (as amended on 16.04.2022) “On the status of judges in the

- Russian Federation”// “Vedomosti SND and the Supreme Court of the Russian Federation”, 30.07.1992, No. 30, Article 1792;
5. Review of the practice of the Intellectual Property Rights Court on issues arising in the application of the norms of the Civil Code of the Russian Federation on the legal protection of computer programs and databases (approved by the Decree of the Presidium of the Intellectual Property Rights Court of 18.11.2021 No.SP-21/26). URL: <http://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=olwBTFTangeiAHIK&cacheid=49F462756FACA8D854F83931DB1D5B34&mode=splus&rnd=43mCD-Q&base=SIP&n=87833&dst=100002#eoZftFTknlQynD1D1> (accessed 11.11.2022);
 6. Review of judicial practice in cases related to the resolution of disputes on the protection of intellectual rights (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 23.09.2015)// Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 11, November, 2015.URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=udpjtFTQnpfoqdWp&cacheid=001D9839FA37F7B33AC22937D919F8F2&mode=splus&rnd=an2qSw&base=LAW&n=186586# wNqjtFT-wVGt7oYjJ1> (accessed 11.11.2022);
 7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.04.2019 No. 10 “On the application of” Part Four of the Civil Code of the Russian Federation” // “Rossiyskaya Gazeta”, No. 96, 06.05.2019;
 8. Alcova, M.A. Features of proof in copyright disputes: dis. ... candidate of Legal Sciences: 12.00.15/ M.A. Alcova. – Saratov, 2013. – 187 p.
 9. Baskakov, E. Ya. Features of consideration and resolution of copyright disputes: dis. ... candidate of Legal Sciences: 12.00.15/ E.Y. Baskakov. – M., 2004. – 166 p.;
 10. Course of evidentiary law: Civil procedure. Arbitration process. Administrative proceedings/ S.F. Afanasyev, O.V. Baulin, I.N. Lukyanova [et al.]; edited by D.yu.n., prof. M.A. Fokina. – 2nd ed., reprint. and add. – M.: Statute, 2019. – 656 p. – Direct text;
 11. Mikhailov, S. M., Mikhailov, L. Possession of special knowledge as a guarantee of independence of judges of the Intellectual Property Rights Court/ S.M. Mikhailov, L. Mikhailov// Actual problems of Russian law. – 2015. – № 5 (54). – Pp. 173–177. – Text: electronic. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vladienie-spetsialnymi-znaniyami-kak-garantiya-nezavisimosti-sudey-suda-po-intellektualnym-pravam/viewer> (date of application: 11.11.2022);
 12. Mokhov, A.A. The use of special knowledge in civil proceedings in Russia: theory and practice: dis. ... Doctor of Legal Sciences: 12.00.15/ A.A. Mokhov. – St. Petersburg, 2006. – 380 p.;
 13. Sakhnova, T.V. Expertise in civil procedure (Theoretical research): dis. ... doctor of legal Sciences: 12.00.03/ T.V. Sakhnova. – Krasnoyarsk, 1998. – 402 p.;
 14. Treushnikov M.K. Judicial evidence. – M.: Gorodets, 2004. – 272 p. Systems.Requirements: Adobe Acrobat Reader/ URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/UP/TREUSHNIKOV_2004.pdf (date of application: 11.11.2022);
 15. Chernova, M.N. Expert opinion as evidence in civil and arbitration proceedings: dis. ... candidate of Legal Sciences: 12.00.15/ M.N. Chernova. – M., 2015. – 187 p.;
 16. Yudelson K.S. Judicial evidence and the practice of their use in Soviet civil proceedings. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1956. – 251 p. – Direct text.

Козырев Сергей Иванович,

старший преподаватель, Псковский филиал Академии ФСИН России

E-mail: pan-psk@mail.ru

В нынешнее время взят политический курс на развитие информационных технологий, которые внедряются во все сферы общественных отношений. Главным образом это связано с происходящими процессами цифровизации, которые характерны не только для отечественного правопорядка, но и для стран запада. Следует отметить, что особый интерес вызывает использование информационных технологий в рамках деятельности ФСИН. Доктринальный интерес к данному вопросу обусловлен имеющимися пробелами в правовом регулировании, а также наличием практических проблем в данной сфере. В связи с указанным, в рамках настоящего исследования будут рассмотрены особенности и проблемы внедрения и использования информационных технологий в деятельности ФСИН России. Целью исследования является анализ особенностей и проблем применения информационных технологий в деятельности ФСИН России. При написании статьи использованы такие методы как анализ, синтез, сравнение, логический, системный, формально-юридический и иные. Научная новизна исследования обусловлена попыткой авторского обоснования значимости использования информационных технологий в деятельности ФСИН, указаны основные направления развития данной сферы. В качестве выводов указаны основные итоги проведенного исследования. Полученные выводы могут быть использованы при написании доктринальных исследований по вопросам информационных технологий в деятельности ФСИН, в рамках практической деятельности (например, реализация сформулированных предложений на практике), а также при преподавании учебными дисциплинами (например, информационным правом).

Ключевые слова: информационные технологии, ФСИН, автоматизация, видеонаблюдение, цифровизация.

На сегодняшний день достаточно часто совершаются преступные деяния лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы. Например, побег. В данной связи важно говорить, что информационные технологии призваны не только упростить реализацию многих важных функций сотрудников ФСИН, но и улучшить надзор за осужденными, тем самым свести к минимуму совершение ими преступлений. На основании этого можно говорить, что первоочередной задачей процесса информатизации деятельности ФСИН является «оснащение всех следственных изоляторов и исправительных учреждений современными системами безопасности, введение мониторинга за поведением осужденных с помощью технологий электронного контроля (видеонаблюдение, электронные браслеты, беспроводные технологии) является первоочередной задачей» [3, с. 51]. Безусловно, что многие указанные меры уже внедрены на практике, но современные реалии предопределяют необходимость их систематического совершенствования. Так, например, не все установленные видеорекамеры позволяют получить хорошее изображение ночью или в таких условиях как дождь, снег.

Важным в информатизации деятельности ФСИН России является и электронный документооборот (СЭД УИС). Как отмечается в научной среде, электронный документооборот имеет ряд характерных особенностей и преимуществ, а именно: «работа пользователей с системой через веб-браузер; взаимодействие с системой межведомственного электронного документооборота; ведение внутренней переписки; подготовка и оформление резолюций и поручений; подготовка, согласование, подписание и передача на регистрацию документов» [2, с. 56].

Так, в нынешнее время в практику деятельности ФСИН России внедряются различные программные обеспечения, которые позволяют вести автоматизированный учет осужденных, которые отбывают наказание. В качестве примеров таких программ можно назвать ПК АКУС СИЗО, ПК АКУС ИК, ПК АКУС УИИ, ПК «Интегратор АКУС» [4, с. 69].

Однако важно постепенно внедрять и иные технологии, основанные на искусственном интеллекте. В данном вопросе мог бы быть использован успешный опыт зарубежных стран, поскольку процессы автоматизации ведутся во многих передовых странах уже достаточно давно. Иными словами, достаточно актуальным и злободневным является вопрос о внедрении технологий, которые позволят более эффективно осуществлять такие процессы в рамках деятельности сотрудников ФСИН как распознавание, наблюдение. Например, в научной среде активно обсуждается вопрос о чипи-

ровании осужденных, что позволит контролировать передвижение каждого человека, отбывающего наказание [2, с. 524]. Однако, на наш взгляд, говорить о таких новшествах пока еще преждевременно. Главным образом это связано с тем, что на сегодняшний день чипированию подлежат только животные и говорить о внедрении такого механизма применительно к осужденным было бы не совсем гуманно. Главным образом такое нововведение не отвечает и конституционным положениям о правах каждого гражданина.

Более того, все внедряемые меры, связанные с информационными технологиями, на сегодняшний день еще не приносят ожидаемых успехов. Главным образом это связано с необходимостью, например, переквалификации сотрудников ФСИН России. Например, особенно актуально говорить о внедрении в процесс образования на уровне специализированных ВУЗов, которые готовят будущих сотрудников ФСИН, дисциплины, направленной на работу с автоматизированными системами. Более того, важно проводить систематически и переквалификацию уже действующих сотрудников с учетом внедряемых технологий в их деятельность. Так, процесс автоматизации требует наличия у сотрудников определенных навыков и умения работы с внедряемыми механизмами. В данной связи следует разрабатывать учебные программы как для студентов, так и для действующих сотрудников по обучению работы с информационными технологиями, которые особенно активно используются в деятельности ФСИН России.

Кроме того, внедряемые процессы цифровизации определяют необходимость и создания соответствующей охраны базы данных, которые расположены в сети Интернет.

Так, на сегодняшний день, многие преступления, связанные с использованием информационных технологий в сети Интернет, совершаются методом кражи информации, которая, как правило, находится в закрытом доступе, путем хакерских атак на информационные сети, кражи паролей с использованием фишинговых сайтов или специальных программ. В данной связи следует говорить о перспективности использования технологий, основанных на блокчейн.

Отсутствие центрального органа власти, равно как и третьей стороны в структуре базы данных, является одним из наиболее важных аспектов технологии блокчейн. Важной особенностью блокчейн-на можно определить то, что транзакции, которые проходят на блокчейне, не требуют авторизации, верификации или валидации третьей стороной или посредником. Блокчейн обеспечивает неоспоримое подтверждение того, что транзакции или данные в блоке существовали в определенное время. Поскольку каждый блок содержит хэш заголовка предыдущего блока, создается автоматическое подтверждение истории, положения и принадлежности каждого блока в цепочке.

Соответственно, основной упор должен быть сделан и на обеспечении соответствующей инфор-

мационной безопасности внедряемых технологий, поскольку информация, используемая в деятельности ФСИН, имеет особую конфиденциальность. В связи с этим следует обратить внимание на технологии блокчейн.

Таким образом, в нынешнее время происходит активное внедрение информационных технологий в деятельность ФСИН России. Вместе с тем, такие процессы цифровизации имеют и ряд проблем, которые не позволяют в полной мере использовать все преимущества автоматизации. Ряд из таких проблем нами были выявлены в процессе настоящего исследования, а также были предложены направления по совершенствованию процессов использования информационных технологий в деятельность ФСИН. Дополнительно следует отметить важность последующего развития процессов автоматизации с учетом успешного опыта передовых стран. Более того, важно систематически вносить изменения и в правовое регулирование с учетом внедряемых технологий.

Литература

1. Ведякова, Е.Н. Совершенствование деятельности учреждений ФСИН России в области применения современных информационных технологий / Е.Н. Ведякова, В.В. Стукалина // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: Материалы Международной научной конференции. – Самара, 2018. – С. 55–58.
2. Зиновьева, М.И. К вопросу о применении информационных технологий для обеспечения безопасности в учреждениях ФСИН России / М.И. Зиновьева // Пермский период: Сборник материалов IX Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов образовательных организаций. В 3-х томах. – Пермь, 2022. – С. 523–525.
3. Митюрёв, Р.Г. Перспективы использования информационных технологий в деятельности подразделений режима, охраны и конвоирования ФСИН России / Р.Г. Митюрёв // Инновационные технологии на службе ФСИН России: Сборник материалов межвузовского круглого стола курсантов и студентов. – Пермь, 2019. – С. 51–55.
4. Фастович, Г.Г. К вопросу о развитии информационных технологий (на примере исследования ФСИН России) / Г.Г. Фастович // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 2(194). – С. 67–70.

INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Kozyrev S.I.

Pskov Branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia

At the present time, a political course has been taken for the development of information technologies, which are being introduced into all spheres of public relations. This is mainly due to the ongoing processes of digitalization, which are characteristic not only for the

domestic law and order, but also for Western countries. It should be noted that of particular interest is the use of information technology in the framework of the activities of the Federal Penitentiary Service. The doctrinal interest in this issue is due to the existing gaps in legal regulation, as well as the presence of practical problems in this area. In this regard, within the framework of this study, the features and problems of the introduction and use of information technologies in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia will be considered. The purpose of the study is to analyze the features and problems of the use of information technologies in the activities of the Federal Penitentiary Service of Russia. When writing the article, such methods as analysis, synthesis, comparison, logical, system, formal legal and others were used. The scientific novelty of the study is due to the author's attempt to substantiate the importance of the use of information technologies in the activities of the Federal Penitentiary Service, the main directions of development of this area are indicated. The main results of the study are indicated as conclusions. The obtained conclusions can be used when writing doctrinal studies on information technology issues in the activities of the Federal Penitentiary Service, in the framework of practical activities (for example, the implementation of formulated proposals in practice), as well as when teaching academic disciplines (for example, information law).

Keywords: information technologies, FSIN, automation, video surveillance, digitalization.

References

1. Vedyakova, E.N. Improving the activities of institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia in the field of application of modern information technologies / E.N. Vedyakova, V.V. Stukalina // Problems and prospects of development of the penal system of Russia at the present stage: Materials of the International Scientific Conference. – Samara, 2018. – pp. 55–58.
2. Zinovieva, M.I. On the use of information technologies to ensure security in institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia / M.I. Zinovieva // Perm period: Collection of materials of the IX International Scientific and Sports Festival of cadets and students of educational organizations. In 3 volumes. – Perm, 2022. – pp. 523–525.
3. Mityurev, R.G. Prospects for the use of information technologies in the activities of the units of the regime, protection and escort of the Federal Penitentiary Service of Russia / R.G. Mityurev // Innovative technologies in the service of the Federal Penitentiary Service of Russia: Collection of materials of the interuniversity round table of cadets and students. – Perm, 2019. – pp. 51–55.
4. Fastovich, G.G. On the issue of the development of information technologies (on the example of a study of the Federal Penitentiary Service of Russia) / G.G. Fastovich // Law and the State: theory and practice. – 2021. – № 2(194). – Pp. 67–70.

К вопросу об обоснованности квалификации преступлений по ст. 126 УК РФ

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений по ст. 126 УК РФ «Похищение человека». В тексте статьи автор приводит российские и международные законодательные акты, обосновывающие тяжесть и общественную опасность данного преступления. Также в статье приведено определение похищения человека, данное в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Далее анализируются возможные проблемы и затруднения, часто возникающие при квалификации подобных преступлений. Так, в тексте статьи приводятся примеры уголовных дел, по которым зачастую сложно определить наличие объективной стороны данного преступления, состоящей из обязательных трех этапов – захвата, перемещения и удержания потерпевшего. Помимо этого, приводится ситуация, при которой похищение человека было обусловлено желанием получить оплату за проделанную работу и мотивируется, влияет ли данная причина похищения на квалификацию деяния. Помимо этого, проанализирован случай освобождения от уголовной ответственности с применением примечания к ст. 126 УК РФ в случае добровольного освобождения похищенного.

Ключевые слова: Квалификация преступлений, законодательный акт, похищение человека, конституционные права, особо тяжкое преступление, этапы совершения, захват, перемещение, удержание, примечание к статье.

Преступлением, предусмотренным ст. 126 УК РФ («Похищение человека») нарушается целый ряд основополагающих прав человека.

Так, согласно ст. 22 ч. 1 Конституции РФ, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Согласно ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. [1]

Согласно ст. 9 ч. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года, каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом. [2]

Таким образом, похищение человека в любом случае нарушает важнейшие права, от рождения присущие любому человеку. Кроме того, в ряде случаев, при наличии определенных квалифицирующих признаков, данное преступление может нарушать также право человека на жизнь, на здоровье, может быть сопряжено с посягательством на собственность и на иные права потерпевшего.

Квалификация данного преступления является достаточно сложной и поэтому на практике очень часто вызывает ряд затруднений.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания. [3, С. 501]

Безусловно, для квалификации действий виновного по указанной статье необходимо наличие трех этапов или стадий совершения преступления – захвата, перемещения и удержания. Зачастую на практике эти этапы совмещаются или недостаточно разделены или же представляют

собой единое действие, что влечет проблемы при квалификации деяния.

Например, приговором Ленинского районного суда г. Тюмени С. осуждена по ст. 126 ч. 2 п. «д» УК РФ к наказанию в виде лишения свободы на срок 5 лет, в соответствии со ст. 73 УК РФ меру наказания считать условной с испытательным сроком 3 года. [4]

Согласно представленным материалам дела, С. совершила похищение человека заведомо несовершеннолетнего, при следующих обстоятельствах: С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, возле крыльца магазина сантехники, увидела детскую коляску с находящейся в ней несовершеннолетней девочкой. С., убедившись, что рядом отсутствует мать ребенка, решила похитить несовершеннолетнюю, с целью наказания матери ребенка, за то, что та оставила ребенка одного без присмотра в общественном месте.

С., понимая, что девочка не сможет оказать какого – либо сопротивления, против ее воли, схватила коляску за ручку, откатила ее за угол дома и там удерживала. Мать ребенка была рядом в магазине, следя за ребенком через витрину. Затем, когда посетители магазина закрыли ей обзор, мать выбежала на улицу. Ей крикнули, что какая – то пьяная женщина укатила коляску за угол дома. Прибыв туда, мать увидела С., удаляющуюся с коляской. Мать, догоняя С., потребовала отдать ребенка, С. оставила коляску и убежала. В ходе предварительного следствия и в суде С. настаивала, что хотела таким образом проучить мать, оставившую ребенка без присмотра.

Имеет ли место в приведенном примере похищение человека, при том, что, фактически, виновная всего лишь откатила детскую коляску с ребенком на несколько сот метров?

В данном случае виновной совершено единое действие, которое было квалифицировано как похищение заведомо несовершеннолетнего, являющееся, кстати, особо тяжким преступлением. Здесь захват, перемещение и удержание являются единым непрерывным действием: первоначальное завладение коляской является захватом, затем, при передвижении коляски, происходит перемещение похищенного ребенка и, одновременно, его удержание.

Следует отметить, что данное преступление признается оконченным с началом перемещения. Поэтому для С. данное преступление стало оконченным, когда она начала катить коляску с ребенком.

Поэтому для правильной квалификации данного деяния следует оценить в хронологическом порядке всю последовательность действий, совершенных виновным, после чего оценить, совершены ли виновным все три обязательных этапа, то есть оценить, имеет ли место объективная сторона данного деяния.

Также, применительно к указанному случаю, следует учесть, что для квалификации данного преступления не имеют значения мотив и цель совершен-

ного. То есть то обстоятельство, что С. подобным образом хотела наказать мать ребенка, не влияет на квалификацию данного деяния, а также не является смягчающим обстоятельством по делу.

Следующим примером нетипичной ситуации, связанной с похищением человека, может послужить постановление Куйбышевского районного суда г. Омска, которым уголовное дело в отношении Х. прекращено по основаниям ст. 76 УК РФ за примирением с потерпевшим. [5]

Согласно представленным материалам дела, Х., которому первоначально было предъявлено обвинение по ст. 126 ч. 2 п. «г» УК РФ, в качестве таксиста, производил перевозку потерпевшего и другого неустановленного лица.

Когда автомашина прибыла к указанному адресу, потерпевший и второе лицо зашли в здание, при этом Х. в машине ждал оплаты. Затем потерпевший и другое лицо, не желая платить, попытались убежать. Х., схватив пластиковую трубу, догнал потерпевшего дважды ударил его трубой по ногам и потребовал от него пройти к автомашине. Поняв, что денег у потерпевшего нет, Х., применив силу, засунул его в багажный отсек. Отвезя его в иное место, Х., чтобы наказать потерпевшего, принудил его обмазаться зеленой.

Х. раскаялся в содеянном, принес извинения потерпевшему, загладил причиненный вред. В ходе судебного разбирательства обвинение переквалифицировано по части 1 данной статьи как преступление средней тяжести, так как судом было установлено, что Х. не использовал пластиковую трубу непосредственно при похищении, а нанес ей один удар по ногам потерпевшего для того, чтобы «наказать» его за неуплату денег за проезд.

Поэтому уголовное дело по ходатайству потерпевшего было прекращено по основаниям ст. 76 УК РФ за примирением с потерпевшим.

В.А. Авдеев и Е.В. Авдеева в статье «Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы» указывают, что принципиальное значение для квалификации похищения человека имеет изъятие лица из среды пребывания и перемещение вопреки воле потерпевшего в другое место, сопровождаемое дальнейшим удержанием. При этом преступление признается оконченным с начала противоправного перемещения потерпевшего в пространстве вопреки его воле. [6]

В данном случае имеет место состав преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, так как здесь присутствуют все стадии совершения данного преступления: захват с изъятием потерпевшего с места первоначального нахождения в виде помещения его в багажное отделение автомобиля, транспортировка помимо его воли и удержание потерпевшего. Следует учесть, что здесь транспортировка и удержание фактически представляют собой единое действие, поскольку потерпевший насильственно помещен в ограниченное пространство, покинуть которое он возможности не имеет, при этом одновременно осуществляется его перемещение в пространстве.

То есть можно сделать вывод о том, что даже если бы потерпевший был бы отпущен сразу по прибытии автомобиля в соответствующее место, то завершающий этап похищения человека все равно бы наличествовал, поскольку удержание имело место в момент помещения его в багажное отделение.

В данном примере также на квалификацию деяния никак не влияет то, что потерпевший был похищен вследствие неуплаты им денег за проезд в такси, цель и мотив здесь значения не имеют. Фактически это преступление близко к самоуправству, то есть к преступлению, предусмотренному ст. 330 УК РФ, поскольку было совершено для получения вознаграждения за проделанную работу, но при этом совершено способом, не предусмотренным законом. Однако в данном случае, по отношению к самоуправству, имеет место специальный состав преступления. В практической деятельности, когда подобные преступления совершаются с целью восстановления предполагаемого права, но не предусмотренным законом способом, возможна квалификация по совокупности статей 126 и 330 УК РФ.

Однако здесь подсудимый примирился с потерпевшим, поскольку предусмотренное ч. 1 ст. 126 УК РФ преступление относится к категории средней тяжести, подсудимый принес извинения и загладил причиненный вред. Очевидно, что мотив совершения преступления все же сыграл свою роль при прекращении уголовного дела, так как, до определенной степени, похищение для подсудимого явилось вынужденной мерой для получения им денег за проезд.

Также представляет интерес, как пример прекращения уголовного дела по ст. 126 УК РФ, апелляционное решение Верховного суда Российской Федерации, согласно которому судебная коллегия сочла обоснованными приводимые в апелляционных жалобах доводы относительно необоснованности осуждения А. А.С., А.С.С., Б. С.А. и П. Д.В. по п. «а» ч. 3 ст. 126 УК РФ и наличия оснований для применения в отношении них примечания к ст. 126 УК РФ, согласно которому лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Установлено, что потерпевшие И. и Б. вместе с А. организованной группой лиц были захвачены и отвезены в помещение шиномонтажа, где содержались в течение нескольких часов. Когда А.А.С. и А. С.С. вывезли А. из помещения и вернулись обратно, А.С.С. приказал отпустить И. и Б. и вернуть им автомобиль. При этом участники организованной группы могли продолжить удержание похищенных лиц либо совершить в отношении них иные действия.

При таких обстоятельствах то, что участниками преступной группы похищенные И. и Б. были отпущены на свободу следует расценивать как добровольное их освобождение, соответствующее примечанию к ст. 126 УК РФ.

Поэтому А.А.С., А.С.С., Б. С.А. и П.Д.В. освобождены от уголовной ответственности, уголовное дело в отношении них в соответствующей части прекращено. [7]

Данное судебное решение базируется на примечании к ст. 126 УК РФ, согласно которому лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

В указанном примере освобождение потерпевших И. и Б. являлось действительно добровольным, поскольку было осуществлено подсудимыми без какого – либо внешнего давления и не было обусловлено преступными целями подсудимых. Следует отметить, что при этом в части похищения потерпевшего А. подсудимые от уголовной ответственности не освобождались.

Не во всех случаях виновные, освободившие похищенное лицо, освобождаются от ответственности. Прежде всего, не подлежат освобождению лица, отпустившие похищенного не добровольно, а вследствие возможности задержания их за совершение данного преступления правоохранительными органами, например перед началом штурма. Также не подлежат освобождению лица, отпустившие похищенных для достижения намеченного преступного результата, например для того, чтобы принести деньги для выкупа или сообщить родным условия выкупа. Сюда же можно отнести ситуации, когда похитители отпускают похищенного после получения выкупа, поскольку в данном случае преступный результат достигнут и отсутствует необходимость дальнейшего удержания похищенного. И, безусловно, необоснованным будет освобождение от ответственности виновных лиц, из – за невнимания которых потерпевшим удалось бежать.

Таким образом, можно заключить, что законная и обоснованная квалификация действий лица по ст. 126 УК РФ предполагает особенно тщательный и полный анализ всех, даже на первый взгляд незначительных, обстоятельств и нюансов происшедшего. В противном случае возможно совершение следственной или судебной ошибки, влекущей необоснованное привлечение к ответственности лица за совершение особо тяжкого преступления.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года, URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version> (дата обращения 24.10.2022 г.)
2. Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pact-pol.shtml (дата обращения 24.10.2022 г.)

3. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Вопросы применения уголовного законодательства. 4-е издание. Изд. ООО «Проспект». М. 2021. 512 с. С. 501.
4. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 29.09.2017 г. по уголовному делу № 1–863\2017. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-126-uk-rf-pohischenie-cheloveka/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-126-uk-rf-1-8632017-pohischenie-cheloveka.html> (дата обращения 24.10.2022 г.)
5. Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 15.06.2017 г. по уголовному делу № 1–213/ 2017 URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-126-uk-rf-pohischenie-cheloveka/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-126-uk-rf-1-2132017-pohischenie-cheloveka.html> (дата обращения 24.10.2022 г.)
6. В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева. «Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы» URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/70146-problemy-kvalifikacii-pokhishheniya-cheloveka-nezakonnogo-lisheniya-svobody> (дата обращения 24.10.2022 г.)
7. См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.08.2018 N4-АПУ18–30

TO THE QUESTION OF THE VALIDITY OF THE QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 126 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of qualification of crimes under Article 126 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Kidnapping”. In the text of the article, the author cites Russian and international legislative acts justifying the severity and social danger of this crime. The article also contains the definition of kidnapping given in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian

Federation. Further, the possible problems and difficulties that often arise in the qualification of such crimes are analyzed. Thus, the text of the article provides examples of criminal cases in which it is often difficult to determine the existence of an objective side of this crime, consisting of mandatory three stages – capture, transfer and retention of the victim. In addition, a situation is given in which the abduction of a person was due to the desire to receive payment for the work done and it is motivated whether this reason for the abduction affects the qualification of the act. In addition, the case of exemption from criminal liability on the basis of a note to art. 126 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is applied to a person who voluntarily released a kidnapped person.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, kidnapping, constitutional rights, especially serious crime, stages of commission, capture, transfer, retention, note to the article.

References

1. The Universal Declaration of Human Rights, adopted by UN General Assembly resolution 217 A (III) of December 10, 1948, URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-universal-declaration-of-human-rights-full-version> (accessed 10/24/2022)
2. International Covenant on Civil and Political Rights, adopted by UN General Assembly Resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (accessed 24.10.2022)
3. Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases. Issues of application of criminal legislation. 4th edition. Ed. LLC “Prospect”. M. 2021. 512 S. S. 501.
4. The verdict of the Leninsky District Court of Tyumen dated 29.09.2017 in criminal case No. 1–863\2017. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-126-uk-rf-pohischenie-cheloveka/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-126-uk-rf-1-8632017-pohischenie-cheloveka.html> (accessed 24.10.2022)
5. The verdict of the Kuibyshev District Court of Omsk dated 15.06.2017 in criminal case No. 1–213/ 2017 URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-126-uk-rf-pohischenie-cheloveka/prigovor-suda-po-ch.-2-st.-126-uk-rf-1-2132017-pohischenie-cheloveka.html> (accessed 24.10.2022)
6. V.A. Avdeev, E.V. Avdeeva. “Problems of qualification of kidnapping and illegal imprisonment” URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/70146-problemy-kvalifikacii-pokhishheniya-cheloveka-nezakonnogo-lisheniya-svobody> (accessed 24.10.2022)
7. See: Appellate ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.08.2018 N4-АПУ18–30

Уголовно-процессуальное регулирование принудительного проникновения в жилое помещение при производстве обыска

Марков Артем Дмитриевич,

студент, кафедра цифровой криминалистики ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)»
E-mail: lobart00@list.ru

Актуальность данной статьи обуславливается тем, что при принудительном проникновении в жилое помещение довольно часто в практике нарушаются права личности, тем самым порождает конфликтные ситуации. Как сказано выше, жилище или иное помещение (далее – помещение) – самый сложный объект обыска. Также в статье проанализирована эффективность и тактическая особенность принудительного проникновения в жилое помещение, так как речь идет про обыск, который является наиболее распространенным средством получения доказательств при расследовании уголовных дел и тактически грамотное разъяснение лицам, у которых производится обыск, сущности положений уголовно-процессуального кодекса во многом может оптимизировать как саму ситуацию в месте его проведения, так и обнаружение следователем искомых им объектов.

Ключевые слова: обыск, следственное действие, принудительное проникновение, жилое помещение, УПК.

Российским законодательством гарантируется личная неприкосновенность своего жилья, что прямо предусмотрено основным законом – Конституция РФ. Однако законодатель предусмотрел случаи, когда данная гарантия нарушается. Связано это с целью защиты законных прав и интересов граждан и организаций, которые пострадали от преступных посягательств. Анализ норм уголовно-процессуального права, в частности производства следственных действий, показывает нам, что они сопряжены с ограничением личных прав. Исходя из этого я полагаю, что стоит рассмотреть особенности конкретного следственного действия – обыска, чтобы выявить проблемы при его производстве, если таковые имеются.

Как любое следственное действие, обыск закреплён в нормах УПК. Исходя из положений данного закона обыск направлен на обнаружение, а в последствие и изъятия предметов, орудий или иных средств совершения преступления, которые могут иметь ценную информацию для уголовного судопроизводства в целом. Стоит обратить внимание на то, что обыск носит именно принудительный характер, то есть поиск доказательственной базы не зависит от воли лиц, подвергаемых данному производству. В связи с этим возникает ряд конфликтных ситуаций: каким образом проникать в помещение, если это требуется? Что делать, если в ходе обыска не было найдено предметов и средств, которые могут иметь важность для уголовного дела? [3] И многие другие вопросы, которые порождают спорные моменты. Безусловно стоит об этом говорить, так как несоблюдение или даже противоречие действующему уголовно-процессуальному законодательству карается по всей строгости.

Одним из первых долгов следователя при обыске состоит не только в том, чтобы не допускать не вызывающиеся необходимостью повреждения в обыскиваемом помещении или ином месте, но и по возможности ликвидировать созданный им в процессе обыска беспорядок: разместить книги на полках или стеллажах, аккуратно сложить осмотренную одежду, белье, обувь и т.д. Следователь обязан, как о том уже упоминалось, принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого он производился, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц. Обстоятельства частной жизни, личная и семейная тайна могут быть выявлены при осмотре и изучении в процессе обыска различных дневниковых записей, писем лиц, занимающих обыскиваемое помещение,

или им адресованных, медицинских документов, рецептов, в результате обнаружения отдельных предметов. Для обеспечения неоглашения этих обстоятельств, следователь прежде всего не должен акцентировать внимание участников обыска и понятых на таких документах или предметах, если, разумеется, они не имеют отношения к расследуемому делу и не подлежат изъятию. Для этого же следователю необходимо не только разъяснить участвующим и присутствующим лицам правовую и нравственную недопустимость такого оглашения, но и в отдельных случаях, исходя из конкретной ситуации, отобрать от них подписку в порядке ст. 161 УПК о неразглашении данных предварительного следствия с предупреждением об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ [6]. Серьезным условием обеспечения неразглашения таких обстоятельств является привлечение к обыску в качестве понятых граждан, не знакомых с обыскиваемым и другими проживающими в данном помещении лицами.

Законодатель в УПК не предусмотрел дефиницию, которая бы регулировала проникновение сотрудников ОВД в жилое помещение и проводить там следственное действие – обыск. Данное отсутствие нормы порождает невозможность создание единообразной системы и координации действий в проникновение в помещения, что опять же приводит к жалобам со стороны защиты, непризнание полученных вещественных доказательств и прочие моменты, которые препятствуют продвижению дела. Однако, в научных трудах некоторых процессуалистов существуют ряд тактических приемов и способов эффективного проникновения. Остановлюсь поподробнее на некоторых особенностях [4, с.512]:

1. В статье речь идет об обыске и здесь важна *внезапность* при проникновении. Связано это с тем, чтобы преступные лица не смогли заранее спрятать или уничтожить какие-либо предметы или средства, представляющую собою важную информацию для уголовного производства.

2. Принудительное вхождение (проникновение) в помещение предполагает *разрушение* дверей, стен или окон. Оперативная группа должна заранее продумать и максимально сократить время на преодоление данных преград, чтобы лица не смогли сокрыть следы преступления.

3. Весьма самым важным является *способ* проникновения. Для этого необходимо учитывать массу факторов: количество лиц, которые находятся в помещении и их оказываемое сопротивление; возможность использование оружия данными лицами; достоверность в безопасности вхождения; минимизация повреждений имущества и многое другое. Подготовительная часть выбора способа проникновения влияет не только на сохранность вещественных доказательств, но прежде всего на безопасность сотрудников.

4. До этого говорилось про проникновение в помещение где присутствуют лица. А как же быть если в помещении отсутствуют проживаю-

щие в нем люди? Опять же в действующем УПК РФ ничего про это не сказано. Как считает А.В. Победкин в случае невозможности выполнить требования ч. 11 ст. 182 УПК РФ [1] достаточно будет обеспечить присутствие представителя жилищно-эксплуатационной организации [2, с.280]. Другие же авторы, Р.С. Белкин и О.А. Луценко считает, что также еще обязательно присутствие представителя местного самоуправления [5, с.63]. Все эти требования связаны с сохранностью имущества, с сохранением вещественно-доказательной базы, а также с отсутствием жалоб со стороны собственников и проживающих лиц в обыскиваемом помещении. Данный аспект также можно отнести к тактическим особенностям, так как отсутствие собственников в помещении требует дополнительных мер для вхождения и для проведения следственных действий.

5. *Законность*. Под этой тактической особенностью понимается соблюдение всех законных условий и средств вхождения: наличие судебного решения; полная и достоверная информация об нахождение нужных для уголовного дела объектов и тому подобное. Отклонение от норм, а именно, регламентированного порядка производства обыска в жилом помещении влечет за собой, как минимум непринятие судом вещественных доказательств, а как максимум привлечение к уголовной ответственности оперативных сотрудников.

Тактика является весьма важным фактором, так как при соблюдении всех правил и учета каких-либо тонкостей зависит разрешение уголовного дела. Перечисленные мною особенности не являются исчерпывающими, опять же стоит учесть индивидуальный подход к делу.

Таким образом мы видим, что возникает масса вопросов в практическом плане при осуществление проникновения в помещения. Совершенствование законодательной базы в данной области процесс достаточно сложный и долгий, так как уровень преступности становится более мобильным и разносторонним. Грамотное применение тактики с соблюдением предписаний закона – является идеальным соотношением, к которому должны стремиться правоохранительные органы.

Литература

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 07.10.2022).
2. Безлепкина Б.Т. Победкин А. В: Краткое пособие для следователя и дознавателя. М.: Проспект, 2011. 280 с.
3. Кутуев Э. К., Чабукиани О.А.: Есть ли законодательное закрепление права следователя на проникновение в жилище? // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4.
4. А. Г. Филиппова. Криминалистика. Углубленный курс учебник / под. общ. ред. А.Г. Филиппова. М.: ДГСК МВД России, 2012. 512 с.

5. Луценко О. А.: Обыск и выемка. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов н/Д: Феникс, 2016. 63 с.
6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 24.09.2022)

CRIMINAL PROCEDURAL REGULATION OF FORCED ENTRY INTO A DWELLING DURING A SEARCH

Markov A.D.

Bauman Moscow State Technical University

The relevance of this article is due to the fact that with forced entry into a residential area, the rights of the individual are often violated in practice, thereby giving rise to conflict situations. As mentioned above, a dwelling or other premises (hereinafter referred to as the premises) is the most difficult object of a search. Also, the article analyzes the effectiveness and tactical feature of forced entry into a dwelling, since we are talking about a search, which is the most common means of obtaining evidence in the investigation of criminal cases and a tactically competent explanation of the essence of the provisions of the Criminal Procedure Code to the persons who are

being searched. In many ways, it can optimize both the situation at the place of its conduct and the detection by the investigator of the objects he is looking for..

Keywords: search, investigative action, forced entry, residential premises, Criminal Procedure Code.

References

1. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 18.12.2001 N174-FZ (as amended on 07.10.2022).
2. Bezlepkin B.T. Pobedkin A.V.: A brief guide for the investigator and inquirer. M.: Prospect, 2011. 280 p.
3. Kutuev E. K., Chabukiani O.A.: Is there a legislative consolidation of the investigator's right to enter the dwelling? // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No.4.
4. A. G. Filippova. Criminalistics. Advanced course textbook / under the general editorship of A.G. Filippov. M.: DGSK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012. 512 p.
5. Lutsenko O. A.: Search and seizure. Procedural order, tactics and evidentiary value. Rostov n/A: Phoenix, 2016. 63 p.
6. "Criminal Code of the Russian Federation" dated 13.06.1996 N63-FZ (as amended on 24.09.2022)

Практические предпосылки необходимости совершенствования нормативной основы деятельности кассационных судов общей юрисдикции

Мартынова Светлана Владимировна,
аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Московский гуманитарный университет
E-mail: bellixvost@mail.ru

Автором статьи затронут вопрос эффективности функционирования судов общей юрисдикции, в первую очередь, затрагивающий аспект пересмотра судебных решений (приговоров) на стадии кассационного рассмотрения.

Предметом настоящего исследования является нормативные положения, определяющие основания для пересмотра судебных решений в кассационном порядке. Категоризация предмета стала причиной для определения конечной цели изучения свойств кассационного производства. В частности, одной из таких стал анализ пробелов действующего законодательства по части процессуальной устойчивости положения участников производства, а также ряда оснований, предусмотренных для обращения в кассационные суды общей юрисдикции. Результатом исследования стал вывод о необходимости внесения законодательных корректив, позволяющих, с одной стороны расширить полномочия кассационных инстанций, с другой, повысить их эффективность в вопросах пересмотра решений, вступивших в законную силу.

Ключевые слова: судебная власть, полномочия, приговор, уголовное законодательство, правовая коррекция.

Несмотря на констатацию представителей высших эшелонов власти о реализации одной из эффективных моделей судебной системы за последнее время, отечественное правосудие продолжает утрачивать доверие со стороны граждан, а также демонстрировать, что создание качественного судебного механизма – задача, требующая отхождения от тех принципов, которые ранее использовались при отправлении судопроизводства. Законодательное видение данного вопроса, как правило, сопровождается утверждением о необходимости проведения существенных преобразований, в то время, как эссенция данных преобразований не всем ясна, да и не совсем обоснована.

Особую актуальность, в свете запрашиваемых преобразований, приобретает состояние конкретных судебных линий производства, так называемые основные начала процессуального синтеза, где зарождается судебная правда и обрекается в форму истины.

Судебная реформа 2019 года[2] имела своей целью усилить эти линии, дифференцировав при этом полномочия судов таким образом, чтобы предусмотренное законом вмешательство в уже вступившие в законную силу решение или приговор, не оставляло вопросов в объективности внесенных корректив, а также создавало предпосылки к созданию более предметной и актуальной судебной практики. Более того, предполагалось, что вносимые коррективы, в первую очередь, позволять существенно «разгрузить» суды (речь идет о региональных судах) общей юрисдикции по части проведения кассационных рассмотрений, а также повысить надзорное влияние на отправляемое правосудие. Однако, как показала практика, сформированная структура добавила ряд вопросов, разрешение которых, как оказалось, невозможно без надлежащего законодательного вмешательства.

Условно, проблемность этих вопросов стала реальной по двум причинам: отсутствие должного опыта в вынесении решений, предопределяющих прежде всего право судебного усмотрения, предусматривающего отмену предыдущего вердикта, а также противоречивость судебной практики в различных регионах страны[1].

Как следствие, Верховный суд РФ, выпуская ежеквартальные обзоры, нередко ставил вопрос о соответствии вынесенных решений действующему законодательству, одновременно с этим подмечая, что характер ошибок, допускаемых судьями, по своей природе, идентичен. Отдельное внимание в этой оценке уделялось моментам, связанным с отсутствием у судов кассационных инстанций по-

всеобщей заинтересованности в том, чтобы более предметно оценивать положение участников процесса, а также учитывать анализировать законодательные просчеты, которые, как было справедливо отмечено, становились объектом обсуждения только после того, как окончательное решение по делу выносил именно Верховный Суд РФ[3].

Так, автор диссертационного исследования «Судебная власть в современном демократическом государстве» И.В. Дикова отмечает, что, несмотря на сложившуюся практику в сфере реализации уголовного законодательства, судами, выносящим приговоры, по-прежнему совершаются ошибки, последствия которых нередко приводят к прямому нарушению прав и свобод человека. Особенно уязвимой зоной действия уголовных законов в спектре теоретико-правового исследования признается институциональная область реализации норм на стадии именно кассационного производства, регулирующих вопросы пересмотра судебных решений (приговоров), вступивших в законную силу[4].

Между тем, поднимая вопрос о качественности отечественного правосудия, мы нередко смотрим на вопрос разрешения возникающих задач и проблем с точки зрения именно соблюдения норм закона, и это, с учетом требований самого закона, является фундаментальным принципом всего правового регулирования. Однако, действующие правовые положения не всегда позволяют расчетливо и правильно применять эти нормы, поскольку их природное происхождение, сущность, логико-правовое строение (особенно если рассматривать их реализацию в совокупности с другими положениями закона) нередко ставят правоприменителей в тупик, и вынуждают суды идти по пути самовольного трактования, вследствие чего представители фемиды допускают уже необоснованные нарушения в процессе.

Так, согласно положениям Уголовно-процессуального Кодекса РФ[8] (далее по тексту – Кодекс), вступившие в законную силу приговоры могут быть пересмотрены в рамках двух видов производств – кассационного и надзорного, о чем гласит ст. 19 настоящего Кодекса[7]. Положениями главы 47.1 данного Кодекса предусматривается порядок обжалования (пересмотра) вступивших в законную силу приговоров, по указанным в настоящей главе Кодекса основаниям.

Первым безусловным фактором негативного влияния, образующим сложность, возникающую при рассмотрении вступивших в законную силу приговоров, является неконкретизированность действующих положений, а именно как раз вышеупомянутых оснований, в особенности тех, которые, по логике законодателя, формируют последствия для отмены приговора.

Согласно статье 401.15 Кодекса, содержащей исчерпывающий перечень оснований (причин) при выявлении которых на стадии кассационной инстанции решение (приговор, определение или постановление) нижестоящей судебной инстанции

может быть отменено или изменено, имеются такие, как – существенные нарушения требований уголовного законодательства, повлиявшие на исход дела, а также получение данных, указывающих на невыполнение лицом обязательств, предусмотренных действующим досудебным соглашением[9]. При этом, на стадии кассационного обжалования, к таким основаниям отнесены: устранение обстоятельств, связанных с подачей ходатайства обвиняемого и (или) его защитника о желании участвовать в процессе, если они не могут присутствовать по причине нахождения за рубежом. Вместе с тем, приговор, постановление или определение может быть отменено, если в ходе изучения материалов уголовного дела было установлено, что в действиях осужденного усматривались признаки более тяжкого преступления, нежели того, за какое он был осужден.

И если основания, указанные в частях 2 и 3 статьи 401.15 УПК РФ не вызывают у юристов и теоретиков особых претензий, поскольку такие основания в практике применяются судами крайне редко, то основание, цитируемое, – как существенное нарушение норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, – давно уже подвергает флуктуации уголовно-процессуальное пространство в силу следующего.

Что примечательно, в настоящий момент, ни судами, ни прокуратурой, ни кем из тех, кто, так или иначе, осуществляет формирование идеологии законного влияния на протекающие процессы уголовного судопроизводства, не принимаются меры к выработке терминологически конкретизированных дефиниций, позволяющих однозначно истолковывать обстоятельство нарушения уголовно-процессуального или уголовного закона, как непременно существенное.

Разрешение такого вопроса, чаще всего, находится в плоскости верной оценки представленных доказательств по уголовному делу, поэтому правовая основа для формирования вывода о существенности выявленного нарушения, находится в рамках реализации своих полномочий на указанную оценку должностными лицами, к которым согласно ч. 3 ст. 88 УПК РФ относятся только следователь, прокурор или дознаватель. Кроме того, суд, наравне с указанными должностными лицами, также дает оценку доказательствам непосредственно в ходе судебного разбирательства, и, по практике, редко признает те или иные нарушения УПК РФ (даже если факт нарушения носит очевидный характер) значительными изначально. Следовательно, мнение судьи в данном вопросе считается окончательным и может нивелировать любое нарушение процессуального алгоритма, если оно, по его личному видению, не мешает признавать доказательство допустимым, а права обвиняемого и защитника ненарушенными.

Такое положение дел, по логике применения норм закона, считается самым непредсказуемым с точки зрения рассмотрения дела на указанных стадиях, поскольку, таким образом, в процессе су-

дья становится не просто применителем закона, а в какой-то части его толкования – даже законодателем.

Не смог разрешить проблему определения существенности нарушения и Верховный Суд РФ, чье право на толкование норм в таких случаях согласно статье 126 Конституции РФ[5] должно было, по мнению многих ученых, трансформироваться в действительно предметное понимание того, – в каких случаях сторона в процессе (а это чаще всего сторона защиты) может рассчитывать на признание правоты, если их права так или иначе затронуты другой стороной подобными явлениями в практике. Однако, действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», регулирующих производство в суде кассационной инстанции», не содержит конкретики по данному вопросу, косвенное отношение решение о признании нарушения в ходе производства существенными или несущественными к правомочию судьи[6].

Следует отметить, что Верховный суд в целом ряде судебных решений нарушал собственную логику, каждый раз указывая на существенность тех или иных нарушений (или не отмечая их наличие), применяя при этом разные, зачастую противоречащие друг другу принципы уголовного судопроизводства, тем самым, только усиливая позицию о том, что дифференциация нарушений на существенные и на несущественные в уголовном законодательстве отсутствует, то есть, не опирается на понятные и предметные очертания (признаки нарушений), а является прерогативой судебного органа, при этом такое видение, опять же как показывает практика, может быть основано на исключительно субъективном приоритетном толковании не только норм, но и обстоятельств по делу.

Вторым значимым признаком (условием) рассматриваемого нормативного положения, формирующим рассматриваемое основание, является упоминание о том, что существенным нарушением может быть такое нарушение, которое оказало влияние на исход дела. Здесь логика законодателя представляется нам расплывчатой и, априори, может поставить судью, который будет рассматривать дело по существу, в положение невозможности разрешения вопросов, связанных с предотвращением нарушения норм УПК и УК РФ в ходе процесса не только со стороны его участников, но и со стороны самого суда, так как предугадать, – какое нарушение нужно признавать существенным, – невозможно.

К примеру, в ходе судебного заседания будет установлено, что в протоколе осмотра (в ходе которого была получена главная улика – оружие) нет подписи понятого, а допросить его об обстоятельствах проведения и результатах проводимого процессуального действия, в котором, он, якобы, принимал участие, суд не имеет возможности. Рас-

сматриваемый протокол, по мнению стороны защиты, является недопустимым доказательством, однако, сторона обвинения, осознавая, что протокол изъятия пистолета является главным (ключевым) доказательством обвинения, настаивает на обратном.

Такое положение дел ставит суд в затруднительное положение, которое образуется по причине того, что с одной стороны суд, не имея права игнорировать факт нарушения закона, фиксирует это в протоколе, с другой стороны Суд должен разрешить вопрос допустимости такого протокола в качестве доказательства и решать насколько такое упущение является существенным для разрешения дела.

Таким образом, пересмотр или изменение судебных решений по приведенному основанию на стадии кассационного производства находится в зависимости от субъективного взгляда конкретного представителя судебного органа, что ставит вопрос об объективности действия вышеуказанных положений на чашу весов, где идея законодателя формирует в правовом пространстве ретроспективу возвращения к идее «свободного» правосудия, когда судебный чиновник исключительно надзорного или кассационного уровня, используя правовое несовершенство может отклонить очевидный факт нарушения требований закона, при этом, что в самих законах такие нарушения рассматриваются как недопустимые.

Литература

1. Бааджи К.М. Судебная реформа 2019 года – плюсы и минусы / К.М. Бааджи // Студенческий вестник. – 2021. – № 25–1(170). – С. 40–42.
2. Власенко П.А. Процессуальная реформа в России 2019 года: параллели с судебной реформой 1864 года / П.А. Власенко, А.В. Горбушина // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 08–09 июня 2020 года / Ред. колл.: к.ю.н., доцент П.Н. Дурнева, к.ю.н., доцент Ю.Н. Шаповалов; Пятигорский гос. ун-т. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного университета, 2020. – С. 249–258.
3. Демкина А.В. Новая судебная система РФ: ее положительные стороны и проблемы / А.В. Демкина, П.В. Шаповал // Проблемы современных интеграционных процессов и поиск инновационных решений: сборник статей Международной научно-практической конференции, Стерлитамак, 12 декабря 2020 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2020. – С. 46–49.
4. Дикова И.В. Судебная власть в современном демократическом государстве: дисс...канд. юрид.наук. Специальность: 12.00.01: Теория государства и права; история учений о государстве и праве. Москва, 2021. 228 с.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 N19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Российская газета. N142. 03.07.2019.
7. См. ст. 19 УПК РФ, согласно части 2 которой, каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45.1, 47.1, 48.1 и 49 настоящего Кодекса.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. N52 (ч. I), ст. 4921.
9. Федеральный закон от 03.07.2016 N322-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. N27 (часть II). ст. 4255.

PRACTICAL PREREQUISITES FOR THE NEED TO IMPROVE THE REGULATORY FOUNDATION FOR THE ACTIVITY OF THE COURTS OF CASSATION OF GENERAL JURISDICTION

Martynova S.V.

Moscow University for the Humanities

The author of the article raised the issue of the effectiveness of the functioning of the courts of general jurisdiction, primarily affecting the aspect of the revision of court decisions (verdicts) at the stage of cassation consideration.

The subject of this study is the regulations that determine the grounds for reviewing court decisions in cassation. The categorization of the subject has become the reason for determining the ultimate goal of studying the properties of the cassation proceedings. In particular, one of these was the analysis of the gaps in the current legislation regarding the procedural stability of the position of the participants in the proceedings, as well as a number of grounds provided for applying to the courts of cassation of general jurisdiction.

The result of the study was the conclusion that it is necessary to introduce legislative amendments, allowing, on the one hand, to expand the powers of the cassation instances, on the other hand, to increase their effectiveness in revising decisions that have entered into force.

Keywords: judiciary, powers, sentence, criminal law, legal correction.

References

1. Baadzi K.M. Judicial reform in 2019 – pros and cons / K.M. Baadzi // Student Bulletin. – 2021. – No. 25–1(170). – S. 40–42.
2. Vlasenko P.A. Procedural reform in Russia in 2019: parallels with the judicial reform of 1864 / P.A. Vlasenko, A.V. Gorbushina // Actual problems of justice and law enforcement: Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference, Pyatigorsk, June 08–09, 2020 / Ed. Colleagues: Candidate of Law, Associate Professor P.N. Durneva, Ph.D. in Law, Associate Professor Yu.N. Shapovalov; Pyatigorsk state. un-t. – Pyatigorsk: Publishing House of Pyatigorsk State University, 2020. – P. 249–258.
3. Demkina A.V. The new judicial system of the Russian Federation: its positive aspects and problems / A.V. Demkina, P.V. Shapoval // Problems of modern integration processes and the search for innovative solutions: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, December 12, 2020. – Ufa: Limited Liability Company “OMEGA SCIENCE”, 2020. – P. 46–49.
4. Dikova I.V. Judicial power in a modern democratic state: diss ... candidate of legal sciences. Specialty: 12.00.01: Theory of state and law; history of the doctrines of the state and law. Moscow, 2021. 228 p.
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // The official text of the Constitution of the Russian Federation, including the new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People’s Republic, the Lugansk People’s Republic, the Zaporizhzhia region and the Kherson region, published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 N19 (as amended on June 29, 2021) “On the application of the norms of Chapter 47.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation governing proceedings in the court of cassation” // Rossiyskaya Gazeta. N142. 07/03/2019.
7. See art. 19 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, according to Part 2 of which, each convicted person has the right to review the sentence by a higher court in the manner prescribed by Chapters 45.1, 47.1, 48.1 and 49 of this Code.
8. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation” of December 18, 2001 N174-FZ (as amended on October 7, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. December 24, 2001. N52 (part I), art. 4921.
9. Federal Law of 03.07.2016 N322-FZ “On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the issue of improving the procedure for legal proceedings when concluding a pre-trial agreement on cooperation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 07/04/2016. No. 27 (Part II). Art. 4255.

Необходимость доказывания ущерба при рассмотрении корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной

Третьяков Роман Вадимович,

аспирант, кафедра арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
E-mail: roman.tretyakov.97@mail.ru

Предметом настоящего исследования является доказывание обстоятельств, необходимых для признания крупной сделки недействительной в рамках корпоративного спора. При этом целью работы является обоснование необходимости доказывания ущерба при рассмотрении корпоративного спора о признании крупной сделки недействительной. Методологическая основа включает в себя применение в рамках настоящего исследования таких методов как метод анализа и синтеза, логико-юридический и формально-юридический методы. Во время исследования была определена сущность понятий конфликта и корпоративного конфликта; изучено, какие обстоятельства, указывающие на качественный критерий крупной сделки, должен доказывать истец; проанализирована актуальная судебная практика; выявлены трудности, с которыми может столкнуться истец в деле о признании крупной сделки недействительной. В конце исследования автор делает вывод, что арбитражные суды в анализируемой категории споров склонны проявлять формальный подход, при котором фактически нарушаются процессуальные права истцов, поскольку им зачастую трудно доказать обстоятельства, на которые они ссылаются. В связи с этим предлагается ввести дополнительную презумпцию, которая способна облегчить истцу бремя доказывания.

Ключевые слова: крупная сделка; корпоративный конфликт, ущерб, обязанность доказывания.

Корпоративный спор о признании крупных сделок недействительными возникает тогда, когда между участниками корпорации существуют определенные разногласия по вопросам ведения хозяйственной деятельности общества. Другими словами, корпоративный спор является следствием корпоративного конфликта.

В научной среде понятие «конфликт» достаточно подробно рассматривается учеными. Так, конфликт можно понимать как в широком, так и узком смысле. В широком смысле конфликт определяется как форма общественных отношений, в которых стороны занимают противоположные позиции по отношению к предмету их интересов. В узком смысле, конфликт – это разновидность социального взаимодействия, характеризующаяся прямым столкновением участников[7].

Исходя из обозначенных выше формулировок, можно выделить следующие признаки конфликта:

- 1) Наличие противоположных позиций участников конфликта;
- 2) Наличие общего предмета интереса у сторон конфликта;
- 3) Объективный или субъективный характер возникновения конфликта.

Корпоративный конфликт имеет свои особенности, выражающиеся в субъектном составе такой разновидности конфликтов. В данном случае речь идет об участниках корпоративных отношений. Предметом корпоративного конфликта в данном случае является хозяйственная и управленческая деятельность той или иной корпорации, что вытекает из смысла п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

Несмотря на то, что элементы корпоративного конфликта достаточно легко определить, тем не менее, в науке складываются различные подходы к определению его содержания. Например, Е.И. Николгорская под корпоративным конфликтом понимает конфликт, основанный на коллизии прав и интересов участников общества, который выражается в обоюдных взаимоисключающих действиях[8]. Экономисты определяют корпоративный конфликт как совокупность разногласий, возникающих как между самими участниками корпорации, так и между участниками и управляющим звеном. Похожее определение дают разработчики Кодекса корпоративного поведения, понимая под корпоративным конфликтом любое разногласие внутри акционерного общества между самими акционерами, между менеджментом и акционерами, которые могут повлиять на деятельность акционерного общества[5].

Таким образом, существование конфликтов в корпорации обусловлено набором разных и зачастую противоположных интересов участников корпоративных отношений. Корпоративный конфликт является одной из основ современных экономических отношений не только в России, но и зарубежом. При этом корпоративный конфликт может быть эффективен тогда, когда стороны готовы дальше развивать инвестиционные и иные экономические отношения, поскольку в данном случае результатом конфликта может быть подписание мирового соглашения или корпоративного договора. Данными документами может быть установлен правовой режим активов стороны, при котором сохраняется и активизируется гражданский оборот, что проявляется, например, в увеличении прибыли корпорации, и, следовательно, прибыли ее участников, росте количества рабочих мест, росте налогооблагаемой базы и так далее.

Однако, реальность современных корпоративных отношений показывает, что далеко не всегда, стороны готовы мириться с интересами друг друга, в результате чего они вовлекаются в долгий и убыточный конфликт, от чего может пострадать их имущественное положение. Корпоративный конфликт в данном случае может перейти уже в правовую плоскость, приобретая форму корпоративного спора, предусмотренного ст. 225.1 АПК РФ. Одной из категорий данного спора является спор о признании крупной сделки недействительной.

В соответствии со ст. 78 Федерального закона «Об акционерных обществах» [1] и ст. 46 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] под крупной сделкой понимается одна или несколько взаимосвязанных сделок, выходящих за пределы обычной хозяйственной деятельности. При этом сделка признается крупной, если она включает в себя количественный и качественный критерии.

Количественный критерий крупной сделки заключается в том, что стоимость отчужденного актива должна превышать 25 процентов балансовой стоимости всех активов, определенной на последнюю отчетную дату. Качественный критерий крупной сделки должен указывать на то, что сделка выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности, т.е. совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов.

Несмотря на величину активов, которые включаются в крупную сделку, законодательная возможность ее заключения помогает расширять бизнес, делать его более крупным и масштабным в случае добросовестных намерений сторон. Например, хозяйственному обществу, для расширения своей экономической деятельности может понадобиться закупить большое количество оборудования или объект недвижимости. В перспективе такие действия могут быть следствием увеличения прибыли общества и его благосостояния его участников. Вместе с тем, в корпорации мо-

гут быть участники, которые могут посчитать, что общество не получит от крупной сделки прибыль или участник, у которых имеются другие интересы в отношении предмета сделки. Таким образом, существует риск того, что эти участники могут обратиться с исковым заявлением в арбитражный суд о признании такой сделки недействительной зачастую с намерением воспрепятствовать деятельности общества. Кроме того, для общества может быть опасен не только сам корпоративный спор, но и, например, обеспечительные меры, предусмотренные 91 АПК РФ.

С другой стороны, участники сделки, заключая крупную сделку, могут преследовать вовсе не добросовестные цели. У них может возникнуть намерение совершить незаконное отчуждение имущества и общества, ввергнув его и других участников корпоративных отношений в убытки, что может в дальнейшем привести к введению процедуры банкротства.

В связи с вышеизложенным, для участников корпоративных отношений, которые выступают ответчиками в корпоративном споре о признании крупной сделки недействительной, необходимо определенные процессуальные правовые гарантии, которые помогут сохранить корпорации как часть гражданского оборота. По-нашему мнению, чтобы такие гарантии появились, необходимо ответить на вопрос, какие обстоятельства необходимо доказывать в арбитражном суде.

Согласно законодательству о крупных сделках и разъяснениям ВАС РФ, для того, чтобы признать крупную сделку недействительной необходимо доказать следующие обстоятельства:

- 1) Наличие количественного критерия крупной сделки, который заключается в том, что стоимость отчужденного актива должна превышать 25 процентов балансовой стоимости всех активов, определенной на последнюю отчетную дату.
- 2) Наличие качественного критерия крупной сделки должен указывать на то, что сделка выходит за пределы обычной хозяйственной деятельности, т.е. совершение сделки приведет к прекращению деятельности общества или изменению ее вида либо существенному изменению ее масштабов.
- 3) Наличие нарушения порядка одобрения крупной сделки.
- 4) Другая сторона по крупной сделке знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой.

Вышеобозначенные критерии были окончательно введены Федеральным законом от 03.06.2016 г. № 343-ФЗ[3], в результате чего они стали обязательными элементами при квалификации крупных сделок в корпоративных спорах. В настоящий момент судебная практика строится на образовавшемся правовом механизме, и в случае если не получится квалифицировать сделку как крупную, суд отказывает в удовлетворении заявления истца об оспаривании сделки.

Разъяснения для арбитражных судов в отношении механизма оспаривания крупных сделок были включены в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» [4].

При анализе законодательной базы и судебной практики по корпоративным спорам мы обнаружили, что стороны зачастую не стремятся доказывать ущерб от крупной сделки, который возможно был причинен обществу. Более того, современная судебная практика идет по пути отказа от обязательного доказывания ущерба от крупной сделки. Так, Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) в своем Определении № 302-ЭС21–2989 от 6 июля 2021 г., подчеркивая необходимость доказывания обстоятельств, квалифицирующих сделку как крупную, указывает, что согласно пункту 18 Обзора для признания крупной сделки недействительной не требуется доказывать наличие ущерба обществу в результате совершения такой сделки, поскольку достаточно того, что сделка являлась крупной, не была одобрена и другая сторона знала или заведомо должна была знать об этих обстоятельствах [9]. Таким образом, ВС РФ фактически лишил истцов возможности доказывать вредность крупной сделки для корпорации.

По нашему мнению, такая тенденция приведет не только к нарушению прав и законных интересов участников корпоративных отношений, но и к бессмысленности способа защиты свои прав путем оспаривания крупных сделок. Проблема усугубляется и тем, что п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» возложил бремя доказывания того, что сделка вышла за пределы обычной хозяйственной деятельности, на истца. Последний, в свою очередь, при доказывании данного обстоятельства, ограничен в возможностях доказывания, поскольку не имеется эффективных правовых способов получения информации о хозяйственной деятельности корпорации. Кроме того, арбитражные суды склонны формально оценивать обстоятельства совершения крупной сделки.

Игнорирование обстоятельств ущерба, которые могут сыграть ключевую для оспаривания крупной сделки, способно привести не только к неправильному и применению норм и оценке обстоятельства арбитражными судами, но и нарушению статьи 65 АПК РФ.

На наш взгляд, снизить актуальность проблемы доказывания при оспаривании крупной сделки поможет возможность введения презумпции причинения вреда обществу данной сделкой, согласно которой ответчик обязан опровергнуть обстоятельство того, что сделкой был причинен вред хозяйственному обществу. Такая презумпция будет способствовать наиболее полному рассмотрению арбитражными судами корпоративных споров по оспариванию крупных сделок, поскольку

у ответчика возникает мотивация предоставлять необходимую документацию, включая гражданско-правовые, платежные поручения, бухгалтерские документы и так далее.

Литература

1. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – ст. 1.
2. Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. – 16.02.1998. – № 7. – ст. 785.
3. Федеральный закон от 03.07.2016 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Собрание законодательства РФ. – 04.07.2016. – № 27 (часть II). – ст. 4276.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета». – № 145. – 06.07.2018.
5. Распоряжение ФКЦБ РФ от 04.04.2002 № 421/р «О рекомендации к применению Кодекса корпоративного поведения» (вместе с «Кодексом корпоративного поведения» от 05.04.2002) // СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 23.11.2022).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета». – № 145. – 06.07.2018.
7. Боженко В.А. Определение понятия «Конфликт» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2.
8. Никологорская Е.И. Урегулирование корпоративных конфликтов в акционерных правоотношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7.
9. Определение ВС РФ № 302-ЭС21–2989 от 6 июля 2021 г.

THE NECESSITY TO PROVE DAMAGE WHEN CONSIDERING A CORPORATE DISPUTE ON THE RECOGNITION OF A MAJOR TRANSACTION AS INVALID

Tretyakov R.V.
Saratov State Law Academy

The subject of this study is to prove the circumstances necessary for the recognition of a major transaction as invalid in the framework of a corporate dispute. At the same time, the purpose of the work is to substantiate the need to prove damage when considering a corporate dispute on the recognition of a major transaction as invalid. The

methodological basis includes the use of such methods as the method of analysis and synthesis, logical-legal and formal-legal methods within the framework of this study. During the research, the essence of the concepts of conflict and corporate conflict was determined; it has been studied which circumstances indicating the qualitative criterion of a large transaction should be proved by the plaintiff; current judicial practice has been analyzed; difficulties that the plaintiff may face in the case of invalidation of a large transaction have been identified. At the end of the study, the author concludes that arbitration courts in the analyzed category of disputes tend to take a formal approach, in which the procedural rights of plaintiffs are actually violated, since it is often difficult for them to prove the circumstances to which they refer. In this regard, it is proposed to introduce an additional presumption that can ease the burden of proof for the plaintiff.

Keywords: A major transaction; corporate conflict, damage, the duty of proof.

References

1. Federal Law of December 26, 1995 N208-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Joint-Stock Companies" (as amended and supplemented, effective from July 13, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 01.01.1996. – No. 1. – art. one.
2. Federal Law of February 8, 1998 N14-FZ (as amended on July 2, 2021) "On Limited Liability Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 16.02.1998. – No. 7. – art. 785.
3. Federal Law No. 343-FZ dated 03.07.2016 "On Amendments to the Federal Law "On Joint Stock Companies" and the Federal Law "On Limited Liability Companies" in Regulating Major Transactions and Transactions of Interest" // Collection of legislation of the Russian Federation. – 07/04/2016. – No. 27 (part II). – Art. 4276.
4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 26, 2018 No. 27 "On challenging major transactions and transactions in which there is an interest" // Rossiyskaya Gazeta. – No. 145. – 07/06/2018.
5. Decree of the Federal Commission for the Securities Market of the Russian Federation dated 04.04.2002 No. 421/r "On the recommendation for the application of the Corporate Conduct Code" (together with the "Code of Corporate Conduct" dated 04/05/2002) // SPS Consultant Plus (Date of access: 11/23/2022).
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 26, 2018 No. 27 "On challenging major transactions and transactions in which there is an interest" // Rossiyskaya Gazeta. – No. 145. – 07/06/2018.
7. Bozhenko V.A. Definition of the concept of "Conflict" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2000. No. 2.
8. Nikologorskaya E.I. Settlement of corporate conflicts in joint-stock legal relations // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2007. No. 7.

Оперативно-розыскная и процессуальная деятельность органов внутренних дел как правовое средство воздействия на преступность

Чичерин Юрий Семенович,

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России
E-mail: Chicherin_54@mail.ru

Федюкина Анна Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: Fedyukina.a@mail.ru

В представленной статье, с научной точки зрения, проанализирована работа оперативных подразделений органов внутренних дел. Приведены данные статистики, выступления Президента Российской Федерации, мнения ученых по рассматриваемому вопросу. На основе показателей раскрываемости преступлений, авторы статьи постарались охватить комплекс проблем, с которыми сталкиваются оперативные службы органов дознания. Проведена параллель между состоянием преступности и эффективностью оперативно-розыскной деятельности. Поставлена проблема совмещения полномочий оперативного сотрудника с процессуальной деятельностью, осуществляемой в ходе проверки сообщений о преступлениях. Рассмотрен вопрос совершенствования взаимодействия оперативно-розыскных органов с населением, закрепление правового положения лиц, оказывающих на безвозмездной или возмездной основе содействия в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений. Предложены пути совершенствования деятельности оперативных подразделений при проверке сообщений о преступлениях, в связи с чем, намечена необходимость дальнейшего правового регулирования действий оперативных служб в борьбе с преступностью.

Ключевые слова: органы внутренних дел, оперативно-розыскная деятельность, процессуальная деятельность, преступность, статистика, криминальная обстановка, профилактика, проверка, сообщения о преступлении.

Роль оперативно-розыскной и процессуальной деятельности трудно переоценить. В настоящее время они занимают главную нишу в борьбе с преступностью. Вместе с тем, приоритет оперативной работы над процессуальной заключается в том, что в арсенале должностных лиц, ее осуществляющих, содержится значительное количество средств и методов гласного и негласного характера. Так, в соответствии с положениями статьи 13 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «об ОРД»)[1], оперативные подразделения созданы в шести правоохранительных органах, в числе которых – органы внутренних дел Российской Федерации.

О качестве и результатах совместной деятельности оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел свидетельствуют данные статистики. Так, по данным МВД России за девять месяцев 2022 года общее количество преступлений, зарегистрированных на территории Российской Федерации, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 1,5%, в том числе тяжких и особо тяжких – на 5,3% [2]. Вместе с тем, криминальная ситуация в России остается достаточно сложной и напряженной.

Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в числе наиболее значимых задач, стоящих перед сотрудниками органов внутренних дел, обозначил активную наступательную борьбу с криминалом. Он напомнил об изменениях, произошедших в Федеральном законе «О полиции», благодаря которым, расширились полномочия сотрудников органов внутренних дел при получении сообщений о происшествиях и отметил, что это нужно эффективно использовать для оперативного раскрытия преступлений по горячим следам...[3].

Решение столь ответственной задачи, поставленной высшим должностным лицом государства перед органами внутренних дел, заставляет еще раз обратиться к теоретическим конструктам такого сложного социально-правового явления как преступность.

Во многом противодействие преступности происходит путем формирования уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, практики его применения, а также «путем реализации упреждающих государственных инициатив [4, с.15].

Как уже было отмечено, органы внутренних дел входят в уголовно-правовую систему, используя гласные и негласные формы и методы работы. Со-

гласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД» задачами оперативно-розыскной деятельности являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших.

Роль ОРД в выявлении преступлений, а также лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших трудно переоценить.

В современном мире нет государства, которое отказалось бы от скрытых форм и методов противодействия преступности, включая использование конфиденциального содействия, агентурной работы и др.

Закономерности преступной деятельности таковы, что абсолютное большинство преступлений, особенно тяжких носит замаскированный характер, готовятся тайно, при этом преступники применяют ухищрения и меры воспрепятствования правоохранительным органам. Как правило, это тяжкие и особо тяжкие деяния, совершаемые организованными преступными группами и лицами с устойчивой криминальной направленностью.

Необходимость осуществления оперативно-розыскных мероприятий предопределяется также существованием значительного количества преступных деяний, информация о которых по официальным каналам в силу объективных и субъективных причин в правоохранительные органы не поступает и «когда применение других правовых средств малоэффективно или недостаточно» [5, с. 215].

В механизме противодействия преступности зачастую решающим условием выступает применение имеющегося в арсенале органов внутренних дел наиболее «острого» инструмента – оперативно-розыскная деятельность, с помощью которой, происходит предотвращение и пресечение действий субъектов противоположной стороны. «Вся суть в том, чтобы свести все более или менее преступные толчки к минимуму» [6, с. 283].

На сотрудников оперативных подразделений приходится значительная часть работы по выявлению неочевидных, хорошо замаскированных преступлений. Использование оперативно-розыскных возможностей в противодействии преступности прослеживается в показателях раскрываемости преступлений.

Так, в 2021 году в Московской области общее количество зарегистрированных преступлений сократилось на 0,2%. Уменьшилось количество совершенных преступлений против личности на 0,7%, в том числе фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – на 15,7 [7].

Не менее важна деятельность оперативных подразделений в осуществлении розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания. В течение года в области всеми подразделениями органов внутренних дел было разыскано 1287 скрывающихся преступников. Из этого числа сотрудниками оперативных подразделений разыскано 731 или 56,8%.

Можно ли считать эти результаты приемлемыми и адекватными на современные криминальные вызовы и угрозы? Думается, что нет. Из общего количества преступлений в Московской области – 56628, раскрыто всего 37488, что составляет 66,2% [8].

Одной из причин сложившегося положения является чрезмерно возросший на уголовный розыск документооборот, большая доля из которого приходится на оформление процессуальных процедур в ходе проверочных действий на этапе рассмотрения сообщений о преступлениях в порядке установленном приказом МВД России от 29 августа 2014 года № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» [9].

Уравнивание оперативно-розыскных и процессуальных полномочий на стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд недопустимо и может создавать предпосылки для нарушений в этой сфере, что подтверждается данными Генеральной прокуратуры.

Так, за 8 месяцев текущего года, при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении прокурорами было выявлено 3589 362 нарушения, что на 1,4% превосходит показатели 2021 года [10].

По справедливому замечанию С.В. Супруна и С.А. Мирземетова: «Основания и процессуальный порядок вовлечения оперативного работника в производство следственного или иного процессуального действия при проверке сообщения и преступлении уголовно-процессуальным законом четко не определены» [11].

При этом, необходимо помнить, что согласно ч. 2 ст. 41 УПК РФ – невозможно проведение дознания тем лицом, которое проводит по этому же уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. В связи с этим, видится необходимость установления запрета по совмещению оперативными сотрудниками процессуальной проверки сообщений о преступлении и оперативно-розыскных мероприятий, что должно быть отражено в ст. 144 УПК РФ.

Принимаемые решения по противодействию преступности, разрабатываемые программы, вносимые изменения и дополнения в действующее законодательство, поиск наиболее эффективных мер наказания за совершенные преступления, ликвидация социально-экономического неравенства, как главного криминогенного фактора причин преступности являются традиционными в воздействии на преступность.

В последнее время перестали делаться прогнозы развития преступности, особенно долгосрочные и среднесрочные.

Анализы состояния преступности и прогнозы ее развития в регионах зачастую не имеют тесной привязки к социальным процессам, происходящим

сейчас в обществе, составляются без надлежащего научного (в первую очередь математического) обоснования.

Совершенствование правового регулирования выступает другим важным условием противодействия преступности. Накоплен огромный массив кодификационного материала в сфере оперативно-розыскной деятельности. Для оперативно-розыскного регулирования общественных отношений, представляется необходимым обратить внимание законодателей, ученых и практиков на авторский проект оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации, предложенный В.Ф. Луговиком [12, с. 96].

Интересны также и другие предложения по кодификации нормативного материала в «Оперативно-розыскной кодекс», «Кодекс РФ о деятельности специальных служб», «Оперативно-розыскной Устав», «Полицейский кодекс» и др.

Заслуживают внимания и предложения некоторых авторов о подготовке ведомственного, либо межведомственного нормативного правового акта, регламентирующего вопросы осуществления противодействия преступности путем их предупреждения, в котором нашли бы отражение задачи и компетенции оперативных подразделений и лиц осуществляющих ОРД в этих вопросах, предложены алгоритмы оперативно-розыскного предупреждения преступлений, организационно-методического обеспечения предупредительной работы.

Нельзя не отметить, что действующая правоприменительная практика не нацелена на приоритетное применение предупредительных мер. В правоохранительных органах сейчас отсутствуют специализированные подразделения и специально выделенные сотрудники, в обязанности которых входят вопросы исключительно оперативно-розыскной профилактики.

Невозможно обойти стороной, в связи с этим, и вопрос совершенствования взаимодействия оперативно-розыскных органов с населением, закрепление правового положения лиц, оказывающих на безвозмездной или возмездной основе содействия в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений в соответствии со ст. ст. 17, 18 ФЗ «Об ОРД».

Оперативная осведомленность и вклад граждан в оперативно-розыскное противодействие преступности, несмотря на реформаторские усилия последних лет, остается невысоким.

Возьмем на себя смелость предложить по всему спектру существующих сейчас проблем обозначенных и необозначенных в настоящей статье создать рабочую группу экспертов из числа ученых и практических работников для подготовки «дорожной карты» нормативно-правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности и разработки концептуальных основ предупредительной работы.

Только таким образом, по нашему мнению, с большей эффективностью можно решать сегодняшние задачи противодействия преступности

и обеспечить безопасности граждан Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Литература

1. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N144-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «Консультант плюс».
2. Состояние преступности в России за январь-сентябрь 2022 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения 12.11.2022).
3. Вступительное слово Президента на расширенном заседании коллегии МВД 2022 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (дата обращения: 12.11.2022).
4. Кувалдин В.П., Мартынюк В.М. Оперативно-розыскные меры органов внутренних дел по предупреждению организованной преступности: учебное пособие. – М.: Московский университет МВД России, 2013. С. 15.
5. Харитонов А.А. Государственный контроль над преступностью:(теоретические и правовые проблемы): монография. – Омск: Юридический институт МВД России, 1997. С. 215.
6. Фэрри Э. Уголовная социология. М., 1908. С. 283.
7. Обзор о результатах деятельности ГУ МВД России по Московской области по охране общественного порядка и обеспечению безопасности за 2021 год [Электронный ресурс] URL: <https://50.мвд.рф/DEJATELNOST/> (дата обращения 12.11.2022).
8. Состояние преступности в Московской области за январь – сентябрь 2022 года [Электронный ресурс] URL: file:///C:/Users/User/Downloads/ui-os_202209.pdf (дата обращений 12.11.2022).
9. Приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.11.2014 № 34570). Доступ из СПС Консультант Плюс.
10. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за август 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (дата обращений 12.11.2022).
11. Супрун С.В., Мирземетов С.А. Взаимодействие следователя органов внутренних дел с оперативными подразделениями МВД России при проверке сообщений о преступлениях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России № 4 (63) 2014. С. 52–53.
12. Луговик В.Ф., Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект /

В.Ф. Луговик. Омск: Омская юридическая академия, 2014. С. 96.

OPERATIONAL-INVESTIGATIVE AND PROCEDURAL ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES AS A LEGAL MEANS OF INFLUENCING CRIME

Chicherin Yu.S., Fedyukina A. Yu.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,

In the presented article, from a scientific point of view, the work of operational units of internal affairs bodies is analyzed. Statistical data, speeches of the President of the Russian Federation, opinions of scientists on the issue under consideration are given. Based on the indicators of crime detection, the authors of the article tried to cover the complex of problems faced by the operational services of the bodies of inquiry. A parallel is drawn between the state of crime and the effectiveness of operational investigative activities. The problem of combining the powers of an operational officer with the procedural activities carried out during the verification of reports of crimes is posed. The issue of improving the interaction of operational investigative bodies with the population, securing the legal status of persons providing assistance in the detection, prevention, suppression and disclosure of crimes on a gratuitous or reimbursable basis is considered. The ways of improving the activities of operational sub-races are proposed.

Keywords: internal affairs bodies, operational investigative activities, procedural activities, crime, statistics, criminal situation, prevention, verification, reports of a crime.

References

1. Federal Law "On Operational Investigative activities" dated 12.08.1995 N144-FZ (latest edition). Access from the SPS "Consultant plus".
2. The state of crime in Russia for January-September 2022. [electronic resource]. URL: <https://мвд.рф/> (accessed 12.11.2022).

3. Opening speech of the President at the expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs in 2022 // Official website of the President of the Russian Federation. [Electronic resource] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515> (date of application: 12.11.2022).
4. Kuvaldin V.P., Martynyuk V.M. Operational investigative measures of the internal affairs bodies to prevent organized crime: textbook. – Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. p. 15.
5. Kharitonov A.A. State control over crime:(theoretical and legal problems): monograph. – Omsk: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997. p. 215.
6. Farry E. Criminal Sociology. M., 1908. p. 283.
7. Review of the results of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Moscow region for the protection of public order and security in 2021 [Electronic resource] URL: <https://50.мвд.рф/DEJATELNOST/> (date of appeals 12.11.2022).
8. The state of crime in the Moscow region for January – September 2022 [Electronic resource] URL: file:///C:/Users/User/Downloads/uios_202209.pdf (date of requests 12.11.2022).
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.08.2014 No. 736 (ed. dated 09.10.2019) "On approval of Instructions on the Procedure for receiving, Registering and Resolving Applications and Reports on Crimes, Administrative Offenses, Incidents in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of Russia 06.11.2014 No. 34570). Access from SPS Consultant Plus.
10. Statistical data on the main indicators of the activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation for August 2022 [Electronic resource]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf> (date of appeals 12.11.2022).
11. Suprun S.V., Mirzemetov S.A. Interaction of the investigator of internal affairs bodies with operational units of the Ministry of Internal Affairs of Russia when checking reports of crimes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 4 (63) 2014. pp. 52–53.
12. Lugovik V.F., Operational Search Code of the Russian Federation: author's project / V.F. Lugovik. Omsk: Omsk Law Academy, 2014. p. 96.

Нормативное определение понятия и критериев злостности неисполнения судебных актов

Хаджиев Беслан Хабасович,

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: advokat.hadzhiev@yandex.ru

В научной статье представлен анализ теоретических подходов к анализу понятия правосудия, принципов деятельности судебных органов, преступлений против правосудия, а также злостности неисполнения судебных актов. В качестве методологической основы исследования использованы сравнительно-правовые, формально-юридические и логические методы познания. В работе определены понятие злостности совершаемого преступления, характеристика указанного понятия и проанализирована правоприменительная практика по рассматриваемому вопросу. На основании проведенного исследования автором были выявлены пробелы в уголовном законодательстве Российской Федерации, регулирующие вопросы определения злостности неисполнения судебных актов, в части отсутствия актуального правового механизма, определяющего основания принятий решений о злостности неисполнения судебных решений, постановлений и иных судебных актов. Обоснована необходимость обеспечения принципа объективности и соблюдения конституционного права на равенство прав и свобод граждан при судебном рассмотрении дел, связанных с установлением злостного неисполнения судебных решений, постановлений и иных судебных актов. Рекомендовано внесение изменений в нормативные правовые акты, регулирующие вопросы судебной деятельности в части закрепления понятия и критериев определения злостности совершаемого преступления с целью объективного рассмотрения соответствующих дел в судебных инстанциях.

Ключевые слова: правосудие, неисполнение судебного акта, уклонение от исполнения судебного акта, преступление против правосудия, уголовный кодекс, судебная власть, судебный акт, судебное решение.

Правосудие в Российской Федерации является конституционным понятием и осуществляется исключительно в рамках судебной деятельности.

В научной литературе понятие «правосудие» является актуальной дискуссионной темой. В словаре С.И. Ожегова под данным понятием определяется исключительно исполнением судом своих функций [16, с. 511], в словаре Д.Н. Ушакова под правосудием поднимается исполнение судом своих функций, которые, в свою очередь, основываются на законодательстве [18, с. 764].

Традиционно правосудие изучается через призму институционального и функционального подходов. Так, например, известный российский ученый О.Е. Кутафин рассматривал правосудие в рамках институционального подхода и определял его в качестве вида государственной деятельности, направленной на рассмотрение и разрешение возникающих социально-правовых конфликтов [15]. Вместе с тем, с точки зрения последователей функционального подхода, правосудие оценивается как отдельная ветвь реализации государственной деятельности, которая осуществляется судом с целью достижения правосудия посредством рассмотрения и разрешения процессуальных дел при использовании правоприменительного инструментария [11]. Такими исследователями, как С.А. Денисов, А.А. Кирьянов, в рамках изучения данной темы предлагается понятие «эффективного правосудия», под которым подразумевается процессуальная деятельность суда, направленная на разрешение споров и конфликтов в соответствии с требованиями законодательства, целью которого является соответствие принципам справедливости и объективная защита прав и интересов граждан, охраняемых законом [14]. В российском законодательстве понятие правосудие можно определить из анализа Конституции РФ, где под правосудием в данном случае предполагается исключительно деятельность суда во всех типах судебных производств с целью разрешения различных типов споров и конфликтов. Исходя из вышеизложенного, следует подчеркнуть, что целью функционирования и реализации деятельности как отдельных судебных органов, так и судебной власти в целом, является достижение правосудия [1].

Таким образом, в общем смысле под правосудием понимается форма судебной деятельности по разрешению социальных и правовых конфликтных ситуаций, обусловленных фактом или предположением о совершении правонарушения, с дальнейшим обязательным принятием соответствующих решений. Необходимо отметить, что право-

судие является универсальным понятием во всех видах судебного производства. Не существует отдельного правосудия для уголовного или гражданского процесса, однако достигается правосудие путем реализации соответствующего процессуального порядка. Уголовные-процессуальные, гражданские, административные нормы являются инструментами в процессуальном порядке для достижения правосудия.

Преступления против правосудия характеризуются тем, что обладают повышенной социальной опасностью. В первую очередь, это связано с тем, что такие преступления дестабилизируют функционирование соответствующих государственных органов; способствуют формированию негативного общественного мнения по вопросам деятельности государственных органов; способствуют повышению социальной напряженности в обществе; порождают коррумпированность должных лиц судебных и правоохранительных органов.

В законодательстве РФ предусматривается два типа ответственности за совершение данного преступления. В первую очередь, это административная ответственность, предусматривается Кодексом об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Особенность норм и требований, содержащихся в КоАП РФ, предусматривают в качестве мер, принимаемых при совершении правонарушения, наложение штрафов, размер которых за неисполнение судебного акта может определяться суммой от пятисот до миллиона рублей. Размер штрафа устанавливается в зависимости от субъекта правонарушения (гражданское, юридическое или должностное лицо), а также степенью тяжести совершенного правонарушения. Следует отметить, что данные наказания в равной степени применимы как к непосредственно должникам (лицам, не исполнившим судебный акт), так и к лицам, которые создают препятствия для исполнения соответствующего решения [2].

В случае, если неисполнение судебного акта, равно как и целенаправленные действия по воспрепятствованию приведению в исполнение решений органов судебной власти обретают «злостный» характер, то такое правонарушение становится преступлением против правосудия, то есть объектом уголовного производства. Согласно статье 315 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [3] совершение данного преступления подлежит наложению наказания на виновного в зависимости от субъекта преступления, степени его виновности и от размера причиненного ущерба. Статья 315 УК РФ содержит в себе две части, одна из которых подразумевает ответственность за данное преступление, совершенное гражданами лицами, вторая – должностными лицами государственных, муниципальных органов и иных организаций, в том числе коммерческих. При этом следует отметить, что часть 1 статьи 315 УК РФ является сравнительно новой нормой, введена Федеральным законом от 02.10.2018 № 348-ФЗ. В качестве объекта данного преступления определя-

ются социально-правовые отношения, которые обуславливают авторитет судебного производства, а также обязательность исполнения судебных решений. Таким образом, данные преступления являются по своей сути преступлениями, направленными на подрыв авторитета как отдельных судебных органов, так и судебной власти в целом.

В правоприменительной практике довольно распространенным преступлением против правосудия является уклонение или отказ от исполнения постановлений, решений и других судебных актов. В связи с тем, что часть 1 статьи 315 УК РФ является сравнительно новой нормой, на сегодняшний день в правоприменительной практике практически отсутствуют судебные материалы уголовных производств, предусмотренных данной частью. На наш взгляд, это обуславливается тем, что в случае отсутствия доказательной базы злостного неисполнения судебного решения со стороны должника, его действия определяются как правонарушение, а не преступление, и подлежат рассмотрению в рамках административного производства. При этом собрать доказательную базу в отношении гражданского лица для предъявления обвинения в злостном неисполнении судебного решения намного сложнее, нежели на юридическое или должностное лицо. Это связано с тем, что юридические и должностные лица фактически привязаны к месту осуществления профессиональной, служебной или коммерческой деятельности, в то время как гражданское лицо из привязок может иметь только регистрацию по месту жительства, и, соответственно, оно не обязательно должно совпадать с постоянным местом жительства. Таким образом, наиболее распространенными являются судебные дела, предусмотренные частью 2 статьи 315 УК РФ, то есть в отношении государственных и муниципальных служащих, а также должностных лиц иных организаций. Так, например, решением Арбитражного суда Санкт-Петербурга от 27 мая 2022 индивидуальному предпринимателю Ф. было отказано в удовлетворении исковых требований о привлечении к ответственности за неисполнение решения суда и бездействии сотрудника районного ФССП по причине недостаточности оснований для привлечения его к ответственности [7]. В аналогичном деле решением Арбитражного суда Приморского края от 28 апреля 2022 года также отказано в удовлетворении исковых требований органов местного самоуправления в отношении незаконного бездействия по исполнению решения суда должностным лицом ФССП России [8].

При этом следует отметить, что в соответствии со статьей 315 УК РФ ответственность за неисполнение или же уклонение от исполнения судебного акта предусматривается только в случае его злостного неисполнения. Так, если у обвиняемого есть веские основания, которые подтверждают его невозможность исполнения соответствующего судебного акта, то в таком случае состав преступления будет отсутствовать. Таким образом, данное преступление подразумевает под собой как отказ

от принятия необходимых мер с целью его реализации или же частичное исполнение предписания суда, а также целенаправленное создание условий, препятствующих его исполнению. При этом указанные действия должны в обязательном порядке сопровождаться прямым умыслом, характеризующим действия виновного. На наш взгляд, необходимо подробно рассмотреть, что именно подразумевается под поднятием «злостности», содержащимся в нормативных правовых актах, регламентирующих ответственность за данное преступление.

В научной литературе к рассмотрению данного понятия обращаются различные авторы в рамках изучения преступлений против правосудия. Так, например, М.Л. Гальперин [13], С.А. Денисов, А.А. Кирьянов [14], О.В. Панкова [17] определяют возникновение прямого умысла (злостности) неисполнения соответствующего судебного акта в рамках исполнительного производства после того, как в адрес должника в письменной форме вынесено предупреждение о наступлении уголовной ответственности в случае неисполнения решения. Более подробно характеристики злостности описываются в работе К.М. Воеводкиной. По ее мнению, злостность можно определить только в том случае, если существуют прямые доказательства нежелания должника исполнять соответствующий акт [12]. Таким доказательством является прохождение должником всех стадий, которые в соответствии с российским законодательством предшествуют наступлению уголовной ответственности по статье 315 УК РФ. Таким образом, должно быть вынесено судебное решение, за неисполнение которого на должника возбуждается исполнительное производство, затем должник предупреждается об уголовной ответственности, также предполагается привлечение к административной ответственности за соответствующее правонарушение. По результатам анализа теоретических подходов возникает один неразрешенный вопрос: может ли при целенаправленном частичном исполнении судебного решения быть признан злой умысел деяния, и соответственно, совершение преступления.

По результатам рассмотрения обзора судебной практики Верховного суда 2021 года [6], а именно положения о том, что в случае если судебное решение не исполнено в соответствующие сроки, то не может быть признан действительным факт защиты и восстановления нарушенных прав, целесообразно заключить, что преступность совершенных действий может быть признана в случае намеренного частичного исполнения судебного акта, при наличии возможности его полного исполнения. Так, например, директор ООО «Обезличено» Д. в соответствии с приговором от 21 июня 2013 г. мирового судьи Калининского района Чувашской Республики был осужден за то, что при наличии судебной задолженности более ста тысяч рублей погасил лишь десять тысяч с учетом поступивших денежных средств на расчетные счета организации в размере более пяти миллионов рублей [10].

Таким образом, состав преступления при частичном исполнении судебного решения может быть доказан в случае целенаправленного его неисполнения.

Содержание и определение понятия «злостность» в российском законодательстве на сегодняшний день отсутствует. Вместе с тем в разъяснении судебной практики, содержащейся в Постановлении Пленума Верховного суда от 11.01.2007 № 2 [4], злостность подразумевает под собой неисполнение установленных соответствующим актом обязанностей после того, как должник в письменной форме будет предупрежден со стороны надзорного органа о недопустимости возникновения повторного нарушения; вместе с тем под уклонением подразумевается отсутствие фактов выполнения со стороны осужденного предписанных ему судом обязательств более двух раз на протяжении года. Однако данный документ утратил силу с 2015 года, при этом заменившее его новое постановление не содержит определения и разъяснения судебной практики в части определения злостности совершаемых преступлений. На сегодняшний день единственным документом, содержащим указанные разъяснения, является письмо Федеральной службы судебных приставов «Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ» [5]. Согласно указанному письму, органам прокуратуры и дознания предлагается при определении наличия злостных намерений о неисполнении судебных актов у осужденного ориентироваться на собственный профессиональный опыт, приобретенный на основе анализа обстоятельств конкретного преступления, а также на сложившуюся правоприменительную практику в части вынесения соответствующих решений судами в конкретных субъектах Российской Федерации. В письме отмечается, что сформировать классификационные признаки, определяющие злостность совершенного преступления, не представляется возможным в силу их многогранности, но при этом определяются общие характеристики, к ним относятся в том числе: наличие у осужденного реальной и объективной возможности исполнения соответствующего судебного решения; повторное и систематическое неисполнение судебных предписаний; отсутствие целенаправленной деятельности по выполнению судебного предписания, обусловленной наличием намерения на его исполнение; нарушение сроков исполнения судебного предписания; наличие уведомления со стороны контрольно-надзорного органа об уголовной ответственности за неисполнение предписания. Также существенным критерием определения злостности намерений может служить повторное возбуждение уголовного дела или наличия в прошлом судимости по 315 статье УК РФ.

Так, например, мировым судьей Советского района г. Ростова-на-Дону в отношении А. вынесен обвинительный приговор по ст. 315 УК РФ за злостное неисполнение трех судебных решений Советского, Батайского и Зерноградского район-

ных судов Ростовской области в части погашения задолженности перед органами местного самоуправления [9]. В качестве доказательств злостного неисполнения государственным обвинителем были представлены выписки с информацией о поступлении денежных средств со счетов организации, в которой обвиняемый является директором. При этом указанные средства были направлены на иные нужды организации, в то время как было необходимо направить их в соответствии с судебными решениями. Таким образом, по результатам анализа доказательств мировой суд вынес приговор о признании А. виновным по статье 315 УК РФ и назначил ему наказание в виде четырехсот часов исправительных работ. Следует отметить, что в большинстве случаев рассмотрения судами дел по статье 315 УК РФ судьи приходят к выводу о недостаточности обоснований и доказательств вменяемого злостного неисполнения судебных решений. На наш взгляд, в первую очередь, это связано с отсутствием необходимой нормативной базы, содержащей в себе требования к установлению определенного перечня критериев, в рамках которых будет определяться понятие злостности совершаемого преступления.

Рассмотрев нормативную правовую базу, регламентирующую исследуемый вопрос, мы пришли к выводу о ее недостаточности и несоответствии современному законодательству. Главным образом, это заключается в том, что единственным документом, определяющим направление деятельности при определении злостности совершаемого преступления, является письмо ФССП. Во-первых, данный документ не является нормативно-правовым актом и поэтому носит исключительно рекомендательный характер. Во-вторых, данное письмо датировано 2014 годом и, соответственно, уже утратило свою актуальность, в связи с тем, что в статью 315 УК РФ последние существенные изменения были внесены в 2018 году в части дополнения статьи частью 1, предусматривающей уголовную ответственность за неисполнение судебных актов со стороны гражданских лиц. В-третьих, единственный нормативный правовой акт, содержащий необходимые разъяснения, утратил силу в 2015 году. На наш взгляд, данный пробел в законодательстве на сегодняшний день является критичным и нарушает конституционные принципы равенства прав и свобод граждан. В целом это обусловлено тем, что для определения злостности совершаемого преступления правоохранительным и судебным органам предлагается опираться на собственный опыт и существующую правоприменительную практику в регионе, и на основе данных умозаключений предполагается вынесение судебного решения и определение меры наказания. Таким образом, при определении в качестве основания для принятия судебного решения традиционно сложившейся судебной практики в регионах существует большая вероятность того, что принципы равноправия будут нарушены, так как судебное решение будет основываться не на нормативной

объективности, а на принципе регионального субъективизма. Также существует вероятность, что такие тенденции могут послужить росту коррумпированности сотрудников правоохранительных и судебных органов. Отсутствие нормативной базы и четкой регламентации процедуры определения злостности порождает множественность трактовок данного понятия и дает возможность толкования законодательной нормы в соответствии с интересом третьих лиц, что в дальнейшем, безусловно, находит свое отражение в достижении правосудия.

Таким образом, по результатам проведенного исследования мы пришли к выводу о необходимости разработки нормативного правового акта, регламентирующего порядок определения злостности совершаемого преступления. Он может быть представлен в виде разъяснения правоприменительной практики со стороны Верховного суда, ведомственного приказа Министерства юстиции Российской Федерации с приложением методических рекомендаций, определяющих порядок установления злостности совершаемого преступления. В содержании документа предлагается закрепить основное понятия злостности, а также описать характеристики и критерии, на основании которых будет приниматься решение о наличии злого умысла у обвиняемого при совершении преступления. С учетом наличия базовых определений и характеристик, содержащихся в утративших силу нормативных правовых актах, разработка нового не повлечет за собой дополнительной административной нагрузки на сотрудников соответствующих органов и выделения средств из бюджета. При этом, такой нормативно-правовой акт позволит избежать разночтения и двусмысленности толкования требований УК РФ в процессе судебного и уголовного производства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [документ утратил силу] // Консультант Плюс. URL: <http://www.con->

sultant.ru/document/cons_doc_LAW_65592/ (дата обращения: 18.11.2022).

5. Информационное письмо ФССП России «Об обзоре практики применения статьи 315 УК РФ» // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217658/ (дата обращения: 14.11.2022).
6. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409601/ (дата обращения: 19.11.2022).
7. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 27.05.2022 г. по делу № А56–17693/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
8. Решение Арбитражного суда Приморского края от 28.04.2022 по делу А51–21900/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Приговор мирового судьи судебного участка № 7 Советского района г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) от 24 января 2017 г. по делу № 1–2/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.11.2022).
10. Приговор мирового судьи судебного участка № 2 Калининского района Чувашской Республики от 21.06.2013 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.11.2022).
11. Банников И.А. Принцип осуществления правосудия только судом в гражданском судопроизводстве. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017.
12. Воеводкина К.М. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности: уголовно-правовая характеристика, ретроспективный и сравнительно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 236 с.
13. Гальперин М.Л. Есть ли границы ответственности у должника в исполнительном производстве? // Закон. № 8. 2018 С. 53–61.
14. Денисов С.А., Кирьянов А.А. Глава 18. Преступления против правосудия // Уголовное право. Особенная часть: Учебник. СПб.: ООО «Р-КО-ПИ», 2020. С. 725–758.
15. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. М.: Юристъ, 2001. 443 с.
16. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Оникс, 2011. 736 с.
17. Панкова О.В. Правосудие в современной России: понятие и признаки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 527–546.

18. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М: Альта-Прин, 2005. 1239 с.

NORMATIVE DEFINITION OF THE CONCEPT AND CRITERIA OF MALICIOUSNESS OF NON-EXECUTION OF JUDICIAL ACTS

Khadjiev B.K.

O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

The scientific article presents an analysis of theoretical approaches to the analysis of the concept of justice, the principles of judicial activity, crimes against justice, as well as the malice of non-execution of judicial acts. Comparative legal, formal legal and logical methods of cognition were used as the methodological basis of the study. The paper defines the concept of the malice of the crime committed, the characteristics of this concept and analyzes the law enforcement practice on the issue under consideration. Based on the conducted research, the author identified gaps in the criminal legislation of the Russian Federation regulating the issues of determining the maliciousness of non-execution of judicial acts, in terms of the absence of an actual legal mechanism determining the grounds for making decisions on the maliciousness of non-execution of judicial decisions, resolutions and other judicial acts. The necessity of ensuring the principle of objectivity and observance of the constitutional right to equality of rights and freedoms of citizens during judicial review of cases related to the establishment of malicious non-execution of court decisions, resolutions and other judicial acts is substantiated. It is recommended to amend the normative legal acts regulating the issues of judicial activity in terms of fixing the concept and criteria for determining the malice of the crime committed in order to objectively consider the relevant cases in the courts.

Keywords: justice, non-execution of a judicial act, evasion from execution of a judicial act, crime against justice, criminal code, judicial authority, judicial act, judicial decision.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of 30.12.2008, No. 7-FKZ of 30.12.2008, No. 2-FKZ of 05.02.2014, No. 11-FKZ of 01.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. St. 4398.
2. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of 30.12.2001 No. 195-FZ (ed. of 20.10.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Article 1.
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 24.09.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 dated 11.01.2007 “On the practice of assigning criminal punishment by the Courts of the Russian Federation” [the document has become invalid] // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65592/ (accessed: 11/18/2022).
5. Information letter of the FSSP of Russia “On the review of the practice of applying Article 315 of the Criminal Code of the Russian Federation” // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_217658/ (date of request: 14.11.2022).
6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2021) (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 16.02.2022) // Consultant Plus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_409601/ (accessed: 19.11.2022).
7. The decision of the Arbitration Court of the city of St. Petersburg and the Leningrad region of 27.05.2022 in case No. А56–17693/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (date of appeal: 20.11.2022).
8. The decision of the Arbitration Court of Primorsky Krai of 28.04.2022 in the case А51–21900/2022 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (accessed: 11/20/2022).

9. The verdict of the Justice of the Peace of the judicial district No. 7 of the Sovetsky district of Rostov-on-Don (Rostov region) dated January 24, 2017 in case No. 1–2/2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (date of request: 17.11.2022).
10. The verdict of the justice of the peace of the judicial precinct No. 2 of the Kalininsky district of the Chuvash Republic dated 21.06.2013 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (date of appeal: 11/19/2022).
11. Bannikov I.A. The principle of the administration of justice only by the court in civil proceedings. Dis. ... cand. jurid. sciences'. Moscow, 2017.
12. Voevodkina K.M. Illegal receipt of a loan and malicious evasion from repayment of accounts payable: criminal-legal characteristics, retrospective and comparative-legal aspects: dis. ... cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2022. 236 p.
13. Galperin M.L. Do the debtor have limits of liability in enforcement proceedings? // Law. No. 8. 2018 pp. 53–61.
14. Denisov S.A., Kiryanov A.A. Chapter 18. Crimes against justice // Criminal law. Special part: Textbook. SPb.: LLC "R-KOPI", 2020. pp. 725–758.
15. Kutafin O.E. The subject of constitutional law. Moscow: Jurist, 2001. 443 p.
16. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions / edited by L.I. Skvortsov. 27th ed., ispr. M.: Onyx, 2011. 736 p.
17. Pankova O.V. Justice in modern Russia: the concept and signs // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22. No. 4. pp. 527–546.
18. Ushakov D.N. A large explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and phrases. Moscow: Alta-Prin, 2005. 1239 p.

Роль прокуратуры РФ в формировании актуальной правовой культуры государства

Оксамытный Виталий Васильевич,

д.ю.н., профессор, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова
E-mail: Oxamytnya@mail.ru

Цветикова Татьяна Викторовна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского»
E-mail: tatyna.76@inbox.ru

Прокуратура Российской Федерации представляет собой централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ; контроль за исполнением законов и подзаконных актов властными структурами; защищает соблюдение прав и свобод человека и гражданина, а также имеет полномочия по осуществлению уголовного преследования в рамках своих функциональных обязанностей. Указанная структура по сути содействует формированию и своевременному обновлению правовой культуры общества и государства, обеспечивая реализацию документов, касающихся различных направлений деятельности министерств и ведомств, образованных на территории государства.

В связи со столь важной миссией подобного властного механизма необходимо следить за качеством работы его сотрудников, предупреждая случаи незаконного привлечения граждан к юридической ответственности, осуществление незаконных операций в сферах лицензирования, финансирования и т.д., прямое нарушение прав и свобод граждан при назначении натуральных или денежных льгот и выплат, участия в выборных компаниях различных уровней и др..

Помимо требований образовательного стандарта к подготовке сотрудников правоохранительной системы, следует разрабатывать и внедрять на практике мероприятия антикоррупционного характера и иные формы противодействия преступности в сфере сотрудников Прокуратуры РФ и связанных с нею подразделений.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации; функции прокуратуры; надзор за соблюдением и исполнением законодательства РФ; соблюдение прав и свобод человека и гражданина; антикоррупционные меры; меры по предупреждению противоправного поведения сотрудников прокурорских органов различных уровней.

Введение. Прокуратура выполняет ряд важных функций надзорного и контрольного характера, обеспечивая соблюдение законодательства Российской Федерации и международных актов, действующих на ее территории. При этом сотрудники указанного органа обеспечивают реализацию прав и свобод граждан, а также практическую значимость тех документов, которые принимаются представителями законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти. По своей сути служащие этой структуры закладывают основы правовой культуры общественного и государственного масштаба. Поэтому выбранная тематика исследования представляется особенно **актуальной**, учитывая значение деятельности прокурорских подразделений в указанном направлении.

Целью публикации является не только описание основных функций прокурорских органов и механизмов их реализации в настоящее время, но и оценка их результативности в плане формирования действующей правовой культуры государства. Она реализуется через следующие **задачи**: а) представление характеристики основных полномочий Прокуратуры РФ и ее подразделений на современном этапе развития; б) раскрытие позитивных и негативных сторон в осуществлении полномочий надзорной и контролирующей инстанции; в) представление рекомендаций по повышению роли указанного властного органа в формировании и совершенствовании актуальной правовой культуры государства.

Объектом исследования является деятельность Прокуратуры Российской Федерации; **предметом изучения** представляется рассмотрение значения работы вышеуказанного органа в развитии правовой культуры государства и общества на современном историческом этапе.

Публикация опирается на следующую **нормативно-правовую базу**: Конституцию РФ от 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.); Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 г. № 2202–1 (ред. от 20.10.2022 г.); кроме того, процессуальный статус прокурора отражен в положениях кодифицированных источников, регулирующих уголовно-процессуальное право; организацию и осуществление арбитражного процесса; направленных на реализацию гражданских отношений и т.д.

Историография проблемы включает следующие работы: Бирюковой Н.А., Трemasкиной Е.И. «Прокуратура в условиях становления правового государства»; Петрова А.И. «Формирование пра-

вового сознания посредством правового просвещения, проводимого органами прокуратуры»; автореферат диссертационного исследования Жмакина А.С. «Место и роль прокуратуры в конституционной системе государственных органов Российской Федерации» и т.д.

В качестве **методологической основы** исследования используются следующие приемы: описание, обобщение, сравнение, анализ, синтез и прогнозирование.

Прокуратура Российской Федерации играет в настоящее время существенную роль в становлении и развитии правовой культуры общества и государства, что является необходимым элементом в условиях построения правового государства. Если обратиться к конституционным положениям, согласно которым Российская Федерация является федеративным правовым демократическим государством [1, ст. 1], то данный орган государственного управления должен защищать права и свободы граждан. Однако, ряд исследователей полагает, что прокуратура относится к самостоятельным структурам, которая способна сформировать и государственный механизм, и проконтролировать деятельность общественных организаций и объединений.

Отмечается, что в настоящее время законодательная база, регламентирующая деятельность указанного властного органа, находится в стадии развития.

Бесспорно, в условиях формирования правового государства его служители уже не могут выполнять чисто репрессивные функции, свойственные для тоталитарного режима, существовавшего в Советском Союзе. Также прокуратура не может оставаться и контролирующей структурой в составе законодательной власти, иначе она потеряет свою независимость, а решения, принимаемые ее сотрудниками, будут носить претенциозный характер, что, в конечном счете скажется на авторитете уже реформируемого подразделения государственного механизма.

Единственным положительным направлением работы прокуратуры в прошлом, которое следует сохранить в перспективе, можно назвать обеспечение надзора за исполнением актов государственных, региональных или муниципальных властных подразделений.

Для того, чтобы сохранить жизнеспособность прокуратуры в новых условиях предлагается сделать ее правозащитным органом для населения государства. Подобный опыт имеется в ряде зарубежных стран, где также существуют аналогичные властные подразделения. При подобной корректировке направлений деятельности орган, который сейчас в сознании основной массы граждан является карательным механизмом, реально превратится в элемент, обеспечивающий демократизацию в обществе и государстве. [2, с. 32–34].

Согласно действующему законодательству РФ, закрепляющему статус прокуратуры, к ее полномочиям относится информирование представи-

телей властных структур на федеральном, региональном и муниципальном уровнях о состоянии законности и правопорядка, как на отдельной территории, так и в пределах всего государства. Помимо этого, сотрудники этого подразделения контролируют и осуществляют надзор за исполнением законов и подзаконных актов представителями вышеуказанных органов. [3, п. 2 ст. 4].

В рамках уголовного процессуального права прокурор поддерживает обвинение. Подобное положение позволяет ему полностью следить за качеством проведения предварительного расследования и дознания, знакомиться с материалами дела, возвращать дело на дополнительное расследование уполномоченному органу, утверждать или отменять самоотводы следователя на указанных стадиях и т.д.. [4, ст. 37].

Имеет прокурор полномочия и при организации гражданского процесса. В рамках его осуществления зачастую указанное должностное лицо становится заявителем, защищая интересы граждан по трудовым, семейным и иным делам, касающимся сферы гражданского судопроизводства. Он наделяется функциями стороны разбирательств по делам о выселении; восстановлении на работе; возмещении вреда, причиненного жизни. Поскольку в ходе перечисленных видов разбирательств прокурор не имеет собственного интереса в разрешении спорной ситуации, его отсутствие на заседании, как правило, не препятствует рассмотрению сложившейся коллизии по существу. [5, ст. 45].

При проведении арбитражного процесса прокурор привлекается в тех случаях, когда объектом рассмотрения является государственное или муниципальное имущество. [6, ст. 52].

Особо следует отметить участие соответствующих должностных лиц в реализации антикоррупционной политики. В рамках этого направления деятельности прокуроры различных уровней отслеживают информацию о доходах и расходах государственных и муниципальных служащих и членов их семей; проверяют соблюдение конкретными должностными лицами тех ограничений и запретов к осуществлению отдельных видов деятельности, которые закрепляются правовыми актами.

При разработке и принятии законов и подзаконных актов, включая антикоррупционную тематику, прокурорские работники проводят их экспертизу до принятия и опубликования. К субъектам, виновным в совершении административных проступков, указанные должностные лица могут применить соответствующие меры принудительного характера. [7, ст. 3.2.].

Кроме того, имеется перечень дел, вытекающих из публичных отношений и особого производства, когда привлечение прокурора к участию в их разбирательстве является обязательным. [8].

Необходимо также привлекать сотрудников прокуратуры к просветительской работе с населением для повышения правовой культуры различных социальных групп. При этом следует делать акцент на сочетании указанной категории с общекультур-

ными ценностями; формировать ее на основе правосознания и правомерного поведения. [9, с. 108].

Для совершенствования работы прокуратуры в повышении правовой культуры населения следует опираться не только на исторический опыт российского государства, в частности, на подготовку и проведение Судебной реформы 1864 г., но также знакомиться и с зарубежными источниками, например, на протяжении десятилетий отечественная правоохранительная система соприкасалась с подобными структурами европейских государств, Кореи и Японии, а также приобщалась к опыту сотрудничества с Канадой и США. [10, с. 19].

Современная геополитическая ситуация существенно ограничила международные контакты Российской Федерации в различных областях, включая и проведение совместных мероприятий с сотрудниками прокурорских органов зарубежных стран, тем не менее, это должно активизировать сотрудничество соответствующих специалистов как между субъектами государства, так и с дружественными державами Азии, Африки, Южной Америки.

Нельзя забывать и о модернизации профессиональной подготовки молодых сотрудников прокуратуры. Министерством науки и высшего образования РФ подготовлен и принят Федеральный государственный образовательный стандарт специалитета по направлению профессиональной подготовки 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», в котором зафиксированы те виды работ, которые возможны к осуществлению сотрудниками как судебных инстанций, так и прокурорами. К ним относятся правотворческая, правоприменительная, правоохранительная, правозащитная, экспертно-консультационная, организационно-управленческая, научно-исследовательская и педагогическая виды деятельности; причем последняя связана с передачей знаний и опыта действующими сотрудниками представителям подрастающего поколения. [11].

Предполагается, что в перспективе подобные специалисты смогут реализовывать на практике компетенции, связанные с применением системного и критического мышления; разрабатывать и реализовывать различные проекты, особенно касающиеся расследования преступных посягательств различной степени тяжести и общественной опасности; находить свое место в команде, а, если возможно, проявлять лидерские позиции; обеспечивать общение внутри профессионального коллектива, в т.ч. с иностранными коллегами; налаживать межкультурное взаимодействие с представителями различных наций и народностей, с которыми приходится соприкасаться в производственной среде; постоянно работать над самообразованием и саморазвитием, как в физическом, так и в духовно-нравственном планах; в обыденной обстановке создавать среду, отвечающую требованиям безопасности жизнедеятельности; иметь навыки работы с лицами, имеющими особенности развития; в повседневной обстановке и в профес-

сиональной сфере стараться разрабатывать и принимать только экономически обоснованные решения, которые нацелены на получение реальных результатов; наконец, следует выработать стойкую гражданскую позицию крайней нетерпимости к любым проявлениям коррупционного поведения в обществе и непосредственном окружении.

Помимо профессиональных компетенций, специалист в сфере осуществления прокурорской деятельности, призван обладать и набором общих знаний и умений. В частности, он должен проявлять способность анализировать условия формирования, становления и развития права как области существования общества и государства; профессионально классифицировать факты и правоотношения, тем самым выделяя из всей совокупности те деяния, которые подпадают под категории проступков и преступных посягательств; грамотно применять нормы материального и процессуального права в решении производственных задач; при необходимости участвовать в юридической экспертизах разного характера (трассологической, почерковедческой, направленных на опознание трупов или лиц, причастных к совершению правонарушений различного характера и т.д.); осуществлять толкование права в рамках профессиональных сообществ и консультирования граждан; проявлять способность в подготовке проектов нормативно-правовых актов и иных документов, содержащих юридическую информацию (договоров, соглашений и т.д.); соблюдать принципы этики юриста, включая антикоррупционный элемент; наконец, иметь возможности получать юридически значимую информацию из различных источников (личную, информационно-коммуникативную, профессиональную и т.д.).

Таким образом, деятельность прокурора в современных условиях предполагает, что он осуществляет работу по повышению правовой культуры населения не только путем консультативной помощи и в ходе осуществления правоприменительных мероприятий, но также и личным примером, который может соответствовать действующим нормативным критериям только в том случае, если человек не только знает действующее законодательство как собственного государства, так и зарубежных стран, но и систематически руководствуется теоретическими положениями в своей повседневной практике, в т.ч. при решении бытовых проблем.

К сожалению, отдельные специалисты отмечают, что не все служители Фемиды соблюдают положения, в разработке и принятии которых, как правило, сами принимают участие.

Главным образом, для указанной категории работников характерно совершение экономических преступлений, например, в сфере налогового права или деяния, связанные с получением или дачей взятка. При этом, однако, отмечается, общее снижение правонарушений в этой среде в 2018 году в сравнении с предыдущим периодом на 5%. Лидерами по «профессиональной» преступности

среди правоохранителей стали представители Федеральной службы судебных приставов, у которых уменьшение преступных посягательств составило 18,2%, и Федеральной транспортной службы, где было зафиксировано снижение правонарушений на 15,7%.

Показатель хотя и не является критическим, но, учитывая миссию прокуратуры в защите прав и свобод граждан, требует дальнейшего уменьшения вплоть до нулевого значения. [12].

Основные методы повышения правовой культуры представителей прокуратуры связаны и с совершенствованием законодательной базы как на внутреннем, так и на международном уровнях; кроме того, имеют значение личные примеры опытных сотрудников системы для подрастающего поколения: если юноши и девушки видят, что решения контрольной и надзорной инстанции не отличаются объективностью и по сути не защищают и не восстанавливают нарушенные интересы пострадавших субъектов права, то у них зарождаются идеи правового нигилизма, воспитанные на чувствах вседозволенности и безнаказанности.

Таким образом, можно отметить, что представители прокурорских органов только тогда смогут сформировать вокруг себя сообщество граждан с высокой правовой культурой, когда сами будут следовать в своих поступках букве и норме закона.

Вывод. Таким образом, прокуратура РФ, подобно аналогичным структурам в других странах, выполняет, главным образом контрольные и надзорные функции в области соблюдения действующего законодательства. По сути ее служители являются образцом формирования высокой правовой культуры у населения. Но подобное возможно только в том случае, если служители Фемиды сами следуют положениям закона, исполнение которого они требуют от других граждан. Более всего укрепить положительную тенденцию к соблюдению правовых норм у подрастающего поколения можно только через поступки уже опытных работников контролирующих органов. Поэтому при выявлении случаев коррупции и других преступных деяний в среде сотрудников прокуратуры, их следует качественно расследовать и применять к виновным лицам санкции, соразмерные тяжести совершенных ими деяний.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). – Ст. 1;
2. Бирюкова Н.А., Трёмаскина Е.И. Прокуратура в условиях становления правового государства. // «Молодой ученый», 2016 г. – С. 32–34. // [Электронный ресурс]: URL: moluch.ru. (Дата обращения: 15.11.2022 г.);
3. Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202–1 (ред. от 04.11.2022 г.) «О прокуратуре Российской Федерации». – П. 2 ст. 4;

4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.). – Ст. 37;
5. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 г. (ред. от 07.10.2022 г.). – Ст. 45;
6. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.). – Ст. 52;
7. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 04.12.2022 г.). – Ст. 3.2;
8. Категории дел, по которым участие прокурора является обязательным. // [Электронный ресурс]: URL: studme.org. (Дата обращения: 15.11.2022 г.);
9. Петров А.И. Формирование правового сознания посредством правового просвещения, проводимого органами прокуратуры. // «Вестник Российского университета кооперации», 2013 г., № 3(13) – С. 105–113; С. 108. // [Электронный ресурс]: URL: cyberleninka.ru. (Дата обращения: 15.11.2022 г.);
10. Жмакин А.С. Место и роль прокуратуры в конституционной системе государственных органов Российской Федерации. Специальность: 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2011. – 28с. – С. 19. // [Электронный ресурс]: URL: new-disser.ru. (Дата обращения: 15.11.2022 г.);
11. ФГОС 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность (уровень специалитета). // [Электронный ресурс]: URL: fgos.ru. (Дата обращения: 15.11.2022 г.);
12. Рейтинг правоохранительных органов по изменению числа преступлений, совершенных сотрудниками этих органов, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. // [Электронный ресурс]: URL: yandex.ru. (Дата обращения: 15.11.2022 г.).

THE ROLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FORMATION OF THE CURRENT LEGAL CULTURE OF THE STATE

Oxamytny V.V., Tsvetkova T.V.

Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboyedov, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

The Prosecutor's Office of the Russian Federation is a centralized system of bodies that monitor compliance with the Constitution of the Russian Federation; control over the execution of laws and regulations by government structures; protects the observance of human and civil rights and freedoms, and also has the authority to carry out criminal prosecution within its functional responsibilities. The specified structure essentially contributes to the formation and timely updating of the legal culture of society and the state, ensuring the implementation of documents related to various areas of activity of ministries and departments established on the territory of the state. In connection with such an important mission of such a power mechanism, it is necessary to monitor the quality of the work of its employees, preventing cases of illegal bringing of citizens to legal responsibility, illegal operations in the areas of licensing, financing, etc., direct violation of the rights and freedoms of citizens when assigning natural or monetary benefits and payments, participation in elective companies at various levels, etc..

In addition to the requirements of the educational standard for the training of law enforcement officers, it is necessary to develop and

implement anti-corruption measures and other forms of combating crime in the field of employees of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and related units.

Keywords: Prosecutor's Office of the Russian Federation; functions of the Prosecutor's Office; supervision of compliance with and enforcement of the legislation of the Russian Federation; observance of human and civil rights and freedoms; anti-corruption measures; measures to prevent unlawful behavior of employees of prosecutorial bodies at various levels.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). – Article 1;
2. Biryukova N.A., Tremaskina E.I. The Prosecutor's office in the conditions of the formation of the rule of law. // "Young Scientist", 2016 – pp. 32–34. // [Electronic resource]: URL: moluch.ru. (Accessed: 15.11.2022);
3. Federal Law No. 2202–1 of 17.01.1992 (as amended on 04.11.2022) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". – Item 2 of Article 4;
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 07.10.2022). – Article 37;
5. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 (ed. from 07.10.2022). – Article 45;
6. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated 07.07.2002 (as amended on 07.10.2022). – Article 52;
7. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ dated December 30, 2001 (as amended on December 04, 2022). – Article 3.2;
8. Categories of cases in which the participation of the prosecutor is mandatory. // [Electronic resource]: URL: studme.org. (Date of appeal: 11/15/2022);
9. Petrov A.I. Formation of legal consciousness through legal education conducted by the Prosecutor's office. // "Bulletin of the Russian University of Cooperation", 2013, No. 3(13) – pp. 105–113; p. 108. // [Electronic resource]: URL: cyberleninka.ru. (Accessed: 15.11.2022);
10. Zhmakin A.S. The place and role of the Prosecutor's office in the constitutional system of state bodies of the Russian Federation. Specialization: 12.00.02 – constitutional law; municipal law. // Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences. – Moscow, 2011. – 28c. – p. 19. // [Electronic resource]: URL: new-disser.ru. (Date of application: 11/15/2022);
11. FGOS40.05.04 Judicial and prosecutorial activity (specialist level). // [Electronic resource]: URL: fgos.ru. (Date of appeal: 11/15/2022);
12. Rating of law enforcement agencies on the change in the number of crimes committed by employees of these bodies in 2018 compared to 2017. // [Electronic resource]: URL: yandex.ru. (Accessed: 15.11.2022).

Применение систем искусственного интеллекта в судебной практике

Шананин Василий Андреевич,

старший преподаватель, ИСТАС, Московский
государственный строительный университет (МГСУ)
E-mail: shananinva.infonom@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению проблемных аспектов внедрения интеллектуальных систем в судебную практику. Автор статьи представляет анализ существующих дефиниций искусственного интеллекта, выработанных в юридической литературе, представляет этапы внедрения искусственного интеллекта в работу судебного органа. Приведен краткий обзор мирового и отечественного опыта в исследуемой области. Детально рассмотрены перспективные направления имплементации сильного искусственного интеллекта в судебную практику. Представлены аргументы в пользу подобной модернизации российских судов и даны тезисы, поддерживающие ее. Автор статьи приходит к выводу о том, что в современных российских реалиях наиболее взвешенной является промежуточная позиция, в рамках которой допускается внедрение умеренного искусственного интеллекта в работу судов и передача аналитических полномочий по анализу законов и прецедентов, а также подготовку решения по делу автоматизированным системам при сохранении права на вынесение финального решения за судьей-человеком.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная практика, роботизация, цифровое государство, электронное правосудие, интеллектуализация.

Все чаще интеллектуальные машины обслуживают общественные отношения. Цифровое общество, цифровое государство, цифровая экономика – все эти явления уже достаточно давно стали повседневной реальностью. Более того, в течение последнего десятилетия интеллектуальные технологии начали активно проникать в одну из наиболее консервативных отраслей деятельности человека – юриспруденцию. Как показывает юридическая практика последний лет, имплементация искусственного интеллекта не является исключительно погоней за инновацией – «умные» системы успешно функционируют в качестве эффективного инструмента автоматизации и совершенствования механизмов правовой системы [4, с. 142]. С.А. Курочкин в данной связи указывает, что искусственный интеллект позволяет оперативно и корректно фиксировать юридические факты, а действия юристов и работников правоохранительных органов, поддерживаемые интеллектуальными системами, становятся более динамичными и точными [7, с. 155]. Интеллектуализация юридической, судебной и законодательной практики, при этом, подразумевает не только тиражирование и введение в массовый оборот инновационных технических средств, но и меняет подход к компетенции и обязанностям юристов, прокуроров, судей. Сочетание новых навыков представителей юридической сферы и совершенствование технологий позволяет человечеству перейти к новому этапу «Индустрии 4.0» и «Общества 2.0» [3, с. 5].

Инновации, присущие новой цифровой эпохе, зачастую вызывают вполне обоснованные опасения. Множество интеллектуальных инструментов уже сегодня демонстрируют свойства «черного ящика» («мы знаем, что входит и что выходит из алгоритма, но у нас нет полного понимания его внутренней работы» [5, с. 164]). Данное обстоятельство актуализирует проблему контроля и безопасности процессов, происходящих в среде, опосредованной искусственным интеллектом.

Обратимся к существующим дефинициям искусственного интеллекта. В рамках широкого подхода к интерпретации «умных» технологий, представленного, помимо прочих, в работах З.С. Лебедева, интеллектуальный интеллект можно понимать в качестве совокупности «теорий и научных методов, используемых для воспроизведения с помощью машины познавательных способностей человека» [8, с. 46]. В контексте технологического подхода искусственный интеллект понимается как «комплексная информационно-электронная система, имитирующая процесс мышления человека, направленная на достижение определенного результата» [12, с. 230]. Ключевым различием

между цифровым инструментарием и искусственным интеллектом является то, что искусственный интеллект обладает способностью к самообучению. Видный российский исследователь и судья П.М. Морхат дефинирует искусственный интеллект следующим образом: полностью или частично автономная самоорганизующая компьютерно-программная виртуальная, киберфизическая или биокибернетическая система (юнит) [9, с. 47].

В современной научной литературе и периодике принято дифференцировать искусственный интеллект на сильный, умеренный и слабый. Сильный искусственный интеллект подразумевает полное исключение человека из познавательного и операционного процесса; средства умеренного искусственного интеллекта направлены на минимизацию участия человека в решении задач, тогда как слабый искусственный интеллект подразумевает совершенствование параметров производительности существующих информационных систем, в которых доминирующим звеном является человек [8, с. 46]. По мнению большинства юристов-теоретиков, наиболее приемлемым в судебной практике является именно слабый искусственный интеллект; схожий подход представлен и в отечественном нормативно-правовом массиве. На данный момент российский законодатель исключает возможность внедрения сильного искусственного интеллекта в обеспечение организации судопроизводства. Тем не менее, нельзя с полной уверенностью говорить о том, что в будущем возможности умеренного и сильного искусственного интеллекта будут проигнорированы.

Вопрос о типологии интеллектуальных систем приводит нас к выводу о пофазном характере процессов информатизации судебной практики. Некоторые попытки представления этапов внедрения искусственного интеллекта в судебную практику уже были предприняты в российской юридической литературе [4, с. 145–146; 5, с. 167; 11, с. 355 и др.]. Обобщив данные исследования, можно представить следующую структуру процесса, в котором искусственный интеллект постепенно усиливает свою значимость и автономность в рамках деятельности суда:

- 1) внедрение искусственного интеллекта в организацию работы судебного органа: регистрация, распределение дел с учетом нагрузки сотрудников, контроль за ходом и сроками рассмотрения дел (слабый искусственный интеллект);
- 2) замена секретарей и помощников судей: выполнение (а) технических функций – распознавание речи и реализация протоколов судебных заседаний и т.д.), (б) аналитических функций – анализ нормативного массива и судебной практики, подбор аналогичных дел, компиляция проектов судебных актов (слабый искусственный интеллект);
- 3) внедрение искусственного интеллекта в рассмотрение дел совместно с судьей: вынесение решения по делу при его последующей провер-

ке судьей (умеренный искусственный интеллект);

- 4) самостоятельное вынесение решений «судебным роботом» по типовым административным делам (сильный искусственный интеллект);
- 5) повсеместное внедрение искусственного интеллекта в деятельность судов на стадии апелляционного, кассационного, конституционного производства, самостоятельное вынесение решений по любым типам дел (сильный искусственный интеллект).

Несмотря на существующие препятствия на пути к массовому внедрению искусственного интеллекта в судебную практику, мировой опыт показывает, что большинство существующих на сегодня проблем могут быть решены или, по крайней мере, минимизированы, а средства слабого интеллекта в суде могут быть заменены на умеренный или даже сильный искусственный интеллект.

Наиболее распространенной формой искусственного интеллекта в развитых и развивающихся странах является система электронного документооборота: к примеру, в Великобритании искусственный интеллект обслуживает юридические архивы, что, безусловно, облегчает работу в колоссальном по объему текстовом массиве прецедентного права. В странах Прибалтики искусственный интеллект используется в целях автоматизированного сбора судебной статистики и формирования соответствующей отчетности. В США примером слабого искусственного интеллекта являются так называемые «роботы-адвокаты», которые собирают и представляют первичную документацию для предоставления в государственные органы. В американских судах, кроме того, все большее распространение получает умеренный искусственный интеллект. В первую очередь, речь идет о системе Compas, применяемой судьями при вынесении решения по делу и определении срока заключения; алгоритм вынесения автоматизированного решения базируется на сопоставлении аналогичных правонарушений и обнаружении уникальных параметров конкретного дела. Тем не менее, итоговое решение принимается в каждом конкретном случае судьей [13, с. 36].

Применение сильного искусственного интеллекта на текущий момент остается прерогативой технологически развитых стран, однако, нельзя констатировать полный переход к таким системам – вмешательство человека имеет место в любом случае, что объясняется важностью и социальной значимостью сферы судебной практики, которую пока нельзя полностью доверить машине. В США, Великобритании, Китае, Франции, Южной Корее и др. широко используется «предсказательное производство» – инструментарий, которые на основании существующего массива судебных прецедентов выдает наиболее вероятное решение по делу (которое, тем не менее, проверяется перед оглашением человеком). Сильный интеллект в «чистом» виде выражен в форме «электронных судов» Великобритании, Канады, Нидерландов

и Латвии, имеющих место в случаях типовых малозначительных судебных дел. Государство, которое на сегодняшний день, пожалуй, является лидером в области внедрения инструментов сильного интеллекта, – Китай. Роботизированные китайские системы рассматривают более 200 тыс. дел ежемесячно; судебные роботы интегрированы с облачными платформами, содержащими базы данных о недвижимости, доходах, банковских счетах, транспорте и проч., что ускоряет судебный процесс, снижает долю рутинной бумажной работы и исключает фальсификацию документов [12, с. 233].

А. Атажанов и Б. Исмаилов приводят в качестве показательного примера приложение *Prometea*, функционирующее в Аргентине с 2018 г. Данная программа самостоятельно анализирует обстоятельства дела и выносит решение, а судьи лишь утверждают их (по результатам мониторинга, местные судьи утвердили 100% решений, принятых посредством приложения). Робот обслуживает все разбирательства по типовым, однородным искам, что позволило снизить загруженность судей и прокуроров («работники оказались освобождены от больших массивов рутинной деятельности», тогда как ранее они были «буквально «похоронены» в бумажной работе» [1, с. 279]). Страны ближнего зарубежья также активно внедряют самообучающиеся компьютерные системы в судебную практику, но в данном случае речь идет, прежде всего, о слабом искусственном интеллекте. В Казахстане, к примеру, внедрены система «Терелік», сервисы «Судебная повестка», «Ознакомление с судебными документами», сервис «Судебный кабинет», «Е-уголовное дело». В Беларуси функционирует программное средство *E-COURT*, предлагающее образцы документации и возможность направить электронное обращение [11, с. 351].

В России, в контексте Концепции развития информатизации судов до 2020 г. [6], действует автоматизированная система «Правосудие» [8, с. 47], являющая собой систематизированный электронный архив судебных дел. В целом на отечественном пространстве абсолютное большинство инноваций в области внедрения искусственного интеллекта в функционирование судебной системы относятся к слабому искусственному интеллекту. Можно найти лишь точечные эксперименты по имплементации умеренных и сильных инструментов в судебную практику (к примеру, в 2018 г. была представлена программа «Лазер», генерирующая мотивированное решение на базисе глубинного анализа обстоятельств дела и аналогичных решений, что, по существу, повторяет алгоритмы вышеописанных судебных роботов [12, с. 232]). Безусловно, потенциал искусственного интеллекта в России еще не раскрыт, но активные дискуссии и непрекращающиеся попытки разработок соответствующего ПО позволяют говорить, что отечественная судебная система находится в самом начале эволюционного пути, ведущего к роботизации института суда.

По мнению большинства специалистов, системы искусственного интеллекта, внедренные в судебную практику и смежные сферы, обладают рядом преимуществ. Внедрение искусственного интеллекта в деятельность судов, по мнению Е.В. Ширеевой, повышает качество и эффективность судебной деятельности; способствует эффективизации судебной защиты прав и законных интересов граждан, бизнес-структур и органов власти; снижает конфликтность, присущую большинству ситуаций судебных разбирательств [13, с. 31–32]. П.М. Морхат дополняет данный перечень тем, что искусственный интеллект обеспечивает безбарьерный доступ населения к правосудию [9].

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены и недостатки систем искусственного интеллекта в применении к исследуемой нами сфере. Обратимся к основным аргументам «за» и «против» в вопросах о «сильной» интеллектуализации судебной практики (по сути, замене судей-людей машинами). Набирает распространение позиция, постулирующая перспективность внедрения сильного искусственного интеллекта в судебную практику. Фундаментальными аргументами данной точки зрения выступают тезисы о том, что компьютер способен разрешить проблемы судейского усмотрения и снизить проявления коррупции представителей судебной власти. Внутреннее убеждение судьи зачастую воспринимается в качестве прямой возможности произвола [9, с. 9]. П.М. Морхат говорит о том, что юнит искусственного интеллекта, представленный в виде автономной системы, принимающей решения по делу, априори «не подвержен коррупции и эмоциям» [9, с. 11]. Кроме того, искусственный интеллект существенным образом снижает негативное воздействие субъективных аспектов судебной практики – усталость, эмоциональная нестабильность, возможность допущения ошибок, коррупционные риски.

При этом многие другие исследователи также указывают на данную беспристрастность робота-судьи, но относят ее к перечню его недостатков; приведем в данной связи вывод О.А. Степанова и Д.А. Басангова: «судье требуется не только блестящее знание законов, но и безупречное логическое мышление и человеческая мудрость, чего нет у компьютера» [12, с. 232]. С.А. Курочкин выражает схожий тезис: многие дела требуют не столько досконального знания буквы закона, сколько человеческого опыта. Можно привести в пример множество неоднозначных с нравственной точки зрения дел, в которых юридически корректное решение оказывалось крайне несправедливым с точки зрения социальной морали [7, с. 159]. И.Л. Бедняков и Н.А. Развейкина, в свою очередь, говорят о том, что полная замена человека компьютерной системой, пусть даже самообучающейся, невозможна, так как искусственный интеллект «не рассчитан на решение нестандартных ситуаций или сложных коммуникаций с учетом сугубо человеческих свойств (совесть, справедливость, милосердие)»

[2, с. 14]. В качестве «слабых» мест искусственного интеллекта, внедренного в судебную практику, О.А. Степанов и Д.А. Басангов называют оценочный и моральный компоненты деятельности судебных органов. Речь идет о том, что, во-первых, такой инструментарий на данный момент не способен провести всесторонний анализ и оценить выводы технической экспертизы для последующей идентификации объема причиненного вреда и компенсации. Во-вторых, компьютеризированные системы не могут в полной мере произвести оценку морального аспекта деликта (к примеру, представить суждение о степени причиненных нравственных страданиях) [12, с. 231]. До сих пор непонятно, каким образом очертить для системы границы категорий справедливости и гуманизма как наиболее важных при назначении наказания – так, чтобы компьютер понял их субъективно-объективную сущность и успешно применил их в анализе рассматриваемой ситуации.

В имплементации систем искусственного интеллекта наблюдается, помимо прочих, и лингвистическая проблема. Безусловно, юриспруденция – как наука и практика – опирается на вербальные суждения и формулировки; право априори реализуется благодаря и посредством языковой системы. Искусственный интеллект, в свою очередь, пока не может «чувствовать» языковые нюансы и контекст, подразумеваемый высказыванием.

Руководствуясь вышеописанными недостатками систем сильного искусственного интеллекта, многие исследователи, практикующие адвокаты, прокуроры и судьи говорят о том, что искусственный интеллект в его «сильном» проявлении не может быть применен в принципе; речь может идти только об умеренном искусственном интеллекте и исключительно в судах низшей инстанции, тогда как «судьи-люди должны сохранять свое место в качестве конечных арбитров на вершине любой правовой системы» [5, с. 165]. Таким образом, постулируется точка зрения о том, что искусственный интеллект помогает судьям изучать закон во всей его широте и глубине, но в конечном счете они должны выбирать «то, что они считают морально превосходящей интерпретацией» [5, с. 165].

Искусственный интеллект, к сожалению, до сих пор несостоятелен в работе со сложными делами, не имеющими прецедентов и аналогов; кроме того, юриспруденция, несмотря на ее стремление к точности, недвусмысленности и максимальной определенности, до сих пор имеет дело с массой юридически сложных дел высокой степени концептуальной, смысловой и ситуативной неопределенностей [7, с. 159]. До сих пор не выработано систем, которые способны работать в трансграничном контексте, при учете правовых коллизий и различных юрисдикций. Принимая во внимание вышеизложенные ограничения, зарубежные и отечественные специалисты приходят к выводу о том, что искусственный интеллект должен быть имплементирован исключительно в рамках принципов ограниченности, выборочности и приоритета че-

ловека; машина не должна «принимать решения, которые непосредственно касаются судеб многих людей» [10, с. 3].

Таким образом, в современной науке и практике сформировались различные позиции в отношении перспектив применения искусственного интеллекта в судебной практике. В рамках пессимистичных прогнозов специалисты говорят о том, что единственным эффективным способом роботизации судов является перевод делопроизводства и организации работы суда в электронную форму. С другой стороны, ряд исследователей говорят, что замена судей и прокурорских работников искусственным интеллектом – лишь вопрос времени. В современных российских реалиях наиболее взвешенной нам представляется промежуточная позиция, в рамках которой допускается внедрение умеренного искусственного интеллекта в работу судов и передача аналитических полномочий по анализу законов и прецедентов, а также подготовку решения по делу автоматизированным системам при сохранении права на вынесение финального решения за судьей-человеком.

Литература

1. Атажанов, А. Зарубежный опыт внедрения современных технологий в систему правосудия / А. Атажанов, Б. Исмаилов // ОИИ. – 2020. – № 2/S. – С. 269–284.
2. Бедняков, И.Л. Возможности применения искусственного интеллекта в судопроизводстве / И.Л. Бедняков, Н.А. Развейкина // Вестник Самарского юридического института. – 2019. – № 2 (33). – С. 11–14.
3. Гусаков, В. Вызовы «Индустрии 4.0» и «Общества 2.0», или рассуждения по поводу новой цифровой реальности / В. Гусаков // Наука и инновации. – 2019. – № 12 (202). – С. 4–9.
4. Еремеев, Д.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве / Д.В. Еремеев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 141–148.
5. Заплатаина, Т.С. Искусственный интеллект в вопросе вынесения судебных решений, или ИИ-судья / Т.С. Заплатаина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – № 4 (56). – С. 160–168.
6. Концепция развития информатизации судов до 2020 года // Гарант. – 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71062432/>. – Дата доступа: 14.11.2022.
7. Курочкин, С.А. Цифровые технологии и эффективность правосудия / С.А. Курочкин // Lex Russica. – 2022. – № 10 (191). – С. 152–163.
8. Лебедев, З.С. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в уголовном процессе России / З.С. Лебедев // Основы ЭУП. – 2021. – № 4 (29). – С. 45–48.

9. Морхат, П.М. Использование искусственного интеллекта при осуществлении правосудия как способ преодоления судейского усмотрения // *Право и государство: теория и практика*. – 2018. – № 5 (161). – С. 6–11.
10. Поскряков, Р.С. Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности / Р.С. Поскряков // *Огарёв-Online*. – 2019. – № 16 (137). – 6 с.
11. Соколова, А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения / А.А. Соколова // *Юридическая техника*. – 2019. – № 13. – С. 350–356.
12. Степанов, О. А. О перспективах влияния искусственного интеллекта на судопроизводство / О.А. Степанов, Д.А. Басангов // *Вестн. Том. гос. ун-та*. – 2022. – № 475. – С. 229–237.
13. Ширеева, Е.В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля / Е.В. Ширеева // *Вестник ВГУ. Серия: Право*. – 2020. – № 3 (42). – С. 30–39.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN JUDICIAL PRACTICE

Shananin V.A.

Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the problematic aspects of the introduction of intelligent systems in judicial practice. The author of the article presents an analysis of the existing definitions of artificial intelligence developed in the legal literature, presents the stages of introducing artificial intelligence into the work of the judiciary. A brief review of world and domestic experience in the field under study is given. Perspective directions for the implementation of strong artificial intelligence in judicial practice are considered in detail. Arguments in favor of such modernization of Russian courts are presented and theses supporting it are given. The author of the article comes to the conclusion that in modern Russian realities, the most balanced position is an intermediate position, within which it is allowed to introduce moderate artificial intelligence into the work of courts and transfer analytical powers to analyze laws and precedents, as well

as prepare a decision on the case to automated systems while maintaining the right to make the final decision for a human judge.

Keywords: artificial intelligence, judicial practice, robotization, digital state, electronic justice, smart digitalization.

References

1. Atazhanov, A. Foreign experience of introducing modern technologies in the justice system / A. Atazhanov, B. Ismailov // *Oil*. – 2020. – No. 2 / S. – S. 269–284.
2. Bednyakov, I.L. Possibilities of using artificial intelligence in legal proceedings / I.L. Bednyakov, N.A. Razveykina // *Bulletin of the Samara Law Institute*. – 2019. – No. 2 (33). – P. 11–14.
3. Gusakov, V. Challenges of “Industry 4.0” and “Society 2.0”, or reasoning about the new digital reality / V. Gusakov // *Science and innovations*. – 2019. – No. 12 (202). – P. 4–9.
4. Ereemeev, D.V. Prospects for the use of artificial intelligence in criminal proceedings / D.V. Ereemeev // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences*. – 2022. – No. 1. – S. 141–148.
5. Zaplatina, T.S. Artificial intelligence in the issue of adjudication, or AI judge / T.S. Zaplatina // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. – 2019. – No. 4 (56). – S. 160–168.
6. The concept of the development of informatization of courts until 2020 // *Garant*. – 2020 [Electronic resource]. – Access mode: <https://base.garant.ru/71062432/>. – Access date: 11/14/2022.
7. Kurochkin, S.A. Digital technologies and the effectiveness of justice / S.A. Kurochkin // *Lex Russica*. – 2022. – No. 10 (191). – S. 152–163.
8. Lebedev, Z.S. Some issues of the use of artificial intelligence in the criminal process of Russia / Z.S. Lebedev // *Fundamentals of the EUP*. – 2021. – No. 4 (29). – P. 45–48.
9. Morhat, P.M. The use of artificial intelligence in the administration of justice as a way to overcome judicial discretion // *Law and State: Theory and Practice*. – 2018. – No. 5 (161). – S. 6–11.
10. Poskryakov, R.S. The use of artificial intelligence in judicial activities / R.S. Poskryakov // *Ogaryov-Online*. – 2019. – No. 16 (137). – 6 s.
11. Sokolova, A.A. Artificial intelligence in jurisprudence: risks of implementation / A.A. Sokolova // *Legal technique*. – 2019. – No. 13. – S. 350–356.
12. Stepanov, O. A., Basangov D.A. On the prospects for the impact of artificial intelligence on legal proceedings / O.A. Stepanov, D.A. Basangov // *Vestn. Volume. state university* – 2022. – No. 475. – S. 229–237.
13. Shireeva, E.V. Legal basis for the application and practice of introducing artificial intelligence in the implementation of judicial control / E.V. Shireeva // *Bulletin of VSU. Series: Law*. – 2020. – No. 3 (42). – S. 30–39.

Актуальные правовые аспекты обеспечения экологической безопасности российской Арктики

Муру Рубен Николаевич,

кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного морского права Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», профессор Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: muruben@yandex.ru

Поваляев Александр Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного морского права Военного учебно-научного центра Военно-Морского Флота «Военно-морская академия имени Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова», доцент кафедры международного и морского права Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова
E-mail: www.povalex21@gmail.com

Экологическая безопасность арктического региона в современных условиях приобретает первостепенное значение в связи с существенным ростом научных и технических достижений, позволяющих использовать ранее недоступные ресурсы, локализованные на данной территории. Применение технологий экологической безопасности должно быть обусловлено соответствующим уровнем правового обеспечения. В статье сделаны акценты на важнейших направлениях, связанных с таким обеспечением, рассматриваются уровни правового регулирования, обозначены проблемные вопросы международного правового регулирования в Арктике, влияющие на обеспечение её экологической безопасности. Необходимость сочетания правового регулирования использования исключительной экономической зоны России и Северного морского пути является дополнительным важным фактором в определении международно-правового статуса этой транспортной коммуникации. Характерной чертой российского правового регулирования экологии Арктики является большое число ведомств, участвующих в процессе использования арктических пространств, что затрудняет экологическую деятельность в этом регионе. Одним из аспектов темы отмечена необходимость совершенствования законодательной базы экологической деятельности Военно-Морского Флота России в регионе.

Ключевые слова: экологическая безопасность, правовое регулирование, Арктика, национальные интересы России, международное право.

Правовые акты не только определяют порядок той или иной деятельности – но и могут влиять на направления и формы ее осуществления, а также могут способствовать своими, специфическими правовыми средствами решению важнейших задач национальной безопасности, а также в целом обеспечению достижения национальных интересов Российской Федерации – что придает этим правовым средствам особое значение, особые возможности.

Тема экологии в Арктике имеет особое, чрезвычайно актуальное значение. Развитие климата в северном полушарии Земли в последние десятилетия дает все основания предполагать, что 21 век пройдет под знаком ускоренного гиперболического развития арктических пространств, которое будет носить и политический, и экономический характер, и, если угодно – станет связующим звеном между народами и континентами.

Более того, в свете утвержденной Указом Президента Российской Федерации «Морской доктрины Российской Федерации» [1], многим известным вопросам, связанным с различными видами деятельности в Арктике, и в том числе – деятельности, связанной с обеспечением ее экологической безопасности, придается новое, совершенно иное значение, формируются новые меры по их реализации.

Так, к национальным интересам Российской Федерации отнесены обеспечение суверенных прав и юрисдикции Российской Федерации в ее исключительной экономической зоне (далее – ИЭЗ) и на ее континентальном шельфе, а также – осуществление военно-морской деятельности в целях обеспечения и защиты национальных интересов России в Мировом океане.

К национальным интересам России также отнесены развитие Арктической зоны Российской Федерации и отдельно – развитие Северного морского пути, как национальной транспортной коммуникации.

В соответствии со ст. 78 «Морской доктрины»: «Одним из приоритетов морской деятельности является обеспечение экологической безопасности морской среды». При этом в доктрине отдельно выделяется эта деятельность в Арктической зоне. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» [2], под «экологической безопасностью» понимает состояние защищенности природной среды и жиз-

ненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий.

Говоря об экологической безопасности в Арктике, необходимо делать акцент на трех важнейших направлениях, связанных с ее обеспечением. Это:

- особенности правового режима самой Арктики;
- система правовых актов, действующих в Арктике, и – самое важное –
- национальные интересы Российской Федерации, российского народа в арктических пространствах.

Затрагивая вопросы обеспечения национальных интересов России в Арктике, акцентируем внимание на правовой составляющей этого процесса.

Когда мы говорим о правовом регулировании в Арктике, то должны учитывать наличие четырех уровней этого правового регулирования:

- конституционного (включающего Конституцию России и поправки к ней, результаты референдумов, решения Конституционного Суда РФ по вопросам экологии и тем или иным аспектам арктической деятельности);
- международно-правового – включающего общепризнанные и специальные принципы международного права и международного морского права и международные договоры Российской Федерации;
- законодательство Российской Федерации (федеральные конституционные законы, федеральные законы, правовые акты Президента РФ, правовые акты Правительства РФ);
- ведомственные правовые акты (правовые акты Министерства обороны РФ, правовые акты других ведомств РФ).

На самом деле, отдельно надо учитывать и правовые акты субъектов Российской Федерации, принимаемые ими по предметам своего ведения, однако они не должны противоречить соответствующим федеральным правовым актам.

Эти четыре уровня отражают взаимодействие и подчиненность правовых актов нижестоящего уровня по отношению к уровню вышестоящему. При этом международные правовые акты в их применении как российскими субъектами права, так и межгосударственными органами не могут противоречить правовым актам конституционного уровня, а также основам публичного правопорядка Российской Федерации – как отмечается в Конституции Российской Федерации после внесения в нее поправок в 2020 году.

Говоря об особенностях правового режима самой Арктики, следует отметить, что к Арктике относится сухопутная и морская территория выше 66 градуса северной широты (то есть находящаяся за Северным полярным кругом). Если к «арктическим» относить государства, чьи территории пересекаются Северным полярным кругом, в их состав входят: Россия, Канада, США (Аляска), Норвегия, Дания (о. Гренландия), Финляндия, Исландия и Швеция. Эти восемь государств в современных

условиях формируют политику и правовое регулирование использования и охраны арктического региона. Являясь членами учрежденного в 1996 году Арктического совета, они приняли большинство из существующих международных документов об Арктике.

В 2021 году Российская Федерация стала председателем Арктического совета. Однако 4 марта 2022 года семь стран Арктического совета решили приостановить свое членство в объединении и бойкотировать проведение международного сотрудничества с Россией в сфере арктической деятельности. В июне 2022 года эти страны решили возобновить работу в «урезанном» составе по проектам, которые не предусматривают участия России. Подобный нелегитимный формат вызывает недоумение у большинства экспертов, учитывая, что доля России составляет до 60 процентов арктического побережья, где проживает более половины населения региона. Россия подтверждает готовность поддерживать диалог с другими странами в рамках Арктического совета [3]. В целом, анализируя состояние системы международного права после февраля 2022 года, сегодня с уверенностью можно говорить о четко прослеживающихся тенденциях её деструктивных изменений под влиянием политически ангажированных решений, принимаемых властями ряда государств, являющихся представителями, так называемых, «западных демократий».

Отмечая непосредственно международное правовое регулирование по вопросам экологической безопасности в Арктике, следует указать на наличие целого ряда международных договоров с участием России, действие которых не приостанавливается в современных обстоятельствах.

Здесь надо отметить, прежде всего, Конвенцию по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78, вместе с Протоколами и Приложениями), Конвенцию по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года с изменениями, а также Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года.

Положения Конвенции МАРПОЛ 73/78 в силу ст. 3 прямо не распространяются на военные корабли, вспомогательные суда ВМФ, но одновременно обязывают государства «чтобы эти корабли и суда действовали, насколько это целесообразно и практически возможно, в соответствии с Конвенцией» [4].

Применительно к Конвенции 1982 года следует обратить внимание на положения, в соответствии с которыми на прибрежное государство возлагается право и полномочия по регулированию защиты окружающей природной среды в своей ИЭЗ и на континентальном шельфе [5].

Таким образом, в соответствии с международным правом в исключительной экономической зоне прибрежное государство – то есть Российская Федерация – вправе требовать и принимать меры по обеспечению экологического контроля не только от российских, но и от иностранных субъектов права, претендующих на осуществление любой

законной деятельности в своих исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе. При этом необходимо отметить весьма ограниченный круг участников договорных механизмов по установлению гражданской ответственности за причинение трансграничного ущерба окружающей среде, за исключением тех, которые касаются ядерного ущерба или ущерба от загрязнения нефтью [6].

Среди проблемных вопросов международного правового регулирования в Арктике, влияющих на обеспечение её экологической безопасности, можно выделить:

- споры о делимитации границ арктического шельфа между арктическими государствами (РФ, США, Канада, Норвегия, Дания);
- непризнание США, установленной СССР (РФ) системы прямых исходных линий, определяющих территориальные воды вдоль арктического побережья и исторические заливы;
- отсутствие межгосударственных соглашений о проблемах военной безопасности и демилитаризации Арктики в т.ч. среди государств Арктического совета;
- нелегитимная деятельность Арктического совета без участия России;
- нарушение Норвегией (членом НАТО) положений Договора 1920 года о Шпицбергене в части его мирного использования и свободного доступа РФ к экономической деятельности на территории и в акватории архипелага;
- отсутствие межгосударственного соглашения о признании за Северным морским путём статуса исторически сложившейся национальной транспортной коммуникации РФ;
- внеправовая деятельность международных экологических организаций, в том числе финансируемых заинтересованными спецслужбами зарубежных государств, по использованию экологических аспектов как инструмента нанесения ущерба национальным интересам других государств (например акции организации «Гринпис» в 2013 году с борта судна «Арктик Санрайс» в отношении российской буровой платформы в Баренцевом море), и др.

Особое значение представляет собой правовое регулирование использования Северного морского пути, которой в соответствии с российским законодательством признан исторически сложившейся национальной транспортной коммуникацией Российской Федерации. О его значении и распространении национальных интересов на Северный морской путь также указывается в недавно утвержденной Морской доктрине.

В связи с устремлениями ряда государств использовать Северный морской путь без учета позиции Российской Федерации следует отметить, что её исключительная экономическая зона почти полностью охватывает район Северного морского пути, что позволяет обеспечить юрисдикцию России в отношении него по вопросам экологии – в том числе и в соответствии с нормами

международного права. При этом, российские нормы не нарушают права мирного прохода иностранных судов, несмотря на односторонние рестрикции к торговому флоту России, принимаемые странами коллективного Запада в нарушение Устава ООН. [7]

Другая важная правовая черта российского правового регулирования в Арктической зоне – наличие большого числа российских ведомств, осуществляющих деятельность в Арктике и создающих правовые акты применительно к этому региону.

Эти правовые акты далеко не всегда согласованы между собой; ответственность за ту или иную деятельность возлагается зачастую на те ведомства, которые не в состоянии обеспечить надлежащий правовой режим в районе.

Так, утвержденный распоряжением Правительства РФ «План развития Северного морского пути на период до 2035 года» [8] определяет Государственную комиссию по вопросам развития Арктики органом, ответственным за координацию реализации плана, при этом на Минвостокразвития России совместно с Координационным центром при Правительстве Российской Федерации возлагаются функции по контролю за выполнением Плана.

Полномочия по другим вопросам возложены на Министерство обороны РФ, МЧС и ГО, ФСБ России, Минтранс РФ, Росатом, Администрацию Северного морского пути и другие ведомства.

Представляется, что осуществление эффективной государственной политики в Арктике, в том числе и в сфере экологической безопасности, требует более централизованного государственного правового управления в Арктической зоне.

К проблемным вопросам в российском нормативном правовом регулировании экологической безопасности в Арктике также относятся:

- фрагментарность правового регулирования экологических проблем Арктики, разносящая возникающие вопросы к отдельным нормам различных нормативных правовых актов;
- несвоевременность внесения в нормативные правовые акты, регулирующие арктическую деятельность, поправок, обуславливаемых климатическими изменениями в Арктике;
- недостаточность законодательно оформленных экономических стимулов (налоговые, кредитные, таможенные льготы) для развития в Арктике различных производств, в том числе и на основе альтернативных источников энергии;
- отсутствие технических регламентов, отдельных экологических нормативов, учитывающих природоохранную арктическую специфику эксплуатации промышленных и иных объектов (по аналогии с Международным кодексом для судов, эксплуатирующихся в полярных водах);
- необходимость ужесточения норм юридической ответственности за экологические правонарушения (преступления) в Арктической зоне.

Еще один важный аспект, на который следует обратить внимание – это необходимость совершенствования правовых актов Министерства обороны и Военно-Морского Флота в сфере охраны природной среды, в том числе – и в Арктике.

В деятельности Военно-Морского Флота правовые аспекты обеспечения экологической безопасности Арктической зоны отражаются в следующих основных документах:

- Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года» [9], который в п. 29 относит «обеспечение экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов при эксплуатации в мирное время кораблей и судов, оружия и объектов инфраструктуры» к основными задачам государственной политики в области военно-морской деятельности в сфере экологической безопасности;
- Корабельный устав ВМФ [10], где в статьях 52;76 определены обязанности командира соединения кораблей руководить мероприятиями по охране окружающей среды в районах базирования и плавания кораблей соединения и обязанности командира корабля обеспечить на корабле соблюдение правил предотвращения загрязнения окружающей среды (в т.ч. причальных сооружений, мест якорной стоянки и прилегающих к ним акваторий);
- Приказ Министра обороны России «Об утверждении Положения об органах экологической безопасности ВС РФ» [11] в п. 3 которого возлагается ответственность за обеспечение экологической безопасности при повседневной деятельности на руководителей органов военного управления, командующих войсками военных округов, флотами, объединениями, командиров соединений и воинских частей.

Особо следует указать такой ключевой документ для ВМФ РФ, как Правила охраны природной среды в ВМФ (ПОПС-90), утвержденный приказом Главнокомандующего ВМФ СССР [12]. Положения Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78) были имплементированы в содержание Правил ПОПС-90, а также в Правилах содержатся и прямые отсылки к Конвенции МАРПОЛ 73/78. Однако за 32 года с момента издания приказа он ни разу не корректировался, в то время как содержание Конвенции менялось с развитием морских технологий и ужесточением экологических требований. В результате к настоящему времени приказ не учитывает изменения конвенции, вступившие в силу для РФ: Приложение III (1992 г.), Приложение IV (2003 г.) и 59 поправок, утвержденных резолюциями ИМО с 1990 года.

В п. 24 Приказа на командира корабля, капитана судна возложена ответственность за мероприятия по предупреждению загрязнения природной среды, соблюдение на корабле (судне) требований международных соглашений, законодатель-

ства по охране природной среды и самих Правил (ПОПС-90).

Тем самым данный нормативный правовой акт требует выполнения современных международных и российских экологических требований, хотя сам им уже не соответствует.

Очевидно, назрела необходимость переработки данного документа, тем более, что в соответствии с Руководством по техническому наблюдению за проектированием и постройкой вспомогательных судов ВМФ РФ, утвержденным Российским морским регистром судоходства в 2020 году на основании требований гособоронзаказа Министерства обороны РФ, строительство судов вспомогательного флота для ВМФ должно предусматривать возможность их эксплуатации под государственным флагом РФ с присвоением класса «Российского морского регистра судоходства», что требует при проектировании, постройке и эксплуатации таких судов соответствия оборудования всем действующим в настоящее время экологическим нормам международных конвенций в морском судоходстве.

Действующими правовыми актами Министерства обороны РФ подтверждается особая опасность эксплуатации кораблей и судов ВМФ в арктическом регионе, особенно если на них не выполняются в силу тех или иных причин требования к экологической безопасности. Это налагает особую ответственность на всех должностных лиц, причастных к обеспечению своевременного и качественного ремонта кораблей и судов, снабжению их всем необходимым оборудованием для предотвращения загрязнения окружающей среды.

В целом вопросы экологического обеспечения являются одними из важнейших направлений деятельности Российской Федерации в Арктике.

Как отмечается в Морской доктрине, к национальным интересам Российской Федерации в Мировом океане относятся развитие Арктической зоны Российской Федерации как стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование, а также обеспечение экологической безопасности при проведении работ в Мировом океане, предотвращение загрязнения морской среды.

Полагаем, что без надлежащего осуществления и учета правового регулирования в Арктике обеспечить эффективное достижение этих национальных интересов России будет невозможно.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 «Морская доктрина Российской Федерации». Собрание законодательства Российской Федерации, 1 августа 2022 г. N31 ст. 5699.
2. Федеральный закон от 10.01.2002 г. (в ред. от 14.07.2022 г.) № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». URL: СПС «Гарант».

3. Антонов: Решения стран Арктического союза без участия России будут нелегитимными. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/09/>.
4. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (МАРПОЛ 73/78). URL: www.parvo.gov.ru
5. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Собрание законодательства Российской Федерации от 1.12.1997 г. № 48, ст. 5493.
6. Гусейнов Тургай Имамгулу оглы. Актуальные проблемы ответственности за причинение трансграничного ущерба окружающей среде // Международное публичное и частное право. 2022. № 1. С. 14–17.
7. Беляков В.Г., Поваляев А.А. О правомерности односторонних ограничительных мер в торговом мореплавании // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 8–11.
8. Распоряжение Правительства РФ от 1.08.2022 г. № 2115-р «План развития Северного морского пути на период до 2035 года». URL: <http://government.ru/docs/46171/>
9. Указ Президента РФ от 20.07.2017 г. N327 «Об утверждении Основ государственной политики РФ в области военно-морской деятельности на период до 2030 года». Собрание законодательства Российской Федерации от 24 июля 2017 г. N30 ст. 4655.
10. Указ Президента РФ от 31.07.2022 г. № 511 «Об утверждении Корабельного устава Военно-Морского Флота». Собрание законодательства Российской Федерации, 1 августа 2022 г. N31 ст. 5698
11. Приказ Министра обороны России от 14.09.2015 года N530 «Об утверждении Положения об органах экологической безопасности ВС РФ». URL: doc.mil.ru-documents/quick_search/npa.htm
12. Приказ Главнокомандующего ВМФ СССР от 12.12.1990 г. № 320. «О введении в действие Правил охраны природной среды в Военно-Морском Флоте (ПОПС-90)». М.: Воениздат, 1993 г.

CURRENT LEGAL ASPECTS OF ENSURING THE ENVIRONMENTAL SAFETY OF THE RUSSIAN ARCTIC

Muru R.N., Povaliaev A.A.

Naval Academy named after Admiral of the Fleet of the Soviet Union N.G. Kuznetsov

The environmental safety of the Arctic region in modern conditions is of paramount importance due to the sharp growth of scientific and technical achievements that allow the use of previously inaccessible resources localized in this territory. The use of environmental safety technologies should be conditioned by the appropriate level of legal support. The article focuses on the most important areas related to such provision, examines the levels of legal regulation, identifies problematic issues of international legal regulation in the Arctic, affecting its environmental safety. The need to combine the legal regulation of the exclusive economic zone of Russia and the territory of the Northern Sea Route are becoming important factors in the international legal discussion on the status of this transport communication. A characteristic feature of the Russian legal regulation of the Arctic ecology is a large number of agencies involved in this.

Keywords: environmental safety, legal regulation, the Arctic, Russia's national interests, international law.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.07.2022 No. 512 "Maritime Doctrine of the Russian Federation". Collection of Legislation of the Russian Federation, August 1, 2022, N31, article 5699.
2. Federal Law of 10.01.2002 (as amended. dated 14.07.2022) No. 7-FZ "On Environmental Protection". URL: SPS "Garant".
3. Antonov: Decisions of the Arctic Union countries without Russia's participation will be illegitimate. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/09/>.
4. International Convention for the Prevention of Pollution from Ships, 1973 (MARPOL 73/78). URL: www.parvo.gov.ru
5. The 1982 UN Convention on the Law of the Sea. Collection of Legislation of the Russian Federation No. 48 dated 1.12.1997, Article 5493.
6. Huseynov Turgay Imamgulu oglu. Actual problems of liability for causing transboundary damage to the environment // International public and private law. 2022. No. 1. pp. 14–17.
7. Belyakov V.G., Povalyaev A.A. On the legality of unilateral restrictive measures in merchant shipping // International public and private law. 2022. No. 4. pp.8–11.
8. Decree of the Government of the Russian Federation dated 1.08.2022 No. 2115-r "Development plan of the Northern Sea Route for the period up to 2035". URL: <http://government.ru/docs/46171/>
9. Decree of the President of the Russian Federation No. 327 dated 20.07.2017 "On approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the field of naval activities for the period up to 2030". The Collection of Legislation of the Russian Federation dated July 24, 2017, N30, Article 4655.
10. Decree of the President of the Russian Federation dated 31.07.2022 No. 511 "On approval of the Ship Charter of the Navy". Collection of Legislation of the Russian Federation, August 1, 2022, N31, article 5698
11. Order of the Minister of Defense of Russia dated 14.09.2015 N530 "On approval of the Regulations on environmental safety bodies of the Armed Forces of the Russian Federation". URL: doc.mil.ru-documents/quick_search/npa.htm
12. Order of the Commander-in-Chief of the USSR Navy No. 320 dated 12.12.1990. "On the introduction of Environmental Protection Rules in the Navy (POPS-90)". Moscow: Voениzdat, 1993.

Представительство и защита государственных интересов прокуратурами зарубежных стран в международных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах

Жудро Никита Георгиевич,

студент, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»

E-mail: nzhudro@mail.ru

В статье приводится анализ опыта прокуратур иностранных государств по обеспечению представительства и защиты интересов государства в международных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах. С помощью статистического метода и метода математического анализа приводится обоснование эффективности указанной деятельности органов прокуратуры иностранных государств. Также в статье приводится сравнительный анализ и структура органов, обеспечивающих представительство и защиту интересов государства в международных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах. Дополнительно в научной работе рассматриваются правовые основы института обеспечения представительства и защиты интересов государств, а также изучается целесообразность издания организационно-распорядительного документа, касающегося реализации полномочий по обеспечению представительства и защиты интересов Российской Федерации в международных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах.

Ключевые слова: органы прокуратуры; представительство интересов государства; защита интересов государства; прокуратуры зарубежных стран.

Актуальность рассмотрения опыта зарубежных прокуратур обусловлена появлением в России института представительства и защиты государственных интересов, закрепленного за Генеральной прокуратурой РФ. [15, 39.1] Прокуратура РФ – государственный и общественный институт, имеющий широкие полномочия в пределах уголовной юстиции и вне сферы уголовной юстиции, уникальный и многофункциональный орган. Внесенные в Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» изменения в июле 2021 года наделили отечественную прокуратуру новыми полномочиями в сфере обеспечения представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах). В составе Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ созданы новые структурные подразделения: Управление по обеспечению деятельности Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека (далее – ЕСПЧ), Управление по сопровождению международных споров, Отдел (зарубежный аппарат) по обеспечению представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах). [12] Начальник Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ М.В. Виноградов наделен функциями Уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ. [14] В таких условиях необходимо проанализировать опыт прокуратур и органов, выполняющих аналогичные функции, по обеспечению представительства и защиты государственных интересов в зарубежных странах.

Прокуратура Российской Федерации зарекомендовала себя надежным партнером по вопросам экстрадиции и правовой помощи. В решающую стадию входят важнейшие процессы, затрагивающие интересы Российской Федерации. Из-за политического давления наиболее сложными являются дела, связанные с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»». Судебные разбирательства по данным делам проходили в ЕСПЧ, Международном арбитраже в Гааге (Постоянная палата третейского суда), Окружном суде Гааги, Апелляционном суде Гааги, Верховном суде Нидерландов, Международном арбитражном суде Стокгольма. Верховный суд

Нидерландов 5 ноября 2021 года отменил решение Апелляционного суда Нидерландов и вернул дело на повторное рассмотрение в Апелляционный суд, что является несомненным доказательством высокого профессионализма представителей РФ. [16] Российской Федерации необходимо конструктивными юридическими средствами предотвратить материальные и репутационные потери. Крайне напряженной остается ситуация с расследованием со стороны Всемирного антидопингового агентства в отношении российских спортсменов. Неблагоприятное развитие ситуации и несвоевременная юридическая помощь могут привести к ослаблению позиций российских спортсменов. [2, 37] Прокуратура РФ обладает необходимым набором инструментов по реализации представительства и защиты интересов РФ, а именно:

1. Прокуратура РФ наделена полномочиями по использованию сведений, которые составляют банковскую и налоговую тайну.
2. Орган наделен полномочиями по истребованию материалов уголовного дела из органов, осуществляющих предварительное расследование и из судебных органов.
3. Прокуратура РФ уполномочена осуществлять надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. [5, 567]

Изучение аналогичного опыта прокуратур иных государств позволит повысить эффективность осуществления представительства и защиты интересов Российской Федерации на международной арене. Прокуратуры иностранных государств осуществляют данную деятельность на протяжении длительного периода времени, что позволит изучить проблемы осуществления этой деятельности.

Наиболее целесообразно рассмотреть опыт зарубежных стран на примере ЕСПЧ. Правовые основы института обеспечения представительства и защиты интересов государств в ЕСПЧ заложены в Регламенте Европейского Суда по правам человека от 1 января 2020 г. Правило 35 гласит: «Представительство Высоких Договаривающихся Сторон осуществляется официальными уполномоченными лицами, которые вправе пользоваться помощью адвокатов и советников». Примечание 20 к Правилу 28 урегулирует конфликт интересов, оно запрещает участвовать в любом заседании суда лицу, если лицо участвовало в качестве представителя государства в деятельности суда. Регламент не сообщает о конкретных органах, осуществляющих представительство и защиту интересов в ЕСПЧ. Европейский подход к пониманию роли прокурора основан на восприятии прокурора, как лица, осуществляющего уголовное преследование и существующего в уголовно-правовой сфере. [3, 132] Часть европейских стран не следует этому подходу. [9, 53] Однако можно выделить ряд государств, представители которых осуществляют защиту интересов государства в международных судах и иных органах. К ним относятся: Албания, Исландия, Испания, Кипр, Мальта, Норвегия, Португалия. Проведем рассмотрение деятельности

некоторых прокуратур применительно к предмету статьи.

Например, Прокуратура Республики Мальта выступает в качестве основного органа международного судебного сотрудничества и сотрудничества по уголовным делам. Представительство в международных органах и судах до декабря 2019 года обеспечивала Канцелярия Генерального прокурора. Модель представительства показала высокую эффективность. Правительство Мальты в результате реформы 2019 года создало единый орган представительства государства в судебных и несудебных межгосударственных и внутригосударственных инстанциях. Новый орган состоит из Государственного поверенного по юридическим вопросам (State Advocate) и Канцелярии государственного поверенного по юридическим вопросам (Office of the State Advocate). Сотрудники Канцелярии обязаны следовать нормам Кодекса этики адвоката и нормам Кодекса этики прокурорского работника. [17] Сотрудники юридической службы Государственного поверенного также регулярно присутствуют на заседаниях законодательных органов Мальты и выполняют ограниченные дипломатические и консульские функции по юридическим вопросам в правовых структурах Европейского Союза, Совета Европы и других международных организациях. [22] Служба Государственного поверенного выступает в качестве основного органа, обеспечивающего международный документооборот по гражданским делам. Обеспечение нового органа кадровой основой произошло благодаря переходу сотрудников Канцелярии Прокурора в Офис государственного поверенного. Правовой статус частнопрактикующего адвоката имеет существенные отличия от статуса поверенного государственного. Подчиненность сотрудников Государственного поверенного Кодексу этики прокурорского работника Мальтийской республики и кадровая общность, возможность перехода из одного ведомства в другое свидетельствует о том, что Государственный поверенный и Генеральная прокуратура Мальты тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. [17]

Генеральный прокурор Республики Кипр представляет страну и защищает ее интересы во всех случаях, когда Кипр является стороной судебного разбирательства. Генеральный прокурор является главой Юридической службы Кипра, которая не входит в состав иных ведомств и независима в своих действиях. [10, 112–114] Полномочия по представительству осуществляют Генеральный прокурор, Заместитель генерального прокурора, иные лица, назначаемые Генеральным прокурором и его Заместителем.

Рассматриваемые страны: Республика Кипр и Республика Мальта обладают важнейшими общими чертами. Территории данных стран длительное время находились под властью Великобритании, что повлияло на становление правовых институтов. [4, 186] В Великобритании аналогичные прокуратуре функции выполняет атторнейская служба. В широком смысле Атторней в Велико-

британии является представителем правительства во внутригосударственных судах, обвинителем по уголовным делам. С 1985 года Генеральный атторней руководит Службой государственных обвинителей, которая была создана в том же году. [8, 55] С конца девятнадцатого века Генеральный атторней лишен возможности заниматься частной адвокатской практикой, что указывает на его государственный и публичный статус. Можно сделать вывод, что функции представительства в международных органах свойственны лицам, выполняющим функции прокурора.

Прокуратура Испании обеспечивает представительство и защиту интересов страны в международных органах. [20, 3] Сотрудничество и представительство в международной сфере обеспечивает Технический секретариат Генерального прокурора. [20, 3] Прокуратура Испании интегрирована во все структуры, созданные Европейским союзом и другими международными организациями для укрепления сотрудничества в правовой сфере. Можно выделить три направления деятельности прокура-

туры, во-первых, международная помощь, касающаяся выдачи преступников, во-вторых, укрепление сотрудничества между странами, в-третьих, постоянное присутствие на различных международных институциональных площадках (международные организации, конференции). [19]

Прокуратура Португалии (Ministerio Publico) по своему правовому статусу схожа с прокуратурой Испании. Статья 219 Конституции Португалии 1976 года закрепляет за прокуратурой полномочия по представительству государства и защите интересов, определяемых законом. Представительство обеспечивает Отдел судебного сотрудничества и международных отношений, который возглавляет Глава Прокуратуры Португалии или его заместитель. За данным структурным подразделением закреплена функция обеспечения координации деятельности судей, документооборот, правовая помощь по уголовным делам. [18, 54] Испано-португальский тип прокуратуры считается наиболее близким по функциям к российскому типу прокуратуры. [6]

Таблица 1

Государство	Заявления, назначенные для подготовки судебного заседания	Заявления, признанные неприемлемыми или исключенные по различным причинам.	Заявления, по которым было вынесено судебное решение	Общее количество завершённых дел	Процент вынесения судебного решения
Испания	13 485	13 155	265	13 420	1,965%
Норвегия	2 015	1 956	65	2 015	3,22%
Португалия	4 408	3 429	539	3 968	12,22%
Кипр	1 296	1 128	109	1 237	8,4%
Мальта	934	780	135	915	14,45%
Албания	1 516	832	132	964	8,7%
Исландия	338	258	36	294	10,6%
Великобритания	22 987	23 091	1 859	24 950	8,08%
					Средний процент: 8,45%

Эффективность деятельности стран, где представительство государства и защиту государственных интересов осуществляет прокуратура, возможно измерить с помощью статистического метода и метода математического анализа. В таблице 1 и таблице 2 приведены страны, где представительство в международных инстанциях осуществляет прокуратура. Данные взяты за 61 год деятельности ЕСПЧ (1959–2020 годы). [21] В таблице 3 и таблице 4 представлены страны, где представительство обеспечивают иные органы, однако количество этих стран превышает количество стран, приведенных в таблице 1 и таблице 2. Исходя из этого, страны в таблице № 3 и таблице № 4 отобраны методом случайного (вероятностного) отбора. Математически подсчитан процент вынесения судебного решения, процент количества завершённых дел, процент заявлений, признанных неприемлемыми или исключенными по причине отзыва заявителем, мирового соглашения, прекращения обстоятельств, вызвавших подачу

заявления. Полученный процент округлен до сотых долей для удобства анализа. Орган, выбранный для исследования (ЕСПЧ), наиболее полно отражает деятельность прокуратуры в данном направлении, так как прокуратура осуществляет в нем две основные функции, составляющие предмет данной статьи, а именно: представительство государства и защиту государства.

Данные свидетельствуют о том, что в странах, где представительство обеспечивают иные органы, показатели эффективности отличаются от стран, где представительство обеспечивает прокуратура. Во второй группе стран (Таблица № 3, Таблица № 4) на 5,22% меньше исключенных заявлений по причине заключения мирового соглашения и иных причин, способствующих разрешению проблемы заявителей. В той же группе стран на 4,89% меньше завершённых дел. Необходимо отметить, что Великобритания заняла позицию разрешения практически всех споров в досудебном порядке. [1]

Таблица 2

Государство	Процент заявлений, признанных неприемлемыми или исключенные по различным причинам (мировое соглашение и т.д.)	Процент завершенных дел (по состоянию на 2020 г.)
Испания	97,55%	99,51%
Норвегия	97,07%	100%
Португалия	77,79%	90,01%
Кипр	87,03%	95,44%
Мальта	83,51%	97,96%
Албания	54,88%	63,58%
Исландия	76,33%	86,98%
Великобритания	100%	100%
	Средний процент: 84,27%	Средний процент: 91,68%

Таблица 3

Государство	Заявления, назначенные для подготовки судебного заседания	Заявления, признанные неприемлемыми или исключенные.	Заявления, по которым было вынесено судебное решение	Общее количество завершенных дел	Процент вынесения судебного решения
Турция	119 492	101 873	5 931	107 804	4,96%
Латвия	5 228	4 684	162	4 846	3,09%
Румыния	84 993	74 206	3 245	77 451	3,81%
Италия	48 928	40 271	3 414	43 685	6,97%
Греция	9 980	7 635	1 333	8 968	13,35%
Армения	3 944	2 390	162	2 552	4,1%
Украина	101 062	72 604	18 060	90 664	17,87%
					Средний процент: 7,73%

Таблица 4

Государство	Процент заявлений, признанные неприемлемыми или исключенные по различным причинам (мировое соглашение и т.д.)	Процент завершенных Дел (по состоянию на 2020 г.)
Турция	85,25%	90,22%
Латвия	89,59%	92,69%
Румыния	87,30%	91,12%
Италия	82,30%	89,28%
Греция	76,50%	89,85%
Армения	60,59%	64,70%
Украина	71,84%	89,71%
	Средний процент: 79,05%	Средний процент: 86,79%

Таким образом, обеспечение представительства и защиты государственных интересов органами прокуратуры – функции, которые свойственны институтам континентальной и англосаксонской правовой семьи. В странах, где подобные инструменты применяются иными органами, наблюдаются более низкие показатели эффективности. Несомненно, на данные показатели влияют поли-

тические и макроэкономические факторы, однако данные, приведенные за 61 год деятельности ЕСПЧ, отвечают критерию репрезентативности. Учитывая опыт иностранных государств, представляется целесообразным издание организационно-распорядительного документа ГП РФ, касающегося реализации полномочий по обеспечению представительства и защиты интересов РФ.

Литература

1. Актуальные вопросы современного права. Институт прав человека. Права человека и их защита в Российской Федерации: Учебно-методическое пособие / С.А. Готов, М.П. Фомиченко, А.Л. Журавлев, М.М. Какителашвили [и др.]. – Москва: Федеральный центр образовательного законодательства, 2019. – 572 с.
2. Зайцев В. А., Алексеев И.М. К вопросу о дискриминации российских спортсменов международными спортивными организациями // Вестник КРУ МВД России. 2017. № 3 (37).
3. Какителашвили М.М. Прокуратура в системе органов государственной власти в странах СНГ // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6. № 3 (20). С. 131–137.
4. Какителашвили М.М. Организация, деятельность и международное сотрудничество прокуратур зарубежных стран: Учебное пособие / М.М. Какителашвили. – Москва: Белый Ветер, 2019. – 186 с.
5. Москалева К. А. О значении функции представительства Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Европейском суде по правам человека / К.А. Москалева // Актуальные проблемы науки в исследованиях студентов, ученых, практиков: Сборник научных статей студентов, магистрантов, практиков, подготовленный по итогам Международной научно-практической конференции, Ижевск, 27 мая 2021 года. – Ижевск, 2021. – С. 566–571.
6. Организация и деятельность прокуратур зарубежных стран: учеб. пособие / Какителашвили М.М., Куликова Г.Л.; под ред. Г.Л. Куликовой. – М., Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2020. – 176 с.
7. Смбалян, А.С. Международное право не должно превращаться в моральную утопию / А.С. Смбалян // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 1(152).
8. Щерба С. П., Додонов В.Н., Примова Э.Н., Решетникова Т.А. Организация и деятельность прокуратуры зарубежных стран: информ.-аналитич. справ. / под общ. науч. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 55.
9. Щерба С. П., Додонов В.Н., Архипова Е.А. Полномочия прокуроров иностранных государств в уголовном судопроизводстве и вне уголовно-правовой сферы // Вестн. Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. № 3(53).
10. Конституция Республики Кипр от 16 августа 1960 года. URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/cypros/cyprus-r.htm (Дата обращения: 05.11.21)
11. Конституции Португалии 1976 года. URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm (Дата обращения: 05.11.21)
12. Положение о Главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (утв. Генпрокуратурой России 06.09.2021).
13. Регламент Европейского Суда по правам человека от 1 января 2020 г.
14. Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2021 г. № 412 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47059> (Дата обращения: 04.11.2021)
15. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 (ред. от 01.07.2021) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?resource=cons&target=doc (Дата обращения: 04.11.2021)
16. Опубликование решений ВС Нидерландов. URL: https://www.hogeraad.nl/actueel/nieuwsoverzicht/2021/november/hoge-raad-vernietigt-uitspraak-hof-arbitragezaak-yukos?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Дата обращения: 05.11.2021)
17. Официальный сайт Государственного поверенного Мальтийской республики. URL: <https://stateadvocate.mt/en/Pages/Office-of-the-State-Advocate.aspx> (Дата обращения: 20.10.2021)
18. Estatuto do Ministério Público Lei № 68/2019 Artigo 54. (Закон о статусе Прокуратуры № 68/2019. Статья 54)
19. Instrucción 2/2007, 20 de marzo de 2007, sobre la organización de la Sección de Cooperación Internacional de la ST de la FGE. (Инструкция 2/2007 о международном сотрудничестве органов прокуратуры).
20. Ley 50/1981, de 30 de diciembre, por la que se regula el Estatuto Orgánico del Ministerio Fiscal. Artículo 3. (Органический закон о Прокуратуре Испании 50/1981. Ст. 3)
21. Overview 1959–2020 ECHR (обзор ЕСПЧ) URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592020_ENG.pdf (дата обращения: 26.10.2021)
22. State Advocate Act 18.12.2019. XXV. (Закон о Государственном адвокате от 18.12.2019)

REPRESENTATION AND PROTECTION OF STATE INTERESTS BY THE PROSECUTOR'S OFFICES OF FOREIGN COUNTRIES IN INTERNATIONAL BODIES, FOREIGN AND INTERNATIONAL (INTERSTATE) COURTS

Zhudro N.G.

University of prosecutor's office of the Russian Federation

The article analyzes the experience of the prosecutor's offices of foreign states in ensuring representation and protection of the interests of the state in international bodies, foreign and international (interstate) courts. With the help of the statistical method and the method of mathematical analysis, the substantiation of the effectiveness of the specified activities of the prosecutor's offices of foreign states is given. The article also provides a comparative analysis and structure of the bodies providing representation and protection of the interests of the state in international bodies, foreign and international (interstate) courts. Additionally, the scientific work examines the legal foundations of the institute for ensuring representation and protection of the interests of states, and also examines the expediency of issuing an organizational and administrative document concerning the exercise of powers to ensure representation and protection

of the interests of the Russian Federation in international bodies, foreign and international (interstate) courts.

Keywords. Representation of interests, protection of interests, prosecutor's offices of foreign countries.

References

1. Current issues of modern law. Institute of Human Rights. Human rights and their protection in the Russian Federation: An educational and methodological manual / S.A. Glotov, M.P. Fomichenko, A.L. Zhuravlev, M.M. Kakitelashvili [et al.]. – Moscow: Federal Center for Educational Legislation, 2019. – 572 p.
2. Zaitsev V. A., Alekseev I.M. On the issue of discrimination of Russian athletes by international sports organizations // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (37).
3. Kakitelashvili M.M. Prosecutor's office in the system of state authorities in the CIS countries // Russian Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6. No. 3 (20). pp. 131–137.
4. Kakitelashvili M.M. Organization, activity and international cooperation of prosecutor's offices of foreign countries: Textbook / M.M. Kakitelashvili. – Moscow: White Wind, 2019. – 186 p.
5. Moskaleva K.A. On the significance of the function of representation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation in the European Court of Human Rights / K.A. Moskaleva // Actual problems of science in the research of students, scientists, practitioners: A collection of scientific articles of students, undergraduates, practitioners, prepared following the results of the International Scientific and Practical Conference, Izhevsk, May 27, 2021. – Izhevsk, 2021. – pp. 566–571.
6. Organization and activity of prosecutor's offices of foreign countries: studies. manual / Kakitelashvili M.M., Kulikova G.L.; edited by G.L. Kulikova. – M., Un-t Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation, 2020. – 176 p.
7. Smbatyan, A.S. International law should not turn into a moral utopia / A.S. Smbatyan // Eurasian Legal Journal. – 2021. – № 1(152).
8. Shcherba S. P., Dodonov V.N., Primova E.N., Reshetnikova T.A. Organization and activity of the Prosecutor's Office of foreign countries: inform. – analytical. help. / under total. scientific ed. S.P. Shcherba. M.: Yurлитinform, 2010. p. 55.
9. Shcherba S. P., Dodonov V.N., Arkhipova E.A. Powers of prosecutors of foreign states in criminal proceedings and outside the criminal legal sphere // Vestn. Akad. Gen. Prosecutor's Office Grew. Federation. 2016. No. 3(53).
1. Regulatory legal acts.
10. Constitution of the Republic of Cyprus of August 16, 1960. URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/cypros/cyprus-r.htm (Accessed: 05.11.21)
11. The Constitution of Portugal of 1976. URL: https://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/portugal/portug-r.htm (Date of appeal: 05.11.21)
12. Regulations on the General Directorate of International Legal Cooperation of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation» (approved by the Prosecutor General's Office of Russia 06.09.2021).
13. Regulations of the European Court of Human Rights of January 1, 2020
14. Decree of the President of the Russian Federation No. 412 of 08.07.2021 URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47059> (Accessed: 04.11.2021)
15. Federal Law No. 2202–1 of 17.01.1992 (as amended on 01.07.2021) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» (with amendments and additions, intro. effective from 01.09.2021).URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/?resource=cons&target=doc (Accessed: 04.11.2021)
16. Publication of decisions of the Supreme Court of the Netherlands. URL: https://www.hogeraad.nl/actueel/nieuwsoverzicht/2021/november/hoge-raad-vernietigt-uitspraak-hof-arbitragezaak-yukos?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Accessed: 05.11.2021)
17. Official website of the State Attorney of the Republic of Malta. URL: <https://stateadvocate.mt/en/Pages/Office-of-the-State-Advocate.aspx> (Date of application:20.10.2021)
18. Estatuto do Ministério Público Lei No. 68/2019 Artigo 54. (Law on the Status of the Prosecutor's Office No. 68/2019. Article 54)
19. Instrucción 2/2007, 20 de marzo de 2007, sobre la organización de la Sección de Cooperación Internacional de la ST de la FGE. (Instruction 2/2007 on international cooperation of the Prosecutor's Office).
20. Ley 50/1981, de 30 de diciembre, por la que se regula el Estatuto Orgánico del Ministerio Fiscal. Artículo 3. (Organic Law on the Spanish Prosecutor's Office 50/1981. Art. 3)
21. Overview 1959–2020 ECHR (ECHR review) URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Overview_19592020_ENG.pdf (accessed: 10/26/2021)
22. State Advocate Act 18.12.2019. XXV. (The Law on the State Lawyer of 18.12.2019)

Становление и развитие международно-правовых двусторонних отношений между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией

Табеева Медея Юрьевна,

ст. преподаватель кафедры гражданского права
Юго-Осетинского Государственного Университета
им. А.А. Тибилова
E-mail: medeya_tabeeva@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы становления и развития международно-правовых отношений Республики Южная Осетия и Российской Федерации на основе двусторонних международных договоров и соглашений. Автор показывает разнообразие целей, определяемых договаривающимися сторонами, а также, методы их достижения и реализации. Анализируется важность и практическое значение установленных договорных норм в различных сферах: укрепления обороны и безопасности, борьбы с организованной преступностью, оказания содействия Республике Южная Осетия в решении социально-экономических проблем, развитии культуры, искусства, спорта и туризма. Кроме того, обосновывается взгляд о приверженности договаривающихся сторон основополагающим принципам международного права и целям Устава ООН, которые в полной мере находят отражение в договорно-правовых основах двусторонних отношений Республики Южная Осетия и России.

Ключевые слова: Республика Южная Осетия, Российская Федерация, международный договор, соглашение, оборона и безопасность, устав ООН.

Развитие межгосударственных отношений – это перманентный процесс, сопровождавший существование всех государств мира в разные исторические периоды. Этот процесс связан с объективной необходимостью взаимодействия государств в разных сферах и направлениях внешнеполитической деятельности, а возникновение его по времени восходит к периоду распада родоплеменных отношений и происхождения самых первых государств.

Период распада родоплеменных отношений и появления первых рабовладельческих государств относят к IV тысячелетию до нашей эры. С того времени до наших дней государства вступают друг с другом в отношения именуемые международными. И лишь те международные отношения, в основе которых лежат правовые нормы, либо ведутся работы по созданию, изменению, или прекращению таковых, называется международными правоотношениями. Причем международные правоотношения имеют такой же длительный исторический путь развития, как и государства с момента их возникновения. Это подтверждается не только возникшими еще в древности и известными нам обычными нормами, но и дошедшими до наших дней древнейшими международными договорами. К примеру, договор между правителями городов Древней Месопотамии Лагаш и Умма датирован 3100 годом до н.э., а Мирный договор между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилисом – 1278 годом до н.э. [1, с. 16–19.]

Международные правоотношения по своей сути обеспечивают стабильность межгосударственных отношений в целом и в отдельных их сферах, поскольку влекут возникновение взаимных прав и обязанностей государств, и гарантируют их соблюдение. Поэтому значение межгосударственных правовых отношений представляется весьма существенным в системе международных отношений.

Формы выражения международно-правовых норм различные: от международных обычаев и международных договорных норм, до резолюций международных организаций, односторонних актов государств и других источников международного права. Причем, даже при наличии научных взглядов о преимущественном значении обычных норм перед договорными [2.] остается очевидным, что именно международный договор – это наиболее динамичное средство достижения международных консенсусов, установления взаимных прав и обязанностей государств и своевременного регулирования внешнеполитических отношений в различных сферах.

В свете сказанного большое практическое значение с одной стороны и научный интерес – с другой, представляют межгосударственные отношения Республики Южная Осетия с Российской Федерацией, связанные с созданием международных договорных норм.

При этом, кратность политического и практического значения таких отношений значительно возрастает с учетом существовавших с момента образования Республики Южная Осетия внешнеполитических угроз международно-правовому статусу молодого, непризнанного международным сообществом, государства. Ведь сегодня военная, политическая, экономическая безопасность Южной Осетии во многом обеспечивается благодаря сотрудничеству с Российской Федерацией.

Первым договором, заложившим основу такому сотрудничеству, стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г. [3, с. 5–6.]

Этим договором стороны, опираясь на общепризнанные принципы международного права и в соответствии с целями Устава ООН, подтвердили дружественный характер взаимоотношений (ст. 1); закрепили необходимость тесного сотрудничать в области внешней политики, взаимодействия в деле укрепления мира, защиты суверенитета, территориальной целостности и обеспечения безопасности (ст. ст. 2, 3); взяли на себя обязательства по обеспечению защиты этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности национальных меньшинств (ст. 14); подтвердили стремление к достижению высокой степени экономической интеграции, развитию торгово-экономического сотрудничества, здравоохранения, социального обеспечения (ст. ст. 15, 21), и многое другое.

Примечательно, что подписанию этого договора предшествовало официальное международно-правовое признание Республики Южная Осетия Российской Федерацией 26 августа 2008 г. И учитывая то, что возникновение нового государства ставит участников международного общения перед вопросом вступать или не вступать с ним в официальные сношения, а для этого, хоть и не всегда, но требуется официальное признание, [4.] подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи являлось логическим следствием международно-правового признания Южной Осетии Россией.

Как уже отмечено, этот договор урегулировал обширный блок вопросов в экономической, политической, социально-культурной сфере, сфере безопасности. Однако, следует уточнить, что Договор от 17 сентября 2008 г. – далеко не первое межгосударственное соглашение Республики Южная Осетия с Россией. В разное время соглашения заключались Республикой Южная Осетия с субъектами Российской Федерации (договор с Республикой Северная Осетия – Алания – в 1996 г.; Соглашение с Карачаево-Черкесской Республикой –

в 2007 г.; Протокол о сотрудничестве с городом Москвой – в 2006 г.). Здесь следует вспомнить п. «о» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, согласно которому, координация международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации находится в совместном ведении субъектов Российской Федерации и Российской Федерации. А под международным договором, согласно основному источнику права международных договоров – Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. – понимается «международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом... независимо от его конкретного наименования». [5, с. 64] Таким образом, неизбежен вывод о возникновении международных договорных российско-южноосетинских отношений также и до официального признания Россией Южной Осетии.

Между тем, именно Договор от 17 сентября 2008 г. заложил прочный фундамент и дал стимул укреплению, развитию и стабилизации международных правовых связей России и Южной Осетии; на его основе стороны разработали и приняли большое количество международных соглашений. Договором от 17 сентября 2008 г. по отдельным вопросам, в частности, по вопросам создания военной инфраструктуры и военных баз (объектов), охраны государственных границ, двойного гражданства, развития торгово-экономического, научно-технического и других направлений сотрудничества, здравоохранения и социального обеспечения, науки и образования, было предусмотрено заключение отдельных соглашений.

Такие соглашения состоялись и обеспечили выполнение ряда задач, связанных с возникшими у сторон договора обязательствами. Этими соглашениями были урегулированы вопросы: совместных усилий в охране Государственной границы Республики Южная Осетия, сотрудничества в международных отношениях, поощрения и взаимной защиты капиталовложений, сотрудничества в военной области, оказания помощи Республике Южная Осетия в социально-экономическом развитии, борьбы с преступностью, режима торговли товарами, сотрудничества в области связи и массовых коммуникаций, учреждения культурных центров, сотрудничества в области оказания специализированной медицинской помощи, лекарственного обеспечения, и пр.

Договорно-правовые нормы, регулирующие вышеуказанные вопросы, нашли имплементацию в национальные правовые системы, а также – свое реальное воплощение в жизнь.

Следующим основополагающим международным договором России и Южной Осетии, ознаменовавшим «переход на новый уровень межгосударственных отношений, союзничества и стратегического партнерства», стал Договор между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. [6]

Данный договор определил векторы взаимодействия государств также в различных направлениях.

В социально-экономической сфере предусмотрено поэтапное осуществление повышения средней заработной платы работников государственных и муниципальных учреждений Республики Южная Осетия при поддержке Российской Федерации; создание гарантий социальной защиты; повышение уровня пенсионного обеспечения; интеграция таможенных органов, и др.

В сфере культуры и образования – организация и разработка государственных образовательных стандартов, взаимное признание документов об образовании и квалификации специалистов; реализация программ развития культуры, искусства, русского и осетинского языков, спорта и туризма.

В целях борьбы с организованной преступностью стороны урегулировали вопрос создания Совместного информационно-координационного центра органов внутренних дел, определив его компетенцию.

Отдельное внимание в Договоре о союзничестве и интеграции уделено вопросам приобретения гражданства Российской Федерации гражданами Республики Южная Осетия. В частности, граждане Южной Осетии получили возможность вступления в гражданство Российской Федерации, не отказываясь при этом от имеющегося гражданства Республики Южная Осетия. Указанное положение легло в основу реализации института двойного гражданства в Республике Южная Осетия и Российской Федерации фактически.

В целом, вопросы принятия в российское гражданство всегда являлись наиболее злободневным для жителей Южной Осетии, поскольку именно в личной политико-правовой связи с российским государством жители Южной Осетии усматривали гарантии социальной стабильности.

В сфере обороны и безопасности стороны договорились о формировании единого пространства, предусмотрев вхождение отдельных подразделений Вооруженных Сил и органов безопасности Республики Южная Осетия в состав соответствующих формирований и органов России, и установив, что военная агрессия в отношении одной стороны договора, будет означать военную агрессию также и против другой стороны.

Важное внешнеполитическое и практическое значение для Южной Осетии приобрело обязательство России способствовать развитию международных связей Республики Южная Осетия и расширению круга официально признающих ее государств, создавать условия для интегрирования Республики Южная Осетия в международные организации.

Примечательно, что уже 29 мая 2018 г. независимость Республики Южная Осетия признала Сирийская Арабская Республика. Вскоре, между этими государствами были установлены дипломатические отношения, заключены международные соглашения.

После подписания и ратификации Договора о союзничестве и интеграции все основные его постулаты были развиты и отражены в соответствующих соглашениях, а также реализованы на практике.

В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что двусторонние отношения Республики Южная Осетия и Российской Федерации характеризуются достаточно высоким и стабильным уровнем развития. Они охватывают и регулируют наиболее базовые сферы взаимодействия по различным направлениям деятельности и функционирования государств; обеспечивают в необходимых пределах реализацию интеграционных процессов. Результатом этих отношений стало создание правовых основ для взаимного укрепления обороны и безопасности, борьбы с преступностью, оказания поддержки Республике Южная Осетия в развитии социально-экономической и культурной сфер.

Впрочем, это не единственное полезное качество международно-правовых норм, разработанных и положенных в основу двусторонних отношений Южной Осетии и России. Ведь, как справедливо отмечает С.С. Алексеев, правовому регулированию свойственна направленность на юридическое достижение целей, в этом и состоит социальный смысл существования права. [7, с. 146.] Договорно-правовые основы взаимодействия Республики Южная Осетия и России, несомненно, имеют и духовную, идеологическую ценность. В частности, в них находят воплощение основополагающие принципы международного права. Это сотрудничество, основанное на уважении к принципам суверенитета и суверенного равенства государств, направленное на запрещение применения силы или угрозы силой, защиту территориальной целостности и нерушимости государственных границ, соблюдение прав и основных свобод человека отражает подчиненность основным, общепризнанным нравственным и духовным ориентирам – устоям современного мира.

Несмотря на то, что Республика Южная Осетия не является государством-членом ООН, благодаря международно-правовым отношениям с Россией, она де факто, – что тоже немало важно, – присоединяется к целям Устава ООН. Очевидно, поддержание международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений, поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам достижимы лишь совместными усилиями всех участников международного сообщества без различия их по степени интегрированности в то или иное международное объединение, по признаку членства в какой-либо международной организации, и, конечно, независимо от наличия или отсутствия у государств «широкого» международно-правового признания.

В этом также выражается многозначительность двусторонних международно-правовых отношений Южной Осетии и России.

Литература

1. Григорьян С.А., Строкова Т.И. Международное право. Практикум. Часть I / Рос.гос.эконом. акад. – Ростов – н/Д., 1999. С. 16–19.
2. См.: Оппенгейм Л. Международное право / пер. с англ. М., 1948. Т. 1 (полумтом); Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996. Т. 1.
3. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г. // Газета Координационного совета № 1 март 2015 г. С. 5–6.
4. См.: Берлявский Л.Г., Табуева М.Ю. Конституционно-правовой статус Республики Южная Осетия и вопросы ее международно-правового признания. // Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. № 2 (46) Ростов-на-Дону, 2008. С. 15; Табуева М.Ю. Некоторые проблемы института признания в международном праве на примере Республики Южная Осетия. Право молодых (Right of Young): сборник трудов II Международной научной молодежной конференции (г. Ставрополь, 16–17 мая 2014 года). – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. С. 105.
5. Блатова Н.Т. Мелков Г.М. Международное право в документах: Учеб. пособие для студентов высш. юрид. учеб. заведений / [Сост. Н.Т. Блатова, Г.М. Мелков]. – 4. изд., перераб. и доп. – М., 2003 (ГУП ИПФ Ставрополье). С. 64.
6. Договор между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией о союзничестве и интеграции от 18 марта 2015 г. URL: <https://mfa.rsogov.org/ru/node/1289> (дата обращения: 20.11.2022 г.)
7. Алексеев С.С. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994. С. 146.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL BILATERAL RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA AND RUSSIAN FEDERATION

Tabueva M. Yu.

South Ossetian State University named after A.A. Tibilov

The article deals with the formation and development of international legal relations between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation on the basis of bilateral international treaties and agreements. The author shows a variety of goals defined by the contracting parties, as well as methods for achieving and implementing them. The importance and practical significance of the established treaty norms in various areas are analyzed: strengthening defense and security, combating organized crime, assisting the Republic of South Ossetia in solving socio-economic problems, developing culture, art, sports and tourism. In addition, the view is substantiated of the commitment of the contracting parties to the fundamental principles of international law and the goals of the UN Charter, which are fully reflected in the legal framework of bilateral relations between the Republic of South Ossetia and Russia.

Keywords: Republic of South Ossetia, Russian Federation, international treaty, agreement, defense and security, UN Charter.

References

1. Grigoryan S.A., Strokova T.I. International law. Workshop. Part I / Russian State Economic Academy – Rostov – n / D., 1999. S. 16–19.
2. See: Oppenheim L. International law / per. from English. M., 1948. T. 1 (half-length); Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. M., 1996. T.1.
3. Treaty of Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the Russian Federation and the Republic of South Ossetia of September 17, 2008 // Newspaper of the Coordinating Council No. 1 March 2015, pp. 5–6.
4. See: Berlyavsky L.G., Tabueva M. Yu. Constitutional and legal status of the Republic of South Ossetia and issues of its international legal recognition. // Legal Bulletin of the Rostov State Economic University. No. 2 (46) Rostov-on-Don, 2008. P. 15; Tabueva M. Yu. Some problems of the institution of recognition in international law on the example of the Republic of South Ossetia. Right of Young: Proceedings of the II International Scientific Youth Conference (Stavropol, May 16–17, 2014). – Stavropol: Publishing house of NCFU, 2014. P. 105.
5. Blatova N.T. Melkov G.M. International law in documents: Proc. allowance for students of higher education. legal textbook institutions / [Comp. N.T. Blatova, G.M. Melkov]. – 4th ed., revised. and additional – M., 2003 (GUP IPF Stavropol). S. 64.
6. Agreement between the Republic of South Ossetia and the Russian Federation on alliance and integration dated March 18, 2015. URL: <https://mfa.rsogov.org/ru/node/1289> (date of access: 11/20/2022)
7. Alekseev S.S. Theory of law. – M.: Publishing house BEK, 1994. S. 146.

Государственный контракт в оценке отечественной дореволюционной цивилистики

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н; доцент; доцент юридического факультета, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Статья посвящена историческому генезису специальной договорной конструкции государственного контракта. Рассмотрена история возникновения законодательного регулирования казенных закупок и заказов. Автором проанализирован широкий спектр мнений, сложившихся в отечественной цивилистике второй половины XIX – начала XX века, как в части осмысления казенного подряда с позиций гражданско-правового договора, так и в части выделения публично-административного начала в законодательстве Российской империи о казенном подряде и поставке. В статье анализируется также не получившая дальнейшего развития в науке и практике теория оценки государственного контракта как субмиссионного договора. Показано, что многие правовые нормы, регулирующие гражданско-правовые отношения между частными лицами, имеют свое генетическое юридическое начало в законодательстве о казенных закупках. Сделан вывод, что подход к государственному контракту, как к специальной конструкции, не меняющей правовую природу базового гражданско-правового договора, облеченного в форму государственного контракта, был заложен еще в дореволюционной отечественной цивилистике.

Ключевые слова: казенный подряд и поставка, государственный контракт, гражданское право, договорная конструкция.

В древнейшие времена публичные нужды, такие как, например, устройство оборонительных стен, и другие необходимые работы ложились на все население как общественная повинность, и лишь со временем, с развитием общественных и товарно-денежных отношений, такие работы стали поручаться за определенный эквивалент поставщикам и подрядчикам. Такие возмездные отношения уже можно считать прообразом современного договора для удовлетворения публичных нужд.

Рассматривая историю казенных подрядов и поставок в России профессор Редкин Петр Григорьевич (1808–1891) писал: «и прежде государство имело надобность въ разнаго рода материалахъ и работахъ. Этимъ надобностямъ могло оно удовлетворять или посредствомъ добровольныхъ со стороны гражданъ приношений и трудовъ, превратившихся потомъ въ постоянную ихъ обязанность, или хозяйственнымъ образомъ – своими людьми, личнымъ наймомъ постороннихъ изъ собственныхъ своихъ имуществъ, покупкою и т.п., или же тою мерою, которая въ последствии стала называться подрядомъ и поставкою» [13, с. 166].

Обращаясь к античному периоду, закономерно утверждать, что в римской империи, с ее развитой системой государственного устройства, казенный подряд использовался повсеместно. Однако, римским правом, тем не менее, данный вид правоотношений не регулировался. Русский правовед ординарный профессор по кафедре римского права Соколовский Павел Емельянович (1860–1934), отмечая, что кодекс Юстиниана не содержал никаких упоминаний на казенные откупа и казенные подряды, писал по этому поводу следующее: «нельзя, поэтому, не удивляться, что законодательство, своею полнотою и предусмотрительностью стяжавшее себе славу во всемъ просвещенномъ мире, обошло институтъ, получивший въ римскомъ государстве такое широкое распространение. Этотъ пропускъ Юстинианова кодекса можетъ быть объясненъ только темъ, что римские юристы не считали этихъ договоровъ частноправными» [14, с. 138].

Об истории правового регулирования казенных подрядов на Руси дает представление работа профессора П.Г. Редкина 1841 года «О казенных подрядах и поставках в России, до первого их преобразования». Петр Григорьевич Редкин отмечал, что причиной развития законодательства

о казенных подрядах и поставках явилась необходимость защиты казенных интересов от всякого рода «упущений и злоупотреблений, которая здесь, по свойству самого договора, всего чаще могут встречаться» [12, с. 163]. По мысли профессора Редкина, в частноправовой сфере лица, вступающие в гражданско-правовые отношения, с должной степенью ответственности заботятся о предотвращении всего, что может причинить им ущерб, поскольку действуют в своем интересе. «Казенные же подряды и поставки заключаются казною чрезъ посредство лицъ, не находящихъ въ томъ никакой для себя материальной выгоды» [12, с. 163]. Таким образом, без должной регламентации казенного подряда и казенной поставки судьба интересов казны по сути оставлялась бы на усмотрение и произвол личности, заключающей договор. П.Г. Редкин делает совершенно логичный вывод о том, что правовому регулированию казенных подрядов и поставок всегда предшествует право «подобнаго рода сделокъ между частными людьми: частное хозяйство всегда предшествуешь государственному» [12, с. 164].

Вот уже почти двести лет ученые для изучения права обращаются к материалам Петербургской Археографической комиссии, которая была утверждена в 1834 году императорским указом и оставила нам бесценное источниковедческое научное наследие, открыв и издав множество документов по истории русского права. Опираясь на материалы Археографической комиссии, П.Г. Редкин установил, что казенный подряд «встречаемъ мы въ первый разъ при Царь Михаиле Феодоровичь, въ поручной записи 26-го Ноября 1629 года» [12, с. 165]. Безусловно, это не первый случай заключения казенного подряда, и профессор Редкин делает логичный вывод о том, что «казенные подряды и поставки были у насъ въ обычаяхъ прежде, нежели законодательство начало обращать на нихъ особенное свое внимание» [12, с. 168]. Собственно и в поручной записи 1629 года речь идет не о самом казенном подряде, а о поручительстве двух посадских людей за кузнецов, которые поставляют в казну ядра для пищалей и в данном документе ничего не говорится «какия лица были представителями казны при заключении договора, за какую цену и какъ (т.е. словесно или письменно и т.п.) подрядчики заключили договоръ, въ какой срокъ они должны его выполнить, какъ долженъ имъ производиться изъ казны платежъ, какъ поступать съ самимъ подрядчикомъ, если онъ окажется иеисправнымъ, въ какомъ случае прекращает-ся договоръ и проч.» [12, с. 169].

В Соборном Уложении царя Алексея Михайловича 1649 года, которое почти 200 лет, вплоть до 1832 (т.е. до принятия Свода законов Российской Империи) года определяло основы правовой системы Российского государства, также ничего не упоминается о казенных поставках и подрядах, за исключением положения о взыскании пошлин при перевозке и поставке хлеба в казну. Таким образом, делал вывод П.Г. Редкин, явное норматив-

ное регулирование казенных подрядов и поставок в период действия Соборного Уложения отсутствовало, «определяемъ былъ договоръ о казенномъ подряде и поставке, какъ и все договоры, общими обычаями и особенными условиями, при самомъ заключении договоръ постановляемыми» [12, с. 172].

В последующие десятилетия по отдельным казенным закупкам издавались многочисленные именные царские указы. Фактически, централизованное правовое регулирование казенного подряда начинает свое начало при Петре I, который в 1715 году для управления казенными закупками создает особое ведомство – Канцелярию подрядных дел. Начинают действовать объявления о закупках, создаются механизмы контроля за ценами. В целом же после Петра Первого, как указывал выдающийся русский юрист Максим Моисеевич Винавер (1862–1926) «дальнейшее развитие, шедшее чрезъ весь 18-й и начало 19-го века, выразилось въ ряде разрозненныхъ законоположений и административныхъ актовъ» [3, с. 115].

В 1830 году, во время составления под руководством Михаила Михайловича Сперанского Свода Законов Российской империи было издано „Положение об обязательствах между казною и частными лицами по подрядам и поставкам“. Нормативное правовое регулирование казенных подрядов и поставок в окончательном виде было сформировано с принятием Свода законов Российской империи, в составе которого положения о казенном подряде и поставке изначально содержались со статьи 1746 по 2011 статью X тома, а позднее были обособлены в том же X томе в Положение о казенных подрядах и поставках.

Доктринальное осмысление договора казенного подряда начинается отечественной цивилистикой во второй половине XIX века.

Исключительно к сфере гражданских отношений относил договоры с казною профессор Евгений Владимирович Васьяковский (1866–1918). Он писал: «Действительно, государство, въ качестве казны, вступаетъ во всякаго рода сделки съ частными лицами: закупаетъ провиантъ для войскъ, заключаетъ подряды и т.п. Но это возможно именно потому, что въ такихъ случаяхъ государство играетъ роль частнаго лица» [2, с. 3]. И далее: «В области публичнаго права государства действуетъ какъ носитель верховной принудительной власти, а въ области частнаго права – какъ обыкновенное частное лицо, хотя, конечно, принадлежащее къ числу искусственныхъ, или фиктивных, какъ принято говорить, юридическихъ лицъ» [2, с. 4]. Знаменитый цивилист, профессор Иосиф Алексеевич Покровский (1868–1920) считал, что государственный контракт «бесспорно, принадлежит к области права частнаго, а не публичнаго». [11, с. 65].

Виднейший русский правовед Дмитрий Иванович Мейер (1819–1856) также казну как участника гражданского оборота. Он писал: «Казна ... является въ юридическомъ быту субъектомъ гражданскаго права» [9, с. 114]. Д.И. Мейер делает важный в кон-

тексте нашего исследования вывод о том, что личность контрагента (казны) не может влиять на существо договора, не может образовать новый вид договора и на основании этого задается рядом вопросов:

- почему законодательство выделяет казенные выделяет подряды и поставки из общего перечня гражданско-правовых договоров?
- почему законодательство объединяет казенный подряд и казенную поставку, «определяет их подь одну рубрикою и даже смотрит на эти договоры, если не как на тождественные, то как на сродственные» [9, с. 613]?

Объясняется это, делает вывод профессор Мейер, именно тем, что нормы, обособленные законодательством под рубрикой «казенные подряды и поставки» содержат определения «характера чисто-административного, а не юридического» [9, с. 614], «почти все эти определения касаются заключения договоров или условий, полагаемых при их заключении. И только некоторые, немногие определения из всей массы их касаются существа договоров; но и те не имеют характера самостоятельности, а составляют лишь применение общих положений о договорах к подряду и поставке, лишь выводы из этих положений, и во всяком случае не относятся исключительно к подрядам и поставкам, заключаемым казною» [9, с. 624]. Д.И. Мейер отмечает, что положение о казенных подрядах распространяется «не на одни подряды и поставки, а также на продажу казенного имущества, на заключение казною договора найма по оброчным статьям» и др. Отметим, что в последней четверти XIX века уже на регулярной основе размещались казенные заказы на содержание и очистку от мусора муниципальных территорий, содержание почтовых станций, на печные, трубоочистные и водоливные работы, работы на починку и содержание дорог, каналов, мостов и др.

Профессор Мейер определял, что целью Положения по казенным подрядам и поставкам является установление единообразия в договорах, заключаемых казною. «Но, разумеется, единообразие не может касаться существа договоров, ибо никакое законодательство не может объявить, что напр, купля-продажа то же, что наем, или что заем и т.п. Другое дело условия, на которых заключаются договоры, образ действия при их заключении» [9, с. 613].

Значимость исследования Д.И. Мейера состоит в том, что еще в 1864 год он заложил понимание государственного контракта как специфической формы гражданско-правового договора, не меняющего правовой природы и целевой направленности основного, базового обязательства.

В начале XX века в связи с бурным развитием науки административного права, ряд отечественных ученых начинает делать акцент на административном аспекте договоров казенного подряда и поставки. В работах видных российских цивилистов Л.С. Таля и В.И. Синайского получила развитие теория рассмотрения договора казенного подряда как договоров субмиссионных. В 1916 году

профессор Лев Семенович Таль (1866–1933) выпускает работу «Очерки промышленного права», в которой пишет: «в последнее время... постепенно устанавливается другой взгляд на природу договоров, коими государство, в лице казны или общественных управлений, переносит выполнение определенных хозяйственных операций в виде подряда... на частного предпринимателя. Его рассматривают как административный акт, облеченный в форму соглашения и порождающий одновременно и публичные и гражданские правоотношения» [16, с. 64].

В конце XIX века в ряде зарубежных стран (США, Англия, Франция, Бельгия, Голландия, Австрия и др.) начали делать попытку включения в государственные контракты условий нормирования труда. В частности, в качестве таких специальных условий Л.С. Таль называет: восьмичасовой рабочий день, минимальный размер заработной платы, ограничение на привлечение иностранных рабочих, запрещение на передачу работ посредникам и др. [16, с. 62]. Именно такие государственные контракты стали называть субмиссионными договорами. Л.С. Таль пишет, что «нормирование условий труда при заключении субмиссионного договора, по существу, является действием власти, имеющим целью охрану интересов рабочих и совершаемым по государственным соображениям» [16, с. 63]. Синайский Василий Иванович (1876–1949) указывал, что «казенные договоры подряда и поставки регулируются Положением, несмотря на осложняющая их административный действия, как частно-правовые договоры. Между тем, на самом деле это субмиссионные договоры» [15, с. 36]. «Юридическая природа их сводится к тому, что подряжающей стороной выступать орган, облеченный правительственной или общественной властью и обладающий, поэтому, возможностью, в административном порядке регулировать условия найма труда» [15, с. 120]. Действительно, Положение о казенных подрядах и поставках содержало некоторые нормы, касающиеся вопросов регулирования трудовых отношений. Так, например статьей 23 устанавливалось, что в договоре казенного подряда должно «изъясняться» «время продолжения работ поденных, или же ограничение труда известною мерою», а в статье 192 говорилось, что «при платеже кредиторам подрядчика из следующих ему по подряду или поставке из казны сумм, преимущественное предь всеми другими право на такое удовлетворение имеют рабочие люди ...».

Однако, теория квалификации казенных подрядов как субмиссионных договоров не получила развития ни в цивилистике, ни в законодательстве, ни на практике. В настоящее время слова «субмиссия», «субмиссионный» в нашем языке практически не используются, что подтверждается поисковым запросом по СПС Консультант.

Дореволюционная цивилистика зачастую делала акцент на прикладном, административном значении Положения о казенных заказах и поставках.

Русский правовед Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) оценивал положения Свод Законов о договорах казенного подряда и поставки как «не что иное как инструкции» для публичных органов, заключающих договоры от имени казны [7, с. 240]. Аналогично этому, профессор Николай Львович Дювернуа (1836–1906) отмечал, что положения Свода законов, касающиеся казенных подрядов и поставок содержат «въ себе вовсе не цивильную обработку этого института, а инструкциязразнымъ установлешямъ объ обязательномъ для нихъ способе действий въ этихъ случаяхъ. Тутъ, след., цивильная сторона вопроса разработана въ особомъ применены. Въ з.-европейекихъ гражданских, кодексахъ обыкновенно не содержится никакихъ такихъ особыхъ определений для дель казны, а темъ более такихъ подробныхъ, какъ у насъ, тамъ это дело административнаго права» [3, с. 190]. Аналогичную позицию занимал профессор Адольф Христианович Гольмстен (1848–1920), который считал, что положения о казенных подрядах и поставках, в своде законов «носят более характер инструкций для чиновников, чемъ характеръ определений, вытекающих из существа договора, как юридической сделки» [4, с. 50]. Член кодификационного отдела Государственного совета Петр Михайлович Майков (1833–1918.) так же отмечал, что статьи Положения о казенных подрядах и поставках служат «по преимуществу для руководства казенныхъ управлений и не имеющие прямого соотношения к материальному гражданскому праву» [8, с. 167].

Тем не менее, как мы уже отмечали ранее, сторонников того, что Положения о казенном подряде и поставке содержат важные нормы именно гражданского права, было тоже достаточно. Так, один из теоретиков русского права Габриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912.) однозначно отмечал, что «Договоръ подряда или поставки между казною и частнымъ лицомъ входитъ въ сферу гражданского права» [18, с. 3].

Положение о казенных подрядах и поставках содержало нормы:

- о лицах, могущих вступать в подряды с казной
- об условиях казенного подряда (предмет договора, сроки, цена)
- о обеспечениях посредством залога, заклада и поручительства
- о штрафах и неустойках
- о порядке проведения торгов на государственный подряд и поставку
- о порядке заключения договора.

Все эти нормы, наряду с процессуальными аспектами заключения и исполнения договора казенного заказа, регулировали в первую очередь гражданско-правовые отношения сторон.

Известный ученый правовед Оршанский Илья Григорьевич (1848–1875) считал, что казенные подряды «служили всегда могущественнымъ двигателемъ развития гражданского законодательства» [10, с. 25]. И приводил в качестве иллюстрации такой пример. Положение о том, что при отказе

покупателя от договора продавец может удержать в свою пользу задаток с 1830 года действовало в сфере казенного подряда и только в 1854 году было введено в общий закон о запродажных записях и стало применяться в гражданско-правовых договорах между частными лицами.

История развития российского гражданского права показывает, что многие важные положения, изначально применявшиеся именно в сфере казенного заказа, позднее были распространены на правоотношения между частными лицами. Так от М.М. Винавера мы узнаем, что «когда Сперанский желалъ ввести въ сводъ правила о казенномъ подряде, онъ нарочито создалъ предварительное положение 1830 г. и включилъ въ него много общихъ началъ договорнаго права. Оттуда онъ затемъ эти общия начала переводилъ въ общее учете X тома о договорахъ» [3, с. 115]. Нормы о последствиях обязательств сторон при возникновении непреодолимых обстоятельств также имеют свое начало в законодательстве о казенных подрядах и поставках – именно в нем они были изначально регламентированы со всей подробностью, а затем были инкорпорированы в положения о гражданско-правовых отношениях между частными лицами [1, с. 51], [6, с. 124]. Выдающийся русский цивилист, профессор Петр Павлович Цитович (1843–1913) считал, что «постановления о казенныхъ поставкахъ крайне важны въ другомъ отношении: въ нихъ нередко, безъ всякаго оттенка *jus singulare* казны, можно подметить, какъ бы подслушать, частное применение того или другого изъ руководящихъ началъ теории обязательственнаго права» [17, с. 52].

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о том, что:

- дореволюционная цивилистика осмысливала законодательство о договорах казенного подряда в двух направлениях: с позиции административного регулирования процедур заключения и исполнения договора и с позиции регулирования частно-правовых отношений
- в Положении о казенных закупках были апробированы многие правовые регуляторы, инкорпорированные затем в гражданско-правовое законодательство, применимое к договорным отношениям между частными лицами
- понимание государственного контракте как договорной конструкции, не меняющей правовую природу гражданско-правового договора, облеченного в форму государственного контракта было заложено еще отечественной в правовой наукой уже во второй половине XIX века.

Литература

1. Беляцкий С.А. Гражданский оборот, непреодолимая сила и война / С.А. Беляцкий // Вестник Гражданского права. – Петроград, 1915. – № 3 (Март). – С. 47–86.
2. Васьяковский Е.В. Учебник гражданского права. Выпуск I: Введение и общая часть / Е.В. Ва-

- ськовский. – СПб.: Издание Юридического Книжного Магазина Н.К. Мартынова, Комиссионера Государственной Типографии, 1894. – [2], II, 169 с.
3. Винавер М.М. Гражданская хроника / М. Винавер // Вестник Гражданского права. – СПб., 1913. – № 4 (Апрель). – С. 114–132.
 4. Гольмстен А.Х. Обязательственное и вещное право: Конспект лекций, читанных в Александровской военно-юридической академии проф. А.Х. Гольмстеном. – СПб.: Издал поручик Перетц, 1899. – 135 с. – [Напечатано на пишущей машинке. Литография].
 5. Дювернуа Н.Л. Конспект лекций гражданского права, читанных ординарным профессором С.-Петербургского университета Н.Л. Дювернуа, в 1885–86 академическом году. Часть Особенная. Книга II. – СПб.: Типо-литография Х.Ш. Гельпернг, 1885. – 226, 193 с.
 6. Канторович Я.А. Война и исполнение обязательств / Я.А. Канторовича // Журнал Министерства Юстиции. – Петроград, 1917. – № 2–3 (Февраль – март). – С. 102–154; № 4 (Апрель). – С. 126–182; № 5–6 (Май – июнь). – С. 115–153.
 7. Кавелин, Константин Дмитриевич. Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству: опыт систематического обозрения / К. Кавелин. – Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. – XXXI, 410, XV, [1] с.
 8. Майков П.М. О своде законов Российской империи / [Сочинение П.М. Майкова]. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1905. – 279 с.
 9. Мейер Д.И. Русское гражданское право / Чтения Д.И. Мейера, изданные по запискам слушателей; Под ред. А. Вицына. – 3-е издание, исправленное сообразно определениям новейшего законодательства. – СПб.: Издание Николая Тиблена, 1864. – VI, 789 с.
 10. Оршанский И.Г. Роль казенного интереса в русском праве / И. Оршанский // Судебный Журнал. – СПб., 1875. – [Книга I] Январь – Февраль. – С. 1–52.
 11. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Пг.: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1917, 328 с.
 12. Редкин П.Г. О казенных подрядах и поставках в России, до первого их преобразования / Проф. П. Редкин // Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1841. – Том I. – С. 161–187.
 13. Редкин П.Г. Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным, Доктором Прав и Ординарным Профессором Императорского Московского Университета. – М.: В Университетской типографии, 1841. – Том I. – С. 161–187.
 14. Соколовский П.Е. Договор товарищества по римскому гражданскому праву / П.Е. Соко-

ловского. – Киев: Типография Императорского университета св. Владимира (В.И. Завадского), 1893. – [2], X, 304 с. – (Исследования в области права товарищества).

15. Синайский В.И. Русское гражданское право. Выпуск II: Обязательственное, семейное и наследственное право / Проф. В.И. Синайский. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Киев: Типо-Литография «Прогресс», 1918. – [2], II, 300 с.
16. Таль, Лев Семенович. Очерки промышленного права / Проф. Л.С. Таль. – Москва: тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. – [4], 127 с.
17. Цитович П.П. Обязательства по русскому гражданскому праву. Конспект лекций / читанных ординар. профессором университета св. Владимира П.П. Цитовичем; Издание студентов. – Киев: Типография И.И. Чоколова, 1894. – 104, II с.
18. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / [Сочинение] Профессора Московского университета Г.Ф. Шершеневича. – Шестое издание. – СПб.: Издание Бр. Башмаковых, 1907. – VIII, 815 с.

STATE CONTRACT IN THE ASSESSMENT OF DOMESTIC PRE-REVOLUTIONARY CIVIL LAW

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the historical genesis of the special contractual structure of the state contract. The history of the emergence of legislative regulation of state purchases and orders is considered. The author analyzes a wide range of opinions that have developed in domestic civil law in the second half of the 19th – early 20th centuries, both in terms of understanding the state contract from the standpoint of a civil law contract, and in terms of highlighting the public-administrative principle in the legislation of the Russian Empire on state contracting and supply. The article also analyzes the theory of assessment of the state contract as a submission agreement, which has not received further development in science and practice. It is shown that many legal norms regulating civil law relations between individuals have their genetic legal origin in the legislation on public procurement. It is concluded that the approach to the state contract, as a special construction that does not change the legal nature of the basic civil law contract, dressed in the form of a state contract, was laid down in pre-revolutionary domestic civil law.

Keywords: public contract and supply, state contract, civil law, contractual structure.

References

1. Belyatskin S.A. Civil circulation, force majeure and war / S.A. Belyatskin // Bulletin of Civil Law. – Petrograd, 1915. – No. 3 (March). – S. 47–86.
2. Vaskovskiy E.V. Textbook of civil law. Issue I: Introduction and general part / E.V. Vaskovsky. – St. Petersburg: Edition of the Legal Book Store N.K. Martynov, Commissioner of the State Printing House, 1894. – [2], II, 169 p.
3. Vinaver M.M. Civil Chronicle / M. Vinaver // Bulletin of Civil Law. – St. Petersburg, 1913. – No. 4 (April). – S. 114–132.
4. Holmsten A. Kh. Law of Obligation and Property Law: Abstract of lectures given at the Alexander Military Law Academy prof. O.H. Holmsten. – St. Petersburg: Published by Lieutenant Peretz, 1899. – 135 p. – [Typed on a typewriter. Lithography].
5. Duvernoix N.L. Abstract of lectures on civil law given by an ordinary professor of St. Petersburg University N.L. Duvernoy, in the academic year 1885–86. Part Special. Book II. – St. Petersburg: Typo-lithography Kh. Sh. Gelperng, 1885. – 226, 193 p.
6. Kantorovich Ya.A. War and fulfillment of obligations / Ya.A. Kantorovich // Journal of the Ministry of Justice. – Petrograd, 1917. –

- No. 2–3 (February – March). – S. 102–154; No. 4 (April). – S. 126–182; No. 5–6 (May – June). – S. 115–153.
7. Kavelin, Konstantin Dmitrievich. Rights and obligations on property and obligations as applied to Russian legislation: an experience of systematic review / K. Kavelin. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1879. – XXXI, 410, XV, [1] p.
 8. Maykov P.M. On the Code of Laws of the Russian Empire / [Composition by P.M. Maykov]. – St. Petersburg: Printing house of the partnership “Public benefit”, 1905. – 279 p.
 9. Meyer D.I. Russian Civil Law / Readings by D.I. Meyer, published according to the notes of listeners; Ed.A. Vitsyna. – 3rd edition, revised according to the definitions of the latest legislation. – St. Petersburg: Edition of Nikolai Tible, 1864. – VI, 789 p.
 10. Orshansky I.G. The role of state interest in Russian law / I. Orshansky // Judicial Journal. – St. Petersburg, 1875. – [Book I] January – February. – S. 1–52.
 11. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. – Pg.: Ed. legal book. skl. “Right”, 1917, 328 p.
 12. Redkin P.G. About government contracts and deliveries in Russia, before their first transformation / Prof. P. Redkin // Legal notes published by Peter Redkin, Doctor of Laws and Ordinary Professor of the Imperial Moscow University. – M.: In the University Printing House, 1841. – Volume I. – P. 161–187.
 13. Redkin P.G. Legal notes published by Pyotr Redkin, Doctor of Laws and Ordinary Professor of the Imperial Moscow University. – M.: In the University Printing House, 1841. – Volume I. – P. 161–187.
 14. Sokolovsky P.E. Partnership agreement in Roman civil law / P.E. Sokolovsky. – Kyiv: Printing house of the Imperial University of St. Vladimir (V.I. Zavadsky), 1893. – [2], X, 304 p. – (Research in the field of partnership law).
 15. Sinaisky V.I. Russian civil law. Issue II: Law of Obligations, Family and Inheritance / Prof. IN AND. Sinai. – Second edition, revised and enlarged. – Kyiv: Type-Lithography “Progress”, 1918. – [2], II, 300 p.
 16. Tal, Lev Semenovich. Essays on industrial law / Prof. L.S. Tal. – Moscow: type. G. Lissner and D. Sobko, 1916. – [4], 127 p.
 17. Tsitovich P.P. Obligations under Russian civil law. Abstract of lectures / read ordinar. professor at the University of St. Vladimir P.P. Tsitovich; Student edition. – Kyiv: Printing house I.I. Chokolova, 1894. – 104, II p.
 18. Shershenevich G.F. Textbook of Russian civil law / [Composition] Professor of Moscow University G.F. Shershenevich. – Sixth edition. – St. Petersburg: Edition Br. Bashmakov, 1907. – VIII, 815 p.

Оценка регулирующего и фактического воздействия нормативных правовых актов: международный опыт и перспективы в России

Орехова Наталья Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления, РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: Nataliaorekhova@bk.ru

В статье рассматриваются некоторые актуальные проблемы в системе нормативного правового регулирования природоохранных мероприятий, что обуславливает необходимость поиска их устранений. Выявлено, что в России и в иных государствах, правотворчество в области экологии сталкивается с рядом проблем и несоответствий международным стандартам. В то же время, система совершенствуется, разрабатываются новые нормативные акты, способствующие устранению существующих коллизий. В целом, исследование нацелено на то, чтобы проанализировать систему нормативных правовых актов, рассмотреть опыт и возможности совершенствования, перспективы развития законодательства в данной области. Для этого, проведено изучение понятий и терминологии регулирующего и фактического воздействия нормативных правовых актов, проанализированы методы оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов в России и за рубежом, изучены нормативные правовые акты в сфере экологии и охраны окружающей среды. В заключении сделан вывод о несоответствии регулирующего и фактического воздействия актов в сфере экологии, что влечет за собой проблемы, связанные с загрязнением атмосферы и почвы, климатические нарушения и другие экологические проблемы, негативно влияющие на качество жизни населения страны.

Ключевые слова: нормативный правовой акт, регулирующее воздействие, фактическое воздействие, экология, природоохранное законодательство, зарубежный опыт.

Основные понятия и термины (нормативный правовой акт, регулирующее воздействие)

Нормативные акты являются источником права в Российской Федерации и континентальных странах и строятся на глубокой теоретическо-методологической базе, обладающей принципами устойчивости, системности и саморазвития.

Официальное закрепление дефиниции «нормативный правовой акт» в России отсутствует. Однако существует несколько подходов, характеризующих данное понятие с разных сторон.

Первоначально Пленумом Верховного Суда[1] «под нормативным правовым актом понимался изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные актом». Однако впоследствии данное определение утратило силу, а данные признаки нашли отражение в другом постановлении Пленума Верховного Суда[2]. В нем были указаны лишь существенные признаки, характеризующие нормативный правовой акт. К ним были отнесены следующие признаки: издание акта в установленном порядке управомоченным органом государственной власти, органом местного самоуправления или должностным лицом, наличие правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Таким образом, нормативный правовой акт может быть определен, как универсальное средство регулирования, определяющее единые правила поведения для различных участников общественных отношений, позволяя им обеспечивать стабильность достижения поставленных результатов своего поведения и давая оценку поведения государством.

Для более точного определения сущности нормативного правового акта следует представить признаки, отличающие его от других правовых актов. Среди них, в общей теории права, выделяются такие как: наличие норм права, результативность правотворчества, обязательность использования процедурного характера при разработке и приме-

нении, обладание документальной (письменной) формы, выражение государственной воли.

Тем не менее, среди приведенных признаков отсутствует такая важная характеристика нормативного правового акта, как регулирующее воздействие. Для доказательства сказанного стоит проследить юридическую природу определения «регулирующее воздействие». Основа его заложена при формировании понятия «регулирование», свойственного всем процессам государственного управления, включая разработку нормативных правовых актов.

Не вызывает сомнения, что именно регулирование выступает важнейшей целью любой правотворческой инициативы, результатом которой выступает нормативный акт. В тоже время, в последние годы получило распространение понятие «регулирующего воздействия», оценке которого уделили внимание авторы множества трудов. Одним из первых в данной области стали разработки профессора О.С. Рогачевой, которая построила свое исследование на телеологическом анализе [3]. Автор доказала значительное место в действии норм и принципов права поведения личностей в социуме при установлении запретов и юридических обязанностей. Таким образом, средства и методы регулирования на практике реализуют цель, поставленную законодателями в процессе разработки ими нормативных правовых актов.

Раскрывая понятие регулирующего воздействия, Е.А. Мамай отмечал, что «это влияние нормы права, выраженное в количественном и качественном измерении, отражающее пригодность конкретной нормы достигать поставленных перед ней результатов» [4].

К тому же множеством авторов подчеркивается обоснованность регулирующих норм, сформированная исходя из расчетов и исследований специалистов в каждой конкретной сфере [5].

В целом стоит подчеркнуть, что регулирующее воздействие, свойственно каждому нормативному правовому акту, поскольку оно подлежит дальнейшему оцениванию. Оценка регулирующего воздействия нормативных правовых актов осуществляется и в других зарубежных странах. При этом стоит отметить, что в России данный институт введен Правительством Российской Федерации относительно недавно, в 2012 году [7]. Тем не менее, он получил значительное развитие, выраженное в «отсеве» неэффективных законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых в различных сферах.

При этом, цель оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации раскрывается в двух контекстах:

1. выявление таких положений нормативных правовых актов, которые содержат избыточные обязанности, налагают недопустимые и излишние запреты и ограничения для субъектов регулирования конкретного закона в сфере предпринимательства или других областях;

2. выявление положений, которые провоцируют увеличение необоснованных расходов субъектов предпринимательства и повышают финансовую нагрузку на инвесторов либо увеличивают расходы бюджетов субъектов Российской Федерации.

Значимость института оценки регулирующего воздействия доказывается использованием его в системе зарубежного законодательства. Поскольку Германия и Франция имеют схожие с российской правовые системы, представим особенности регулирующего воздействия именно в этих странах.

Так, в Германии оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) проводится в разрезе каждой земли. Документом по ОРВ в Германии выступает краткое руководство («Leitfaden zur Gesetzesfolgenabschätzung»), подготовленное в рамках программы модернизации госуправления «Moderner Staat – Moderne Verwaltung» [6]. Указанный документ определяет ОРВ как процесс правовой оптимизации, способствующий снижению объема регулирования, управлению экономикой с ограниченными ресурсами и во избежание потерь при принятии каждого нормативного документа. Интересно и то, что в системе германского законодательства, оценка ОРВ проводится не только посредством перспективного анализа, но в ретроспективе. Это позволяет определять: принял нормативный акт рынок и его участники или нет, и почему. Тем не менее, в Германии данный инструмент не ограничивается поиском финансовых рисков и нацелен на формирование эффективной правовой среды в целом и выстраивание прозрачных правоотношений.

Во Франции рассматриваемый институт реализуется Парламентом, Правительством и Счетной палатой [7]. Документы, сообщающие о результатах оценки регулирующего воздействия, прилагаются к законопроектам, как только они направляются в Государственный совет. Указанные нормы были реализованы в стране, начиная с 2013 года, что сблизило правовую систему Франции с нормами Европейского Союза. При этом стоит отметить, что во Франции не все нормативные правовые акты подлежат оценке регулирующего воздействия. Эти нормы не применяются в отношении проектов конституционного пересмотра и финансовых законов (например, о государственном бюджете и о финансировании социального обеспечения).

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить об обязательности включения в признаки нормативных правовых актов их регулирующего воздействия, которое должно оцениваться как в перспективе, так и ретроспективе.

Методы оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов в России и за рубежом

Определение регулирующего воздействия нормативных правовых актов производится посредством оценивания, порядок которого, в свою очередь, устанавливается на уровне правительства государств. В Российской Федерации порядок такой

оценки устанавливается на федеральном уровне, отдельных регионов и муниципальных образований и проводится в отношении каждого законода-

тельного акта. Нормативная база ОРВ, на которой строится оценивание, представлена нормативными правовыми актами, приведенными на рисунке 1.

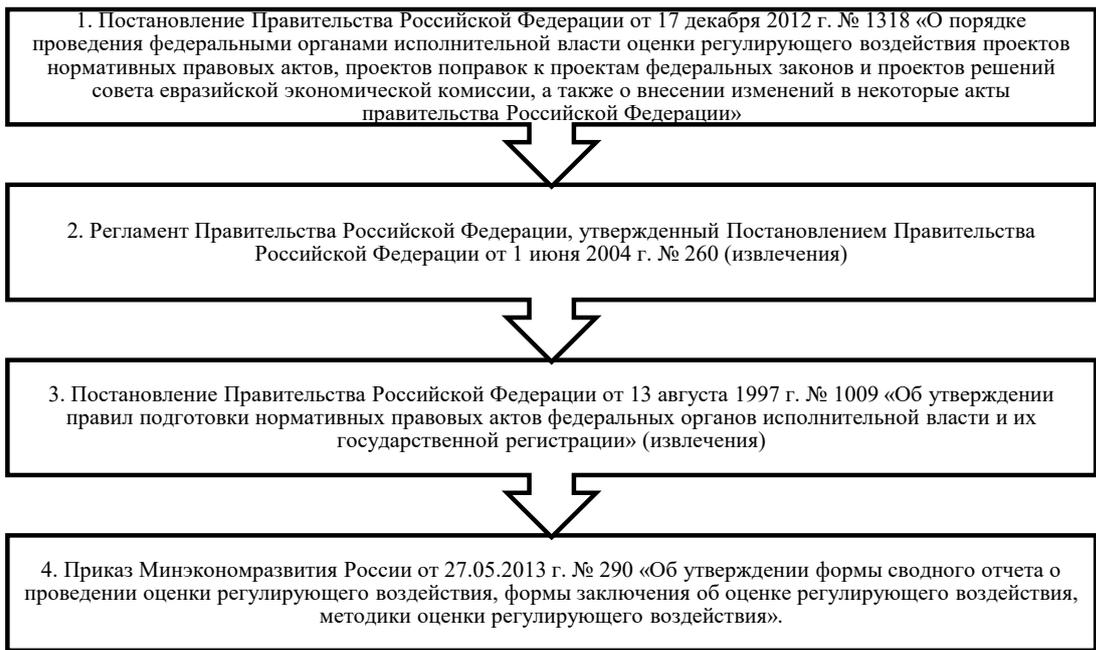

Рис. 1. Нормативная база ОРВ, на которой строится оценивание

Источник: составлено автором

Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 г. № 131 определено, что ОРВ проектов законодательства проводится федеральными органами исполнительной власти в части постановлений Правительства РФ,

указов Президента РФ, федеральных законов, поправок Правительства РФ к законопроектам, проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии, регулирующих отношения, состав которых представлен на рисунке 2.

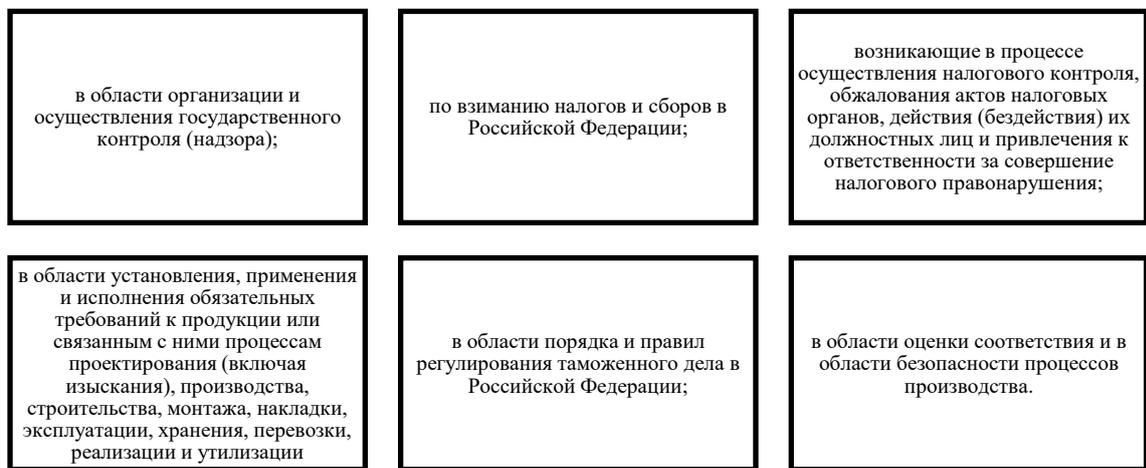

Рис. 2. Состав направлений оценки проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии

Источник: составлено автором

Стоит отметить, что одним из основных элементов процедуры проведения ОРВ являются публичные консультации, осуществляемые сторонами, максимально заинтересованными в реализации конкретных проектов. В ходе проведения данных консультации проявляется возможность определения позиции всех заинтересованных в проекте сторон. Одновременно достигается обеспечение максимальной прозрачности процесса рассмотрения проекта, свободы заявлений и возможности учета всех позиций.

Площадкой для проведения публичных консультаций в ходе ОРВ, как правило, является сайт, на котором производится размещение информации о каждом вновь продвигаемом органами власти проектах нормативных правовых актов и результатов их обсуждения regulation.gov.ru (далее – единый портал)[8]. На том же портале публикуются тексты проектов актов, призывающие пользователей сети к публичному их обсуждению. На том же портале проводится экспертный анализ отзывов по публикуемым и принятым текстам проектов.

Например, в области экологии каждый регион использует собственный алгоритм оценивания. Так Проект приказа Министерства охраны природы Республики Саха (Якутия) «О внесении изменений в Административный регламент исполнения Министерством охраны природы Республики Саха (Якутия) государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора в области охраны и использования объектов животного мира и среды их обитания на территории Республики Саха» подлежал оценке регулирующего воздействия, о чем было опубликовано уведомление, в котором определены сроки и ответственные за проведение данного процесса. ОРВ в любой сфере, включая экологию, проводится в зависимости от степени воздействия положений законов, отражаемых в новом проекте акта, в срок от 15 до 60 календарных дней.

Еще одним нормативным актом, регламентирующим порядок и процесс проведения ОРВ является Регламент участия Российского союза промышленников (РСПП) в оценке регулирующего воздействия проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии. Данный регламент предусматривает состав рабочих органов РСПП, порядок процесса рассмотрения проектов, систематизирует типичные замечания и предложения в проектах, а также порядок и форму заключения, даваемого РСПП.

Законодательная база, регламентирующая ОРВ в России постоянно совершенствуется. Примером является «Белая книга регуляторной политики», составляемая Минэкономразвития России, в которой представляются итоги становления института. В данном издании подчеркивается роль публичных консультаций в ходе проведения оценки, осуществляемых с привлечением сторонних экспертов не входящих в состав Правительства или иной структуры, ставшей инициатором того или иного законопроекта.

Стоит также отметить, что в настоящее время ОРВ проводится на уровне фактически всех регионов Российской Федерации и заслуживает высокой оценки, поскольку позволяет экономить бюджетные средства, не допуская «разгула» коррупции. Так, например, ОРВ экологического законодательства в Республике Саха (Якутия) за период 2018–2020 гг. позволило сэкономить не менее 20 млрд бюджетных средств.

В Тюменской области ОРВ позволило не допустить принятие норм, ведущих к увеличению финансовой нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности в 2020 году на сумму не менее 300 млн руб. и расходов бюджета области в размере порядка 100 млн руб. Имеют место и другие примеры, однако больший интерес в этом отношении представляет зарубежный опыт.

Так, приоритеты Европейского Союза в части ОРВ представлены вполне ясно и понятно. В тоже время ОРВ в странах Европы не лишена прагматической направленности, то есть в целом, имеет экономический вектор. Не определяются и послед-

ствия, среди которых ограничение культурных прав граждан.

Так, в 2002 г. на «круглом столе», профессор Л. Мадер провозгласил, что оценка законов должна проводиться с использованием трех критериев: действенности, эффективности и целесообразности[9]. Описание данных критериев приведено в таблице 1.

Таблица 1. Критерии ОРВ нормативных правовых актов, используемые в странах Европейского Союза

Критерий	Описание	Субъекты оценивания
действенность	степень соответствия наблюдаемых взглядов и поведения целевой группы населения	индивидуумы, предприятия, отвечающие за применение законодательства
эффективность	классический вариант понимания, зависящий от степени «достижения законом поставленной цели»	политические власти, законодатели
целесообразность	соотношение между «затратами» и «выгодами» от законодательных действий	индивидуумы, предприятия, отвечающие за применение законодательства

Источник: составлено автором

Использование данных критериев позволяет объективно оценить силу регулирующего воздействия изданных нормативных правовых актов. При этом, применяются разные методы оценивания указанных параметров, строящиеся на социологических исследованиях, экономических расчетах, сложных экспертных наблюдениях. В результате появляется возможность оценить целесообразность использования каждого конкретного нормативного правового акта, а также перспективы его дальнейшей проработки. В целом, опыт Европейских стран может быть перенят и в России. Однако сложность российского законодательства зачастую не позволяет определять набор объективных критериев, дающих точную характеристику тому или иному параметру. Особенно, это осложняется в системе отраслевого законодательства, включая акты в экологической сфере. В последние годы наблюдается активная работа по совершенствованию законодательства в данной направленности, что требует проработки вариантов оценки его регулирующего воздействия.

Нормативные правовые акты в области экологии и охраны окружающей среды: сравнительно-правовой анализ

Основной задачей в области экологии является обеспечение безопасности потенциально опасных видов промышленности, реабилитация акваторий и территорий, пострадавших в ходе техногенного воздействия на среду. Важнейшим документом в области государственного управления природопользованием

и охраны окружающей среды является Конституция Российской Федерации, в соответствии с которой каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, информацию о ее реальном состоянии и возмещение ущерба, причиненного здоровью либо имуществу каким-либо экологическим правонарушением (ст. 42).

Вторым документом, регламентирующим политику государства в экологической сфере, являются «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Данный документ содержит основные направления обеспечения экологической безопасности страны, ликвидацию последствий вреда, причиненного окружающей среде, недопущение деградации почв земель, сохранение биологического разнообразия в России, экосистемы суши и моря. Этот же документ содержит отдельные социально-экономические механизмы, направленные на охрану окружающей среды.

В Стратегии уделено внимание развитию экологического образования и просвещения населения, повышению квалификации кадров в системе обеспечения экологической безопасности страны, а также совершенствованию законодательства в сфере природопользования.

Актом, нацеленным на обеспечение экологической безопасности в Российской Федерации, выступает Закон «Об охране окружающей природной среды». В данном законе приводится полный перечень прав граждан, экологических и иных общественных движений, которые в том или ином контексте реализуют экологические функции. Предусмотрен порядок требований в области экологии от соответствующих органов власти в части предоставления достоверной информации по окружающей среде и мерах по ее охране.

Закон «Об охране атмосферного воздуха» определяет общие положения в области охраны воздуха, формирует аспекты управления, учета вредного воздействия на воздух, контроля охраны, обеспечения прав граждан в сфере экологии. К тому же данный нормативный акт предусматривает ответственность за загрязнение природы, содержит направления международного сотрудничества в области экологии.

Экологии посвящены и другие законодательные акты. Это Федеральный закон от 24 июня 1998 г. №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», Закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Водный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Лесной кодекс РФ и другие.

Безусловно, важнейшую роль в обеспечении чистой окружающей среды и снижении негативного воздействия на нее играют меры ответственности за нарушение норм указанного законодательства. К экологическим преступлениям относят достаточно большой ряд преступных деяний, квалифицируемых по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Основная цель актов в сфере экологии – усиление защиты окружающей среды от антропогенного

воздействия внешних факторов с целью обеспечения безопасности жизнедеятельности людей, использование и охрана ресурсов. В каждом российском регионе на современном этапе реализуется проект «Экология», входящий в цели социально-экономического развития и программ регионов, формируя при этом новую систему управления в данной области.

Стоит отметить, что экологическое законодательство в России активно стало развиваться в 2021 году. Это связано с принятыми поправками в Конституцию Российской Федерации, где в статье 114 определено, что должны быть обеспечены благоприятные в экологическом плане условия для проживания населения, способствуя при этом развитию экологической культуры среди граждан страны. К тому же, Конституция РФ обязывает Правительство РФ определять политику сохранения уникального природного и биологического многообразия, ограничение выбросов парниковых газов.

В результате в России появилось, так называемое углеродное регулирование, нацеленное на сокращение объемов выбросов парниковых газов, исполнения Россией международных климатических соглашений, определение условий для снижения карбонового следа в производимой продукции, учет выбросов предприятиями.

Фактически «с нуля», в России в 2021 году сформировано законодательство, защищающее животных, устанавливающее ответственность за жестокое обращение с ними, незаконный отлов, омертвление.

Также проводится большая законодательная работа по обеспечению доступности экологической информации для населения страны, предусматривающая свободный доступ к данным по качеству питьевой воды, вредных выбросах и уровне радиационного фона на конкретных территориях и другим сведениям.

Издан закон повышающий ответственность компаний, занимающихся нефтедобычей. Данный закон нацелен на защиту России от 10 000 нефтеразливов в год и защиту особо охраняемых природных территорий.

Экологическая политика в области природоохранного законодательства зарубежных стран имеет несколько отличный от России характер. Так, например, в США и странах Европейского Союза, система регулирования строится на разработке нормативов и квот по выбросам разного рода вредных веществ в атмосферу, почву и сточные воды. Для этого разработаны положения эколого-экономического регулирования Environmental Impact Assessment (EIA), где основной акцент сделан на экономическом регулировании антропогенного воздействия на природу [10].

Подобная политика доказала свою эффективность, поскольку именно экономические меры обладают большей возможностью и выступают рычагом управления и контроля.

По нашему мнению, в России природоохранное законодательство в большей степени строит-

ся на административном принуждении и методах прямого контроля, что, в целом, дает результаты, однако несравнимо меньшие, чем методы экономического стимулирования.

Проведенное исследование доказывает важность оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов. Проведенный анализ позволил сформулировать собственный подход к понятию «нормативный правовой акт», который определен, как универсальное средство регулирования, определяющее единые правила поведения для разных участников разных правовых систем, позволяя им обеспечивать стабильность достижения поставленных результатов своего поведения и давая оценку поведения государством.

Значимость института оценки регулирующего воздействия доказана использованием его в системе зарубежного законодательства. Поскольку Германия и Франция имеют схожие с российской правовые системы, в статье приведены особенности регулирующего воздействия именно в этих странах. Проведенный анализ позволил сделать вывод об обязательности включения в признаки нормативного правового акта их регулирующего воздействия, которое должно оцениваться как в перспективе, так и ретроспективе. Именно регулирующее воздействие позволяет реализовать цели, поставленные перед каждым нормативным правовым актом и доказывает их значимость в правовой системе каждого государства.

Анализ законодательства в сфере экологии и охраны окружающей среды показал, что их основная цель – усиление защиты окружающей среды от антропогенного воздействия внешних факторов с целью обеспечения безопасности жизнедеятельности людей, использование и охрана ресурсов. В каждом российском регионе на современном этапе реализуется проект «Экология», входящий в цели социально-экономического развития и программ регионов, формируя при этом новую систему управления в данной направленности.

Определено, что в России природоохранное законодательство в большей степени строится на административном принуждении и методах прямого контроля, что, в целом, дает результаты, однако несравнимо меньшие, чем методы экономического стимулирования.

Литература

1. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел по заявлениям прокуроров о признании правовых актов противоречащими закону: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 1993 г. № 5.
2. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48.
3. Эффективность норм административно-делiktного права: монография / О.С. Рогачева; Воронежский государственный университет. –

Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011–356 с.

4. Мамай, Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011
5. Авдеев, Д.А. Охрана, защита, обеспечение прав и свобод человека и гражданина // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития. Воронеж, 2004. Ч. 1
6. Капогузов, Е.А. Немецкий опыт модернизации государственного управления: уроки для России // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-opyt-modernizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-uroki-dlya-rossii>.
7. Иванов, К.К. Особенности законодательного процесса в зарубежных странах (на примере Франции) / К.К. Иванов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2012. – № 3 (38). – С. 291–294. – URL: <https://moluch.ru/archive/38/4353/>. <https://regulation.gov.ru/>
8. <https://regulation.gov.ru/>
9. Мадер Л. Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов / Оценка законов и эффективности их принятия. Материалы Международного семинара 16–17.12.2002 М.: Издание Государственной Думы, 2003. 152 с
10. Стаценко, О.В. Зарубежный опыт экологического нормирования на примере западноевропейских стран и США // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 6–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ekologicheskogo-normirovaniya-na-primere-zapadnoevropeyskih-stran-i-ssha>.

ASSESSMENT OF THE REGULATORY AND ACTUAL IMPACT OF REGULATORY LEGAL ACTS: INTERNATIONAL EXPERIENCE AND PROSPECTS IN RUSSIA

Orekhova N.L.

North-West Institute of Management branch of RANEPА

The article presents the difficulties in the system of regulatory and legal regulation of environmental protection measures, which necessitates the search for their solutions. It is revealed that in Russia and in developed countries, law-making in the field of ecology faces a number of problems and inconsistencies of international organizations. At the same time, the system is being improved, new regulations are being developed to help eliminate existing conflicts. In general, the article aims to study the system of normative legal acts and consider the experience of the possibility of improving and prospects for the development of legislation in this direction. For this purpose, the concept and terminology of the regulatory impact of regulatory legal acts were studied, methods for assessing the regulatory impact of regulatory legal acts in Russia and abroad were analyzed, regulatory legal acts in ecology and environmental protection were studied. In conclusion, it is concluded that there is a discrepancy between the regulatory and actual impact of acts in the field of ecology, which entails problems related to atmospheric and soil pollution, climatic disturbances and other cataclysms that negatively affect the quality of life of the country's population.

Keywords: regulatory legal act, regulatory impact, actual, ecology, environmental legislation, foreign experience

References

1. On some issues arising in the consideration of cases on prosecutors' applications for recognizing legal acts as contrary to the law: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 27, 1993 No. 5.
2. On the practice of consideration by courts of cases on challenging normative legal acts in whole or in part: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2007 No. 48.
3. The effectiveness of the norms of administrative and tort law: monograph / O.S. Rogacheva; Voronezh State University. – Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2011–356 p.
4. Mamai, E.A. Efficiency of law enforcement procedures (theory, practice, technique): dis. ... cand. legal Sciences. N. Novgorod, 2011
5. Avdeev, D.A. Protection, protection, ensuring the rights and freedoms of man and citizen // Russian legal state: results of formation and development prospects. Voronezh, 2004. Part 1
6. Kapoguzov, E.A. German Experience in Public Administration Modernization: Lessons for Russia // Vestnik NGU. Series: Social and economic sciences. 2009. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemetskiy-opyt-modernizatsii-gosudarstvennogo-upravleniya-uroki-dlya-rossii>.
7. Ivanov, K.K. Features of the legislative process in foreign countries (on the example of France) / K.K. Ivanov. – Text: direct // Young scientist. – 2012. – No. 3 (38). – S. 291–294. – URL: <https://moluch.ru/archive/38/4353/>. <https://regulation.gov.ru/>
8. <https://regulation.gov.ru/>
9. Mader L. Evaluation of legislation – a contribution to improving the quality of laws / Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption. Proceedings of the International Seminar 16–17.12.2002 M.: Publication of the State Duma, 2003. 152 p.
10. Statsenko, O.V. Foreign experience of environmental regulation on the example of Western European countries and the USA // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 6–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-ekologicheskogo-normirovaniya-na-primere-zapadnoevropeyskih-stran-i-ssha>.

Актуальные вопросы методики преподавания уголовно-правовых дисциплин на юридическом факультете

Сташина Юлия Сергеевна,
преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: DrygoJUS@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна,
преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: Kuleshovgeorge2@gmail.com

Смагин Андрей Андреевич,
преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: SmaginAA@rgsu.net

Чинарян Елена Олеговна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры общей
юриспруденции, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: berendeevaev@mail.ru

Высшее учебное заведение это не только следование порядку обучения по утверждённой программе, но и множество шансов для развития студента: дополнительные дисциплины по выбору, гранты и стажировки. Именно в стенах университета начинается планирование карьеры юриста, изучающего уголовно-правовые дисциплины. Получение высшего юридического образования должно не только позволить студенту в будущем построить успешную высокооплачиваемую карьеру, но и привить определённые высококравственные, этические стандарты, которые также необходимы успешному юристу в работе. Задача университета, в том числе юридического факультета, заключается в преподавании студентам образовательного процесса по современной методике, которая должна базироваться на комплексном подходе с использованием интерактивных методов обучения, на основе существующего практического подхода к юриспруденции.

Ключевые слова: студент, юридический факультет, следователь, этика следователя, криминалистика, криминалистическая лаборатория, кабинет следователя, следственные действия, закон.

Актуальность в разработке методики преподавания уголовно-правовых норм рассматривается в научно-учебной литературе уже на протяжении длительного времени. Существует множество авторов, научных работников и действующих сотрудников органов государственной власти, участвующих в данных разработках, и в настоящее время актуальность данного вопроса не снизилась, а только возрастает. Динамика современной жизни, ее изменения очень высоки. Видоизменяются способы совершения преступлений, появляются новые их виды, в связи с чем законодатель вынужден реагировать на данные изменения путем криминализации уголовно-правовых отдельных норм. Вместе с тем возрастает роль профессиональной этики в работе сотрудников правоохранительных органов, что связано со сложными общественно-политическими процессами, происходящими в обществе и волнующими современных граждан. Сегодня сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с вызовами нового времени, требующие от них самой современной многосторонней профессиональной подготовки. В связи с этим методика преподавания по уголовно-правовым дисциплинам юридического факультета должна постоянно изменяться, «подстраиваться» под современные реалии жизни. Дипломированные выпускники юридического факультета приступят к выполнению своих должностных обязанностей в профильных ведомствах, таких, как МВД, рядах Следственного Комитета, адвокатуры и других служб, конечно, после проведения необходимой стажировки. Но и в период стажировки необходим определенный уровень познания в области уголовного права.

Уголовно-правовые дисциплины готовят будущих юристов к работе в правоохранительных органах государства (таких, как Следственный Комитет, Прокуратора, Суды и пр.), то есть должны давать знания и навыки, необходимые для расследования преступлений уголовного профиля, подготовки и представлению обвинений перед Судом.

Особенностью подготовки студентов по данному курсу является тесная связь теории с практикой. Закрепление теоретических знаний, полученных на лекционных занятиях, необходимо отрабатывать на практических занятиях, что должно стать неотъемлемой частью учебного процесса, для этого создаются специальные учебные пространства.

На базе юридического факультета РГСУ функционирует криминалистическая лаборатория, которая является специализированной учебно-методической аудиторией.

Криминалистика является важнейшей дисциплиной будущих юристов уголовно-правового профиля, поскольку формирует знания о расследовании преступной деятельности, а в частности, о конкретных методах раскрытия, способах работы с доказательной базой. Особенно важным является усвоение студентами методов и тактики проведения конкретных следственных действий, которые в будущем им необходимо будет применять в работе ежедневно.

Всякая наука как единое целое складывается из совокупности элементов, проникнутых внутренним единством и образующих ее систему. Для лучшего запоминания, усвоения необходимого материала и детального погружения в особенности науки, разрабатываются и изготавливаются информационно-наглядные пособия, плакаты, стенды по предмету на темы из различных областей права, используются компьютерные программы, позволяющие на моделях изучить тактику проведения отдельных следственных действий.

Лаборатория криминалистики на юридическом факультете высшего заведения даёт уникальная возможность так организовать учебный процесс, чтобы будущие специалисты сразу же во время обучения получали практические навыки по раскрытию преступлений на основе доказательной базы, обнаруженных следов совершенных преступлений, и все это на основе применения самых современных научно-технических средств. Оборудование, которое уже используется ведущими следователями и криминалистами в профильных ведомствах, будет более доступно студентам именно благодаря наличию такой специализированной лаборатории криминалистики.

Главными направлениями деятельности лаборатории, связанными с техническими, организационными, тактическими и методическими основами расследования преступлений, являются:

- выработка у выпускников прочных практических навыков работы со следами преступления: их обнаружением, фиксацией, изучением, предварительным исследованием, оценкой и использованием обнаруженных следов в расследовании, раскрытии преступлений;
- проведение следственных действий, выдвижение версий, составление планов расследования отдельных категорий преступлений, т.е. всего комплекса профессиональных познаний, которыми должен обладать молодой специалист и которые позволяют ему быстро включиться в технологический процесс, связанный с расследованием, раскрытием и предупреждением преступлений;
- организация занятий по овладению студентами навыками работы с новыми криминалистическими средствами, в том числе с информационно-поисковыми системами, программным комплексом по составлению фоторобота и с автоматизированными рабочими местами следователя;
- осуществление организационно-методической работы по изучению положительного опыта

правоохранительных органов, результаты которой будут использоваться выпускниками при написании дипломных работ [4].

Проведение практических занятий со студентами с использованием наглядных пособий, специального программного обеспечения, специализированного оборудования, повышает профессиональный уровень обучающихся и интерес студентов к данной дисциплине, влияет на качество образовательного процесса, а также дает возможность проведения заседаний студенческого научного кружка по криминалистике, открытых практических занятий и круглых столов со студентами на более высоком профессиональном уровне.

Важное значение в формировании будущих юристов имеет нравственно-психологическая подготовка студентов, необходимая для дальнейшей службы в органах государственной власти. Хотелось бы затронуть такую актуальную тему, как этика сотрудника правоохранительной деятельности. Данное направление заслуживает внимание: выпускники юридического факультета являются претендентами к поступлению на службу в правоохранительные органы (следственных, прокурорских, судебных и других служб), поэтому необходимо разъяснять и объяснять в стенах университета требования, которые будут применяться к ним с первых шагов на службе в выбранных государственных должностях. Согласно разработанной программе по дисциплинам: «Криминалистика», «Уголовное право», «Уголовный процесс», не предусматривает ознакомление студентов с основными этическими нормами, необходимых сотруднику правоохранительных органов для выстраивания правильной тактики при общении с подозреваемыми, свидетелями, потерпевшими, адвокатами и другими участниками уголовного судопроизводства.

Важной темой в работе следователя является профессиональная этика. Прежде всего, потому что следователь представляет государственную власть, имеет полномочия по применению различных мер государственного принуждения в пределах своей компетенции и УПК. От его решений и того, насколько он сможет сохранять независимую позицию при проведении предварительных следственных действий по расследованию уголовного дела зависят судьбы граждан. Поскольку расследование уголовных преступлений накладывает на следователя, с одной стороны, ответственность за исполнение профессиональных задач, раскрытия преступлений, необходимость тщательной и кропотливой уголовно-процессуальной работы, а с другой, сталкивает следователя с самыми различными жизненно-бытовыми обстоятельствами, гражданами различных характеров, судеб, и моральных устоев, то следователь вынужден применять в ежедневной работе наивысшие волевые, морально-нравственные и психологические качества. При этом следователь полномочен обширными властными полномочиями, вплоть до ограничения прав и свобод граждан, находящихся под следствием, даже если впоследствии будет доказана

невиновность причастных лиц. Поэтому общество ожидает от следователей не только неукоснительного соблюдения всех нормативно-правовых актов и Законов, но и высокого уровня профессиональной этики, нравственности. Учитывая сложность криминалистической, следственной работы представляется чрезвычайно необходимым для следователя обладать высокой моральной устойчивостью.

Только правильно выстроенная позиция следователя именно с учетом этики – это залог успеха проведения следственного действия. Обучение этическим нормам сближается с изучением курса психологии, но имеется тонкая грань в данных направлениях. На последнем курсе науке не обучают необходимому: как проводить отдельные следственные действия с учетом личности обвиняемого (свидетеля, потерпевшего). Вся профессиональная деятельность следователя протекает в общении с людьми, так или иначе причастными к преступлениям или испытывающими горе, стрессы в связи с преступлением, нередко в условиях противодействия установлению истины, борьбы противоположных интересов. Следователь связан жесткими сроками расследования и в настоящий период работает во многих случаях с высокими психофизиологическими нагрузками [5].

Методические рекомендации, изучаемые по предмету криминалистика, помогают следователю запланировать тактику проведения отдельных следственных действий, приемы и методы, позволяющие наиболее эффективно выполнять стоящие перед следователем задачи: быстро и полно раскрыть преступление, изобличить виновных.

Нравственные нормы следователя дают возможность оценить допустимость тех или иных приемов расследования с точки зрения морали. Следователь несет личную нравственную ответственность за выполнение предварительного следствия, своего профессионального долга. Он должен быть объективен, беспристрастен, справедлив, гуманен, бдителен.

Несомненно, необходимо уделить внимание процессу «профессиональной деформации» в деятельности сотрудника Органа Внутренних дел, Следственного Комитета. На всем протяжении службы в правоохранительных органах под влиянием условий, в которых ему приходится действовать, происходят определенные изменения во внутренней структуре его личности, ценностных ориентациях, установках поведения, представлениях о границах нравственно дозволенного. Низкие моральные устои, слабые знания в области юриспруденции, безразличное отношение к судьбам людей способствуют появлению «профессиональной деформации».

К числу значимых и наиболее распространенных проявлений профессиональной деформации относят: следователь руководствуется правильной целью, но забывает, что для достижения цели (раскрыть преступление) «не все средства хороши»; неверно понимает чувство долга и интересы

службы. Необходимо будущим юристам в стенах университета раскрывать эту тему, предупреждать о возможности «профессиональной деформации».

Практически на всех юридических факультетах университетов действуют криминалистические лаборатории, в которых **проводятся практические занятия**, связанные с техническими, организационными, тактическими и методическими основами расследования преступлений. Однако нигде не создан учебный класс «Кабинет следователя». С использованием кабинета следователя предполагается проведение занятий, имеющих практическую направленность: изучить на примере проведения отдельных следственных действий не только правильное оформление процессуальных документов, но и разъяснить, как следователь должен поступать в ходе их проведения в неординарных ситуациях. Например, в ходе проведения следственного действия: избрания образцов подписи и почерка участник (обвиняемый, потерпевший, свидетель) отказывается их выдавать, при этом в УПК РФ не предусмотрено, что должен сделать следователь, т.к. он вынес постановление об их избрании, в связи с чем обязан их избрать. В этом случае, необходимо разъяснить следователю, что он обязан соблюдать этические нормы: не имеет права повышать голос, принуждать к выдаче образцов и иным способом, повлиять на выдачу образцов недобровольным способом. Или в ходе допроса в качестве свидетеля (подозреваемого, обвиняемого) лицо отказывается давать показание в отношении другого лица, не являющегося родственником в соответствии со статьей 51 Конституции РФ [3]. Данный участник процесса злоупотребляет своими правами и обязанностями, но следователь не должен превышать в данном случае свои должностные обязанности, это необходимо «донести» студенту. Кроме того разъяснить студенту, как он должен себя вести при проведении следственных действий, когда участник провоцирует его, ведет себя аморально. Соотношение рекомендаций следственной тактики с правовыми и нравственными нормами – один из актуальных теоретических и практических вопросов. Тактические рекомендации и лежащие в их основе общие положения следственной тактики, теоретические концепции не могут находиться в противоречии с нормами права и требованиями морали. В данном учебном классе имеется возможность проведения тактических игр со студентами, в которых один является участником со стороны обвинения, другой – со стороны защиты. При применении технологии модерации активно формируется навык работы с нормативными материалами, апробируется приобретаемое в процессе обучения правовое логическое мышление, происходит закрепление пройденного теоретического материала по уголовным дисциплинам.

Данный учебный класс послужит кроме того площадкой для проведения открытых занятий, круглого стола, т.к. он будет оборудован необходимым для этого материалом.

Следует еще в стенах университета студенту объяснить, что неисполнением и/или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей, осуществлением профессиональной деятельности должно считаться: нарушение установленного УПК РФ порядка уголовного судопроизводства: нарушение, неразъяснение, необеспечение, закрепленных в законе прав и свобод личности; вынесение незаконного, необоснованного, немотивированного решения по уголовному делу; иное нарушение или несоблюдение норм УПК РФ и норм профессиональной этики [6]. Совершение любого из выше-названных проступков (при отсутствии в них признаков какого-либо состава преступления) влечет применение мер дисциплинарной ответственности и решение вопроса о несоответствии занимаемой должности, за исключением случаев, когда будет установлено, что данное нарушение имело место по независящим от соответствующего должностного лица причинам.

Профессиональная этика и морально-нравственные ожидания, которые общественность предъявляет к правоохранителям, действительно представляют собой важный элемент нормативно-правового регулирования работы следователей. Это можно заключить из того, что нарушения этического характера регулируются нормами уголовного кодекса, и квалифицируются как нарушение закона, поскольку представляют собой общественную опасность различной степени тяжести. Примерами такого регулирования могут быть следующие статьи:

- за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ);
- незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ);
- принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ);
- укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ);
- фальсификацию доказательств по уголовному делу (ч. 2, ч. 3 ст. 303 УК РФ) [7].

Поэтому так важно, чтобы следователи не только обладали специальными профессиональными знаниями и качествами, но и применяли профессиональную этику и обладали высокими нравственными качествами. За нарушения этических норм предусмотрено увольнение из органов внутренних дел по основанию: утрата чести и достоинства офицером, совершение поступков, противоречащих требованиям законодательства, предъявляемым к моральному облику сотрудника органов внутренних дел.

Согласно статье 13 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предъявляются требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел:

1. При осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен:

1) исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина

определяют содержание его профессиональной служебной деятельности;

2) заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти;

3) проявлять уважение, вежливость, тактичность по отношению к гражданам, в пределах служебных полномочий оказывать им содействие в реализации их прав и свобод;

4) соблюдать нейтральность, не оказывать предпочтение каким-либо политическим партиям, другим общественным объединениям, религиозным и иным организациям, профессиональным или социальным группам, гражданам;

5) не допускать публичные высказывания, суждения и оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении государственных органов, должностных лиц, политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, профессиональных или социальных групп, граждан, если это не входит в его служебные обязанности;

6) проявлять уважение к национальным обычаям и традициям, учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, не допускать действий, нарушающих межнациональное и межконфессиональное согласие;

7) выполнять служебные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне;

8) выполнять служебные обязанности в рамках компетенции федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, установленной законодательством Российской Федерации [8].

Иные требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел определяются в соответствии с законодательством Российской Федерации и могут содержаться в Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел, утверждаемом руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел [2].

Необходимо студентам юридического факультета проводить семинарские и практические занятия по данному направлению. Подготовка студентов уголовно-правовых дисциплин обязательно должна включать изучение норм профессиональной этики, а также такую специфику в работе служащих правоохранительных органов, как психологическая устойчивость. Эти направления особенно важны во взаимодействии с адвокатами, представителями Прокуратуры, судебно-медицинскими экспертами, и другими служащими государственных ведомств. На семинарских и практических занятиях особенно важно дать обучающимся обширную базу знаний и отработать практические навыки о том, как применять профессиональную этику

в будущей работе, на всех её этапах – от выстраивания служебно-деловых отношений с коллегами, участниками уголовно-правового процесса, до оценки любых фактов служебной деятельности. На сегодняшний день юридическая психология предоставляет такие методы, позволяющие находить не только юридически чистые, но и этически позитивные варианты решения ситуаций, и программа преподавания уголовно-правовых дисциплин на юридическом факультете обязательно должна осваивать такие методы.

Задачами университета, в том числе по уголовно-правовым дисциплинам, является создание многопрофильного высшего учебного учреждения, как единого научно-образовательного комплекса для подготовки специалистов, умеющих на практике применять современные технологии, реализовывать свои передовые идеи, не допускать проступков в своей служебной деятельности. Необходимой мерой для реализации этой задачи является внедрение новых, интерактивных методик преподавания, которые строятся на личностно-ориентированном подходе во взаимодействии преподавателя и обучающегося.

Таким образом, были обозначены актуальные вопросы в методике преподавания уголовно-правовых дисциплин на юридическом факультете. Анализ проблемы позволяет нам сделать вывод о том, что методику преподавания уголовно-правовых дисциплин необходимо строить на продуманном сочетании как классических методов преподавания, таких, как теория и лекционные материалы, работа на семинарах, так и новых методов. Образовательный процесс может и должен быть укреплен применением технических новшеств. Необходимо избегать и радикального неприятия инновационных методов обучения и чрезмерного применения только лишь технологических методов. Ключевым в методике преподавания уголовно-правовых дисциплин в рамках обучения в высшем учебном заведении по-прежнему остаётся личное общение преподавателя и студента, поскольку студентам необходимо в наилучшем виде освоить навыки аргументирования, последовательного и убедительного изложения своей позиции, анализа, и рассуждения [1]. Эти компетенции чрезвычайно необходимы всем будущим высококвалифицированным специалистам вообще, и в области современной юриспруденции, в частности.

Литература

1. Казакова В.А. Методика преподавания уголовно-правовых дисциплин // Юридическое образование и наука. 2012. № 4.С. 32–35.
2. Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.10.2022 г.).

3. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 21.10.2022 г.
4. Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко.М.: Контакт, Инфра-М.2010.С. 69.
5. Курышева Н.С. Этические основы в деятельности следователя органов внутренних дел // Бюллетень Уральского отделения международной ассоциации содействия правосудию (УрОМАСП). 2009. № 2. С. 54–55.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996.№ 25. Ст. 2954.
8. Федеральный закон от 30.11.2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

TOPICAL ISSUES OF TEACHING METHODS OF CRIMINAL LAW DISCIPLINES AT THE FACULTY OF LAW

Stashina Ju.S., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Smagin A.A., Chinaryan E.O.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RSSU College RSSU, ANO VO Moscow International University

A higher educational institution is not only following the order of study according to the approved program, but also many chances for student development: additional disciplines of choice, grants and internships. It is within the walls of the university that the planning of a career as a lawyer studying criminal law disciplines begins. Obtaining a higher legal education should not only allow the student to build a successful, highly paid career in the future, but also instill certain highly moral, ethical standards that are also necessary for a successful lawyer in his work. The task of the university, including the faculty of law, is to teach students the educational process according to modern methods, which should be based on an integrated approach using interactive teaching methods, based on the existing practical approach to jurisprudence.

Keywords: student, law faculty, investigator, investigator's ethics, criminalistics, forensic laboratory, investigator's office, investigative actions, law.

References

1. Kazakova V.A. Methods of teaching criminal law disciplines // Legal education and science. 2012. No. 4.S. 32–35.
2. Code of Ethics and Official Conduct of Federal Public Servants of the Investigative Committee of the Russian Federation (approved by the Investigative Committee of the Russian Federation on April 11, 2011) // Consultant Plus SPS (accessed on October 25, 2022).
3. The Constitution of the Russian Federation» (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access 10/21/2022).
4. Criminalistics: textbook / ed. E.P. Ishchenko.M.: Contact, Infra-M.2010.S. 69.

5. Kuryшева N.S. Ethical foundations in the activities of the investigator of the internal affairs bodies // Bulletin of the Ural Branch of the International Association for the Promotion of Justice (UrOMASP). 2009. No. 2. S. 54–55.
6. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on October 7, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 12/24/2001. No. 52 (part I). Art. 4921.
7. The Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on September 24, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. Art. 2954.
8. Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 (as amended on April 30, 2021) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended and supplemented, entry. In force from 01.09.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation. 12/05/2011. No. 49 (part 1). Art. 7020.

Механизм обязательного страхования работника на случай банкротства работодателя

Черных Наталья Анатольевна,

преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: ChernykhNA@rgsu.net

Краснослободцева Екатерина Анатольевна,

преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: KrasnoslobodtsevaEA@rgsu.net

Кулешов Георгий Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции,
АНО ВО «Московский международный университет»
E-mail: Kuleshovgeorge2@gmail.com

Чинарян Елена Олеговна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей
юриспруденции, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: berendeevaeo@mail.ru

Чижикова Вера Викторовна,

преподаватель, Колледж РГСУ, ФГБОУ ВО РГСУ
E-mail: ChizhikovaVV@rgsu.net

Соблюдение трудовых прав граждан, как и в целом развитая нормативно-правовая система в трудовых взаимоотношениях, предусматривающая любые сценарии, вплоть до банкротства одной из сторон, является залогом экономического процветания государства, юридической чистоты в его правовом поле и стабильности.

Проблема защиты трудовых прав сотрудников в случае банкротства компаний актуальна в современной России на протяжении последних 15 лет, а в 2022 г. вопрос получил новый виток развития в связи с закрытием предприятий в сложных экономических условиях постковидного и санкционного времени.

В статье анализируется проблема взаимоотношений работников и работодателей в случае банкротства последнего, а также урегулирование взаимных требований, возникающих в связи с этим. Авторы проанализировали действующее законодательство и выявил правовые лакуны в процессах банкротства предприятий, которые необходимо доработать. В частности, предлагается внедрить механизм обязательного страхования работающих граждан на случай утраты заработка вследствие банкротства работодателей.

Ключевые слова: банкротство, труд, работник, работодатель, гарантия, право на труд, защита.

Проблема защиты трудовых прав сотрудников в случае банкротства компаний актуальна в современной России на протяжении последних 15 лет, а в 2022 г. вопрос получил новый виток развития в связи с закрытием предприятий в сложных экономических условиях постковидного и санкционного времени. Поскольку данный вопрос представляет собой чрезвычайную важность, поскольку неожиданно может коснуться любого работающего в найме гражданина, проанализируем, в каком состоянии находится нормативно-правовое регулирование процесса увольнения сотрудников при закрытии, а в частности, при банкротстве предприятий.

На высоком уровне проблема соблюдения прав трудящихся при банкротстве работодателя была поднята в декабре 2008 г. Уполномоченным по правам человека в России, в специальном заявлении. На тот момент глобальная экономика испытывала серьезный экономическое потрясение, и многие предприятия объявляли себя банкротами. В связи с этим граждане столкнулись с массовым явлением ущемления их конституционных прав, оставшись без средств к существованию. Стало понятно, что федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не гарантируют право работников на безусловное получение вознаграждения за труд [5].

Интересно, что тогда же впервые прозвучала идея о необходимости отдельного законопроекта «О системе обязательного государственного гарантирования материальных прав работников», который должен был оперативно быть разработан органами законодательной власти.

Спустя время, когда Уполномоченный по правам представлял специальный доклад по итогам 2008 года «Закон сильнее власти» [4], он снова осветил проблему и указал на необходимость оперативного принятия законопроекта.

Период финансовой нестабильности экономического рынка, вызванный распространением новой коронавирусной инфекции, привел к тому, что многие организации (работодатели) вынуждены признавать свою финансовую несостоятельность и уходить в процедуру банкротства. Практика показывает, что самой незащищенной категорией при процедуре банкротства организации является работник.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на труд и право на справедливую оплату труда, однако реальный механизм защиты конституционных прав работников при банкротстве организации в российском законодательстве отсутствует.

В свою очередь гражданское законодательство создает определенное препятствие в реализации права каждого на оплату труда, прежде всего потому, что у юридического лица, которое находится в процессе ликвидации, не всегда имеется достаточно средств и имущества для реализации положенных работникам выплат.

В своей основе трудовое законодательство довольно развито в том направлении, для которого его изначально разрабатывали – это урегулирование интересов работников и работодателей. Однако, существуют правовые пробелы в том, как регулировать интересы и взаимоотношения сторон, когда эти взаимоотношения заканчиваются. Наибольшее количество нарушений трудового законодательства из года в год фиксируют именно в ситуациях, возникающих при увольнении работников. Очевидно, что ситуация усугубляется, когда прекращение взаимоотношений наступает не из-за ухода сотрудника, а из-за банкротства работодателя, поскольку регулировать здесь нужно отношения не двух сторон, а уже трёх – к паре работник-работодатель добавляется ещё одно заинтересованная сторона, а именно – кредиторы [3].

В случае ликвидации предприятия (или же прекращения деятельности, если речь идёт о такой организационно-правовой форме, как ИП), Трудовой кодекс (а именно п. 1, ч. 1, ст. 81) его сотрудники могут быть уволены [7]. Законодателем предусмотрена защита работников в случае такой ликвидации, даже предусмотрен конкретные инструменты, а именно, выплата заработной платы. На практике нормативное регулирование сталкивается с большими трудностями в реализации этого пункта, связанными с нехваткой средств у ликвидируемого юридического лица. Очевидно, что если бы работодатель имел возможность выполнять свои обязательства перед сотрудниками, поставщиками и по другим обязательствам, ситуация банкротства и не наступила бы. Обратимся к Закону о банкротстве и посмотрим, как он регулирует данный вопрос.

В соответствии со ст. 1 данного Закона устанавливаются основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулируется порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов [8].

Согласно положениям ст. 134 Закона о банкротстве требования работников по выплате заработной платы относятся к обязательствам второй очереди реестра требований кредиторов должника, она считается одной из привилегированных [1]. В первую очередь на выплаты могут рассчитывать кредиторы организации. Кроме того, вне порядка очередности компания-банкрот должна расплатиться по мероприятиям по недопущению каких-либо экологических и техногенных катастроф, если вдруг прекращение её хозяйственной

деятельности может повлечь таковые. Получается, что сначала ликвидируемое юридическое лицо должно рассчитывать с другими долгами и обязательствами, и только потом переходит к прочим требованиям, в том числе, заработным платам. Даже такой близкий по очередности приоритет работников, закреплённый в Законе, на практике не гарантирует, что выплаты им заработных плат будут осуществлены. Фактически работники сталкиваются с тем, что у ликвидируемого предприятия не хватает средств и имущества для покрытия расходов, связанных с банкротством.

Большой законодательный пробел мы видим в ч. 9 ст. 142 Закона о банкротстве, которая прямо говорит о том, что если некие требования кредиторов, которые были предъявлены юридическому лицу, не были оплачены в связи с нехваткой средств и/или имущества, то такие требования считаются погашенными [8]. Получается, что Закон прямо объявляет не выплаченные долги выплаченными. Данное положение Закона может давать основания для не добросовестной экономической деятельности недобросовестных юридических лиц. Эта тема требует отдельного рассмотрения, мы же в данной статье сфокусируем внимания на конкретно трудовых правах работников, а именно, проблему положенных им выплат.

Важно в этой связи рассмотреть Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», которое даёт право работникам вне зависимости от наличия или отсутствия вины работодателя приостановить свою трудовую деятельность, если работодатель задерживает свои обязательства по выплате заработной платы более чем на 15 дней [6]. Важно, чтобы работник со своей стороны соблюдал юридическую чистоту вопроса и письменно уведомил работодателя о том, что не получает заработную плату и намерен приостановить профессиональную деятельность. Дополнительно работник может опираться на нормативно правовые гарантии в ч. 3 ст. 4 Трудового кодекса [7], то есть не возобновлять рабочую деятельность, пока работодатель не закроет задолженность перед ним и не выплатит полную причитающуюся работнику сумму, которая была задержана.

Ситуация, когда у ликвидируемого предприятия из-за нехватки средств или имущества нет возможности удовлетворить требования сотрудников о заработной плате, но при этом работники вынуждены были продолжать профессиональную деятельность, может быть трактована как принуждение граждан к труду, что является нарушением конституционных прав граждан и запрещено законом [2].

Рассмотрим, какие нормативные инструменты защиты своих трудовых прав в случае банкротства работодателя существуют в РФ. Чаще всего работники осведомлены о праве защиты своих прав в судебном порядке. Однако, помимо этого трудящиеся могут подготовить обращение к арби-

тражному управляющему и Комиссию по трудовым вопросам. Порядок обращений в данные инстанции установлен и регулируется соответствующими нормативно-правовыми актами.

В соответствии со ст. 389 ТК РФ решение комиссии по трудовым спорам подлежит исполнению в течение трех дней по истечении десяти дней, предусмотренных на обжалование [7].

В случае неисполнения юридическим лицом, являющимся работодателем, решения комиссии по трудовым спорам в отношении него добровольно, гражданин, чьи трудовые права были нарушены, может на законном основании обратиться к судебным приставам поскольку удостоверение о нарушении трудовых прав, полученное от Комиссии, является само по себе исполнительным документом. В данной ситуации законодатель полностью на стороне гражданина, в связи с чем предусмотрена такая процедура, позволяющая избежать повторного рассмотрения его ситуации уже в Суде.

И все же анализ ситуации нарушения трудовых прав при банкротстве юридического лица показывает, что все имеющиеся у граждан нормативно-правовые инструменты упираются в тот факт, что работодатель просто не имеет экономической возможности расплатиться по обязательствам и требованиям, даже оформленным в виде исполнительного документа. Как раз для таких ситуаций была предложена организация обязательного социального страхования и специального фонда в рамках этой программы. Такой фонд мог бы удовлетворить конституционные права граждан даже после банкротства работодателя, таким образом, с одной стороны, поддержав самих граждан в непростой жизненной ситуации, со второй стороны, смог бы оказать поддержку другим предпринимателям, показывая, что в случае каких-либо экономических потрясений их работники найдут поддержку со стороны государства, и, с третьей стороны, лучшее нормативно-правовое регулирование в государстве всегда положительно сказывается на кредитных рейтингах и стимулирует кредитование и экономическое сотрудничество между бизнесом и финансовыми организациями.

Таким образом, проанализировав проблему защиты трудовых прав граждан в случаях, когда работодатель вынужден объявить о своей финансово-экономической несостоятельности, мы пришли к выводу, что в такой сложной и в целом не редкой ситуации, как ликвидация юридического лица, у граждан РФ не гарантированы даже такие базовые трудовые права, как право на получение заработной платы за свой труд. Поэтому представляется целесообразным предусмотреть систему гарантий и компенсаций, которая минимизировала бы негативные последствия для работников. Такой гарантией прежде всего может стать приоритетность выплат именно работникам в случае банкротства работодателя при участии профсоюзных органов в защите интересов работников в процедуре банкротства.

Соблюдение трудовых прав граждан, как и в целом развитая нормативно-правовая система в трудовых взаимоотношениях, предусматривающая любые сценарии, вплоть до банкротства одной из сторон, является залогом экономического процветания государства, юридической чистоты в его правовом поле и стабильности.

Литература

1. Беседина О.С. Некоторые вопросы реализации трудовых прав работников в свете недавних изменений Закона о банкротстве // Право и экономика. 2017. № 8. С. 63–70.
2. Волкова В.С. Защита прав лиц, работающих по трудовым договорам, в условиях банкротства организации // СПС «КонсультантПлюс».
3. Дебалуко, А.Р. Защита трудовых прав работников в случае банкротства их работодателей // Молодой ученый. 2020. № 3 (293). С. 167–169.
4. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год (Москва, 17 февраля 2009 г.) «Закон сильнее власти» // Российская газета. 2009. 17 апр.
5. Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 24 декабря 2008 г. // Российская газета. 2008. 24 дек.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. № 2 (ред. от 24.11.2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2006. 31 дек.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. N1 (ч. 1). Ст. 3.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 03.02.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. N43. Ст. 4190.

PROTECTION OF LABOR RIGHTS OF EMPLOYEES IN CASE OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY) OF THEIR EMPLOYER

Chernykh N.A., Krasnoslobodtseva E.A., Kuleshov G.N., Chinaryan E.O., Chizhikova V.V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education RSSU College RSSU, ANO VO Moscow International University

Observance of the labor rights of citizens, as well as a generally developed regulatory and legal system in labor relations, which provides for any scenarios, up to the bankruptcy of one of the parties, is the key to the economic prosperity of the state, legal purity in its legal field and stability.

The problem of protecting the labor rights of employees in the event of bankruptcy of companies has been relevant in modern Russia for the past 15 years, and in 2022 the issue received a new round of development due to the closure of enterprises in the difficult economic conditions of the post-COVID and sanctions period.

The article analyzes the problem of relations between employees and employers in the event of the latter's bankruptcy, as well as the settlement of mutual claims arising in connection with this. The authors analyzed the current legislation and identified legal gaps in the processes of bankruptcy of enterprises that need to be improved. In

particular, it is proposed to introduce a mechanism of compulsory insurance of working citizens in case of loss of earnings due to the bankruptcy of employers.

Keywords: bankruptcy, labor, employee, employer, guarantee, right to work, protection.

References

1. Besedina O.S. Some issues of the implementation of labor rights of employees in the light of recent changes in the Bankruptcy Law // Law and Economics. 2017. No. 8. S. 63–70.
2. Volkova V.S. Protection of the rights of persons working under labor contracts in the conditions of bankruptcy of the organization // SPS “Consultant Plus”.
3. Debalyuk, A.R. Protection of labor rights of workers in case of bankruptcy of their employers // Young scientist. 2020. No. 3 (293). pp. 167–169.
4. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2008 (Moscow, February 17, 2009) “The law is stronger than the authorities” // Rossiyskaya Gazeta. 2009. 17 Apr.
5. Statement of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation of December 24, 2008 // Rossiyskaya Gazeta. 2008. 24 Dec.
6. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 17, 2004 No. 2 (as amended on November 24, 2015) “On the application by the courts of the Russian Federation of the Labor Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2006. Dec 31
7. Labor Code of the Russian Federation “dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on November 4, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. January 7, 2002. N1 (part 1). Art. 3.
8. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on December 30, 2021, as amended on February 3, 2022) “On Insolvency (Bankruptcy)” (as amended and supplemented, effective from 03/01/2022) // Collection of legislation of the Russian Federation. October 28, 2002. N43. Art. 4190.

Организационно-правовые основы деятельности сельской полиции в Российской империи в XVIII – первой половине XIX в.

Голованова Екатерина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: alex_13-93@mail.ru

Ермаков Евгений Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры, Московский
университет МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: ermakoff69@bk.ru

Шингарева Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: shingareva@list.ru

Статья посвящена созданию и развитию сельской полиции Российской империи в XVIII – первой половине XIX в. Учрежденные в ходе губернской реформы 1775 г. нижние земские суды являлись внесловными административными полицейскими органами, которые следили не только за исполнением законов и соблюдением общественного порядка, но и выполняли ряд хозяйственных задач. Нижние земские суды являлись коллегиальными органами, контролируемые дворянством. Создание регулярной сельской полиции было необходимым и логичным шагом в рамках общей полицейской реформы, проведенной при Екатерине II. Очевидная слабость сельской полиции вынудила правительство внести изменения в законодательство о ее правовом статусе. Положение о земской полиции 1837 г. более точно определяло функции сельской полиции и ее должностных лиц, порядок взаимодействия с другими учреждениями. Несмотря на уточнение организационно-правового статуса земской полиции, объем ее функций остался неизменным. Также в статье поднимается проблема взаимодействия сельской и городской полиции, проанализированы действия властей по повышению эффективности их взаимодействия в первой половине XIX в.

Ключевые слова: полиция, городская полиция, сельская полиция, уездная полиция, нижний земский суд, капитан-исправник, становой пристав, земские заседатели, Управа благочиния, Министерство внутренних дел.

Размеры территории Российского государства всегда оказывали влияние на организацию и функционирование государственного аппарата, и, в частности, на деятельность органов внутренних дел. Так, одной из насущных проблем для органов внутренних дел является обеспечение законности и правопорядка в сельской местности. Реализация задач, поставленных перед органами полиции в сельской местности, затрудняется в силу недостаточности их кадрового состава, географической отдаленности ряда населенных пунктов и т.д. Подобная ситуация уже имела место в истории органов российской полиции. Первой организационной формой полиции была городская полиция. В 1718 г. в Санкт-Петербурге была учреждена должность генерал-полицмейстера, вслед за этим, в 1722 г., была учреждена Московская полицмейстерская канцелярия во главе с обер-полицмейстером [5]. При Анне Иоанновне в 1732 г. был издан указ о создании полицейских органов в Кронштадте, а в 1733 г. полиция была введена в 23 городах Российской империи [7]. В провинции полицейские органы были созданы не сразу, что можно объяснить наличием иных социальных регуляторов, которые обеспечивали поддержание правопорядка в сельской местности. В первую очередь, таким регулятором являлась крестьянская община, которая «имела многовековой опыт объединения усилий деревенских жителей в решении жизненно важных повседневных вопросов: землепользования, распределения повинностей, взаимопомощи, благоустройства, а также обеспечения общественного порядка и безопасности» [2, с. 174]. Во-вторых, основная масса сельских жителей являлась крепостными крестьянами, в отношении которых действовало право помещика осуществлять административно-судебную и полицейскую власть над своими крепостными. В-третьих, существенный вклад в обеспечение «благочиния» в государстве вносила Русская православная церковь, которая в ежедневных проповедях внушала пастве необходимость подчинения властям и осуждала любые антигосударственные высказывания и действия.

События крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева со всей очевидностью показали властям необходимость получать достоверную информацию о происходящих событиях в российских губерниях, усилить контроль за действиями местной администрации и укрепить полицейский контроль за населением. 19 декабря 1774 г. была издана «Инструкция, данная сотскому со товарищи», составленная непосредственно Екатериной II [8]. Инструкция предписывала создать для выполнения полицейских обязанностей в деревнях

и селах должности сотских и десятских. На основании этой инструкции сотские получали широкие полицейские полномочия: «смотреть все злодейския к воровству начинания...», «наблюдать за ... шатающимися без паспортов и без письменных покормежных...» и т.д. Кроме того, Инструкция предписывала «всем...жителям...объявить, дабы они тебе, соцкому...препятствия никакого не чинили, но всякое вспоможение делали...».

Губернская реформа 1775 г. привела к разукрупнению губерний, увеличению численности местного административного аппарата и созданию регулярной сельской полиции. Нижний земский суд, который создавался в каждом уезде, как раз и выступал в качестве специализированного полицейского органа, выполнявшего административно-полицейские и судебные функции. Он являлся выборным коллегиальным органом и фактически контролировался дворянством, поскольку его должностные лица – земский исправник (капитан-исправник), а также 2–3 земских заседателя – избирались уездными дворянскими собраниями из местных дворян с утверждением губернатором. В деревнях и селах избирались сотские и десятские, которые должны были «разведывать в селениях» воров, разбойников и беглых. На нижний земский суд были возложены функции: «иметь бдение, дабы в уезде были благочиние, добронравие и порядок»; «чтоб предписанное законами ... в уезде исполняемо и сохраняемо было»; «иметь право приводить в действие повеления правления, решения палат, верхних и уездных судов и чинить отказы» [9].

От земского исправника власть ожидала «непоколебимой верности и ревности к службе», «доброхотства и человеколюбия». Широкие полномочия, данные капитану-исправнику, не позволяли его деятельности быть особо эффективной. Существовала серьезная проблема перегруженности нижних земских судов многочисленными разнородными обязанностями, зачастую не имевшими отношения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Если с организационной точки зрения их можно считать продолжением некогда существовавших губных изб, то с функциональной – однозначно нет. Земские суды превратились в низовые учреждения центральных отраслевых органов управления, не имевших на уровне уезда подчиненных аппаратов.

Изданный в 1782 г. «Устав благочиния, или полицейский» регулировал правовой статус полицейских органов, их систему и основные направления деятельности. В городах создавался новый городской административно-полицейский орган – Управа благочиния. Однако осуществленные реорганизации не способствовали улучшению деятельности сельской полиции. Губернаторы частенько жаловались на «чрезвычайную запущенность земских судов». К тому же взаимоотношения городской (Управ благочиния) и сельской полиции (нижних земских судов) оставались не отрегулированными. И те и другие опасались, что могут быть обвинены в превышении полномочий, если будут дей-

ствовать на неподведомственной им территории. В материалах Комитета Министров содержится пример: «полиция действовала так при преследовании разбойников, что Комитету приходилось внушать ей, чтобы при преследовании разбойников и воров полиция не останавливалась границами уезда своей губернии; ...» [6].

Попытка объединить действия двух полиций была предпринята на основании указа от 30 ноября 1800 г., который передал городскую полицию в ведение гражданского губернатора [10]. Созданное в 1802 г. Министерство внутренних дел включало в себя Вторую экспедицию (Экспедиция спокойствия и благочиния), структурно состоявшую из двух столов: один стол руководил сельской полицией, другой стол – городской полицией.

Важной вехой в процессе развития взаимоотношений между городской и сельской полицией был указ от 1 декабря 1806 г. «О соединении московской градской полиции с земскою». На основании указа Московский уезд был разделен на шесть «станов», прилегающих к городу. В каждом стане был становой пристав из московских квартальных надзирателей, подчинявшийся земскому исправнику. Московская полиция получила право при преследовании преступников «продолжать до первого стана земской полиции, коего пристав обязан принимать деятельные меры и удовлетворять требования градской полиции, не ожидая Земского исправника» [11].

Объединение городской и сельской полиции в Санкт-Петербурге было проведено следующим образом: ближайшие поселения присоединялись в качестве квартала к соответствующей части Санкт-Петербурга и подчинялись частному приставу. В дальнейшем более отдаленные от Санкт-Петербурга населенные пункты также были включены в состав отдельного полицейского участка. Этот полицейский участок не зависел от земской полиции. От городской полиции его отличало то, что сюда назначался специальный заседатель (сохранено название должности члена земского суда), имевший в распоряжении конный разъезд и унтер-офицеров. Подчинялся он обер-полицмейстеру столицы [3, с. 55]. Но, в целом, по стране ситуация осталась без изменений. И разобщенность городской и сельской полиции отрицательно сказывалась на борьбе с преступностью.

Серьезным оставался и вопрос кадрового обеспечения сельской полиции. Недостатки существовавшей выборной системы проявились еще при Екатерине II. При Александре I они приобрели уже особую остроту. Дело в том, что дворянство всячески уклонялось от службы, а выбирались в нижние земские суды те, кто любой ценой хотел поправить свое материальное положение. Бытовало мнение, что «в земскую полицию порядочные люди не хотели поступать». Недаром Николай I обратился к дворянству, чтобы оно не уклонялось от службы в уездной полиции, избирало бы «людей, истинно достойных имени блюстителей общественного порядка» [4, с. 41]. Определенную роль сыграло то, что в некоторых губерниях дворянское сословие

было малочисленным или его вообще не было. Существовал ряд особенностей в организации уездной полиции в национальных регионах Российской империи. Руководители уездной полиции не избирались на дворянских собраниях, а назначались МВД, причем кандидат был не из числа местного дворянства и чиновников.

Многие считали, что «назначение исправников от короны станет действенной мерой укрепления низового звена полиции». При сенатском инспектировании Казанской губернии было отмечено, «что ни губернское правление, ни прокурор со стряпчими не хотели знать о беспорядках в полиции». Бывший министр полиции А.Д. Балашов, назначенный губернатором Орловской губернии, обнаружил там 16 185 неоконченных дел. «В г. Дмитровске Балашов не нашел земского суда, ибо судьи и заседатели, сказавшись больными, разъехались по деревням...» [1].

К 30-м г. XIX в. наиболее слабым звеном в системе полицейских органов продолжала оставаться сельская полиция. 3 июня 1837 г. было утверждено 5 законоположений, в частности, были предложены меры «для лучшего, сообразнейшего с умножившимся народонаселением устройства земской полиции» [6]. Положение о земской полиции 1837 г. более точно определяло функции сельской полиции и ее должностных лиц, порядок взаимодействия с другими учреждениями. Несмотря на уточнение организационно-правового статуса земской полиции, объем ее функций остался неизменным. Главной задачей полиции являлась «охрана общественного спокойствия и благочиния», наблюдение за политической благонадежностью населения и пресечение противоправительственных действий. Земский исправник и становой пристав продолжали оставаться низовыми исполнительными органами губернской администрации. Земский исправник руководил канцелярией уездного земского суда, которая делилась на два стола: судебный (борьба с преступностью и проведение следствия) и исполнительный (выполнение полицией предписаний губернских властей). Такой порядок сохранялся вплоть до отмены крепостного права.

Таким образом, на протяжении XVIII в. происходило организационно-правовое оформление органов полиции: была создана городская и сельская полиция, уточнялись их функции, компетенция, правовое положение. К концу XVIII в. серьезной проблемой явилось отсутствие централизованного управления полицейской системой, что было преодолено в 1802 г. в связи с созданием Министерства внутренних дел. Развитие сельской полиции в первой половине XIX в. и до начала реформ 60–70-х гг. характеризовалось совершенствованием ее организационной структуры и было направлено на создание механизма взаимодействия городской и сельской полиции.

Литература

1. Борисов А. Три века российской полиции. М., 2016.

2. История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции): хрестоматия / под ред. В.Л. Кубышко. М., 2018.
3. Министерство внутренних дел России: 1802–2002. Исторический очерк: в 2 т./ под общ.ред В.П. Сальникова. СПб., 2002. Т. I.
4. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
5. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собр.1. Т. V. № 3203; Т. VI. № 3883.
6. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. №№ 10303, 10304, 10305, 10306.
7. ПСЗ РИ. Собр.1. Т. VIII. № 6190; Т. IX. № 6378.
8. ПСЗ РИ. Собр.1. Т. XIX. № 14231.
9. ПСЗ РИ. Собр.1. Т. XX. № 14392.
10. ПСЗ РИ Собр.1. Т. XXVI. № 19671.
11. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIX. № 22379.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL BASES OF RURAL POLICE ACTIVITY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII – FIRST HALF OF THE XIX C.

Golovanova E.I., Ermakov E.G., Shingareva N.V.

Moscow University of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.Y. Kikot

The article is devoted to the creation and development of the rural police of the Russian Empire in the XVIII – first half of the XIX c. The lower zemstvo courts established during the provincial reform of 1775 were extra-judicial administrative police bodies that monitored not only the execution of laws and public order, but also performed a number of economic tasks. The lower Zemstvo courts were collegial bodies controlled by the nobility. The creation of a regular rural police was a necessary and logical step in the framework of the general police reform carried out under Catherine II. The apparent weakness of the rural police forced the Government to amend the legislation on its legal status. The Regulation on the Zemstvo police of 1837 more precisely defined the functions of the rural police and its officials, the order of interaction with other institutions. Despite the clarification of the organizational and legal status of the Zemstvo police, the scope of its functions remained unchanged. The article also raises the problem of interaction between rural and urban police, analyzes the actions of the authorities to improve the effectiveness of their interaction in the first half of the XIX c.

Keywords: police, city police, rural police, county police, nizhny zemsky court, police captain, bailiff, zemstvo assessors, deanery council, Ministry of internal affairs.

References

1. Borisov A. Three centuries of the Russian police. M., 2016.
2. The history of the Russian law enforcement system in documents: from ancient times to 1917. (to the 300-th anniversary of the Russian police): a textbook / edited by V.L. Kubysheko. M., 2018.
3. The Ministry of internal affairs of Russia: 1802–2002. Historical essay: in 2 t./ under the total.edited by V.P. Salmikov. SPb., 2002. T. I.
4. Police and militia of Russia: pages of history. M., 1995.
5. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZ RI). Sobr.1. Vol. V. № . 3203; Vol. VI. № . 3883.
6. PSZ RI. Sobr. 2. Vol. XII. №№ 10303, 10304, 10305, 10306.
7. PSZ RI. Sobr.1. Vol. VIII. № . 6190; Vol. IX. № . 6378.
8. PSZ RI. Sobr.1. Vol. XIX. № . 14231.
9. PSZ RI. Sobr.1. Vol. XX. № . 14392.
10. PSZ RI. Sobr.1. Vol. XXVI. № .19671.
11. PSZ RI. Sobr. 1. Vol. XXIX. № 22379.